

М

ISSN 2958-499X

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ

№ 1 (3)

Дмитрий Коломенский

Наум Сагаловский

Сергей Плотов

Вадим Седов

Александр Ланин

Ирина Озёрная

Алекс Тарн

Владимир Горбачёв

Григорий Каковкин

Таисия Фролова

Игорь Вайсман

Сергей Фоменко

Сергей Градусов

Елена Погорельская

Олег Лекманов

Роман Арбитман

Татьяна Вольтская

Юрий Санберг

Арсений Блинов

Николай Кононов

2023

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ

Журнал литературы и искусств русскоязычного мира

№ 1 (3)

Журнал ТТ (Тайные тропы)
ISSN 2958-499X

Живописный, графический образ
номера определили работы
Арсения Блинова

Учредитель и издатель

Барух-Александр Плохотенко

Дмитрий Коломенский

Наум Сагаловский

Главный редактор

Барух-Александр Плохотенко

Сергей Плотов

Вадим Седов

Редакция

Владимир Горбачёв
Борис Борухов

Александр Ланин

Ирина Озёрная

Алекс Тарн

контакты

secrettropes.com
secrettropes@gmail.com

Владимир Горбачёв

Григорий Каковкин

Таисия Фролова

Редакция благодарит за плодотворные
идеи, придавшие импульс этому номеру,
Ирину Озёрную

Игорь Вайсман

Сергей Фоменко

Сергей Градусов

Никакая часть данного издания не может
быть воспроизведена без разрешения
редакции

Елена Погорельская

Олег Лекманов

Редакция не несёт ответственности
за содержание материалов

Роман Арбитман

Татьяна Вольтская

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов

Юрий Санберг

Арсений Блинов

Николай Кононов

© ТТ. Все права защищены

2023

Дмитрий КОЛОМЕНСКИЙ

📍 Санкт-Петербург, Россия
– Хайфа, Израиль

Фото: из личного архива автора

Родился в Гатчине в 1972-м. Окончил факультет филологии РГПУ имени А. И. Герцена. Работает абы где абы кем. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор четырёх поэтических книг и какого-то количества публикаций в журналах, альманахах, интернете и не интернете.

К тому, что пишет не в рифму, серьёзно не относится. К тому, что пишет в рифму, отношения ещё не определил. Что не в рифму уже опубликовал во 2-м номере «Тайных троп».

Последний год обитает в Хайфе.

Год был отвратный, смрадный и срамной,
Он встал столбом позорным над страной,
Он захлестнул нас тошнотворной жижей,

Год-идиот, отбившийся от рук,
Куражился, изгадив всё вокруг
Зловонной копотью и слизью рыжей.

В тот год отчизна съехала с ума –
Курнула спайса, нажралась дерьма
И пляшет от себя самой в восторге,
Сломала мебель, развалила дом
И тычет окровавленным перстом
В того, кто уклоняется от оргий.

В тот год сбежавший от врачей дебил
К соседям влез, порезал, порубил,
Огрёб по полной, заперся в сортире,
Теперь скулит, по трубам шваброй бьёт
И спать ночами людям не даёт.

И нет житья в разгромленной квартире.

От страха, от презренья, от тоски
Мы побросали вещи в рюкзаки,
Закрыли дом и выбыли из рая –
Подальше от поднявшихся с колен,
Чьи судьбы – прах, чьи идеалы – тлен.
Короче, чемодан-вокзал-Израиль.

И, стоя над лазурью здешних вод,
Я думаю: «Какой паскудный год!» –
И не могу уйти от этой мысли.

И пусть нам двери распахнул сезам,
Мертвящей выюгой режет по глазам
Глухой февраль, в котором мы зависли.

Мы вывезли детей, собак, друзей.
Мы превратили прошлое в музей,
В котором мы же сами экспонаты.
Оставшиеся машут нам из тьмы –
Мы машем им в ответ. Они, как мы,
Но чуть грустней и менее пернаты.

Курантов бой. Мычание вождя...

Наверное, немного погодя
Отпустит, мы взойдём на новом поле,
Найдём прокорм и верные слова.

Но стоит вам шепнуть «два-ноль-два-два» –
Лицо моё расколется от боли.

Оглавление

- 2** **Дмитрий Коломенский** «Год был отвратный, смрадный и срамной...»
- 7 стихи
- 8** **Наум Сагаловский** Позабытому счастью навстречу
- 22** **Сергей Плотов** Время года – ночь
- 28** **Александр Ланин** Разводы
- 38** **Вадим Седов** В надежде, что нас услышат
Стихи разных лет
- 44** **Ирина Озёрная** Из «Саратовских страданий»
46 Два платья времени
48 Суть вещей
Стишаги 2016–2023 годов
- 50 Из цикла «Переезд»
- 53 пьеса
- 54** **Алекс Тарн** Последний Каин
- 111 роман
- 112** **Владимир Горбачёв** Погружение
Продолжение. Начало в № 2
- 207 рассказы
- 208** **Григорий Каковкин** Чёрные тапки
214 Последний клиент
Из цикла рассказов «Короткая жизнь»
- 219 Такие макароны
- 221 конкурс рассказа «Я сделал для грядущего так мало»
- 222 Внутренний контакт
- 224** **Таисия Фролова** Побочные эффекты дыхания
- 228** **Игорь Вайсман** Возвращение блудного сына

- 239 конкурс эссе «Последние коммунары Вселенной. Братья Стругацкие: эволюция взглядов, смена героев»
- 240 Сергей Фоменко** Мечта забытая, мечта воскресшая
О братской битве с безвременьем
- 245 Да здравствуют конкурсы!
- 246 Сергей Градусов** P. S.: Завтрак съешь сам
- 249 литературоведение
- 250 Олег Лекманов** Приятель и персонаж
- 257 Елена Погорельская** О мопассановском источнике
дебютного рассказа Бабея
- 267 memoria
- 268 Роман Арбитман** Поверьте в победу добра над злом
Памяти Романа Арбитмана)
(Публикатор: Елена Шкута)
- 289 очерки о наших днях
- 290 Татьяна Вольтская** Грузинский блокнот
- 305 очерки о днях минувших
- 306 Юрий Санберг** Медальный зачёт
Советская повседневность в семейной хронике 70-х
(Из цикла «Я – последняя буква в алфавите»)
- 321 изобразительное искусство
- 322 Николай Кононов**
- 323 Арсений Блинов**
- 324 Трёхчастные гимны

Мам

СТИХИ

Мн

Наум САГАЛОВСКИЙ

📍 Чикаго, США

Фото: из личного архива автора

Автобиография (от автора):

Своих родных я знаю слабо.
Запомнить – голову сломать:
Мороз – мой дед,
Яга мне – баба,
Дюма – отец,
Отчизна – мать.

Биография (от редактора, потому в прозе):

Киевлянин по рождению (в 1935-м), инженер по образованию (в Новочеркасске полученному), поэт по восприятию жизни. Две строфы из стихотворения по случаю 70-летия тов. Сталина были включены в приветствие вождю от украинских пионеров. Но в последующие 30 лет плоды творчества появлялись только в стенгазетах («Пылесос», единственной в стране ежемесячной сатирической, «Энергетик», единственной в стране ежедневной), многотиражках.

Перемены наступили после 1979 года, в июне которого Сагаловский эмигрировал в США. Огляделся, устроился на работу и послал подборку стихов в «Новое русское слово». С тем же результатом, что прежде, когда обращался в «Юность» и иные советские издания: вновь юмористические стихи, выросшие на советской почве, оказались не нужны. А вот еженедельник «Новый американец» не только их опубликовал, но Сагаловский стал его активным сотрудником, членом редколлегии. Потом были 14 книг стихов и переводов (одна из них «Демарш энтузиастов» совместно с Вагричем Бахчаняном и Сергеем Довлатовым), публикации в нескольких антологиях русской поэзии, хрестоматии для российских школ «Шедевры русской поэзии. Вторая половина 20-го века».

Позабытому счастью навстречу

И вот наступают...

И вот наступают
закатные наши года.
Мы хрупкие кости
на утреннем солнышке греем,
и пьём корвалол,
как положено старым евреям,
и в немощи нашей
твердим, что душа молода.

Мол, есть ещё в ней
босвой комсомольский задор,
томление чувств,
отголоски надежды и веры,
былые кумиры,
любовь
и другие химеры
из юности нашей.
Я думаю, всё это – вздор.

Порою мне кажется –
нету души никакой.
А если и есть,
то гоните её с пьедестала!
Отпела душа,
постарела,
остыла,
устала,
как брэнному телу,
ей тоже пора на покой.

Но что нам уснуть не даёт
в полуночной тиши,
когда перед вечностью
мы предстаём,
одинокими?

Внезапно
 одна за другой
 стихотворные строки
 всплывают
 со дна
 недопонятой нами души.

И немощь уходит,
 и боль не качает права...
 Молю –
 не лишай нас,
 о Господи,
 этого чуда!
 Храни наши годы
 и дай нам продлиться,
 покуда
 идут из души
 и слагаются в строки
 слова.

Из памяти

Уходит поезд.
 Холодный ветер
 полощет стёкла.
 Как ладно скроен
 и в небо вписан
 стальной колосс!
 Ему дорога
 тугие рельсы
 в туман простёрла
 и грустно смотрит
 зелёным глазом
 на строй колёс.

Уходит поезд.
 Ещё не подан
 гудок прощальный.
 Ещё не время
 сомкнуться стрелкам,
 промча свой круг.
 Ещё минута
 для слов ненужных
 и обещаний,
 коротких взглядов,

печальных вздохов,
пожатья рук.

Уходит поезд.
Мелькнут и канут
дубы, берёзки,
наступит темень,
умолкнут звуки,
покой суля,
проснёшься утром
и вдруг увидишь
пейзаж неброский –
в окне раскрытом
сияет солнце,
бегут поля,

цветут ромашки,
и свежий ветер
не так напорист,
роса на листьях,
и птичье пенье,
как зов любви.
Уходит юность,
уходит счастье,
уходит поезд!
Стучат колёса,
прощай,
не знаю,
когда уви...

В долгу...

В долгу перед ночью длинной
румян небосвод и пуст,
осеннею паутиной
подёрнут жасминный куст,
забор перевит лозою,
томится, печаль глуша,
невидимую слезою
оплаканная душа.
Постой, погоди минутку,
душа моя, помолчи,
ты слышишь – трубят побудку
весёлые трубачи,
и в мареве законном

с улыбкою набекрень,
со скрипом, журчаньем, звоном
рождается новый день,
и Знающий, Всемогущий,
приверженный похвальбе,
гадает на чайной гуще,
кого бы призвать к Себе...

Вот и время проходит...

Вот и время проходит, жалей, не жалей,
скоро будут снега и метели.
Мне слышался горестный крик журавлей,
не за мной ли они прилетели?
Я гляжу в небеса, где заря расцвела,
узнаю журавлиную стаю,
выхожу за порог, простираю крыла,
закрываю глаза и взлетаю.
Успеваю догнать исчезающий клин
и лечу со сноровкой былою
над громадой лесов, над прохладой долин,
над распаханной настезь землёю –
нет, не к будням своим, не к житейской возне,
что готовит судьба-озорница,
а в края, о которых мечтал я во сне,
в те, где молодость вечно хранится.

Там берёзки январского снега белей,
там осенней листвы позолота,
я оставлю приветливый клин журавлей
и на землю вернусь из полёта.
Не гонимый уже суетою сует,
ничего я вокруг не замечу
и уйду по тропе убывающих лет
позабытому счастью навстречу,
дни и ночи мои пробегут чередой,
в сизый дым забреду наудачу
и тогда я увижу тебя молодой,
обниму и, наверно, заплачу.
А над нами, как чувствуя слабость мою,
пролетит журавлей вереница,
и останемся мы в незабвенном краю,
там, где молодость вечно хранится.

Жизнь

Я очень Жизнью дорожил,
 не забирался в забияки,
 не лез в сомнительные драки,
 короче – жил и не тужил.
 И вот уже на склоне лет,
 сверяя сны, мечты и факты,
 спросила Жизнь меня: «Ну, как ты?
 Доволен мною или нет?»
 Что мне сказать? Я стар и мал.
 Без причитаний и огласки
 я подзатыльники и ласки
 в награду равно принимал.
 Бывал и беден, и богат,
 и в даль глядел, не зная, что там,
 к своим несбыточным высотам
 то с целью шёл, то наугад.
 Жена, семья, заботы, стресс
 (держись, Харуки Мураками!),
 за стихотворными строками
 я слышал некий зов с небес,
 простой заезженный еврей,
 что бьётся головой об стенку...
 Спасибо, Жизнь, спасибо, thank you,
 но ты могла бы быть добрей.
 Как друг, могла бы, а не враг,
 хранить мой мир, где грёзы сладки,
 могла б не рушить без оглядки
 любовью созданный очаг
 и быть на радости щедра,
 ещё могла б унять болезни,
 могла б сказать тоске «Исчезни!»
 во имя счастья и добра.
 Ты оказалась не ахти,
 как не своя, проходишь мимо,
 так дальше жить невыносимо,
 всё надоело мне, прости,
 сними с души суровый гнёт,
 твои касания – как плети...

Боюсь – слова услышав эти,
 Жизнь улыбнётся и уйдёт.

Будь прокляты вагоны и вокзалы...

1955–2014

Я с детства не любил дорог –
воздушных, водных и железных,
и мог бы много слов нелестных
сказать о них, прости мне Бог, –
то перелёт, то переезд,
вагоны, станции, паромы,
недолговечные хоромы,
привычный временный насест,
и сон под рельсов перестук,
что вдаль меня куда-то мчали,
немые спутники печали,
глухие вестники разлук...

Мне было девятнадцать лет –
студент, романтик, второкурсник,
новочеркасский бедный узник,
поэт скорее, чем атлет.
Меня не взяли в КПИ
по пункту пять – не вышел носом,
и я доверился колёсам,
прочь уносящим от семьи
в политехнический бедлам,
и от любви неразделённой
с тоской немыслимой зелёной
вперёд – к турбинам и котлам...

Тогда явился этот стих,
я вдруг его припомнил – вот он,
наивен, прост, недоработан,
свидетель юных дней моих:

«Будь прокляты вагоны и вокзалы
и шумная людская толчея,
мой чемодан, как путник, обветшалый,
дорога бесконечная моя,
будь прокляты прощанья на перронах,
последние тревожные гудки,
и шёпот губ, от ветра воспалённых,
и тёплые пожатия руки,
будь прокляты надежды и утраты
и сердце, что лелеяло мечту!..
Твой мир уже кончается, когда ты

в дорожную пустился маству –
 весна твоя, и ночь, и травы в росах,
 и все слова, что сказаны тебе,
 уйдёт, умчится юность на колёсах
 навстречу неизведанной судьбе,
 а то, о чём в бессонницах мечталось,
 тебе промолвит вечное «прости»,
 и не любовь, увы, а только жалость
 тебе придётся встретить на пути,
 и лишь потом, горя мольбою слёзной
 и чувство вырывая из глубин,
 ты всё поймёшь.
 Поймёшь, но слишком поздно –
 когда уже останешься один...»

Я этот стих, как амулет,
 храню, окутывая флёротом
 осколки времени, в котором
 мне было девятнадцать лет.

Август

Да здравствует август, последний любовник сезона,
 уже охладевший к загадочным прелестям лета,
 бесстрашный хранитель нахмуренных туч и озона,
 наследник жары, воробьиного кордебалета,
 даритель варений из всяческих груш и смородин,
 художник пейзажей, приятных усталому взору,
 да здравствует август – он каждому сердцу угоден
 затем, что сулит золотую осеннюю пору!

...Прости, что звучит это громко и велеречиво,
 ты так далеко, пребывая в неведеньи сладком,
 будь проклято время, которое нас разлучило
 без жалости к нашим шести полновесным десяткам
 безудержных лет, что незримо любовь излучали,
 мы жили, друг другу посильную дань отдавая,
 не к этим ли дням, преисполненным горькой печали,
 готовила нас по-злодейски фортуна кривая?

Куда они делись – улыбки, беседы, гулянья,
 высокой латынью признания в *semper fidelis*,
 исчезли, пропали, в какое пространство ни глянь я,
 надежды, друзья, увлеченья – куда они делись?

О Господи, как мы на этой земле одиноки,
навски подвластны угрюмых событий сплетенью,
и я понапрасну пишу эти странные строки,
от солнца укрыт августовскою длинною тенью.

Да здоровствует август...

На синее небо...

Памяти поэтов

На синее небо,
на призрачный свет
по лунной дороге
уходит поэт,

по лунной дороге,
совсем налегке,
стекает слеза
по небритой щеке,

стекает слеза,
никому не видна,
а в мире полночном
стоит тишина,

а в мире полночном
туманная гладь,
за десять шагов
никого не видеть,

за десять шагов
лишь один силуэт –
на вечную память
уходит поэт,

на вечную память,
в заоблачный круг,
там слава не греет,
не ценят заслуг,

там слава не греет,
и пуст пьедестал,
там Муза, с которой
он жизнь коротал,

там Муза, с которой
внебрачный союз
порою дороже
супружеских уз,

порою дороже
заслуженных благ,
и вот он уходит,
невидим и наг,

и вот он уходит,
счастливый поэт,
на синее небо,
за Музой вослед..

Утром

...Светает уже.
Приоткрыто окно.
От лёгкого ветра
дрожит занавеска.
Ещё не предъявлена
утру повестка
и раннее солнце
не обнажено,
а в мире подлунном
печаль разлита,
и ждёт пробуждения
бренное тело,
ему одиночество
осточертело,
и хочется пряника
вместо кнута...

...Но были же,
были весёлые дни
(за долгую память
простите нахала!),
работа кипела,
любовь полыхала,
не знала душа
никакой суетни,
стремительным вальсом
сменялись года,
густой сединой
не окрасился волос,

и ангел непрошенный
 Малахамовес,
 улыбку завидев,
 сгорал от стыда...

...Не знаю,
 что скрыто
 за этой строкой,
 от радостных мыслей
 уже далеко я.
 О Господи,
 хочется просто покоя,
 а Ты
 назначаешь мне
 вечный покой...

Храни вас Бог...

Храни вас Бог от одиночества
 в глухую пору зимних стуж,
 когда уже исчерпан дочи́ста
 короткий список близких душ,
 когда и сам не знаешь, впрок ли ты
 мотаешь свой постылый срок,
 и телефон молчит, как проклятый,
 и гость не ступит на порог,
 и тихо в доме, а за окнами
 кружение вьюги колдовской,
 пока зима губами мокрыми
 соприкасается с тоской,
 шальные мысли, муки творчества,
 со злыми буднями возня...
 Храни вас Бог от одиночества!

Кто попросил бы за меня...

Meditazione

Я умру на рассвете во вторник, шестого числа.
 Будет солнечный день, непригодный для плача и скорби.
 Если было б об этом объявлено *urbi et orbi*,
 никого б моя новость, я думаю, не потрясла.
 Да оно и понятно – не так уж я был знаменит,
 обо мне не писал даже самый зачуханный критик,
 но поэзия, братья, умеет достаточно гитик,

я искал их, круша повседневности серый гранит.
 Не скажу «до свиданья» – мы вряд ли увидимся там,
 в заповедном краю, что зовётся обещанным раем.
 Жаль, что мы, беззаботны, не сами судьбу выбираем,
 доверяя себя указующим Божьим перстам.
 Увезут в крематорий, и дети развеют мой прах
 в придорожном лесу или где-то на глади озёрной,
 и останусь я в мире, быть может, строкой беспризорной,
 не исчезну совсем, пусть бы даже на первых порах.
 Вот и всё, извините. А что ещё там, впереди,
 мне ли, старому, знать? Я в глубокой печали, не скрою.
 Сколько раз я прощался, что даже неловко порою,
 есть жестокий закон, он гласит: уходя – уходи...

В ожидании зимы

Ещё не опали листья,
 но близятся холода,
 ноябрь ворчит: «Ни в жисть я
 бесснежным приду сюда!» –
 и есть ещё три недели
 до первых неспешных вьюг,
 и птицы не улетели
 на свой долгожданный юг.

Часы на стене уснули,
 замёрзли давным-давно,
 им зиму встречать, весну ли -
 без разницы, всё равно,
 за окнами тьма ночная,
 луна, как плохой маяк,
 и, заспанный, ото сна я
 сбежать не могу никак.

Мне снится скамейка в сквере,
 где мы бы могли присесть,
 надежде, любви и вере
 отдав по заслугам честь,
 увидеть весёлых уток,
 резвящихся на пруду,
 ушедших былых минуток
 счастливую череду.

Да мало ли что приснится,
 но длится тугая вязь,

и где же она, сторица,
 что так и не воздалась
 за честные наши годы,
 за добрые наши дни,
 пускай через пни-колоды,
 но были же и они?..

...Объяты тоской немую,
 мы встретимся в должный час
 с последней своей зимою,
 она бестелесных нас
 накроет холодным снегом,
 и мы, хоронясь, тайком
 уйдём к полуночным Вегам,
 как ангелы. Босиком.

Подземный переход

Податься б на юга,
 в какой-нибудь Майами,
 бессоница томит,
 и петь не вмоготу,
 но светится вдали
 весёлыми огнями
 подземный переход
 из этой жизни в ту.
 Там пусто, ни души,
 там позабыто горе,
 там каждый пешеход
 покоем одарён,
 Шопен звучит с небес,
 и в си-бемоль миноре
 он льёт на целый свет
 свой марш для похорон.
 Подземный переход,
 задумчивые своды,
 невыплаканный путь
 к последнему суду,
 туда, туда спешат
 разнузданные годы,
 счастливых дней клубок
 роняя на ходу...
 О Господи, живу,
 шутя баранки гну я,
 совсем не тороплюсь

явиться в мир иной,
но вдруг пробьёт мой час,
и я уйду, минуя
подземный переход,
здесь выдуманный мной.

Ничто назад не пятится...

...Ничто назад не пятится – ни вёрсты, ни года.
Мой скорый поезд катится неведомо куда.
Как бабка повивальная, что вывела на свет,
кассирша привокзальная мне выдала билет.
Не в мягкий и не в литерный, а в жёсткий, продувной,
зато мои родители в одном купе со мной.
Постельные квитанции, дымок от кипятка...
И до конечной станции – дорога далека.

Пошли мои законные вагонные деньки –
пейзажи законные, тревожные гудки,
война, эвакуация на станции Уфа,
моя смешная нация, нелепая графа,
учебники, занятия, убийцы-доктора,
студенческая братия, весёлая пора!
Я первый на дистанции, и нет на мне вины!..
И до конечной станции – ещё, как до Луны.

Бежит, как на свидание, стальная колея –
диплом, образование, жена и сыновья,
любовь, стихи, верчение, как белка в колесе,
марксистское учение, мечты о колбасе...
Прощай, сбегу от БАМа я! Мне жизнь одна дана!..
Америка, судьба моя, за окнами видна.
А там – на фоне Франции мой скромный силуэт!..
И до конечной станции – немало зим и лет.

А дни – в тревогах мелочных, то смех, то плач навзрыд...
Куда мы мчимся, стрелочник, какой нам путь открыт?
К погибели? к стакану ли?.. Состав берёт разгон.
Друзья, как в воду, канули. Пустеет мой вагон.
Всё ближе дали млечные, но на подъём легки
весёлые, беспечные мои проводники,
но льются песни с танцами, покой и благодать.
А до конечной станции – уже рукой подать... ■

Сергей ПЛОТОВ

📍 Москва, Россия

Фото: из личного архива автора

Когда ему было 15 лет, его стихи хвалил Евгений Евтушенко. Сейчас Сергею 61 год, он автор нескольких десятков мюзиклов, пьес и киносценариев. Уникально то, что все эти работы сняты, поставлены и сыграны.

Что касается стихов – возможно, Сергей один из последних постмодернистов. Он с цирковой лихостью использует такие приёмы, как интертекстуальность, аллюзия, отсылка, скрытая цитата и центон. Его стихи обладают «ага-эффектом». Когда читатель узнаёт спрятанную в тексте цитату, он радостно восклицает «ага!» и это повышает его самооценку.

Предлагаем вам убедиться в этом самим.

Время года – НОЧЬ

Я недавно беседу имел с котом,
 Так как кот в настроении был как раз.
 Он сказал, что нет никакого «потом» -
 Лишь «сейчас и здесь», только «здесь и сейчас».

Что коты эту мудрость знают давно:
 Если ты спокоен, весь мир – эскорт,
 Что прекрасно просто смотреть в окно,
 Что в коробках тайна, а в миске корм.

Хочешь есть – поешь. Хочешь спать – ложись.
 Одолеют мысли – лицо умой.
 А девятая жизнь – лишь девятая жизнь,
 Что-то вроде пятой или седьмой.

– Но потом, – я воскликнул – потом-то смерть!..
 Кот зевнул, небрежно махнул хвостом,
 И сказал, живота умывая мех:
 – Ты забыл, что нет никакого «потом».

2021

Капорапена

«А жизнь проплывёт театрального капора пеной...»

О. Мандельштам

Нам надо уехать куда-нибудь в Капорапену..
 Там улица тёмная щерится золотом окон
 И в небо уходит, сливается с ним постепенно,
 И ночь направляет фонарный растрёпанный локон.

Нам надо скорее до Капорапены метнуться
 В рессорной карете, в колючую звёздную дрёму,
 Где вечность давно перемолота в сиюминутность,
 Где ждёт театральность её бутафорских черёмух,
 Где чёрные тропки протоптаны в клавишах белых.
 Едва ли там кто-нибудь кинется сзади на плечи.
 Нам надо туда. Здесь никто нас не хватится, беглых.
 Здесь светит неправда. И некому молвить. И нечем.

2021

◆ ◆ ◆

Снежные хлопья в небе мелькали.
 Тени ложились.
 ...Вы и убили, Фёдор Михалыч.
 Вы и убили-с...

В старой усадьбе воздух согреем,
 Стены подкрасим...
 ...Вы утопили, Иван Сергеич,
 А не Герасим...

Пыльной тоскою жизнь обернули
 И не проснулись...

...Вы, Антон Палыч, в чайку пальнули —
 Не промахнулись...

В крымских окопах, стылых казармах
 Пуншем согрейся...

...Лев Николаич, что же вы Анну —
 Прямо на рельсы?..

Сколько несчастных там, на страницах,
 сгнули втуне.

Сколько случилось крови пролиться
 В литературе!..

2022

◆ ◆ ◆

А он такой: «Там это... ждуг пацаны».

А она такая: «Ну, если ждуг, то беги».

А он такой: «Увидимся после войны?»

А она такая: «Ага. Себя береги».

А он такой: «Я постараюсь, мась».

А она такая: «Хотя бы ради меня».

А он такой: «Позвоню, если будет связь».

А она такая: «Пусть кончится эта фигня».

А он такой: «Ну чо, типа, будешь ждать?»

А она такая: «Куда тебя чёрт несёт?»

А он такой: «Да ладно, прорвёмся, б****...»

Но она-то сердцем чувствует – вот и всё...

2022

Под перестук половецкой пляски
Весна меняет на каски маски.
Живём, как в сказке. Да вот у сказки
Финал утрачен.
И ворон мира застыл над бездной,
Вдыхая запах тоски уездной.
О чём задумался, друг любезный?
Чего так мрачен?

Мы все – массовка в банальной драме.
Те, кто фартовой – уйдут дворами,
Зарегистрируются в «стограме»,
Запостят фотки.
На фотках сцены былых застолий,
В карманах крошки простых историй,
Что наполняют ещё истомой
Помимо водки.

Кого сегодня накроет знамя?
Не надо, ворон, висеть над нами.
Мы общий вектор судьбы узнаем
Из аннотаций.
Отчизна явно на всех забила.
Когда из тени выходит быдло,
Пора осваивать слово «было».
Поздняк метаться.

В таких сценариях нет интриги.
Очкарик, чтобы не видеть зиги,
Взяв узелок, где табак и книги,
Дверь закрывает.
Он посмотрелся на эти рыла.
Ну, что ж ты каркаешь, чернокрылый?
Всего делов-то, что жизнь накрылась.
Но так бывает.

2022

В те годы, когда мой рост был чуть выше метра,
Отец пах «шипром» и шляпу носил из фетра,
Любил Москву, но не прибивался к толпе.
Его однокурсником был Лукьянов из ГКЧП.

Отец смотрел иронично, ходил не сутулясь.
Цитировал «Золотого телёнка», «12 стульев»,
«Трое в лодке», «Швейка», Высоцкого уважал.
Я грустил, когда надолго он уезжал.

Он в детстве играл в футбол. Не курил, не пил,
Потому что его отец алкоголиком был.
Я к деду был холоден, не слушал его чепухи.
А отец был деканом худграфа. Писал стихи.

Интеллигент настоящий. Без помпы. Не то, что я.
Я любил, когда приезжали его друзья.
Накрывали стол. Я скорей повзрослеть мечтал.
Боря Сажин травил анекдоты. Я хохотал.

Что бы сегодня сказал отец, если бы смог?
Что-нибудь вроде: «Будь осторожней, сынок».

Иногда мне кажется – он стоит за моей спиной.
Я знаю точно: он бы гордился мной.

Старое фото. На фото губастый пацан...
Надо «шипр» купить.
Надо вспомнить запах отца.

2022

Баллада о пепле

Вдали от вылазок и атак,
Там, куда не добрался шторм,
Я тебя спрашивал: «Ну, ты как?»
И ты отвечала: «Норм».

Мы не видели лица идущих в бой,
Так что нам понять не дано
Ни этот ужас, ни эту боль.
Мы из другого кино.

И то, как жизни трещат под ногой,
Не слышим ни ты, ни я.
Только пепел может судить огонь.
Только пепел огню судья.

2022

Объявление

Продаётся: собрание сочинений Александра Дюма,
Детская энциклопедия (разрозненные тома),
Шкаф книжный, телевизор «Sony», шотландский плед,
Домик для Барби, трёхколёсный велосипед,
Два набора Lego, игровая приставка, вазон,
Пианино «Элегия», сервиз столовый на шесть персон,
Палатка двухместная, гитара, запах тайги,
Трельяж с отраженьем любимой, её шаги,
Квартира, окно во двор, вид из окна,
Счастливая жизнь, память, судьба, страна,
Тени родных, счастливый билет, несбывшийся сон.
Срочно. Цена доступная. Адрес и телефон.

2022

Нормой жизни с завидным упорством становится бред,
И гуляет сквозняк по накрытой когда-то поляне.
Потому что искусство общения сходит на нет,
А искусство вражды с каждым месяцем всё популярней.

В просвещённых кругах превалирует чувство вины.
Пасторальный пейзаж вытесняется прочь пустырями.
Потому что в сегодняшнем тренде искусство войны,
А искусство любви сохраняется лишь кустарями.

И в далёких краях торжество недалёких послов.
Здравый смысл уходит под жидкие аплодисменты.
Может, снова друг другу начать говорить комплименты,
Потому что искусство поэзии требует слов?

2022

А жизнь идёт – за стежком стежок,
За словом слово, за жестом жест
В домах, где пахнет жизнью чужой
И в тех, где жизнью не пахнет уже.

Она идёт, невзирая на,
Наперекор, вопреки, вразрез.
Кому война, кому мать родна.
Кому подвалы, кому отъезд.

Не выдаст бог и свинья не съест.
И волки сыты, и мыши в пляс.
И на большой перемене мест
Гуляет парами средний класс.

Судьба потрачена на замах.
Обрывки фраз отлетают прочь.
А время суток у нас – зима.
А за окном время года – ночь.

2022 ■

ММ

Александр ЛАНИН

📍 Ленинград, СССР –
Франкфурт-на-Майне,
Германия

Фото: из личного архива автора

Родился в Ленинграде (1976). С 1992 года проживает в Германии.

Публикации в ряде журналов и альманахов («Берлин.Берега», «Белый ворон», «Зарубежные задворки», «Эмигрантская лира» и др.).

Призёр литературных конкурсов «Пушкин в Британии», «Эмигрантская лира», «45-й калибр», «Кубок Балтики по русской поэзии».

Разводы

Дети

Сто шесть человек прибыли, тридцать четыре убыли.
 Бабушки из Харькова, мамы из Мариуполя –
 Без языка, без денег, без соцсетей,
 С вопросами, запросами, с нервами, а не тросами...

Дети держатся.
 Родители держатся за детей.

Коротко стриженный мальчик рисует Деда Мороза, потом резко штрихует чёрным.
 – Что это? Бомба? Взрыв?
 – Дядя, о чём вы? Это борода. – Мальчик смеётся из-под руки.
 Ну и дураки эти взрослые... Ну и дураки...

Взрослые ищут платформу, хватают кофе, залпом выходят в сеть.
 Дети держатся лучше них, держатся лучше нас, держатся лучше всех.

После четырёх дней и ночей дороги:
 – Мама, у меня устали ноги.
 – Мама, я хочу спать.
 – Мама, болит вот здесь...
 Только этого ничего нет. А что есть?
 – Дядя, меня зовут Вова, а тебя как?
 – Можно бабушке водички? Дякую.
 – Мама, не надо мороженос, дорого на вокзале.
 – Переведите, будь ласка, что там сказали.

Поезд гудит мирным своим гудком,
 Взьерошенной чёлкой, сломанным ноготком,
 Заплетённой косичкой, мишкой в руке,
 Кошкой в переноске, собачкой на поводке.
 Это у взрослых нет ничего – паспорт и чемодан,
 Ещё зарядка, без которой вообще каюк.
 А дети держат любой удар, они пластичнее, чем удар,
 Они прозрачнее, чем удар, они как вода, журчат и пьют,
 Даже когда молчат, всё равно пьют.

Дети лечат страх, дети снимают боль.
 Детям проще – мама с собой, значит всё с собой.

Группа из десяти человек. Половина – глухонемых.
 Волонтер-пакистанец не знает, кому поручить билет?
 – Вот этой девочке.
 – Но ей же двенадцать лет!
 – Я говорил с ней, бро, она взрослее, чем мы...

Боже, вот я стою в белом своём пальто,
 В бесполезном своём пальто, в самом тылу добра.
 Боже, будь ласка, дай ей немного детства хотя бы потом,
 Верни ей то, что сейчас забрал.

Развод

Однажды моя любимая дала пощёчину ребёнку,
 И мы развелись.
 Потом она утопила собачку.
 (Я в это время бухал.)
 Потом она ограбила бабушку,
 Зарезала девушку,
 Сожгла деревушку.
 Но никто не разводится второй раз,
 Третий,
 Четырнадцатый,
 Двадцать второй.

Я перестал платить алименты, начал заниматься спортом и купил себе новый пиджак,
 Потому что на старом были следы её губной помады.

Когда моя любимая окончательно превратилась в зомби,
 Я вышел из запоя,
 Взял ружьё –
 Старое охотничье ружьё,
 Которое подарила мне она
 (Где-то между собачкой и девушкой).
 Вот только не знаю, как правильно спустить курок –
 Указательным пальцем руки,
 Или всё же большим пальцем ноги.

Говорят, что некоторые евреи вернулись в Египет...

Говорят, что некоторые евреи вернулись в Египет.
Они шли по кругу и в конце концов вернулись в Египет.
Спустя сорок лет они вернулись в Египет.

«Где фараон? – спросили они –
Куда подевался господин двойного венца,
Сын Ра,
Победитель хеттов,
Строитель храмов?»

«Он утонул, – отвечали им –
Утонул вместе со всей армией,
Могучими колесницами,
Меткими лучниками,
Отважными копьеносцами.

С тех пор за разливы Нила отвечают чиновники,
Толстые писцы –
Люди с крокодильими головами,
Шакальим сердцем,
Руками, сжимающими перо так нежно,
Как держат первенцев».

«Ничего, – сказали евреи –
Мы будем ждать нового фараона.
Славься, Египет!
Наши прадеды ходили на гиксосов,
Деды мочили нубийцев,
Мы сорок лет бродили в пустыне.
Наша вода – кровь,
Наш хлеб – саранча,
Мы готовы не только умереть за своё рабство,
Но и убивать за него».

Говорят, на них равнялись.
Говорят, их называли одиннадцатой казнью.
Говорят, они заняли хорошие места
При дворе нового, демократически избранного фараона.

Мы, их дети, не знавшие исхода,
Носившие на рукаве змею и посох,
Читавшие сказки о злобных колдунах,
Уходящих по дну Красного моря,
Все как один клянёмся

Никогда не нарушать законы природы,
 Ничего не писать справа налево,
 Вечерами стоять перед дворцом фараона
 С листом пергамента,
 На котором начертано:
 «Волнистая черта, глаз, пирамида»,
 Что означает:
 «Догони и верни народ мой».

Плейлисты

Плейлист:
 Постаревшие рокеры поддерживают спецоперацию.
 Они были против наркотиков,
 Они были вместе с наркотиками,
 Они сами были наркотиками.
 Теперь они орут в микрофон,
 Но он плюёт на них,
 Он молчит.
 Иногда у микрофона больше достоинства, чем у исполнителя.

Ещё плейлист:
 Русская интеллигенция пьёт вино в Тбилиси,
 Даёт интервью в Иерусалиме,
 Чаёвничает в Ереване,
 Обнимается,
 Разговаривает на высокие темы.

Ещё плейлист:
 Барды едут на фестиваль,
 Слушают военную песню.
 Давайте встанем, говорит женщина,
 Давайте встанем,
 На того, кто не встал, очень трудно надеть кондом,
 Трудно завязать рукава смирительной рубашки,
 Трудно, но надо.

Музыка прерывается на рекламу:
 «Ракета Калибр-3М разрушает жилой дом за 5 секунд. У нас вы можете
 заключить ипотечный кредит за две с половиной секунды...»

Друзья скидывают мне свои плейлисты:
 Гудение, матерная брань, короткие автоматные очереди,

Плач, много плача.
Как будто бы плач поставили на *repeat*.

Вот шум моря, вот хлопок мины,
Снова плач,
Снова,
Снова.

А вот работает арта – это Пашкин плейлист.
Пашка – поэт.
Он бы с удовольствием чаёвничал в Ереване,
Тусил в Иерусалиме,
Пил в Тбилиси,
Говорил о высоком.

Но арта работает на низких тонах.

Свист,
Свист и шорох,
Свист, шорох и грохот.
Люди лежат на земле,
Их руки закрывают голову, как гигантские наушники.

Если включить жизнь на ускоренную перемотку,
В режиме *shuffle*,
Все мои плейлисты переключаются этим последним –
Тишина после выстрела,
Тишина после взрыва,
Тишина после войны.
После.
Войны.

ПТСР

Вы слышали, Одиссей вернулся...

У него ПТСР, но вы не бойтесь,
Он убивает не всех.
Не сразу.

Мальчишки приставали к его жене,
Мальчишки веселились.
Обычные питерские гопники –
Отобрать мелочь,
Вырвать телефон,
Дать в глаз.

Они даже не успели попросить закурить.
Они думали, с войны не возвращаются.
Или, наоборот, возвращаются?

Не видел войны – получай стрелу в горло.
Не нюхал войны – вот тебе копьё в живот.
Читал про войну?
Слышал про войну?
Смотрел кино про войну?
Н-на.

Их матери плачут,
Отцы молчат,
Сверстники смотрят и думают: хорошо, что не мы.

Откупились от войны?
Отмазались от войны?
Отвернулись от войны?
Н-на.

Одиссей вернулся,
Убил дворника Меланфия –
Тот пытался вступиться за мальчишек,
Предупредить,
Что война не закончилась с падением Трои.
Троя вообще не пала –
Ахейские войска были отведены в качестве жеста доброй воли.
Потерь нет.
Разве что среди гопников.

Одиссей всё время трезв.
Лучше бы он пил, как после первой троянской, но нет.
Когда пьёшь, война уходит,
А у него больше ничего не осталось.

Одиссей идёт
По городу-герою Годзиллой,
Топчет Исаакий,
Сносит Петропавловку,
Крушит Купчино,
Скрывается в Финском заливе.

Где-то на берегу
Под башней Газпрома
Вслед ему смотрит когда-то любимая жена
И пытается понять: «Как же это так, б****, получилось.»

Ви чули, що Одисей повернувся...

В нього ПТСР, але ви не лякайтесь,
Він вбиває не кожного.
Не одразу.

Хлопчики залицались до його дружини,
Хлопчики бавились.
Звичайні пітерські гопники –
Відібрати грошенят,
Видерти телефон,
Сунути в пику.
Вони навіть не встигли спросити цигарку.
Вони вважали, що з війни не повертаються.
Чи навпаки, повертаються?

Не бачив війни – ось тобі стріла в шию.
Не нюхав війни – тримай списа у черево.
Читав про війну?
Чув про війну?
Дививсь кіно про війну?
Н-на.

Мамки їхні плачуть,
Батьки мовчать,
Однолітки дивляться й думають: добре, що не ми.

Одкупилися від війни?
Відвернулися від війни?
Сховалися від війни?
Н-на.

Одисей повернувся.
Вбив двірника Меланфія –
Той намагався вступитись за хлопчиків,
Попередити,
Що війна не скінчилась з падінням Трої.
Троя взагалі не пала –
Ахейске військо було відведено. Це був рух доброї волі.
Втрат немає.
Хіба серед гопників.

Одисей весь час тверезий.
Краще б він пив, як після першої троянської, але ж ні.

Коли п'єш, то війна зникає,
А в нього не залишилось нічого більш.

Одисей іде
Містом-героем немов Годзилла,
Чавить Ісакій,
Змітає Петропавлівку,
Трощить Купчино,
Зникає у Фінській затоці.

Десь на березі
Під баштою Газпрома
Наздогін йому дивиться колись кохана дружина
Та намагається зрозуміти: «Як же це, б****, так сталося».

Переклад Євгена Вишневіського

Сизиф

Сизиф катит камень в гору,
Считает обороты: один, два, три.
Ему не надо на вершину, там он уже был,
Ему не нужна свобода, с ней он уже спал.
У него простая задача – успеть завалить пещеру.

Эти чёртовы ангелы отвалили камень от входа,
И кто, кроме Сизифа, поставит его на место,
Пока Иисус не вышел.

Стой, – кричит ему Иосиф.
Стой, – храпит во сне Пилат.
Трижды стой, – шепчет тёзка Пётр
(Тёзка камня, не Сизифа).

Сизиф катит камень в гору.
И ангел в белой одежде быстро перебирает ногами,
Как на барабане с поручнями, на старой детской площадке, в прошлой жизни,
Словно бежит к будущей.

К той будущей жизни, которая спешит к выходу из пещеры
Со скоростью духа,
Со скоростью праха,
Со скоростью человека.
Ей надо быть там раньше,
Ей обязательно надо быть там раньше, чем Сизиф.

Фильтры

Всё изменилось, пропала привычка смотреть в глаза.
 Война учит фиксировать речь, фильтровать базар,
 Война разговаривает на своём особенном языке,
 Её вещмешок полон бывлых божеств.
 Мой правый кулак лежит на левой моей руке,
 Но война не оценит жест.
 Под ногами вертится что-то, похожее на змею.
 Мне звонит друг, говорит: «Я тебя убью».
 У него вчера был прилёт и завтра будет прилёт.
 И даже трубку не бросишь – а вдруг он больше не наберёт.

– Муромец Илья.

– Я.

– Головка от копья.

Добрыня ржёт:

– Выходим в поход с утра.

Четвёртым берём Ивана, первым берём Петра.

Не берём Коловрата Евпатия –

У него к монголам эмпатия.

У друга нет электричества, нет горячей воды,
 Телефон заряжен на двадцать один процент,
 Поэтому во время большой беды
 Тексты надо читать в прицел:

«Говорят, у них под ногами распускаются "лепестки".

Говорят, их детей разрывает на маленькие куски.

Давайте скинемся нашим мальчикам на носки...»

По довоенной привычке близится Рождество,
 Дед Мороз разносит подарки где-то на нулевой,
 Просил мешок холщовый, а выдали огневой.

Мой друг стреляет в русских, мой враг стреляет в него.

Шла девочка по лесу, с пирожками, к бабушке, за ответом.
 Теперь уберите бабушку, лес, пирожки, девочку и ответ.
 Мой психиатр спрашивает:

– Вы хотите поговорить об этом?

– Нет. ■

Мчи

Вадим СЕДОВ

📍 Москва, Россия

Фото: из личного архива автора

Родился в 1961-м. По образованию – инженер-механик.

Пишет с середины 1980-х годов. Стихи публиковались в журналах и альманахах «Номо legens», «Аврора», «Белый ворон», «Новая реальность», «Полутона», «Сетевая словесность», «Формаслов», «Восток–Запад» (Казахстан), «Гостиная» (США), «Стороны света» (США). Автор книги «33 стихотворения и одна маленькая поэма» (Москва, «Стеклограф», 2021).

Завсегдатай лучших мест в «Заблудившемся трамвае»: в поэтическом конкурсе имени Н. С. Гумилёва попадал в лонг-лист (2013, 2021), в шорт-лист (2014, 2016, 2017), становился лауреатом 2-й премии (2019).

e-mail: bgmcgb@gmail.com

В надежде, что нас услышат

Стихи разных лет

За три миллиона кубических лье
горошков, картошек, морковей
как весело было стругать оливье,
как пили под гимн михалковий,

как пел «Голубой» и плясал «огонёк»,
как Волку шептала Лиса: «Куманёк,
твоё дорогое здоровье!»
Как помнилось им, что второго с утра
закончится бал, на работу пора,
скорее бы скрыться в алькове.

Сгущается мрак. Макаревич романс
поёт под электрогитару,
поближе к субботе — решительный шанс
собрать и снести стеклотару,
мыча у приёмного пункта
вне дискурса русского бунта.

Под мысли такие, усвоив бутыль,
в драконами шитом халате
герой баснословный, Поток-богатырь
щекой засыпает в салате.

А Брежнев с экрана — такой молодой.

И вот, через тысячи лье под водой,
сверкая кристаллами кварца,
команду немой капитан отдаёт,
и лодка всплывает, и полный вперёд
в искривленном времени Шварца.

За годы заметно раздавшийся вширь,
проснувшись, дивится Поток-богатырь,
сколь выросли старые дрожжи:
звучит полюбившийся всем полонез,
куда как обильнее стал майонез,
да Брежнев другой, подороже.

Мерцает сквозь стёкла балконной двери
серебряный шар со свечою внутри,
сжимаясь в особую точку,
и зыблется вязко придонная муть,
но нет берегов, чтобы с борта шагнуть
на верную твёрдую почву.

Усни же в салате, в тарелку поляг:
стола не захватят ни швед, ни поляк.
Не дёрнется Виево веко —
ни нового года, ни века.

Следуя Гиппиус

Неплодородной нервной почвой
вскормлён во благо малых сих,
расслабленный, беспозвоночный,
эмансипированный стих,

блязня невинных быстрой пользой,
препятствий каверзных вдали
слепым червём усердно ползай
в пластах слежавшейся земли,

в чьё чрево кануть, исчезая,
всему предопределено.
Прими, цепочка пищевая,
недостающее звено:

утеха малого народца,
сей чернокрылый воробей
между землёй и небом вьётся,
не зная участи своей.

Жука с травы клевала птица,
хорь пил из черепа птенца,
вода благоволила литься
с благообразного лица,

богатый нищий в низкой роще
пломбиром выпачкал жилет —
а ты глодай драгие мощи
взамен трагических котлет.

Бастард дельфийского пленэра,
последних дней грядущий хам,
взойдя фельдъегерем в Бодлеры
по нашим мерзостным грехам,

от рвов в кладбищенской крапиве
до тонких крыл над головой —
цари, посланник энтропии,
предвестник смерти тепловой.

Подражание сатирикам XIX века На Мальбруга

Слишком узок наш круг близкими быть народам.
Чем ты думал, Мальбруг, прежде ступать походом?

Зрит сквозь слезу Вайт-Холл: лёгким суццесом гордый,
Возит тебя монгол по столу глупой мордой.

Мнилось: глубин достиг околокультных практик.
Чаял: архистратиг. Вышел – даже не тактик.

Верил – у ног Фавор, – вязнешь среди колдобин.
В силах того повтор, кто на хоть раз способен.

Думал: вручат ключи, званы дадут обеды?
Сам поди отличи проигрыш от победы.

Вечность – нежный товар, трепетней курса ффранка.
Не серебро фанфар – ноздрёвская шарманка

На парадном плацу вихрем тебя закружит.
К этакому ль венцу устремлялся, Мальбруже?

Вёдро Аустерлица стало добычей тучам.
Впору бы застрелиться – да стрелять ли обучен?

НФ

Румата улетел, пришла его пора.
В межзвёздной пустоте летит его корабль.
В кромешной темноте, вдали небесных тел.
Румата улетел,
Румата улетел,
Румата улетел.

Румата улетел, его простыл и след.
От ваших важных дел, от ваших горьких бед.
И миллионы глаз с небес следят за ним.
Придётся нам самим,
придётся нам самим,
придётся нам самим.

Так затейлив узор на замёрзшем окне,
и, преломлена этим узором,
леди Винтер верхами на бледном коне
объезжает владенья дозором.
Мы с испугом глядим, словно звери из нор,
на неё в одеянье Годивы:
осторожнее будь, шевалье Кагельмор –
заморозит активы.

Видишь, солнце встаёт, как оживший мертвец,
ежедневный урок задавая:
проложить из осколков разбитых сердец
первый контур нескорого мая.
И об эту задачу крошатся умы,
и царят на пространствах холодных
полушубки, маршрутки, печные дымы
да узоры на окнах.

Не решишь – и не кончится эта зима,
проигравшая вечность в кальмара.
Возвращаясь с охоты, увидишь с холма,
как с борейских небес набегают волна –
и пчелой в янтаре через час подо льдом
наш весёлый Бедлам, наш уютный Содом,
слюдяной Карфаген, лубяной Вавилон,
костяная Самарра.

Carmenere (голосом Вертинского)

Как играет антикварный Гварнери.
В этом звуке – восхитительный риск.
Принесите нам вина карменере
и корзину золотых *honey crisp*.

Между будущим зависнув и прошлым,
наслаждаемся под шум в голове
незаслуженным и слишком роскошным
этим завтраком на тёплой траве.

Богохульствуй, грохочи, святотатствуй.
Слово сорное – как с гуся вода.
Может стать, добрый друг, может стать,
мы не встретимся потом никогда.

Вот и солнце на осеннем пленэре
закатилось, как клубок за кровать.
Принесите нам вина карменере,
и пора уже наш счёт закрывать.

Dido's lament

«Не говори ничего. Молчи.
Когда-нибудь я умру.
Расплавится пламенем воск свечи.
Иссохнет ручей в жару.
Белый парус собьёт волной,
лодка пойдёт ко дну.
Забудь обо всём, что было со мной,
помни меня одну.

Когда истаю от сих до сих,
до крох, до малейших йот,
от звёзд небесных до звёзд морских
мир меня отпоёт.

Когда уйду в земной перегной,
недолгий окончив путь,
помни лишь обо мне одной.
Что было со мной, забудь.

Лишь об одном я тебя молю
в канун последнего дня.
Ведь ты полюбил не участь мою,
ты полюбил меня.
В том, что не вечно всё под луной,
не стоит винить луну.
Забудь обо всём, что было со мной,
помни меня одну.»

Дремлет тихая заводь.
Если угодно – прыгай.
Можно учиться плавать.
Можно родиться рыбой.
Господи, отчего же мы
не летаем, как птицы?
Плавать учиться можно.
Рыбой нужно родиться.

Когда мы уйдём со сцены,
рабочий сдвинет кулисы.
За ними скроемся все мы -
актёры или актрисы.
И будут сброшены маски,
и переменятся платья.
И сразу кончится сказка,
когда мы решим, что хватит.

Когда мы решим, что хватит,
дракон унесёт принцессу.
И это ярче всех свадеб
и круче любого секса.

И будут кончены споры,
и будут названы цены.
Но это будет нескоро,
когда мы уйдём со сцены.

Покуда льются с балкона
потоки лунного света,
мы здесь – как будто шпионы
с какой-то другой планеты.
До наступленья финала
беря выше и выше,
мы посылаем сигналы
в надежде, что нас услышат. ■

ММ

Ирина ОЗЁРНАЯ

📍 Саратов – Москва, Россия –
Иерусалим, Израиль

Фото: Соня Таубин

Поэт, прозаик, литературовед. Автор сборника «По ходу жизни» (Иерусалим, 2015) и многих публикаций в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Огонёк», «Минувшее», «Иерусалимский журнал», «Дерибасовская-Ришельевская» и др. Член Союза писателей Москвы.

Я пишу не стихи, а стишаги.

Это изобретённый мною жанр.

Почему стишаги?

Потому что я люблю ходить.

Причём своими дорогами.

Стараюсь обходить чужие и не возвращаться на пройденные.

Чтоб не завязнуть в собственных следах.

Так и живу. Шаг за шагом. Стишаг за стишагом.

Из «Саратовских страданий»

◇ ◇ ◇

*Моим саратовским друзьям.
Всем вместе и каждому по отдельности.*

Вновь саратовский причал
Проводник мне прокричал
Или лётчик, иль наводчик
Что на нас с тобой стучал
В прошлой жизни между прочим
Было всё у нас, что хотим
И не хотим. И не прочим
Не пророчим наперёд
Мы с тобою вновь хохочем
Попирая тонкий лёд
Через Волгу путь недолгий
А на небе самолёт
Он умчит меня вперёд
Влево, вправо путь мой правый
Путь мой вовсе не за славой
Оказался очень славным
Новый взгляд, но тот же рот
Произносит: по-во-рот
Новых мыслей огород
Авантюр невпроворот
Вечно театральный ход
Жизни нашей хоровод
Здравствуй, лысогорый мот
Желтоглавый садовод
Город детства, дружбы, песен
Был всегда ты интересен
Но однажды стал мне тесен
Как обшивку детских нот
Переросших свой черёд
И рискнувших, и рванувших
В неизвестности полёт
Здравствуй, город прежних нот
Вот.

Иерусалим, 2018

Два платья времени

Диптих

1

Прочла в какой-то рекламе текст, который навеял забавные воспоминания из по-запрошлой жизни. Но поначалу сам текст:

«Длинное платье на бретельках – знак Вашей исключительности.

Платье без сомнений является истинным воплощением женственности.

В летний период такие платья позволят Вам выглядеть стройнее и шикарнее.

Длинное платье на бретельках – идеальное решение для торжеств.

Длинное платье на бретельках – незабываемый вечер гарантирован».

Я не читала этого текста, живя ещё в Саратове в самом начале 1980-х, но к торжественному открытию музея Федина, в котором работала научным сотрудником с первого его кирпича, заказала портнихе именно такое платье.

Мне повезло: в магазин «Ткани» на проспекте Кирова завезли дорогой, роскошный, французского происхождения шёлк тёмно-зелёного, или так называемого бутылочного цвета, на отрез которого мне каким-то чудом хватило денег. Ткань была непрозрачной, довольно тяжёлой, типа креп-сатина, матовой, в общем – сплошное благородство и стиль. Фасон я придумала простой и изысканный: на каждом плече – по две тонких бретельки, упиравшихся в пятисантиметровую поперечную резинковую сборку, от которой платье ниспадало на манер туники, до щиколотки. С правого боку его украшал высокий разрез. Носить его можно было с тонким (шириной с бретельку) длинным поясом, заматывающимся по всей длине моей талии в несколько этажей, а можно было и без него. По настроению. К платью у меня были очень красивые янтарные украшения. Короче, успех, как мне казалось, был гарантирован.

Открытие музея пришлось на чрезвычайно жаркий, припахивающий потом, июньский день градусов под сорок. Но к моему тогдашнему наивному изумлению представители местной власти нарядились вовсе не по погоде. Мужчины были в классических и далеко не летних пиджаках, а женщины – в наглухо закрытых платьях из плотного кримплена или тоже в деловых, раскалённых полуденным солнцем, костюмах.

Помню поразившее меня платье, надетое на многоярусную даму по фамилии Боброва из обкома КПСС, переброшенную некоторое время назад из сельскохозяйственного отдела на культуру в качестве её предводителя. Исполинский бюст этой мадам, подпираемый не менее выдающимся животом, украшали огромнейших размеров розы, по штуке на каждую часть тела. Декор бездыханного синтетического облачения для торжественных случаев, был, безусловно, продуман тщательно.

Ко мне, помнится, подошёл тогда ещё только будущий главный редактор журнала «Волга» Серёжа Боровиков и сказал с комплементарной завистью: «На тебя даже смотреть прохладно».

Короче, высокое начальство, а с ним и наше музейное, низкое, не допустило меня в моём изысканном, можно сказать, французском платье для торжественных случаев вести экскурсию и принимать официальное участие в празднике, сообщив, что наряд мой – для пляжа. Тогда я плюнула на всё и всех, уехав на рекомендованный мне пляж, а потом – и вовсе в Москву.

Да, ребята, Саратов – это вам не Париж!

А ведь не врёт реклама, обещающая, что в длинном платье на бретельках гарантирован НЕЗАБЫВАЕМЫЙ праздник.

2

Надену платье прошлое
Тридцатилетней давности,
В цветочек сельский, чёрное,
Фонариком рукав,
С резинкою на талии,
С оборками купечьими,
Большим квадратным вырезом
И бусы подберу
К нему, давно истлевшему
В тридцатилетней давности.

Приду к тебе забытому
В тридцатилетней давности,
Развязно так, бессмысленно,
Бездумно вдруг приду.
Спрошу: тебе, мол, нравится
Наряд мой прошлый ситцевый?
Красива ль я в нём юная
В свои сто двадцать пять?

Зелёными зеницами
Обид не приукрашивай,
Всё стёрто вихрем лиховым,
Всё напрочь сметено.
Всё прощено, что прожито
И ничего не страшно нам.
И за колючим облаком –
Небесное авто.

Иерусалим, 2015–2016

Суть вещей

Стишаги 2016–2023 годов

Арабеска

Её влечёт к стеклу –
окну, стаканам,
блюдечкам из синего стекла,
как бабочку по ветру Вечности несёт
и тянет на стекло, светящее во мраке,
чтоб разглядеть узор,
предложенный ей жизнью.

Чтоб описать, нарисовать, заметив,
приметить сквозь стекло
приметы жизни вечной,
у Вечности в плену задерживаясь
для того, должно быть.

Быть, чтоб глядеть и видеть.
И писать. Чтоб говорить
о красоте последней.
В момент один прекрасный,
разбившись о стекло,
проститься с красотой,
оставив след узорный.

Ежедневник

На рассвете дано было дню обещанье,
Что он состоится как личность. День
ждал весь день.
Готовился преобразиться,
чтоб стать непохожим на прошлый день.
И позапрошлый и поза-поза...
Ну, бабе легче – кобыла с воза! –
фыркнул обманутый день, засыпая.
Ни мига поэзии! Проза сплошная.
Плоская, тощая, пошлая, длинная,
мелким дождём – не осенними ливнями! –
каплет на лист моей жизни спешащей.
Ох, как же хочется настоящего!!!

И грезилась ему новые обещанья,
ливни поэзии на прощанье.

Пропойца ветер

А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер.

В. Лебедев-Кумач

Пропой-ца ветер был весёлым,
Пропой-ца песни все не прóпел.
Они не ууу-тикали с ветром,
А всё кружиии-лися над нами.

Попой-ка ветра разыгралась,
Раззз-бушевалася попойка,
Раздухарилась духовыми,
Аэрофонилася бесстыдно
В ночи беззвучной, сонной, синей
Трубила в трубы, как шальная,
Сурдинилася под сурдинку,
Браслетами литавр звенела
И трубно била в барабаны!

Под утро скрипками захныча,
Усталость ветра проявилась,
Валторновая колыбельность
Уууу-тихомирила реальность,
Рояльная аккордность пала
До пианисимого пьяно,
До полусонного напева,
До однонотного сопенья
Мелодии отдохновенья
Покорности и засыпанья
В надежде – вновь проснуться
С ветром.

Memento mori

Как Антей держусь за Землю,
Как Атлант – держусь за Небо,
Как Гермес быстрее ветра
Уношусь куда невесть.
Но куда? Уже маячит
Впереди Харон лукавый,
Дружелюбно предлагает
Мне с разбегу в лодку сесть.

Из цикла «Переезд»

Интерлюдия

Словно брошенная мужем женщина
 стареет комната на глазах,
 оплакивая каждую привычную вещь,
 исчезающую впопыхах.
 Ах-ах-ах! – стонет комната – Ах-ах-ах!
 Ох!
 Не бросайте меня, я любила вас,
 защищала вас.
 Мои стены надёжны, крепки и сейчас.
 Ах-ах-ах! Ах-ах-ах!..
 Вздых.
 Выстрел двери и дробь равнодушных шагов.
 Ох!..

Окну прощальный реверанс

Окно аквамариновое небом окрашенное,
 Опрокинутым в море моего корабля.
 Иллюминатор диковинный – во всю стену аквариума,
 Где рыбой-кит-чудой-юдой фонтанирую я.

Сколько взглядов на этом окне отпечталось,
 Опечатаны им все печали и чаянья,
 Плач, улыбки и смех, болтовня и молчание.
 Мы грядущей разлукой с окном опечалены.

Ах, окно-великан с пола ввысь устремлённое,
 Потолком осаждённое – не пускает подлец
 Взвиться в небо бескрайное, влиться в море солёное,
 Плыть, лететь, быть свободным и свистать, как скворец.

Моё око всеглядное ты, окно дальновидное,
 Монитор настоящего, светоларец,
 Ночью завесью сказочной притворишь очевидное,
 Звёздной брошью украшенное на парадный конец.

В дому остановились все часы.
И время бьётся только в телефоне.
Без сердцетиканья.
В молчанья обертоне
Не позвонишь мне,
каламбурствуя в усы
гусарские,
гусаря для красы
момента,
замершего в линиях ладони.

О пользе цитрусовых

Болезнь и смерть не стоит замечать.
Пускай стучатся, если им не лень,
Ну ведь не всем хотим мы открывать,
Да и не всем должны мы открывать
Дверь всякий день.

Ну да, не всем. Представьте – к вам лмятся
Средь бела дня грабители, убийцы!
Вы что – откроете? Впустить их захотите?
Своей рукою распахнёте дверь?

Нет! Вы её покрепче укрепите,
Придвинув шкаф к ней, скажем, или стол
Дубовый, неподъёмный и высокий,
Бесшумно заберётесь на него
Для утяжеленья сей заставы
И в щёлку плюнете на хворобье с костлявой
Совсем-совсем неслышно: «Кто кого?!!»

Затем займётесь неотложным делом
Без нервов, без оглядки, без предела,
Забыв про них. Им надоест – уйдут.
Но только не забудьте съесть грейпфрут
Для укрепления здоровья в целом. ■

Mu

пъса

ММ

Алекс ТАРН

📍 Бейт-Арье, Израиль

Фото: Тамара Плисс

Израильский русскоязычный прозаик, переводчик, драматург, публицист. Родился в 1955-м. Вырос, учился и работал в Питере. В Израиле с 1989-го, живёт в поселении Бейт-Арье, в Самарии.

Автор многих книг, опубликованных в издательствах «Эксмо», АСТ, «Русь-Олимп», «Феникс», «Книжники», «Эннеагон», «Исрадон» и др. Романы, рассказы, эссе и стихотворные переводы публиковались в литературных журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Звезда», «Крещатик», «Иерусалимский журнал». Две пьесы увидели сцену в Шяуляйском драматическом театре («Дибук», в переводе на литовский, постановка Р. Баниониса) и в Национальном молодёжном театре им. Мустая Карима («Ледниковый период», в переводе на башкирский, постановка А. Зиганшина).

Лауреат литературных премий: финальная шестёрка «Русского Букера 2007» (за роман «Пепел»), Госпремия им. Ю. Штерна (за вклад в израильскую культуру, 2014), премия им. Э. Хемингуэя (за роман «Мир тесен для инопланетян», 2018), премия им. М. Алданова (за лучшую повесть русскоязычного зарубежья – «Последний Каин», 2009).

Пьеса «Последний Каин» – драматургическая переработка одноимённой премиальной повести.

Последний Каин

*Чёрное реалити-шоу или шоу чёрной реалити
в 2-х действиях и многих картинах*

Действующие лица

СЕЛИФАНСКИЙ	оператор телепрограмм реалити
ПОЛ ЧИЧКОФФ	продюсер
МАРГАРИТА	проститутка с острова Кипр
КАПИТАН ЗЕЛЁНЫЙ	военнослужащий Н-ской воздушно-десантной дивизии
ИСЛАМ МОЙДОДЫРОВ	северо-кавказский горец
ГЕРИНГ	прибалтийский ариец
ИЛАНА ГОРЕЛИК	активистка из московской либеральной тусовки
МАША СКОБАРДА	координатор движения «Давай, Россия!»
КРЫЖОВНИК	идиот от рождения
ПЕТРО БАНДУРА	деятель оранжевой революции
НАДЯ ДОЛОТО	художница-акционистка из арт- группы «Открытие Канта»
НИКОЛАЙ	уроженец Чукотки
1-й ТИХАРЬ	телохранитель
2-й ТИХАРЬ	телохранитель

Действие первое

В полной темноте – звук набегающих на берег морских волн. Затем луч света падает на авансцену, выхватывая из темноты сидящего человека. Это Селифанский. В руках у него видеокамера.

СЕЛИФАНСКИЙ (*поднимая голову и глядяваясь в зал*). Ну что, начнём? Времени у меня не так много, пока батарейки фурычат. Давайте, что ли, познакомимся. Просто так, для проформы. Сейчас я уже ни в чём не уверен, но ещё месяц назад меня звали Селифанский, оператор реалити-шоу. Да-да, я из этих, из тех, кто живёт по ту сторону глазка видеокамеры. Человек-невидимка... (*усмехается*). Даже трудно представить, как быстро вы забываете о моём присутствии.

Селифанский поднимает камеру и плавным движением обводит зал, делая вид, что снимает. При этом от камеры отваливается кусок, и становится понятно, что она разбита. Селифанский сокрушённо осматривает камеру, трясёт её, слышен звон разбитого стекла.

СЕЛИФАНСКИЙ (*снова поднимает камеру*). Поначалу вы ещё оглядываетесь на камеру, поёживаетесь, придерживаете язык. Но это ненадолго: и дня не проходит, как я становлюсь в ваших глазах призраком, прозрачной субстанцией, ничем. И тут уже вы разом перестаете поёживаться и развязываете не только языки, но и мешки со всей своей требухой, включая самую неприглядную. В этом смысле я немножко похож на Бога, не правда ли? Он ведь тоже всё время наблюдает за нами, а мы... а нам... а нам точно так же плевать хотелось на Его пристальное внимание. Пока дело не доходит до неприятностей. О, тут уже приходится хвататься за любую соломинку, в том числе и за оператора. А при чём тут оператор, господа? При чём тут Бог и при чём тут я? Мы ведь всего лишь операторы. А оператор всего лишь снимает... так что пожалуйста выплывать самостоятельно, будьте так любезны.

Только не подумайте, что я претендую на какую-то божественность или ещё что. Нет, всё так и должно быть. У каждого своё место. Везде. В программе реалити, или в кино, или просто в жизни. Кто-то выкобенивается перед камерой, кто-то снимает, кто-то монтирует, а потом все вместе смотрят, что получилось, как будто бы там можно увидеть что-то новенькое. Так вот, я – снимаю.

Наверное, поэтому у меня не очень-то ладится с содержательной частью личной программы: ну, там, с семьёй, дружбой и прочими драм-сюжетами. Ничего не поделаешь. Рождённый ползать летать не может. Говорю же: я не живу, я снимаю. В общем, один как перст. Весь в работе, можно сказать. А когда работы нет, места себе не нахожу. Судьба оператора, ничего не попишешь. Я это к чему...

Селифанский трёт ладонью лоб, откладывает камеру. Шум волн постепенно смолкает, затем тишину разрывает резкий телефонный звонок.

СЕЛИФАНСКИЙ. Я это к тому, что он позвонил как раз в тот момент, когда я сидел без работы. Хотя какая, собственно, разница...

Поднимается на ноги, одновременно освещается сцена. По трём её сторонам – большие экраны, на которые в данный момент проецируется городская улица, зрительный зал, сама сцена. Повсюду в беспорядке разбросано съёмочное оборудование – камеры, штативы, осветительные лампы, мотки кабелей. Из мебели – два простых стула, также заваленных аппаратурой и кабелями. Телефон продолжает звонить. Селифанский некоторое время ищет трубку, наконец находит.

СЕЛИФАНСКИЙ (в трубку). Алло.

ГОЛОС ЧИЧКОФФА. Господин Селифанский?

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). По напористой интонации я сразу понял, что говорит продюсер. Они произносят слова так, будто толкают тебя локтями. Я только и успел сказать...

СЕЛИФАНСКИЙ (в трубку). Э-э-э... (В зал). Но этот тип не нуждался в каком-либо ответе. Он сразу завопил...

ГОЛОС ЧИЧКОФФА. Вот и прекрасно! Вы ведь не возражаете, если я заеду прямо сейчас? Прямо сейчас вас устроит?

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). И снова он не дал мне шанса ответить (протягивает в зал трубку, слышны короткие гудки). А в дверь действительно постучали почти сразу.

Слышен стук в дверь.

СЕЛИФАНСКИЙ. Открыто!

Входят Чичкофф и два здоровенных тихаря. Один из тихарей остаётся у входа, второй проходит к другому концу сцены, и оба застывают в служебной позе телохранителей. Чичкофф же, не торопясь, оглядывает комнату.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Продюсер был молод, но не юнец, невысок, но и не из малорослых, одет модно, но с известным консерватизмом. Я сразу обратил внимание на его глаза: они словно жили самостоятельной жизнью, отдельно от своего хозяина. Не смеялись, когда он смеялся, не сердились, когда он изображал гнев. Но главное – там, в глазах, ярким пламенем горел огонёк одержимости, и это не могло не радовать: ведь одержимость – неперемнное качество настоящего продюсера. Была и ещё одна особенность, которую я подметил позже: время от времени он дёргал левой щекой – вот так (подёргивает левой щекой).

ЧИЧКОФФ (*поворачиваясь к Селифанскому*). Господин Селифанский?

СЕЛИФАНСКИЙ. Вы уже спрашивали. По телефону.

Чичкофф смеётся, покачиваясь с пятки на носок.

СЕЛИФАНСКИЙ. Чем обязан?

ЧИЧКОФФ. Меня зовут Пол, Пол Чичкофф. И у меня к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

СЕЛИФАНСКИЙ (*усмехаясь*). Звучит устрашающе, прям как в кино. Но я всего лишь бедный оператор. Поэтому вы никак не можете подложить мне в постель отрезанную голову моей любимой лошади. Вы же видите здешний интерьер. Из домашней живности в моём родовом поместье остались только крысы. Так что ближе к делу, господин Чичиков.

ЧИЧКОФФ. Моя фамилия Чичкофф. А вообще-то, зовите меня просто Пол. Без церемоний. Я читал ваше резюме... кстати, там не указано имени...

СЕЛИФАНСКИЙ (*пожимая плечами*). Зачем оператору имя, если его всё равно никто не замечает? Зовите меня просто Селифанский, господин Чичкофф. Без церемоний.

Чичкофф смеётся.

ЧИЧКОФФ. Вы мне уже нравитесь. Что ж, давайте ближе к делу. Речь идёт о телевизионном реалити-шоу. В американском оригинале оно называется «Выживший», в России – «Последний герой», в...

СЕЛИФАНСКИЙ (*останавливает его*). Погодите. Мне всё равно, как это называется. Работа знакомая. Делал такое, и не раз. Где съёмки? Когда? Сколько операторов?

ЧИЧКОФФ. Оператор один. Вы. Вы и больше никого.

СЕЛИФАНСКИЙ. Один?! Вы понимаете, о чём говорите? Нет-нет, так не получится. Нужно минимум десять.

ЧИЧКОФФ (*ласково треплет Селифанского по плечу*). Я уверен, что вы справитесь. Поставите столько автоматических камер, сколько понадобится. Дайте мне список любой аппаратуры, любой электроники – получите всё, что надо, в лучшем виде. Подумайте сами, господин Селифанский: разве это не звучит заманчиво?

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Безумней продюсеров бывают только режиссёры, но предложение Чичкоффа в самом деле звучало чертовски заманчиво. Другие операторы всегда ужасно раздражают, особенно, главный. Лезут с дурацкими советами, с указаниями, а сами вечно норовят лажануться на ровном месте. Идиоты. И ведь действительно, если понатыкать в нужных местах много автоматических камер, добавить микрофоны, датчики и хорошую механику, то вполне можно справиться и в одиночку. Правда, потом будет уйма работы при монтаже...

ЧИЧКОФФ. И, кстати, о монтаже можете не беспокоиться. Этим займётся

особая команда. Ваше дело снять *(достаёт из портфеля папку)*. А вот ваш контракт. Обратите внимание на гонорар, господин Селифанский.

Селифанский берёт контракт, просматривает его и меняется в лице.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. О да! На такой гонорар было трудно не обратить внимания... Увидев подобную сумму, слетела бы со своей высокой орбиты самая элитная голливудская звезда. Я и в самом деле не мог отказать от Чичкоффского предложения, даже если бы и хотел. Но, честно говоря, я и не хотел отказываться. Я согласился бы и на существенно меньшие деньги. Чем дальше, тем заманчивей казалась мне техническая задача работы в одиночку. Всегда приятно отчебучить что-нибудь рекордное в своей профессии. Особенно за такие бабки... *(Чичкоффу)*. Где подписать? Здесь?

ЧИЧКОФФ. И здесь. А здесь инициалы. Прекрасно *(прячет папку в портфель)*.

СЕЛИФАНСКИЙ. Когда приступаем?

ЧИЧКОФФ. Если не возражаете, прямо сейчас. Деньги пошли с момента вашей подписи. Машина ждёт внизу, так что поторопитесь. Кастинг уже начался...

Чичкофф делает знак тихарям, и те в постепенно гаснущем свете приступают к переоборудованию сцены для продолжения действия. Селифанский выходит на авансцену – ярко освещена лишь она. Экраны тоже продолжают работать, иллюстрируя рассказ Селифанского.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. Кастинг – дело тонкое, особенно для реалити. Это вам не игровое кино, где всё подчинено сценарию и от актёра не зависит ровным счётом ничего. По сути, в кино он не более чем безмозглый манекен, тряпичная кукла. В нужных местах ему говорят пустить слезу, и он плачет. Говорят смеяться – ржёт. Иное дело – реалити. Почему, вы думаете, народ так западает на эти программы? Потому, что народу обрыдла фальшь безмозглых манекенов. Ему хочется настоящей слезы и настоящего смеха. А для этого нужна настоящая свара, настоящий конфликт. А для конфликта – соответствующие участники. Так что удачный кастинг тут жизненно важен, да *(дёргает левой щекой)*.

Но всему, знаете ли, есть предел. Когда выяснилось, что прямо из моего дома мы направляемся на аэродром, а оттуда арендованным самолётом на Кипр, я не смог удержаться от вопроса.

(Оборачивается к Чичкоффу, который задумчиво прохаживается за спиной Селифанского). Послушайте, Пол. Не кажется ли вам, что за актёрами нет смысла летать так далеко? Даю вам голову на отсечение, что можно с лёгкостью набрать пару сотен подходящих претендентов, не отходя больше километра от моей квартиры. А то и просто дать объявление...

Чичкофф подходит к Селифанскому вплотную и вперяется в него пронзительным взглядом.

ЧИЧКОФФ (*тихо и злоеце*). Не могли бы вы мне напомнить, господин Селифанский, ваши же собственные слова. Вы кто?

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Я моментально понял смысл этого вопроса. Понял и покраснел, как варёный рак. В самом деле: куда я лезу? Зачем? (*Чичкоффу поспешно*). Извините, господин Чичкофф. Я оператор. Я не имею права вмешиваться в детали содержания.

ЧИЧКОФФ. Не только в детали (*дёргает щекой*). Вы не должны вмешиваться ни во что, кроме своей прямой обязанности снимать. Вы – мой глаз. А назначение глаза – поставлять по возможности полную картинку. И всё, точка. Если же вы полагаете иначе...

СЕЛИФАНСКИЙ. Нет, нет! Извините... Мне и в самом деле ужасно стыдно за этот непроизвольный срыв. Уверяю вас, он абсолютно не характерен для моего обычного поведения. Вы совершенно правы, господин Чичкофф. Я всего лишь оператор и только оператор. Я повёл себя в высшей степени непрофессионально. Этого не повторится, обещаю вам.

ЧИЧКОФФ. Зовите меня Пол...

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). «Зовите меня Пол», – сказал он и отвернулся к иллюминатору. Из кабины пилота уже слышались хриплые реплики диспетчера: наш «гольфстрим» заходил на посадку в аэропорту Ларнаки. У трапа в микроавтобусе нас поджидал ещё один чичкоффский тихарь. Тихарями я называю телохранителей – за то, что они ещё молчаливей, чем мы, операторы. Похоже, в этом проекте всё было написано чуть ли не по минутам.

ЧИЧКОФФ (*глядя на часы*). Мы будем в отеле через десять минут, а участница придёт ещё через полчаса. Достаточно времени на то, чтобы расставить ваши игрушки. Есть возражения?

СЕЛИФАНСКИЙ. Никаких. Мне хватает той аппаратуры, которая есть с нами. Две стационарные камеры и одна с руки. Справимся.

ЧИЧКОФФ (*кивает*). Я рад, что не ошибся в вас, господин Селифанский. Видите ли, поначалу предполагалось начать съёмки прямо на острове, минуя кастинг. Но потом я решил, что процесс отбора тоже заслуживает внимания. Поэтому мы сделали небольшой крюк по дороге на Кипр, чтобы нанять вас, и как раз успели к намеченному времени...

СЕЛИФАНСКИЙ. Но как же... (*умолкает, словно спохватившись*).

ЧИЧКОФФ. Что такое?

СЕЛИФАНСКИЙ. Нет-нет, ничего.

ЧИЧКОФФ (*усмехается*). Господин Селифанский, наша небольшая размолвка не означает, что вам вовсе нельзя задавать вопросов. Что вы хотели узнать?

СЕЛИФАНСКИЙ. Вы сказали, что едва успели к намеченному времени. Получается, что вы сначала договорились с участниками, а только потом поехали нанимать меня? А если бы я отказался? На поиски другого опытного оператора мог бы уйти не один час, если не день... Разве это не сорвало бы кастинг?

ЧИЧКОФФ (*смеясь*). Что вы, господин Селифанский. Я не намеревался искать другого оператора. Мне нужны были вы. Именно вы и никто иной.

СЕЛИФАНСКИЙ. Но я же мог...

ЧИЧКОФФ (*внушительно*). Вы не могли отказаться, господин Селифанский. Я не принимаю отказов.

Пауза.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Клянусь жизнью, он сказал это так, что мороз продрал меня по коже. Мне даже показалось, что один из тихарей ухмыльнулся. Впрочем, не исключено, что это всего лишь скрипнуло сиденье. Во что я ввязался? Во что? Кто он, этот чёртов продюсер?

ЧИЧКОФФ. Да не волнуйтесь вы так, господин Селифанский. Лиха беда начало. Привыкнете.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Мы поднялись в гостиничный номер, и я принялся за работу. Первая претендентка пришла точно в назначенное время.

На сцене установлены на штативах две камеры. Третья в руках Селифанского, который снимает с руки. Входит претендентка – это Маргарита. Экраны с трёх сторон демонстрируют претендентку и зрительный зал (изображение может быть как онлайн, так и снятое заранее, без попытки подделаться под онлайн). Чичкофф восседает на одном из двух стульев. Тихари застыли в сторожевых позициях. Войдя, Маргарита подозрительно оглядывает сцену.

ЧИЧКОФФ. Проходите, госпожа Маргарита, присаживайтесь...

МАРГАРИТА (*пытится*). Вас чего, четверо? Так мы не договаривались. Хотите вчетвером – платите за четверых. Нашли дурочку. А этот чего снимает? За съёмку дополнительно. Пусти, волчара! (*последняя фраза адресована тихарю, который, взяв женщину за локоть, силой усаживает её на указанный Чичкоффом стул*).

ЧИЧКОФФ. Насчёт денег не беспокойтесь, госпожа Маргарита... Всякий труд должен быть оплачен, особенно, такой древний и опасный, как ваш.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Труд! Характер этого труда можно было легко определить при первом же взгляде на «госпожу». Сильно потрепанная проститутка лет сорока, не слишком хорошо одетая и не слишком тщательно покрашенная. В её манере сквозила неуверенность: возможно, она ещё не скатилась до уровня придорожной девки, но и в такие дорогие отели её, скорее всего, давно уже не приглашали.

МАРГАРИТА (*тревожно*). Вы из полиции?

ЧИЧКОФФ (*дёрнув щекой*). Ну что вы, милочка. Разве мы похожи на полицейских?

Или на журналистов? Я хочу предложить вам работу на месяц, госпожа Маргарита... или, может быть, вы предпочитаете, чтобы вас называли вашим настоящим именем? Елена Ионовна Кодряну...

МАРГАРИТА (*поспешно*). Нет-нет, пусть будет Маргарита. А ещё лучше – Марго. Привыкла уже, чего там. А на месяц – это надо с хозяином договариваться. Я ведь тут не сама по себе.

ЧИЧКОФФ. Уже, госпожа Маргарита... э-э... Марго. Уже договорились.

Чичкофф кивает тихарю, тот достаёт из кармана мобильный телефон, тычет пальцем в кнопку, шелестит что-то неразборчивое и передаёт телефон Маргарите.

МАРГАРИТА. Алё... (*нахмурившись, слушает, затем молча возвращает мобильник*). Ну, и что это за работа? Порно?

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Тут, признаться, у меня ёкнуло сердце. В самом деле, если Чичкофф набирал проституток, то, соответственно, и шоу могло оказаться... ну, вы понимаете...

ЧИЧКОФФ (*смеётся*). Ну что вы, госпожа Марго... не льстите себе и не пугайте моего нового оператора. Речь идёт о вполне конвенциональном телевизионном шоу. Ничего общего с вашей основной профессией.

МАРГАРИТА (*вызывающе*). Моя основная профессия – обдирица третьего разряда. Я и училище кончала. А это так... хобби.

ЧИЧКОФФ. Вот и прекрасно! Хотя в течение ближайшего месяца вам не понадобится ни то, ни другое. Уверен, вы не раз смотрели телепрограмму, где группу людей высаживают на необитаемом острове и они...

МАРГАРИТА (*перебивает*). «Последний герой»? Ух ты...

ЧИЧКОФФ. Вот-вот! Я приглашаю вас в точно такое же шоу. Вы получаете редкую возможность стать телезвездой, госпожа Марго. Да ещё и неплохо заработать...

Чичкофф открывает портфель и достаёт папочку с договором.

ЧИЧКОФФ. Вот сумма, всего за месяц вполне невинных развлечений. И никакого... э-э-э... хобби. Взгляните. Надеюсь, вы не скажете, что мы вас обдираем, госпожа обдирица третьего разряда?

МАРГАРИТА (*берёт договор, смотрит и недоверчиво поднимает глаза*). Это всё мне?.. за месяц?.. (*дёргает левой щекой*).

ЧИЧКОФФ (*устало*). Подписывайте, гражданка Кодряну. Вы уж извините, но в официальном документе проставлено настоящее имя... Ну, вот и славно (*возвращает подписанный договор в портфель*). Вы начинаете прямо сейчас, в эту минуту. Этот господин вас проводит (*кивает 2-му Тихарю*).

МАРГАРИТА (*изумлённо*). Прямо вот так? Но мне надо... вещи... и позвонить...

ЧИЧКОФФ. Не извольте беспокоиться, все необходимые вещи вы получите на месте. А вот позвонить – это уже извините. Это только через месяц. А может, и через неделю, если раньше вылетите. До свидания, госпожа Марго, до свидания...

Подталкиваемая 2-м Тихарём, Маргарита выходит. Селифанский с камерой сопровождает её до самого выхода, а затем выходит на авансцену и начинает просматривать отснятый материал на экранчике камеры. Затем поворачивает лицо к залу.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Я изо всех сил старался думать только о съёмке и держать свои вопросы при себе. А вопросы были. Честно говоря, эта облупленная проститутка совсем не выглядела телегеничной. На всех тех, без ложной скромности, многочисленных кастингах, в которых мне приходилось участвовать, её забраковали бы уже на первом этапе. Удивительно, что Чичкофф подписал эту двадцатидолларовую Марго сходу, не раздумывая. А если следующие претендентки окажутся лучше? К тому же эта наглая дура ещё и вздумала его передразнивать... я имею в виду щеку (*дёргает щекой*). Впрочем, может быть, это было непроизвольно, от волнения.

ЧИЧКОФФ. Господин Селифанский, что вы там возитесь? Время, время!

СЕЛИФАНСКИЙ (*поспешно*). Да-да, я мигом. Сейчас проверю камеры и можно запускать следующего.

ЧИЧКОФФ. Какого следующего?

СЕЛИФАНСКИЙ. Претендента, кого же ещё. Мы ведь делаем кастинг, нет? Сколько их ещё на сегодня?

ЧИЧКОФФ. Здесь – никого. На Кипре мы закончили. Остальные ждут нас в других местах. Поторопитесь, господин Селифанский. Собирайте свои игрушки, наш самолёт вылетает через полтора часа.

Чичкофф вынимает из кармана мобильный телефон и уходит в глубь темнеющей сцены. Селифанский остаётся на освещённой авансцене. Он в сильнейшем изумлении.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Слыхали?! Такого кастинга действительно свет не видывал! Прилететь на Кипр ради одной потасканной шлюхи! Но я не стал задавать вопросов. В конце концов, я всего лишь оператор, не так ли? А коли так, то, давай, развинчивай треногу и помалкивай... Самолёт через полтора часа...

За его спиной в темноте сцены – неясное движение тихарей. Чичкофф то появляется на авансцене с мобильником у уха, то вновь скрывается в темноте. Экраны сопровождают рассказ Селифанского, иллюстрируя и поддерживая его.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Ага, самолёт... знал бы я, что мне предстоит. С Кипра мы улетели всё тем же частным «гольфстримом», который, судя по всему, принадлежал Чичкоффу. Однако в Н-ский гарнизон, затерянный где-то в степи на границе с Казахстаном, пришлось добираться уже на военном вертолёте, сквозь пыльную бурю. Нас порядком растрясло, и к моменту приземления я уже умирал от усталости. Но, как выяснилось, это было только начало... Нашей целью в этом ишачьем углу был капитан Зелёный – ничем не примечательный гарнизонный офицер, из тех, на чьих зубах всегда скрипит песок плаца с матом пополам.

Сцена светлеет. Селифанский подхватывает камеру и присоединяется к Чичкоффу и двум тихарям, которые уже расположились в глубине сцены. Слышен стук в дверь.

ЧИЧКОФФ. Входите, капитан, входите.

Входит капитан Зелёный. Он одет в потрёпанную полевую форму.

КАПИТАН (*kozyряя, отрывисто*). Капитан Зелёный прибыл согласно распоряжению.

ЧИЧКОФФ. Вот и прекрасно... Хочу сообщить вам хорошую новость, капитан. Вы на месяц прикомандированы к нашему съёмочному коллективу. Вот приказ.

Чичкофф достаёт из портфеля папочку, извлекает документ и протягивает его капитану. Тот берёт бумагу, читает. Он выглядит растерянным и огорчённым.

КАПИТАН. Но это ж... нахбля... Как же это, нахбля... прям сейчас, нахбля?

ЧИЧКОФФ (*улыбается*). Прямо сейчас. Как видите, приказ из Москвы. Из Генштаба. Армия и Россия посылают вас в горячую точку. Как в песне (*поёт*) «Когда нам даст приказ товарищ...» (*прищёлкивает пальцами*)... кто там у нас нынче в товарищах?.. ну, неважно... «и первый маршал в бой нас поведёт!» Ну, а первый маршал, стало быть, я (*щёлкает каблуками и протягивает капитану руку*). Первый Маршал Чичкофф, прошу любить и жаловать.

КАПИТАН (*растерянно пожимая руку Чичкоффа*). Горячая точка? Это куда же, нахбля? На укропов?

ЧИЧКОФФ. Южнее, капитан, южнее...

КАПИТАН. Что, на грызунов?

ЧИЧКОФФ. Южнее, южнее...

КАПИТАН. Да ну, нахбля... неужто опять Афган?

ЧИЧКОФФ (*улыбаясь, показывает рукой*). Ещё, ещё...

КАПИТАН (*в полной растерянности*). Куба? Венесуэла? Ангола? Антарктика, нахбля?

ЧИЧКОФФ. Отставить, капитан Зелёный! (*Дёргает щекой*). Куда Родина скажет, туда и пойдёте. Одно скажу: на сей раз воевать не придётся. Формулирую поставленную задачу: военно-патриотическое воспитание молодёжи посредством личного примера. Учтите, капитан, на вас будет смотреть вся страна. И, само собой, отцы-командиры. Это ваш шанс, капитан. Такое даётся раз в жизни.

КАПИТАН (*угрюмо*). Шанс, нахбля... у меня жена на сносях. Вот-вот родит, нахбля. Как я её оставлю? Возьмите кого другого, хоть майора Строева. От него жена ушла, нахбля, ему всё равно.

ЧИЧКОФФ (*подойдя к капитану вплотную, мягко*). Ты что, совсем не врубаешься, Зелёный? Говорю же, это твой шанс. И твоей семьи тоже. Ну сам подумай: что ты в жизни видел, кроме своего плаца? Афган? Чечню? Ты ведь по этой сраной глуши с самого училища скитаешься, так?

Ждёт ответа, но капитан угрюмо молчит.

ЧИЧКОФФ. Так. А что имеешь? Эти четыре мелких звёздочки на погонах? Две комнатухи в офицерском бараке? Жалованье, о котором говорить стыдно? Супругу, которая проклинает тот день, когда тебя встретила? От Строева жена ушла, а от тебя, думаешь, не уйдёт?

КАПИТАН (*угрожающе*). Ты это... нахбля... не трожь! Первый маршал, нахбля... Я, нахбля, не посмотрю... Нашёлся, нахбля! (*дёргает щечкой*).

Тихари придвигаются ближе, но Чичкофф останавливает их знаком.

ЧИЧКОФФ (*всё так же мягко*). Не кипятись, капитан. Я ведь правду говорю.

КАПИТАН. Нахбля такую правду!

ЧИЧКОФФ. Вот тут я с тобой согласен! (*достаёт из папочки ещё один документ*). Знаешь, что это? Приказ о твоём переводе в Московский военный округ. При условии положительной рекомендации по итогам данной командировки. Врубашься, Зелёный? Вот, нахбля, читай, нахбля! И скажи, чего бы твоя жена больше хотела: здешние удобства во дворе или квартиру в Одинцово, московские магазины, хорошую школу для детей, нормальную жизнь? Нормальную, слышишь?! Если не хочешь ничего этого, тогда ладно, вали отсюда на гауптвахту...

Пауза. Капитан оторопело переводит взгляд с бумаги на Чичкоффа и обратно. Селифанский вертится вокруг с камерой, берёт крупные планы. На одном из экранов – лицо капитана. Он достаёт из кармана платок, снимает фуражку, вытирает выступивший пот.

ЧИЧКОФФ (*требовательно*). Ну?!

КАПИТАН. Слушаюсь. Будет исполнено...

ЧИЧКОФФ. То-то же... Поступаешь пока в его распоряжение (*делает знак 2-му Тихарю*). Он проводит. Господин Селифанский, собирайтесь.

Капитан идёт к выходу в сопровождении тихаря.

ЧИЧКОФФ (*окликает его у самых кулис*). Эй, капитан! (*Зелёный оборачивается*). И оставь ты это «нахбля». (*показывает в зал*). Перед людьми стыдно. Ты ведь теперь вежливый, согласно командировочного предписания. Ты теперь не просто капитан Зелёный, ты вежливый Зелёный человек. Как понял? Приём.

КАПИТАН (*щёлкает каблуками*). Понял, нахбля! Будет исполнено, нахбля!

Чичкофф безнадёжно машет рукой. Капитан и тихарь скрываются за кулисами.

ЧИЧКОФФ (*Селифанскому*). Вот с кем приходится работать. И это ещё не самый худший вариант, уверяю вас. (*После паузы*). Два «мерседеса».

СЕЛИФАНСКИЙ. Простите?

ЧИЧКОФФ. Два «мерседеса». Приказ о его командировке и условном переводе стоил мне всего два «мерседеса». Продали и глазом не моргнули. Дешёв нынче российский офицер. Вы пока собирайтесь, собирайтесь...

Сцена темнеет, на авансцене вновь остаётся лишь Селифанский со своей камерой.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Наш следующий участник проживал во Владикавказе. Впрочем, слово «проживал» здесь не подходит. Участник с многообещающим именем Ислам Мойдодыров во Владикавказе *содержался*. Он занимал одиночную камеру в самом дальнем конце самого нижнего подземного этажа самой охраняемой тюрьмы Северного Кавказа. Что явно характеризовало его особый статус даже в этом, весьма особом заведении, куда, как объяснил мне Чичкофф, помещали только самых отпетых боевиков и бандитов. Большинство из них сидели здесь без суда и считались погибшими или пропавшими без вести. Понятия не имею, зачем их оставляли в живых – вероятно, для дальнейшей торговли или для каких-то других загадочных, но, несомненно, паршивых целей, которыми не оскудевает любая война. Снимать мне разрешили только в самой камере. Мойдодыров сидел на полу, в железном ошейнике, прикованный цепью, как дворовая жучка. Параша воняла.

На сцене – скованный цепью человек в ошейнике. Это Ислам Мойдодыров. Он грязен и гол, если не считать прикрывающей срам рваной тряпки. Селифанский с камерой осторожно кружит вокруг него, как вокруг опасного зверя. Чичкофф усаживается на поднесённый тихарём стул.

ЧИЧКОФФ. Салям, Мойдодыров. Не передумал?

МОЙДОДЫРОВ (даже не взглянув на него). Пошёл прочь, пёс.

ЧИЧКОФФ. Пёс на цепи сидит. И, по-моему, на цепи здесь ты, а не я. Так кто из нас двоих пёс? (С интересом оглядывается вокруг). Я вижу, тебе в карцере нравится.

МОЙДОДЫРОВ (презрительно). Думаешь карцером меня испугать? Плевал я на твой карцер. Ты мне вообще ничего сделать не можешь, кроме как убить, понял? Ну так и убивай. Шахиду смерть не страшна. Не пойду я к тебе под твою дудку танцевать.

ЧИЧКОФФ. Это почему же? Неужели в тюрьме лучше?

МОЙДОДЫРОВ. Лучше. Пока я здесь, меня друзья помнят. А помнят – значит выкупят. Мы своих не бросаем. Не то что ваши собаки.

ЧИЧКОФФ. Я ж тебя не навсегда беру. Через месяц вернёшься в свою конуру. А пока – чем плохо отдохнуть? Солнце, море, девушки...

Пауза. Мойдодыров поднимает голову и впервые пристально смотрит Чичкоффу в глаза. Тот не отводит взгляда, и какое-то время они словно соревнуются, кто кого переглядит. Побеждает Чичкофф.

МОЙДОДЫРОВ (потупившись). Уйди...

ЧИЧКОФФ. Ну, если тебе девушки не интересны, то есть там и другие достопримечательности. Например, враги. Ты ведь врагов любишь, правда? Мы вот только что одного армейского капитана подписали. В Чечне воевал, в Афгане, всё как положено. Будет тебе, с кем поговорить по душам.

МОЙДОДЫРОВ. Тут таких разговорчивых хватает. И капитанов, и майоров, а бывает, и генералы захаживают.

ЧИЧКОФФ. Ну ты сравнил! Одно дело тут, на цепи и со связанными руками. Небось, ещё и к потолку подвешивают? Ну скажи, ведь подвешивают, а? (*Смеётся*). Вижу, подвешивают, ещё как подвешивают... Больно, наверно? Больно, ещё как больно... Но я ж тебе совсем другое предлагаю, дурная твоя башка. Я ж тебе предлагаю на равных, без цепей. Руки-ноги свободны, никто не мешает, говори – не хочю... Я вам даже мачете подарю, чтобы беседа веселее пошла. Ну? Неужели не нравится? Или забоялся? А? Такой джигит и вдруг забоялся! Стыдоба-то какая...

Пауза. Затем Мойдодыров поднимает голову.

МОЙДОДЫРОВ. Врёшь ты... Не знаю, зачем я тебе нужен, и знать не хочу. Одно знаю точно: врёшь. Волк ты бешеный, вот кто. Волчище. Я и сам волк, но из другой стаи. А чужим волкам веры нету. Уходи.

Чичкофф безнадежно вздыхает, разводит руками и встаёт.

ЧИЧКОФФ. Что ж, как знаешь. Насильно мил не будешь. Я ведь тебя мог бы и силой забрать. Упаковать в клетку и отвезти куда надо. Разрешение есть, накладные готовы, сдал-принял-опись-протокол... Тем более, что в живых ты давно уже не числишься. Тебе, небось, газету показывали? Ну вот. Что там было, в газете? Не скажешь? Ну и не говори, я ведь эту газету трёхлетней давности тоже читал. «Известный боевик Ислам Мойдодыров застрелен во время контртеррористической операции». Чёрным по белому. Так что я могу тобой распоряжаться, как хочу, проще, чем с псом на цепи. Потому как пса хотя бы общество охраны животных защищает, а тебя никто. Вообще никто, слышишь? Я с тобой всё могу сделать, все, что захочу. Но мне, понимаешь ли, согласие твоё требуется. У меня там игра, а в игре правила, а правила соблюдать надо. Как говорится, добровольно и с песнями. Так как? В последний раз спрашиваю...

МОЙДОДЫРОВ (*тихо*). Уйди...

ЧИЧКОФФ (*снова вздыхает*). Ладно, как хочешь. (*1-му Тихарю*). Пристрели эту гниду. Он мне больше ни к чему. Только без шума. (*Селифанскому*). Это можно не снимать, господин Селифанский...

Чичкофф поворачивается к Мойдодырову спиной и делает несколько шагов к выходу. 1-й Тихарь достаёт пистолет и начинает навинчивать на ствол глушитель. Селифанский явно шокирован происходящим. Затем Чичкофф останавливается, словно припомнив что-то.

ЧИЧКОФФ. Ах, да, совсем забыл... (*порывшись в портфеле, достаёт тонкую стопку бумаг и бросает их на пол перед Мойдодыровым*). Вот, полюбуйся перед смертью.

МОЙДОДЫРОВ (*со злым торжеством*). Сам любуйся, собака! Нечем тебе меня взять, понял? Нет у меня ничего. Ни семьи, ни дома. Нечем. А смер-

ти я не боюсь. Стреляй, не бо... (вдруг осекается – взгляд его падает на один из листков).

Мойдодыров поднимает с пола листок, затем собирает другие. Смотрит на Чичкоффа, который возвращает ему насмешливый взгляд, затем принимается снова судорожно перебирать листки.

ЧИЧКОФФ (насмешливо). Как дела, Ислам? Откуда вдруг такой внезапный интерес к бумаге? Ты ведь давно уже подтираешься рукой. А впрочем, какая разница? Ты меня больше не интересуешь. (1-му Тихарю). Кончай его, дурака. Идёмте, господин Селифанский.

МОЙДОДЫРОВ (сдавленным голосом). Стой! Стой, гад... Я согласен. Слышишь?! Согласен! (принимается в отчаянии бить себя кулаками по голове).

ЧИЧКОФФ (возвращается). Эй, эй! Ты это брось по голове-то стучать. Она теперь моя. И кулаки эти тоже мои. Ты теперь весь мой с потрохами. Я прав? (Подходит к Мойдодырову вплотную, и, ухватив его за бороду, приближает его лицо к своему). Говори, гнида! Я прав?!

МОЙДОДЫРОВ (еле слышно). Прав...

ЧИЧКОФФ. Не слышу!

МОЙДОДЫРОВ. Прав...

ЧИЧКОФФ. Ну то-то же. (Тихарям). Упакуйте его получше – и к остальным. Уходим, господин Селифанский. Теперь уже окончательно...

Чичкофф и Селифанский выходят на авансцену; туда же тихари выносят два стула. Остальная сцена снова погружается во мрак, видны лишь экраны (где по-прежнему снятые с разных ракурсов крупные планы действующих лиц чередуются с видами зрительного зала и документальной съёмкой городских улиц, пейзажей, самолётов и прочих картин, иллюстрирующих рассказ Селифанского).

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Часом позже мы уже летели на север, в направлении Минска. Чичкофф выглядел довольным. Он пригласил меня сесть рядом. Тихари принесли обед и выпивку. Я вдруг вспомнил, что с утра почти ничего не ел. Темп, заданный моим продюсером, казалось, не предусматривал сна или приёма пищи. Теперь уже гонорар не казался мне несоразмерно большим. Уже к вечеру первого дня я не сомневался в том, что мне придётся кровью и потом оплатить каждый полученный цент.

Чичкофф и Селифанский сидят рядом на авансцене. Тихари приносят еду и выпивку и снова возвращаются в тень.

ЧИЧКОФФ (поднимая стакан). Выпьем за успех, господин Селифанский, вы не возражаете? Этот Ислам был самым крепким орешком. Теперь остались только лёгкие случаи... Ну, поехали!

СЕЛИФАНСКИЙ (выпив залпом). Пол, мне не хочется задавать лишних вопросов. Не хотите – не отвечайте, но мне просто любопытно...

ЧИЧКОФФ. Что это были за листки? О, в жизни не догадаетесь... (смеётся). Это были выкупленные мною лицензии на работу всех двадцати

восьми московских ресторанов, принадлежащих тейпу Мойдодырова. Есть предел человеческой стойкости, господин Селифанский. Чёрт с ней, с семьёй, с домом, даже с собственной жизнью... Но рестораны... рестораны... это, знаете ли... это уже граничит с вечностью и загробным счастьем шахида. Выпьём ещё?

Чокаются и выпивают.

ЧИЧКОФФ *(жуёт)*. Ешьте, ешьте, господин Селифанский. Вам просто необходимо расслабиться. Вы слишком напряжены. Видимо, что-то вас сильно беспокоит. Я прав?

Селифанский смущённо пожимает плечами.

СЕЛИФАНСКИЙ. Пол, в вашей правоте не сомневается теперь даже крепкий орешек Мойдодыров. Что уж говорить обо мне. Конечно, вы правы.

ЧИЧКОФФ *(хохочет)*. Красивый ответ! Вы мне определённо нравитесь. Но мне всё-таки хотелось бы хоть немного рассеять ваши опасения. В моих же интересах. Желательно, чтобы оператор не думал о посторонних вещах, а был сосредоточен исключительно на кадре. Не так ли? Я прав? *(Снова хохочет)*.

СЕЛИФАНСКИЙ. Определённо правы.

ЧИЧКОФФ *(отсмеявшись, берёт серьёзный тон)*. Поверьте, я понимаю ваши сомнения. То, чем мы сейчас занимаемся, мало похоже на традиционный кастинг, к которому вы, должно быть, привыкли.

СЕЛИФАНСКИЙ. Мягко говоря.

ЧИЧКОФФ. Я ценю вашу откровенность. Кастинг и в самом деле необычен. Но этому есть простое объяснение. Вы видите только верхушку айсберга. Конечно, вы ожидали, что перед вашей камерой, как это обычно бывает, пройдёт парад двухсот-трёхсот претендентов. Что мы будем сидеть, развалившись в удобных креслах, и неторопливо выбирать десяток участников. Но в том-то и дело, что вы включились в процесс на поздней его стадии. Видите ли, господин Селифанский, участники уже выбраны. *(Наклоняется ближе к собеседнику и повторяет внушительным тоном)*. Повторяю: все участники уже выбраны. Причём выбраны чрезвычайно... чрезвычайно-тщательно, можете мне поверить. Мною проделана огромная подготовительная работа. Огромная. Огромная.

СЕЛИФАНСКИЙ. Что ж, это многое объясняет.

ЧИЧКОФФ. Вот именно! Мы не выбираем и не отбираем. Мы всего лишь собираем. Собираем уже отобранных. Причём, за каждым из них стоит вполне определённая цель и годы... – годы! – упорного поиска и кропотливого исследовательского труда. Теперь вы понимаете, что мне нужны именно эти люди – они, и никакие другие. Понимаете?

СЕЛИФАНСКИЙ. Понимаю *(дёргает щекой)*.

ЧИЧКОФФ. Ну и чудненько. Давайте тогда выпьем ещё, а потом вам необходимо поспать. Этот день будет длинным. Два часа сна – и встанете как новенький... Ну – за новизну! (*Поднимает стакан*). И за понимание!

Выпивают, затем Чичкофф вынимает из кармана мобильник и отходит в сторону.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Когда он сказал: «Мне нужны именно эти люди», я сразу вспомнил другую его фразу, сказанную ещё на Кипре: «Мне нужны именно вы, господин Селифанский, вы и никто другой». Вспомнил и порадовался тому, что не стал упираться, а согласился сразу. Этот человек попросту не принимал отказов. Человек? Бесстрашный Мойдодыров, знающий толк в опасных хищниках, назвал Чичкоффа «волчище»...

И снова я спросил себя: «Во что ты ввязался, Селифанский?» С другой стороны, а был ли у меня выбор? И главное: в этой игре я был всего лишь оператором, а не действующим лицом. Чичкофф ведь сам сказал: «Вы будете моим глазом». Не станет же он вредить своему собственному глазу? Я всего лишь оператор... оператор... (*зевает*) оператор... (*засыпает*).

На экранах снова сменяются картины (крупные планы действующих лиц – как уже появившихся, так и ещё нет, документальные кадры и проч.). Селифанский дремлет на стуле в обнимку с камерой. Наконец из темноты выныривает Чичкофф и трясёт его за плечо.

СЕЛИФАНСКИЙ. А... что?..

ЧИЧКОФФ. Просыпайтесь, господин Селифанский, приехали. За работу!

Селифанский потягивается и берётся за камеру.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Честно говоря, для меня было большой неожиданностью проснуться и обнаружить, что вся эта история не приснилась мне только что – включая Чичкоффа с его тихарями, не говоря уже о Кипре, капитане Зелёном и Исламе Мойдодырове. Но делать нечего – всё это происходило наяву. Да-да, наяву!

На этот раз нас ожидала встреча с тремя претендентами сразу. В отличие от предыдущих этих не пришлось долго уговаривать. Да что там долго – их не пришлось уговаривать вообще! Они сами горели страстным желанием принять участие в шоу. Поэтому, чтобы зря не терять времени, Чичкофф решил подписать эту троицу по ходу дела, во время дозаправки нашего самолёта. Мы встретились с ними прямо в кафе Минского аэропорта. Они ждали нас, сидя за одним столиком. Даже издали было заметно, что эти люди уже успели невзлюбить друг друга, хотя познакомились всего четверть часа тому назад.

Сцена светлеет. На ней Чичкофф, тихари и три претендента: Маша Скобарда, Илана Горелик и Геринг.

Маша Скобарда – молодящаяся женщина средних лет, большелетняя, в трёхцветном спортивном костюме с крупными надписями «Россия» на груди, на спине и на бедрах. На голове у неё бейсболка с той же надписью. К сердцу приколот бант из георгиевской ленты. Вид у Скобарды задорный и в то же время вызывающий.

Илана Горелик, напротив, сублильная особа в больших роговых очках. Короткая стильная стрижка, говорит негромко, но звонко. Илана одета по последней моде, с дорогой сумочкой. На сумочке повязана белая ленточка.

Геринг – коренастый мужчина под сорок, выглядящий моложе своих лет. Он облачён во всё чёрное: спортивные штаны, футболку и кроссовки. Руки покрыты татуировками армейской тематики. Вид сохраняет презрительный, говорит веско, с расстановкой.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Маша Скобарда, координатор движения «Давай, Россия!» на Усть-Колгарском вагонетном заводе...

Маша Скобарда вскакивает с места и, победно воздев руки, делает круг по сцене.

СКОБАРДА (скандирует). Рос-си-я! Рос-си-я!

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Позже Чичкофф объяснил мне, что ещё лет пятнадцать назад Маша была очень востребованной патриоткой. Часто наезжала в Москву и на Селигер, ходила с флагами и возглавляла всевозможные группы поддержки. А потом набежали патриоты помоложе, и Машу перестали приглашать. Телефонный звонок от Чичкоффа она приняла как манну небесную. Продюсер только пообещал ей, что она будет представлять Россию, и этого хватило. Маша даже сама купила билет до Минска.

СКОБАРДА. Рос-си-я! Рос-си-я!

ЧИЧКОФФ (морщась). Садитесь, госпожа Скобарда, садитесь...

СКОБАРДА. Маша. Зовите меня Маша.

ЧИЧКОФФ. Хорошо, Маша. Садитесь, Маша.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Илана Горелик, известная московская тусовщица, завсегда-тай модных кафе и автор гламурных рассказов в глянце-вых журнальчиках.

Илана, не поднимаясь с места, поворачивается к залу и жеманно машет рукой.

ГОРЕЛИК. Привет-привет!

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). В середине 90-х уехала с матерью в Израиль, чтобы вернуться в Москву десять лет спустя.

ГОРЕЛИК (звонким голосом). Жить не могу без русского языка! Русский язык – это моя родина!

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Госпожа Горелик – непременно участница либеральных митингов и демонстраций, если, конечно, они не слишком продолжительные.

ГОРЕЛИК (заливается звонким смехом). На высоких каблуках долго не походишь!

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Чичкофф убедил её принять участие в шоу под угрозой высылки из Москвы на историческую родину.

ГОРЕЛИК (*вскакивает, возмущённо*). Моя родина – русский язык! И вообще, хватит врать! (*дёргает щекой*). Я согласилась исключительно для того, чтобы представлять европейские либеральные ценности. Сейчас интеллектуалы элиты должны идти в народ – переубеждать, объяснять, что все эти крики «Давай, Россия!» ни к чему не приведут...

СКОБАРДА (*тоже вскакивает*). Глохни, ты, лесбиянка! Свой народ переубеждай, а русских не трогай! У-у, пятая колонна!

ЧИЧКОФФ (*примирительно*). Садитесь, госпожа Скобарда! И вы, госпожа Горелик, тоже. Госпожа Скобарда, гос...

СКОБАРДА (*перебивает*). Маша! Меня зовут Маша! Простое русское имя. Настоящее. Русское. Не то что у некоторых пятых колонн...

ЧИЧКОФФ. Ну какая же она колонна, милая Маша? Вы посмотрите внимательно – в чём только душа держится... качается, как былиночка на ветру. Колонна...

ГОРЕЛИК (*обернувшись в зал, высокомерно*). Конечно, качаюсь! Попробуй объясни этим козлам, что на каблуках от Веспуччи иначе не походишь!

ЧИЧКОФФ (*настойчиво*). Садитесь, Маша. И приберегите ваш боевой пыл до начала состязаний – уверяю вас, на острове он весьма пригодится.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). И, наконец, Геринг. Простой ариец Геринг из Прибалтики.

Геринг сидит, широко расставив ноги в чёрных тренировочных штанах. Услышав своё имя, он громко рыгает.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Герр Геринг тоже согласился сразу.

ГЕРИНГ. Бабки нужны. А у них там приз хороший.

ЧИЧКОФФ. Кстати, герр Геринг. Откуда такая уверенность, что выиграете именно вы?

ГЕРИНГ (*с искренним недоумением*). А кто же ещё? Эта, что ли? (*Кивает на Горелик*). Или какой другой недочеловек?

ЧИЧКОФФ. Как знать, как знать... (*лезет в портфель за договорами*). Вот, подписывайте. Кстати, почему вас зовут Геринг?

ГЕРИНГ. А тебе-то что за дело? Геринг и Геринг. Не Гитлер же.

ЧИЧКОФФ. Ну, не знаю... вообще-то, «геринг» это селёдка. Вы любите селёдку?

ГОРЕЛИК (*заливаясь весёлым смехом*). Ну, крутяк... В «Жан-Жак» расскажу, все со стульев попадают...

ГЕРИНГ. Ну при чём тут селёдка, дядя? Какая, на хрен, селёдка? И какая тебе, на хрен, разница, кого и что я люблю? Спросил бы лучше, кого я не люблю... (*пристально смотрит на Горелик*).

ЧИЧКОФФ. О, на нашем острове вы без труда найдёте, кого не любить, герр Геринг. Это я вам обещаю. Подпишите вот здесь.

ГЕРИНГ (*вертит в руке ручку*). Тут непонятки возникли, дядя. Сказано: приз миллион, а миллион чего – не сказано. Не рублёв, я надеюсь?

- ЧИЧКОФФ. Конечно, нет, герр Геринг. Вот тут ясно написано: миллион в местной валюте. Видите?
- СКОБАРДА. А какая там местная? Я надеюсь, не пиндодоллары?
- ГОРЕЛИК. А вам милее юани, дорогуша?
- СКОБАРДА. Да уж лучше юани, чем эти... как их?.. – свры?
- ГЕРИНГ (*дёрув щекой*). Евреи? Где евреи?
- СКОБАРДА. ...евреи из Гейропы!
- ЧИЧКОФФ. Стоп! Стоп! Извините, но точнее ответить на этот вопрос я не могу. Место игры должно сохраняться в тайне. А открыв вам название местной валюты, я тем самым выдаю и...
- ГОРЕЛИК (*перебивает продюсера*). Да не парьтесь вы, люди. Миллион, он миллион и есть. Разве в самом миллионе дело? Главные деньги потом придут. Реклама, проекты, обложки гламурные... вот о чём думать надо. А миллион этот, который ещё неизвестно кому достанется – чего сейчас делить-то? Доллары, рубли... да пусть хоть пиастры!
- ГЕРИНГ (*мрачно*). Кому, может, и неизвестно, а кому и очень даже известно. Я лично за этим миллионом и еду. Реально. Пиастры, блин... скажи ещё, шекели... (*ставит подпись под договором*).
- ГОРЕЛИК (*вызывающе*). А при чём тут шекели? Моя родина – русский язык! (*Подписывает договор вслед за Герингом*).
- СКОБАРДА (*берёт ручку*). Пиндостан твоя родина, Госдеп твой папа, Гейропа твоя мама... А кто победит, это мы ещё посмотрим. (*Дёргает щекой*). Перед Олимпиадой тоже всякие Геринги с Гореликами воздух портили. А кто победил? (*Подписав, воздевает вверх обе руки и принимает ся скандировать*). Рос-си-я! Рос-си-я! Рос-си-я!
- ЧИЧКОФФ. Маша, ша! (*Собирает подписанные договоры в портфель*). Не стану вас больше задерживать, господа. (*Знаком подзывает 1-го Тихаря*). Мой помощник проводит вас к месту сбора. До встречи на острове!

1-й Тихарь уводит со сцены Геринга, Горелик и Скобарду. Чичкофф некоторое время сидит молча, сокрушённо покачивая головой. Селифанский возится со своей аппаратурой.

- ЧИЧКОФФ. Отвратительны. Они все отвратительны. Одинаково и в то же время каждый по-своему. Вы не находите, господин Селифанский?

СЕЛИФАНСКИЙ (*пожимает плечами*). Обычные люди, каких много.

- ЧИЧКОФФ. Вы полагаете? Гм... Мне-то кажется иначе. Обычного доставят с минуты на минуту (*смотрит на часы, затем на 2-го Тихаря*).

2-й Тихарь что-то неразборчиво бормочет в микрофон на лацкане пиджака, вслушивается в наушник, затем кивает продюсеру. Почти сразу 1-й Тихарь вкатывает на сцену человека, туго спеленатого смиренной рубашкой. Это Крыжовник. Тихарь катит его на такелажной тележке, какую обычно используют для перевозки больших баллонов с газом. Подкатив Крыжовника к Чичкоффу, тихарь передаёт продюсеру тонкую папочку с документами.

ЧИЧКОФФ (*открыв папочку и пробегая взглядом бумаги*). Знакомьтесь, господин Селифанский, это Крыжовник.

СЕЛИФАНСКИЙ (*изумлённо*). Крыжовник?

ЧИЧКОФФ. Ну да. Крыжовник... (*захлопывает папочку и потрясает ею в воздухе*). А это – документы об опеке. Я выкупил его из местного сумасшедшего дома. (*Крыжовнику*). Хочешь крыжовника?

КРЫЖОВНИК (*мечтательно улыбаясь*). Крыжовник...

СЕЛИФАНСКИЙ. Ну, знаете...

ЧИЧКОФФ. Тут написано, что он идиот от рождения. Но это вряд ли, господин Селифанский. Просто парень в трёхлетнем возрасте остался круглым сиротой. А в наших казённых детских учреждениях легче сбрендить, чем казаться нормальным. Нормальных-то гоняют в хвост и в гриву, а с дурака какой спрос? Есть и другой вариант: был слишком умным – таких у нас сразу в психушку посылают. Ну, а в дурдом попал – пиши пропало. И вот, результат налицо.

СЕЛИФАНСКИЙ. Но почему Крыжовник? У него имени нету?

ЧИЧКОФФ. В том-то и дело, что нету. Документы давно потеряны. Сами посудите: тридцать лет из психушки в психушку. Знали бы вы, какого труда мне стоило его разыскать! Ой-ой-ой...

КРЫЖОВНИК. Крыжовник...

ЧИЧКОФФ. Вот-вот. А Крыжовником его кличут потому, что это единственное слово, которое он произносит. Судьба такая, господин Селифанский. Кому-то на роду написано быть овощем, кому-то арбузом, а ему вот... Да не смотрите на него так испуганно – он совсем безвредный. Крыжовник крыжовником.

КРЫЖОВНИК. Крыжовник...

СЕЛИФАНСКИЙ. Но почему он тогда в смиренной рубашке?

ЧИЧКОФФ. В рубашке? Ах, это... (*небрежно машет рукой*). Не обращайтесь внимания. Это для удобства транспортировки. На острове развяжем.

Селифанский ошарашенно крутит головой.

ЧИЧКОФФ. Что такое? Вас что-то не устраивает? Говорите, говорите, я разрешаю.

СЕЛИФАНСКИЙ. Да нет, всё в порядке. Я ведь всего лишь оператор.

ЧИЧКОФФ. А всё-таки?

СЕЛИФАНСКИЙ (*неохотно*). Вы ведь сказали «сейчас доставят обычного»... и тут привозят идиота. Странно.

ЧИЧКОФФ. Ах, вы об этом! Ничего странного. Вдумайтесь, господин Селифанский: десятки миллионов людей заняты своим крошечным огородом и более ничем. Да, они знают чуть больше слов. Не только «крыжовник», но ещё и «огурчики», «помидорчики», «клубничка с хреном». Но принципиального отличия от нашего идиота нет.

СЕЛИФАНСКИЙ. Есть. Они свободны.

ЧИЧКОФФ. Они?! Свободны?! Господь с вами, господин Селифанский. Они спеленаты ещё туже, чем Крыжовник. Они ведь так и живут в смиренных рубашках собственной косной тупости, предрасудков, равнодушия. Помимо огородной темы их ничего не интересует. Спросите их о чём-нибудь – что услышите в ответ? (*Передразнивает идиота*). Крыжовник...

КРЫЖОВНИК (*мечтательно*). Крыжовник... (*дёргает щечкой*).

ЧИЧКОФФ (*тихарям*). Довольно, увозите.

Крыжовника увозят.

СЕЛИФАНСКИЙ. И всё же, господин Чичкофф...

ЧИЧКОФФ. Пол.

СЕЛИФАНСКИЙ. И всё же, Пол, есть в этом что-то несправедливое. Разве он виноват в своём идиотизме? Вы ведь сами сказали: таким его сделали...

ЧИЧКОФФ (*запальчиво*). Вот! Вот! Вот она, знакомая песенка! Чуть что: «он не виноват, его таким сделали»... Чушь это, господин Селифанский, безответственная чушь! Их ведь море, этих идиотов, море! Неужели вы полагаете, что когда на море шторм, то причиной тому вёсла гребцов или рука рулевого? Глупости! Море штормит само по себе, каждой своей каплей. И, значит, каждая капля в ответе, понимаете? (*С силой*). Каждая! Капля! В ответе!

Пауза. Чичкофф тяжело дышит, Селифанский молчит. Сцена темнеет. Чичкофф кивает оператору, они выносят на авансцену два своих стула, садятся.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Нашей следующей остановкой была Украина. Львов. В самолёте мы снова сидели рядом и, по-моему, думали об одном и том же: о Крыжовнике, спеленатом в смиренную рубаху для удобства транспортировки. Транспортировки куда? На остров? В дурдом? В тюрьму? В светлое будущее?.. Продюсер казался задумчивым и молчаливым. Костерок в глубине его глаз едва теплился, а щека дёргалась чаще обычного. Потом на меня навалилась усталость, и я почти уже задремал. Именно в этот момент Чичкофф нарушил молчание.

ЧИЧКОФФ. Подумать только, господин Селифанский. Провести столько лет в сумасшедшем доме! Интересно, помнит ли этот Крыжовник маму?

СЕЛИФАНСКИЙ (*сонно*). М-м-мда...

ЧИЧКОФФ. Круглый сирота. Один на целом свете. И никому не нужен, никому. Мне даже не пришлось платить за него ни гроша. Главврач был счастлив спихнуть беднягу любому, кто согласится взять на себя опеку... Как вам такое?

СЕЛИФАНСКИЙ (*пожимая плечами*). Если судить с чисто профессиональной точки зрения, то ход, что и говорить, новаторский. Думаю, ещё никому

не приходило в голову брать в реалити-шоу натуральных дебилов. Исключая, конечно, натуральных блондинок, но те проходят по другой шкале... Вот только куда вы собираетесь девать его потом, через месяц? Вернёте в лечебницу?

ЧИЧКОФФ (*думая явно о другом*). Потом... Потом... Скажите, господин Селифанский, вам иногда не кажется, что в нашей работе есть что-то от сатаны?

СЕЛИФАНСКИЙ. От сатаны?

ЧИЧКОФФ. Ну да. Сатана ведь тоже покупает человеческие души... Даёт им деньги, обещания, угрожает, улещивает... и – цап-царап! Попался! (*Смеётся*).

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Он начал хихикать, и мне стало настолько не по себе, что сон слетел с меня напрочь. Как оператор я повидал немало и оттого редко боюсь людей, но в этом человеке чувствовалось что-то такое...

(*Снова поворачиваясь к Чичкоффу*). Нет, не кажется. Вы покупаете вовсе не души, господин Чичкофф. Вы договариваетесь с актёрами, участниками реалити-шоу, причём на весьма ограниченный промежуток времени. Вот ваш тёзка Павел Иванович Чичиков, тот и в самом деле покупал души. Да и то мёртвые.

ЧИЧКОФФ (*серьёзно*). Глупости. Душа не бывает мёртвой, господин Селифанский. Если душа есть, то она бессмертна. А Павел Иванович... Кем, по-вашему, был тот Павел Иванович, если не сатаной? Истинный сатана, по всем неприметным своим приметам. Разъезжал себе по глухой провинции, вдали от всевидящего ока, да и скупал души оптом, подешевле. Это редкий читатель понимает, господин Селифанский, что вовсе не странно. Несчастный автор и сам поначалу не очень-то понимал, а когда понял, слетел с катушек, да и сжёт продолжение. Знаете, зачем жёт? Думал, что, если рукопись в печку бросит, то сам от адской топки уберётся. Только какое там...

Пауза.

ЧИЧКОФФ. Да и насчёт ограниченного промежутка времени для нашего шоу вы не совсем правы. Поди знай, что случится за этот промежуток... (*Свистящим шёпотом*). Будет жуток промежуток... Вот вы говорите: «потом, потом...» А ну как его и нету вовсе, этого «потом»? А?

СЕЛИФАНСКИЙ (*сжавшись*). Как это – нету?.. Что вы имеете в виду?

ЧИЧКОФФ (*ухмыляется*). Шутка. Неудачная шутка. Извините, не учёл вашей чудовищной усталости. Вам следует поспать, господин Селифанский. Глотнёте коньячку? (*Наливает*).

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Я хватанул сто пятьдесят и поскорее закрыл глаза, лишь бы не видеть чичкоффского профиля. За три-четыре десятка часов, прошедших с момента нашего знакомства, он успел осточертеть

мне невероятно. Осточертеть... Слово-то какое... из того же адского арсенала, между прочим. Только мой сатана был покруче сотни заштатных чертей. Скупщик душ, князь тьмы, мать его... Весь сон сбил, поганец. Эх, заснуть бы сейчас...

Поразительно, но заснул я моментально, даже не почувствовав, как отрубился. Мне снилась дикая заснеженная степная равнина, и тройка с бубенцами, и я – кучером на облучке, и стремительный бег саней, и колкий морозный ветер, рвущийся за высокий овчинный воротник, и свист моего кнута... ну прямо птица-тройка, ни дать ни взять. И только я говорю себе это: «птица-тройка», как кто-то грубо толкает меня в толстую тулупную спину, раз, другой, третий... И я оборачиваюсь и вижу оскаленную сатанинскую рожу Чичкоффа, его пылающие злобные глазены, его раздвоенный змеиный язык, вёртко мелькающий вокруг рта, подобно сатанинскому хвосту, вижу его руки, воздетые вверх, словно два гигантских сатанинских рога.

«Душу! – кричит он, перекрывая свист ветра своим пронзительным визгом. – Подавай мне свою душу! Я не принимаю отказов!» *(Вскакивает на ноги).*

А птица-тройка... никакая это не птица, а слепая неуклюжая землеройка! И вовсе не несётся она в свободном лихом полёте на волне светлых небесных стихий, а напротив, ввинчивается в тёмные, тесные, пугающие земные недра – в ад, в проклятое сатанинское царство, к вечным мукам, страшным настолько, что привыкнуть к ним не в силах даже привычная ко всему человеческая душа.

«Ага!.. Потом?! – кричит Чичкофф и тычет меня кулаком в спину. – Теперь ты понял, что бывает «потом»? Тройка-землеройка! Тройка-землеройка!»

И я напрягаюсь до последней жилки, потому что понимаю, что от этого момента зависит теперь всё, напрягаюсь и невероятным усилием сбрасываю себя с облучка. Но и сатана слетает следом; он склоняется надо мной и начинает трясти, и я точно знаю зачем: он хочет вытряхнуть из меня душу. Он не принимает отказов! Надо скорее проснуться! Скорее! Скорее!

ЧИЧКОФФ *(подходя сзади и встряхивая Селифанского за плечо).* Да проснитесь же вы, господин Селифанский! Прилетели! *(Вглядывается в дикое выражение на лице оператора).* Да что это с вами, голубчик? Часто вам такие кошмары снятся? Всё хорошо, господин Селифанский. Вы в полной безопасности. Глотните коньячку?

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал).* И я снова глотнул коньячку. А что мне ещё оставалось делать? Я ведь был всего лишь оператором.

Залом выпивает стакан.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал).* Наш львовский клиент звался Петром Бандурой. Как объ-

яснил Чичкофф, этот деятель оранжевой революции испытывал временные политические затруднения, а потому остро нуждался в экранном времени для пропаганды и агитации...

Подхватывает камеру и идёт в глубь сцены, где уже расположились Чичкофф, тихари и Петро Бандура – человек лет сорока в белой вышиванке, шароварах и мягких полусапожках.

БАНДУРА (*подозрительно оглядывая присутствующих*). Звідки приїхали, з вати?

ЧИЧКОФФ. Да вам-то что за дело, откуда мы приехали, вельможный пан Бандура? Важно ведь не откуда, а куда.

БАНДУРА. У, москалі погані... моя б воля...

ЧИЧКОФФ (*достаёт папочку с договором*). Будем ругаться или подписывать?

БАНДУРА. Всі ви так говорите. Підписувати, підписувати... А як до діла доходить...

ЧИЧКОФФ. Вот ручка.

БАНДУРА. Не підпишу. Тільки за сто бронжилетів.

ЧИЧКОФФ (*удивлённо*). Какие бронжилеты? Мы так не договаривались.

БАНДУРА. Ну і що? Домовлялися... не домовлялися... Раніше не домовлялися, а тепер домовляємось. Сто двадцять бронжилетів та підпишу.

ЧИЧКОФФ. Ты же только что просил сто.

БАНДУРА. Ну і що? Раніше сто, а зараз сто п'ятдесят. Ну? (*Берёт ручку и вопросительно смотрит на Чичкоффа*).

ЧИЧКОФФ (*машет 1-му Тихарю*). Выпиши ему сто пятьде...

БАНДУРА (*заносит ручку над договором*). Двісті!

ЧИЧКОФФ. Двести.

БАНДУРА (*подписывая договор, безнадежно*). Все одно нічого не буде. Вата – вата і є...

ЧИЧКОФФ. Зачем же вы тогда торгуетесь?

БАНДУРА (*запальчиво*). Хочу і торкуюсь! Москалів не питаю!

Сцена постепенно темнеет на фоне продолжающегося диалога Бандуры и Чичкоффа, который становится неразборчивым. Время от времени доносятся отдельные слова («договор», «не підпишу», «зачем», «домовлялися» и пр.). Селифанский выходит на авансцену.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Нашу следующую участницу, художницу-акционистку Надю Долото из арт-группы «Открытие Канта» мы выбрали в Париже.

На авансцену выходит женщина в футболке с Че Геварой, в узких джинсах с прорехами и в красной балаклаве. Это Надя Долото.

ДОЛОТО. Хорош гнать, товарищ чувачок. Это ещё вопрос, кто кого подобрал.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Художница... Я всегда считал, что имею некоторое отношение к искусству...

ДОЛОТО. Ха!

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. Наверно, поэтому я ожидал чего-то другого. Да и название группы меня дезориентировало. «Открытие Канта». Знаете, Иммануил Кант, основоположник европейской философии, я его в университете проходил. «Критика чистого разума» и всё такое...

ДОЛОТО *(презрительно)*. При чём тут философия, товарищ чувачок? Кант – это иностранному, дуракам не понять. Так что я поясню: кант – это то, из чего ты вышел, причём вышел явно преждевременно, недоносок ты этакий!

СЕЛИФАНСКИЙ. А почему открытие?

ДОЛОТО. Потому что весь этот сраный мир должен вернуться туда, откуда он вышел. И родиться по новой! Но сначала вернуться! Понял?

СЕЛИФАНСКИЙ. Н-не уверен... Как он может вернуться?

ДОЛОТО. Прямиком. И начинать надо с продуктов капиталистического потребления. Художницы-акционистки из нашей группы открывают свой кант и возвращают туда продукты капиталистического потребления. Колбасы, консервы, кур...

СЕЛИФАНСКИЙ. К-к-кур?.. целиком?..

ДОЛОТО. Целиком! Свежих и даже мороженных!

СЕЛИФАНСКИЙ. Бр-р... но это должно быть так холодно... вы не простужаетесь?

ДОЛОТО. Искусство – это революция, а революция не обходится без жертв!

СЕЛИФАНСКИЙ. Что верно, то верно. Не обходится. *(После паузы)*. Но почему вы согласились участвовать в этом шоу? Ведь реалити – самый низменный жанр. Это вам любой критик скажет...

ДОЛОТО *(фыркает)*. Что они понимают, эти критики? Реалити-шоу – это ближе всего к революции! Во-первых, это народ. Народ смотрит, народ участвует, народ решает. Это ведь и есть полное и прямое народо-властие! Во-вторых, в вашем шоу не предвидится никакого капиталистического потребления. Остров, пальмы и классовая борьба. Именно то, что надо. Вот меня и направили.

СЕЛИФАНСКИЙ. Кто направил?

ДОЛОТО. Как кто? Партия. То есть пока мы ещё арт-группа. Арт-группа «Открытие Канта».

СЕЛИФАНСКИЙ. Понятно. Но почему именно вас?

ДОЛОТО *(пожимает плечами)*. Понятия не имею... Ваш продюсер просил именно меня. А партия... то есть пока ещё группа согласилась. *(Доверительно)*. Дело в том, что у меня ёмкость невелика. Свиной окорок не влезает.

СЕЛИФАНСКИЙ. Свиной окорок?! Боже, какой ужас... *(После паузы)*. И всё же... всё же я не понимаю: почему именно туда? *(Шёпотом)*. В кант?

ДОЛОТО *(горько)*. А куда ещё? *(Дёргает щекой)*. Ничего другого у нас нет... Что есть, туда и засовываем. И потом – заслуживают ли они другого, товарищ чувачок? *(Указывает в зал)*. Ты только посмотри на них.

Ну и рожи... ну и рожи... вот так бы и засунула их всех прямо сейчас *(начинает растёгивать джинсы)*.

СЕЛИФАНСКИЙ *(поспешно)*. Нет-нет, только не здесь *(оглядывается, заговорщицки)*. Знаете, товарищ художница, если уж с кого начинать, так это с тихарей Чичкоффа. Особенно, вон с того, мордатого *(указывает за кулисы)*. Я и сам его на дух не переношу. Если можно, засуньте сначала его.

ДОЛОТО. Этого-то? Нет проблем, товарищ чувачок. Это мы в момент... *(уходит за кулисы)*.

СЕЛИФАНСКИЙ. Я всего лишь оператор. Я всего лишь оператор. Я всего лишь...

Из глубины тёмной сцены выходит Чичкофф, обнимает Селифанского за плечи.

ЧИЧКОФФ. Пойдёмте, господин Селифанский. Время не ждёт.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. Мы летели на запад, догоняя солнце, как будто мой сумасшедший продюсер всерьёз вознамерился остановить время, заставить его служить своей неведомой, но, несомненно, безумной цели. Я уже мало что соображал от усталости и хронического недосыпа. К счастью, оставался всего один, последний участник. Он ждал нас в сугробе на окраине города Фэрбенкс, штат Аляска.

Сцена светлеет. На полу неподвижно сидит человек в потрёпанной дохе и зимней шапке. Это Николай. Чичкофф и Селифанский кружат по сцене, постепенно приближаясь к нему.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. По словам Чичкоффа...

ЧИЧКОФФ. Когда-то Николай считался самым удачливым охотником восточного побережья Чукотки. Его слава гремела от мыса Дежнева на севере до бухты Провидения на юге. Увы, как это часто случается, охотничий азарт сослужил Николаю плохую службу: преследуя раненого медведя во льдах между островами Диомиды, он ненароком пересёк границу между Россией и Америкой.

СЕЛИФАНСКИЙ. Само по себе это не было большим грехом. Пограничники обеих стран смотрели на подобные инциденты сквозь пальцы и даже не задерживали нарушителей, а просто вежливо препровождали их восвояси. Но на этот раз получилось так, что патруль американской береговой охраны вышел на Николая точно с той стороны, с которой тот ожидал увидеть измученного, но всё ещё смертельно опасного зверя. В кромешном месиве пурги, помноженном на усталость охотника, нетрудно было принять снегоход пограничников за атакующего медведя. Судьба последнего так и осталась неизвестной, зато печальным итогом встречи Николая и патруля стала пуля во лбу американского сержанта.

ЧИЧКОФФ. Поначалу чукче шили террористический акт, однако уж больно несуразной оказалась попытка связать флегматичного сына снегов с горячей пакистанской «Аль-Кайдой» и другом пустынь Бин-Ладеном. Затем обвинение сменили на убийство по неосторожности,

но и от этого отмазал Николая шустрый общественный адвокат. Охотника освободили из-под стражи прямо в зале суда.

СЕЛИФАНСКИЙ. Обычно оправданные люди, прыгая от радости, бросаются в объятия счастливых родственников и друзей, дабы те вынесли их к свету свободы на своих плечах. Но наш Николай просто остался сидеть на скамье подсудимых. Нужно сказать, что он и раньше не слишком-то понимал, чего от него хотят, а теперь так и вовсе потерялся без направляющей руки тюремного охранника. Сердобольный адвокат вывез своего бывшего подзащитного на окраину Фэрбенкса, показал в направлении Чукотки и уехал. Николай сел в ближайший сугроб и стал ждать, когда за ним приедут, чтобы забрать домой.

ЧИЧКОФФ. Увы, никто не собирался за ним приезжать. Россия отнеслась к пропаже гражданина с тем же традиционным безразличием, а может даже и облегчением, с каким всегда относилась к пропаже своих граждан. Этого сомнительного добра ей и так хватало с избытком. Другой бы на месте Николая отчаялся, но давно известно, что по части терпения нет равных настоящему чукотскому охотнику. Он просто ждал, ждал и дождался: на исходе третьей зимы наш микроавтобус остановился напротив уже сильно подтаявшего сугроба.

Чичкофф и Селифанский останавливаются напротив безучастного Николая.

ЧИЧКОФФ. Господин Селифанский, вы по-чукотски умеете?

СЕЛИФАНСКИЙ. Зачем? Он наверняка понимает по-русски.

ЧИЧКОФФ. Для создания атмосферы доверия. Ну, хоть одно слово...

СЕЛИФАНСКИЙ (после некоторого размышления). Ну, разве что «однако».

ЧИЧКОФФ. Эй, однако! Николай! Иди сюда!

Николай неторопливо всматривается и с достоинством поднимается на ноги.

НИКОЛАЙ. Домой?

ЧИЧКОФФ. Домой. Но не сразу. Садись в машину.

НИКОЛАЙ (почесав в затылке). А винтовку отдадите? Без винтовки нельзя. Смерть без винтовки.

ЧИЧКОФФ. А как же! Конечно, отдадим. Садись, однако...

Селифанский опускает камеру и, пошатываясь, выходит на авансцену.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). На этом кастинг, слава Богу, закончился. Я был уже на последнем издыхании. Думаю, и до этого меня поддерживала лишь необходимость снимать, а когда она кончилась, я попросту отрубился и проснулся лишь через несколько часов, когда наш самолётик приземлился на бетонную полосу безымянного аэродрома. Вокруг стояла прохладная сухая ночь. В горьковатом воздухе пустыни угадывалось солёное дыхание близкого океана. Где мы находились? В Мексике? В Калифорнии? В Техасе? Впрочем, эта зарос-

шая колючками взлётно-посадочная полоса могла располагаться не только на континенте. Она вполне подошла бы и не слишком большому острову.

Я не высказывал своих догадок вслух, не задавал вопросов. Зачем? Я был всего лишь оператором, к тому же вусмерть уставшим от изнурительной гонки и мечтающим о нормальной постели с нормальными простынями, подушкой и одеялом. Мне до рвоты обрыдли самолётные кресла, земля в иллюминаторе и тошнотворный гул двигателей. Мне просто хотелось лечь и закрыть глаза.

Как бы не так! Следующий участок пути мы проделали на вертолётке – не то военном, не то транспортном, не то военно-транспортном, но явно не пассажирском. Его рифлёное чрево словно гордилось полнейшим безразличием к мягкой человеческой плоти; отовсюду выпирали острые углы, торчали какие-то железяки, змеились цепи, свисали ремни... Всё это просто не позволяло ни на секунду расслабиться – даже если бы жуткий холод и оглушающий рев двигателя предоставили мне такую возможность.

Понятия не имею, сколько времени продолжалась эта пытка. Там, в болтающемся между небом и океаном вертолётке я впервые в жизни осознал, что человек может вынести всё. И осознав, отключился уже со спокойным сердцем. Не помню, как меня выгружали из проклятого летающего ящика, не помню, как тащили по каким-то коридорам, как спускали по трапам, протискивали в люки... Помню только, что в конце этого крестного пути распахнулась дверь и перед моим блуждающим в поисках Голгофы взором воссияла девственной, сияющей, невозможной чистотой её Величество Постель. Чьи-то ангельские руки приподняли меня над юдолью скорби, уложили лицом в подушку, прикрыли одеялом, и я понял, что попал в рай.

Ага, в рай... Масштабы моей ошибки выяснились примерно через сутки, когда Чичкофф прислал тихаря разбудить своего единственного оператора. Мы находились на небольшом сухогрузе, наскоро переоборудованном в пассажирское судно. Мы – это я, Чичкофф, шестеро тихарей, десять участников шоу и семь человек команды, включая капитана. Порт приписки и название корабля так и остались загадкой. Хотя на борту и на корме красовались три поблекших иероглифа, значение их было непонятно, да и команда принципиально избегала общения, отказываясь говорить на любом языке, кроме, предположительно, китайского.

Я погрешил против истины, определив переоборудованный сухогруз как пассажирское судно. Точнее было бы назвать его плавучей тюрьмой. Участников держали взаперти в одиночных каютах, больше напоминавших камеры. Время от времени их выпускали подышать свежим воздухом – по отдельности и под непременно

присмотром вооружённых автоматами тихарей. Я как оператор пользовался относительной свободой, но и с меня Чичкофф взял слово не передвигаться по судну без сопровождения.

ЧИЧКОФФ (*подходит сзади*). Вы ж понимаете, господин Селифанский. Мы должны соблюдать абсолютную секретность. Абсолютную! По условиям шоу, некоторые участники не должны заранее видеть друг друга. Вот высадимся на остров, там сразу полегчает. Вы не представляете, как мне неловко применять эти экстраординарные меры.

СЕЛИФАНСКИЙ. Ничего страшного. Я всего лишь оператор. Хотя, признаться, автоматы ваших телохранителей меня несколько тревожат.

ЧИЧКОФФ (*сокрушённо вздыхает*). Ах, господин Селифанский, господин Селифанский... Вы, видимо, забыли про Мойдодырова. Он ведь тот ещё головорез. Да и судовая команда, доложу я вам – сущие пираты. Нет уж, знаете ли, бережёного Бог бережёт... (*отходит в глубь сцены*).

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Так прошло несколько дней. Я начал привыкать к слепящей голубизне, к покачивающейся палубе под ногами. Работы хватало: просмотр уже отснятого, подготовка аппаратуры, автоматики. Старый сухогруз, покряхтывая машиной, полз по спокойному океану, то и дело меняя курс, поворачивая то на запад, то на восток... Куда мы шли? И откуда? Какую цель преследовали эти бессмысленные маневры, эта нелепая секретность? Запутать кого-то? Но зачем? Я изо всех сил старался держать эти вопросы при себе. Я был всего лишь оператором, помните? На пятый день плавания мы подошли к небольшому, заросшему тропической растительностью островку и бросили якорь. Представление начиналось...

Откладывает в сторону камеру, потягивается и уходит за кулисы.

Конец первого действия

Действие второе

В антракте на открытой и освещённой сцене идут работы по оборудованию полосы препятствий. Работают, в том числе, тихари с автоматами за спиной. К началу второго действия сцена готова ещё не вполне: начальный диалог звучит на фоне продолжающихся работ. Полоса препятствий состоит из двух параллельных маршрутов. Она примитивна и сколочена на скорую руку. В глубине сцены – высокий помост, над которым закреплён столб с горизонтальной штангой. Со штанги свисает верёвка. Там же – четыре больших рычага. На экраны по трём сторонам сцены проецируются кадры тропического острова, зрительный зал и крупные планы участников шоу.

Первым из действующих лиц на сцене появляется Селифанский. Он возится со штативами, на которых установлены камеры, проверяет оборудование и вообще суетится вовсю. На сцену энергичной походкой выходит Чичкофф. На острове он уже не так вежлив, как прежде.

ЧИЧКОФФ (*отрывисто*). Ну что? Ещё не готовы? Что вы копаетесь, как чёртовы черпахи? Селифанский?

СЕЛИФАНСКИЙ. Да я-то уже практически закончил. Автоматика работает. Связь налажена. Камеры в деле. Микрофоны тоже.

ЧИЧКОФФ. Полоса препятствий?

СЕЛИФАНСКИЙ. Это не ко мне. Я всего лишь оператор.

ЧИЧКОФФ (*передразнивает*). Всего лишь оператор... А полоса препятствий?! (*Пинает ногой деревянную рейку, та отваливается*). Ну что за ленивые свиньи! Прибить, мать вашу! Всех повешу... Всех! Где молоток?! (*Выхватывает молоток из руки из остолбеневшего тихаря, приколачивает рейку*). Всё приходится делать самому! Всё! Чёрт бы вас всех побрал...

Отбрасывает молоток, тяжело дыша, оглядывается вокруг.

ЧИЧКОФФ. Я не могу больше ждать, поняли? Участники уже на берегу! Всё! Начинаем! (*Утирает пот со лба, поворачивается к залу*). Мы начинаем, господа. Начинаем! Ваши аплодисменты!

Выждав, пока аплодисменты закончатся, поворачивается к кулисе.

ЧИЧКОФФ. Введите участников!

На сцену в сопровождении 1-го и 2-го Тихарей выходят 10 участников шоу. Они одеты так же, как и в момент первого с ними знакомства. Ислам Мойдодыров по-прежнему закован в кандалы, а Крыжовник спеленат и перемещаем на тележке из-под газового баллона. Участ-

ники с любопытством осматривают друг друга. Затем любопытство сменяется страхом, отвращением, враждой. Селифанский суетится между ними, снимая происходящее на камеру.

ГЕРИНГ. Хе-хе... ну и помойка... что ни морда, то либо псих, либо жид, либо чурка. Эх, сюда бы зондеркоманду хорошую. Ну ничего, папаша Геринг вами займётся...

БАНДУРА (*переводя взгляд на капитана Зелёного, на Скобарду*). Щось ватую за-смерділо...

СКОБАРДА (*с вызовом*). Злобствуй, злобствуй, укроп. А Крым всё равно наш!

ГОРЕЛИК. Ребята, ну что вы так сразу? Это ведь всего лишь игра! Давайте получать удовольствие!

КРЫЖОВНИК. Крыжовник...

КАПИТАН (*указывая на Мойдодырова*). А этот здесь откуда? Его ведь убили, нахбля. В газетах было. И в ориентировке, нахбля...

МОЙДОДЫРОВ. Вот я тебе ориентировочку выпишу, пёс... (*Чичкофф*). Сними кандалы-то, волчара. Обещал ведь.

ЧИЧКОФФ. А и верно. Теперь уже время. Эй, кто там – снимите цепи. И Крыжовника, Крыжовника развяжите, хватит возить, пускай сам ходит...

КРЫЖОВНИК. Крыжовник...

МАРГАРИТА. Может, не надо, а? Он, часом, не буйный? И этот с цепями тоже... Зачем уж так сразу – снимать? Дайте к человеку присмотреться, познакомиться, а потом уже и снимайте.

ЧИЧКОФФ. Не волнуйтесь, дорогая Марго. Россия вас защитит. Правда, госпожа Скобарда? Как там – Рос-си-я! Рос-си-я!

СКОБАРДА (*не слишком уверенно*). Давай, Россия! Рос-си-я! Рос-си-я! (*пытается дирижировать остальными, но все молчат, и скандирование Скобарды утихает само собой*). Рос-си...

ЧИЧКОФФ. Вот видите, Марго. Защитит, никуда не денетесь. Вы ведь с Молдавии, не так ли? Ну вот, значит, ждите. (*Поднимается на помост, хлопает в ладоши, требуя внимания*). Так, а теперь слушайте все! Моя фамилия Чичкофф. Я главный продюсер, главный редактор, главный режиссёр, главный ведущий и вообще самый главный на этом острове. Это понятно?

НИКОЛАЙ. Как-как он сказал?

ДОЛОТО. Он тут самый главный.

НИКОЛАЙ. Да нет, фамилие.

ДОЛОТО. Чичкофф.

НИКОЛАЙ. Хорошо...

ДОЛОТО. Чего тебе хорошо?

НИКОЛАЙ. Что на «Ч». Моя любит, когда на «Ч». Чукотка... Челси... Абрамович...

ДОЛОТО. Абрамович на «А».

НИКОЛАЙ. На «Ч».

- ДОЛОТО. На «А».
- НИКОЛАЙ. На «Ч».
- ДОЛОТО. На «А». Твоя что, справа налево читает?
- НИКОЛАЙ. Моя нет, а Абрамович да.
- ЧИЧКОФФ (*насмешливо*). Всё? Дискуссия закрыта? Ещё вопросы есть?
- КРЫЖОВНИК. Крыжовник...
- ЧИЧКОФФ. Здесь его сколько хочешь. Крупный и на пальмах. Всё, что добудешь, твоё. Ещё вопросы?
- НИКОЛАЙ. Когда винтовку отдашь? Обещал ведь. Без винтовки не жизнь.
- ЧИЧКОФФ. Отдам, отдам... однако. Ещё вопросы? Нет? Тогда вкратце о правилах. Сейчас вы будете разбиты на две команды и разойдётесь по разным лагерям. Завтра утром – первый конкурс. Групповой забег. Зачёт по последнему. Победители возвращаются в свой лагерь, проигравшие отсеивают одного игрока. Всё просто, всё справедливо. Вопросы?
- ГЕРИНГ. Когда кормить будут?
- ЧИЧКОФФ. Еду найдёте в лагере. А пока приступаем к разбивке на команды. Те, кого я назову, отходят туда (*указывает направо, на 1-го Тихаря*) и получают чёрно-оранжевые повязки. Остальные туда (*указывает налево, где стоит 2-й Тихарь*). Их повязки будут красно-синими. Вопросы? Нет вопросов.
- Чичкофф достаёт из кармана листок бумаги.*
- ЧИЧКОФФ. Итак, согласно сценарию игры, команду чёрно-оранжевых составят: Гордость воздушно-десантных войск вежливого назначения Капитан Зелёный! Уроженка села Секуряны, а ныне гордая гражданка республики Кипр госпожа Маргарита по прозвищу Валютная! Направо, друзья мои, направо! Ленточки рекомендуется повязывать на лоб, вот так, вот так... Замечательно! Продолжаю зачитывать состав. Гроза белых медведей и американских сержантов, заслуженный охотник Чукотки Николай Однако! Покажите Николаю, куда идти.
- НИКОЛАЙ. Домой?
- ЧИЧКОФФ. Не сразу, Николай, не сразу. Четвёртая участница: известнейшая арт-акционистка, мастер художественного засовывания мороженных кур и копчёных окороков, звезда арт-группы «Страдание Канта»...
- ДОЛОТО. «Открытие Канта»! Открытие!
- ЧИЧКОФФ. Пардон! «Открытие Канта»... хотя, какое же открытие без страдания... Надежда Долото! Надя, прошу вас! И, наконец, последний, пятый участник: беззаветный борец за дело оранжевой революции, перманентный герой Майдана, урядник Поднебесной сотни Петро Бандура!
- БАНДУРА. Що? Та ніколи! З ватником у тій же команді?!
- КАПИТАН. Я тоже против, нахбля! Я с укропом на одной грядке не сяду.

ГЕРИНГ. А меня с кем оставил, дядя? Ты вообще чего?
 СКОБАРДА. Хочу с капитаном!
 МАРГАРИТА. Ишь ты, хочет! Ты России уже надавала, теперь давай Кавказу...
 СКОБАРДА *(возмущённо)*. Ах ты, шлюха!

Всеобщая суматоха, переходящая в потасовку. Её прекращает лишь выстрел. Все застывают на месте, в изумлении глядя на Чичкоффа. Это он выстрелил в воздух из пистолета.

ЧИЧКОФФ. Ма-а-алчать! Всем ма-а-алчать! И слушать! Повторяю для всех, включая идиотов, патриотов, революционеров, террористов, либералов и прочих шлюх! Главный здесь я! Как я решаю, так и будет! Это понятно?! А кому непонятно, пусть ознакомится с договором. Вот тут... *(выхватывает из портфеля папочку, открывает, находит нужное место)* написано... пункт шесть, параграф шесть, точка, два: «...неограниченные полномочия по применению силы»... И дальше пункт семь точка, девять: «не несёт никакой ответственности за жизнь и здоровье участников»... Вы в курсе, что это значит?

ГОРЕЛИК. Вы не имете права!

ЧИЧКОФФ. Ма-а-алчать! Всем ма-а-алчать! Повязки на-а-а-деть! В лагеря ша-а-гом марш! *(Делает знак тихарям)*.

МОЙДОДЫРОВ *(с восхищением)*. Во даёт! Волчара!

Тихари с автоматами наизготовку подталкивают участников к выходу со сцены: красносиних в одну сторону, чёрно-оранжевых – в другую. После минуты-другой толкотни на сцене остаются Чичкофф и Селифанский. Чичкофф, тяжело дыша, спускается с помоста, садится.

ЧИЧКОФФ. Фу-у... Устал. Ничего, потом будет легче...

СЕЛИФАНСКИЙ. Выстрел вырезать?

ЧИЧКОФФ. Зачем?

СЕЛИФАНСКИЙ *(пожимает плечами)*. Ну, не знаю... зрители могут не понять.

ЧИЧКОФФ. Зрители поймут... Зрители всё поймут завтра, максимум послезавтра. Устал. Как я с вами устал... *(поднимается на ноги)*. Всё. Еду на судно, спать. Поедете со мной?

СЕЛИФАНСКИЙ. Пока нет. Хочу ещё поснимать в лагерях.

ЧИЧКОФФ. У вас же там автоматические камеры, и всё передаётся прямиком на корабль. Я прав? Мы можем наблюдать за всеми, не выходя из кают-компаний.

СЕЛИФАНСКИЙ. Вы правы. Но всегда лучше добавить к стационарным камерам живое движение оператора. Так достоверней.

ЧИЧКОФФ. Что ж, как хотите. Когда надоест, вызывайте катер. Только не потеряйте рацию. Мало ли что... *(уходит)*.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. Я не уехал с ним на корабль – хотелось проверить работу камер и подправить по мере надобности. Скажу без лишней скромности: мне удалось построить великолепную автоматическую систему. Камеры и микрофоны с запасом покрывали всю тер-

риторию, на которой могли появиться участники. Э-э-э... кстати говоря, эта территория была довольно ограниченной: жилая поляна, небольшой кусок джунглей вокруг и мелководная морская лагуна. В глубь острова никого не пускали: вокруг лагерей повсюду торчали наблюдательные гнёзда и помосты с вооружённой охраной. Тихари Чичкоффа просматривали каждый квадратный сантиметр, пользуясь для этого моими же камерами. Поначалу это казалось мне... э-э... как бы это сказать... не слишком удобным. Ну, вы понимаете... искусство на службе вохры... как-то это не очень, да. Но потом я вспомнил про Мойдодырова и понял, что эти меры предосторожности не помешают. Кроме того, гнетущая атмосфера режимного лагеря, которую намеренно создавал Чичкофф, очень добавляла с точки зрения общей драматургии. Такого ещё не было нигде и никогда – ни у нас, ни в Европе, ни у американцев. Новое слово в искусстве реалити-шоу! Ну как тут было не загордиться!

(После паузы). Сначала я навестил чёрно-оранжевых. К тому времени они уже обнаружили на своём берегу сундук, где участникам обычно оставляют крупу, спички и другие элементарные вещи, необходимые для выживания. Увы, в этом сундуке не оказалось ничего, кроме двух тупых мачете. Гм... это стало неожиданностью даже для меня. Как видно, Чичкофф хотел сразу же создать особенно мрачную обстановку, чтобы подчеркнуть те трудности, которые должны были преодолевать участники шоу.

На сцене – красно-оранжевая группа. Они сгрудились вокруг сундука. Селифанский ходит поблизости, снимая с руки.

- МАРГАРИТА. Посмотри получше! Ничего нет?! Быть такого не может!
- КАПИТАН. Говорю тебе, нет, нахбля. Только тесаки.
- МАРГАРИТА. Ни риса, ни соли, ни спичек, ничего? Что же мы есть будем?
- ДОЛОТО. Может, потом дадут...
- БАНДУРА. Нічого... Тесак теж згодиться.

Берёт из сундука тесак, взвешивает на руке. Капитан тут же хватается второй и держит его наготове. Оба противника начинают кружить по сцене, зорко следя за движениями друг друга. Селифанский сопровождает их с камерой. На экранах вокруг сцены – крупные планы и проч.

- КАПИТАН. Говори по-человечески, урод!
- БАНДУРА. Я-то по-людськи кажу. Це ти татарською балаболіш, Пушкін сраний.
- КАПИТАН. А за Пушкина ответишь!
- МАРГАРИТА *(с беспокойством следя за противниками)*. Эй, эй, вы чего это? А ну сядьте! Нашли время! Сядьте, ну! Николай, ну сделай что-нибудь!
- НИКОЛАЙ *(равнодушно)*. Винтовку надо. Без винтовки никак.
- БАНДУРА. Щось ватою смердить... Ох, смердить...
- КАПИТАН. Ага, нахбля. Ща мы укроп-то повырубим.

МАРГАРИТА (*бросается к Наде*). Слышь, подруга, не сиди ты так. Они ж друг друга поубивают! Надо что-то делать!

ДОЛОТО. А зачем? Ну, подерутся, тебе-то что? Кто они тебе, братья-сваты? Чем больше драк, тем ближе революция.

МАРГАРИТА. Ты что, совсем дура?! Мне на них плевать, но риса-то нет! Жрать нам нечего! А завтра конкурс, кто победит, тот и получит, всегда так.

БАНДУРА. Ох, смердить... (*отталкивает Селифанского, делает выпад*).

КАПИТАН (*ловко отскакивает*). Ща повырубим, нахбля...

ДОЛОТО. Ну конкурс. А ихняя драка тут при чём?

МАРГАРИТА. Да при том, что без мужиков проиграем. Вдруг там бороться надо или тащить чего... Они нам для завтраго нужны, дура! Мужики, ну не надо!

ДОЛОТО (*неохотно, вставая*). Ладно. Надо забрать у них тесаки и отдать Николаю. На сохранение. Давай, вместе. Ты бери Майдан, а я Кремлём займусь. На счёт три: раз, два, три!

Одновременно подсказывают к Бандуре и Капитану и после непродолжительной возни отбирают у них мачете. Противники не особо сопротивляются женщинам и, плюнув, расходятся в разные концы сцены. Затем Маргарита относит оба тесака Николаю.

МАРГАРИТА. Храни и никому не давай! Понял?

НИКОЛАЙ. Винтовку надо. Тесак тоже хорошо. Тут рыба есть, я видел. Завтра острогу делать, рыба ловить, на костре жарить.

МАРГАРИТА. Какой костер? Спичек всё равно нет...

НИКОЛАЙ. Почему нет. Есть спичка... (*лезет в карман дохи, извлекает оттуда коробок*). Охотник всегда спичка есть. Без спичка никак. Без винтовка тоже никак, но без спичка больше никак.

МАРГАРИТА (*удивлённо*). А ты молодец... (*оглядывается на остальных*). Будем дружить. Дай-ка коробок... ну дай коробок...

Николай отрицательно мотает головой и прячет спички.

МАРГАРИТА. Ай, молодец... Точно будем дружить. Ты только спички никому не показывай, хорошо? Никому. Секрет. Тайна. (*Оглядывается, замечает стоящего вплотную Селифанского*). Брысь, гад! Пошёл вон! Прочь, прочь! Понатыкали тут камер, сволочи...

Маргарита принимается шептать что-то на ухо Николаю. Тот слушает с интересом и ухмыляется. Селифанский выходит на авансцену.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). У красно-синих дело обстояло куда дружнее...

Красно-синяя группа. Крыжовник мелкими шажками безостановочно кружит по сцене. Время от времени он останавливается, подбирает что-то с земли, суёт в рот. Мойдодыров сидит в сторонке и точит тесак. Остальные трое совещаются.

ГЕРИНГ. Жрать хочется...

ГОРЕЛИК. Наверно, в лесу есть кокосы или бананы.

- ГЕРИНГ. Оптимистка. Вы, жида, всегда оптимисты. И всегда зря.
- ГОРЕЛИК. Это вы зря. Мы теперь в одной лодке, разве не так? Надо приспособливаться.
- СКОБАРДА. Правильно. Надо вместе. Вместе горы свернуть можно.
- ГЕРИНГ. Ага, как же. Вы уже горы сворачивали. *(Показывает на Мойдодырова)*. Вон он сидит, горец, тесак точит. Попробуй, сверни.
- СКОБАРДА. Я серьёзно. Завтра выиграем конкурс, получим жратву...
- КРЫЖОВНИК. Крыжовник... *(наклоняется, подбирает что-то с земли, сунёт в рот)*.
- ГОРЕЛИК. Что он такое там подобрал?
- ГЕРИНГ. Жуков жрёт, идиот. Жуков, червяков... Выиграем, ага. С таким кретином хрен чего выиграешь. Без шансов.
- ГОРЕЛИК. Что же делать? Должен же быть какой-то выход?
- ГЕРИНГ. Выход? Тебе? Только в газенваген! *(Смеётся)*.
- ГОРЕЛИК. Очень остроумно!
- ГЕРИНГ. Ладно, не бзди. Поживёшь ещё. Вот что. Слушайте папашу Геринга. Завтра надо по-быстрому проиграть и исправить это дело.
- СКОБАРДА. Какое дело?
- ГЕРИНГ *(кивает на Крыжовника)*. Вот это. Надо завтра же убрать этот балласт. Проиграем, отсеем, уравнием шансы.
- СКОБАРДА. А если выиграем?
- ГЕРИНГ. С этим кретином-крыжовником? Так не бывает.
- КРЫЖОВНИК. Крыжовник...
- СКОБАРДА. А вдруг?
- ГЕРИНГ. А я тебе говорю, не выиграем. В крайнем случае, я об этом позабочусь. С неполноценными нужно разбираться с самого начала. Чтоб не портили жизнь здоровым. Это ведь лишний рот!
- ГОРЕЛИК. Но пока он ест только червяков...
- ГЕРИНГ. Вот именно! Идиот жрёт, а остальные голодают. Где тут логика? Выживать должны здоровые и сильные, иначе всей природе каюк. *(После паузы)*. Ну? Согласны?
- СКОБАРДА *(кивая на молчащего Мойдодырова)*. А он чего думает?
- ГЕРИНГ. А какая разница, чего он там думает? У нас три голоса, мы и решаем. Ну?
- КРЫЖОВНИК. Крыжовник...
- СКОБАРДА *(нерешительно)*. Ну что ж, если другого выхода нет...
- ГЕРИНГ. Двое «за». Третья?
- ГОРЕЛИК *(еле слышно)*. Наверно, я тоже.
- ГЕРИНГ. Не слышал.
- ГОРЕЛИК. За.
- ГЕРИНГ. Тогда всё, решено. Можно спать *(зевает и укладывается спать)*.

Крыжовник по-прежнему кружит по сцене. Иногда он подходит к кулисе – в такие моменты оттуда выступает тихарь с автоматом наизготовку и отталкивает Крыжовника назад. Засыпает и Маша Скобарда. Зато Илане Горелик не спится. Она подходит к Мойдодырову, который с мрачным видом точит мачете.

ГОРЕЛИК. Простите, а вы что думаете по этому поводу?

МОЙДОДЫРОВ. А какая разница? Вас трое, я один.

ГОРЕЛИК. А всё же?

МОЙДОДЫРОВ. А всё же... Думаю, что ты дура.

ГОРЕЛИК. Я? Дура?

МОЙДОДЫРОВ. Тебе этого Крыжовника беречь надо пуще глаза.

КРЫЖОВНИК. Крыжовник...

ГОРЕЛИК. Беречь? Это почему же?

МОЙДОДЫРОВ. Потому, что ты – следующая, сразу за ним.

ГОРЕЛИК (*принуждённо смеётся*). Почему же именно я? Почему, к примеру, не вы?

МОЙДОДЫРОВ. Не. Я умру последним. У нас говорят: смерть любит лёгкую работу. Чем меньше её боишься, тем позже она за тебя берётся. А я совсем не боюсь.

ГОРЕЛИК. По-моему, вы слишком мрачно смотрите на вещи. Ну при чём тут смерть? Это ведь обычная телевизионная игра, шоу.

МОЙДОДЫРОВ (*отрывается от своей работы, смотрит на Илану через плечо, усмехается*). Я ж говорю: дура. Иди спать, дура. (*Продолжая точить тесаки, Селифанскому, который кружит вокруг*). И ты тоже иди, хватит тут крутиться...

Селифанский опускает камеру, отходит на авансцену. К нему, волоча за собой стул, присоединяется вышедший из-за кулис Чичкофф. Он усаживается лицом к экранам.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Я решил последовать его совету. Съёмки-съёмками, но отдыхать тоже надо. Когда катер доставил меня на судно, Чичкофф ещё не спал. Он сидел в кают-компании, наблюдая за всеми экранами сразу.

ЧИЧКОФФ. Что скажете, господин Селифанский? Эти подонки превосходят все мои ожидания! Ещё немного, и они начнут перегрызать друг другу горло.

СЕЛИФАНСКИЙ. Неудивительно – вы ведь оставили им только тесаки. Или рис тоже где-то припрятан, и они просто его не нашли?

ЧИЧКОФФ (*фыркает*). Ещё чего! Кроме мачете этим ленивым свиньям не положено ничего. Шоу ведь посвящено выживанию, не так ли? Вот пускай и выживают... Ложитесь спать, господин Селифанский. Завтра первый конкурс. Начинается самое интересное (*уходит в глубь тёмной сцены*).

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Я ушёл в свою каюту и лёг спать, как много и хорошо поработавший человек. У меня были все основания гордиться своим трудом. Камеры, микрофоны, автоматика, связь – всё работало

как часы! Да, я был всего лишь оператором, но смею вас уверить: здесь ничего бы не стояло, когда бы не было меня! Ничего! (*После паузы*). К сожалению, другие компоненты шоу не дотягивали до заданного мною высочайшего уровня. Я уже упоминал плохую фотогеничность участников. Теперь к этому прибавилась и крайне скудная полоса препятствий.

Сцена светлеет. На ней всё готово к конкурсу. Чичкофф стоит на помосте, вид у него торжественный. Тут же тихари с автоматами наизготовку. Команды выстроились на стартовых позициях.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Честное слово, учитывая те средства, которые были вложены в кастинг, продюсер мог бы подготовить куда более интересный конкурс. Мягко говоря, я был разочарован: бег по бревну, лестница, сетка, ползание в грязи – всё это выглядело так неоригинально, чтоб не сказать убого...

Селифанский подхватывает камеру и присоединяется к действию.

ЧИЧКОФФ. Команды готовы? Начинаем наш первый конкурс. На старт... внимание... марш!

СКОБАРДА. Рос-си-я! Рос-си-я!

Команды бросаются вперёд. Толкотня, крики и суматоха. Крыжовник, против всех ожиданий, бежит вместе с товарищами, зато Капитан и Бандура сцепляются в самую неподходящую минуту и, забыв о конкурсе, начинают кататься по сцене, мутузя друг друга. Надя Долото и Маргарита, схватив драчунов за волосы, отрывают их друг от друга. Из-за этой драки чёрно-оранжевые непременно бы проиграли, если бы не Геринг, который отталкивает Крыжовника и не позволяет тому закончить маршрут.

ЧИЧКОФФ. Финиш! Победителем первого конкурса объявляются чёрно-оранжевые! Мои поздравления! В качестве приза команда получает соль и котелок. Можете возвращаться в лагерь.

МАРГАРИТА. Только соль и котелок? А рис? Дай хоть хлеба буханку...

ЧИЧКОФФ. Повторяю: можете возвращаться в лагерь.

По команде Чичкоффа 1-й и 2-й Тихари выталкивают недовольных чёрно-оранжевых со сцены. Чичкофф, потирая руки, поворачивается к проигравшим.

ЧИЧКОФФ. Ну вот, друзья. А побеждённым, как известно, горе. В нашем случае – виселица. Кого будете вешать? Уже решили?

СКОБАРДА. Что значит «вешать»?

ЧИЧКОФФ (*указывает на виселицу*). Да то и значит – вешать.

ГОРЕЛИК. Вы имеете в виду «отсевать»?

ЧИЧКОФФ. Я имею в виду именно то, что сказал, госпожа Горелик. Но вы, по свойственной либералам привычке, можете придумать для этого более политкорректное слово. Я не возражаю. Ведь вы и ваши соратники всегда были большими мастерами языка.

ГОРЕЛИК. Моя родина – русский язык...

- ЧИЧКОФФ. Вот именно. Так что не стесняйтесь, называйте, как хотите.
- ГОРЕЛИК. Значит, отсеивать.
- ЧИЧКОФФ. Я ж говорю: как хотите. Пусть вам будет легче. Итак, кого? Можете посоветоваться минут пять, я подожду. Как будем голосовать? Тайно или в открытую, чтоб не тянуть?
- СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. В этот момент я чуть не выронил камеру. Тайное голосование при отсеивании участников является одним из гвоздей реалити-шоу. Но Чичкофф, как выяснилось, делал упор совсем на другое. И хотя инсценировка повешения выглядела, на мой вкус, несколько мрачновато, я не мог отрицать, что такого тоже ещё не было нигде. Ни у нас, ни в Европе, ни у амери...
- ГЕРИНГ. В открытую, чего там. Народу стесняться нечего. Бери вон того, придурковатого.
- ЧИЧКОФФ. Вы имеете в виду господина Крыжовника?
- КРЫЖОВНИК. Крыжовник...
- ЧИЧКОФФ. Значит, решено? Всей командой? Нет возражений? Маша? Госпожа Горелик? Господин Мойдодыров?
- МОЙДОДЫРОВ. А чего Мойдодыров? Я один, а вас вон сколько.
- ЧИЧКОФФ. Значит, и вы согласны. Что ж, похвальное единодушие. Видимо, и сам господин Крыжовник, если его спросить, скажет...
- КРЫЖОВНИК. Крыжовник...
- ЧИЧКОФФ. Ну, вот видите. *(потирает руки)*. Тогда позвольте мне объяснить вам правила повешения.
- ГОРЕЛИК. Отсеивания...
- ЧИЧКОФФ. Выбывающий участник поднимается на помост, где ему связывают за спиной руки и надевают на шею петлю. Прямо под его ногами находится люк, который приводится в действие вот этими рычагами. Видите? Их ровно четыре – то есть столько же, сколько вас. Люк не откроется, пока не нажаты все рычаги. Это понятно всем?
- МОЙДОДЫРОВ. Вот же волчара...
- ЧИЧКОФФ. Я спрашиваю: понятно всем?
- СКОБАРДА *(запальчиво)*. А соль когда получим? И рис? Виданое ли дело, людей голодом морить...
- Чичкофф резко поднимает вверх руку. 1-й Тихарь даёт очередь из автомата в воздух. Скобарда, Горелик и Геринг вздрагивают и пригибаются. Крыжовник зажимает уши. Лишь Мойдодыров не реагирует никак.*
- ЧИЧКОФФ *(внушительно, с расстановкой)*. Это стрельба в воздух. Пока в воздух. Не советую никому нарушать правила игры. Напоминаю, вы подписали контракты. Вы обязались полностью сотрудничать с организаторами шоу. Я задал вам вопрос о люке. Все ли поняли моё объяснение?
- ГЕРИНГ. Все, все.

ЧИЧКОФФ. Я очень на это надеюсь, герр Геринг... Потому что тот, чей рычаг окажется не нажатым, будет немедленно повешен вместо отсеиваемого. Немедленно!

ГОРЕЛИК (*лепечет со слезами на глазах*). Отсеян! Будет немедленно отсеян...

ЧИЧКОФФ. Повторяю, госпожа Горелик, называйте это как вам угодно. Итак, приступаем. Господин Крыжовник, пожалуйста сюда...

КРЫЖОВНИК. Крыжовник...

Чичкофф делает знак тихарям, и те начинают подготовку: ведут Крыжовника на помост, связывают ему руки, надевают на шею петлю. Селифанский выходит на авансцену.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Нет-нет, как хотите, но эта инсценировка показалась мне явным перехлестом. Ну, к чему этот мелодраматический натурализм? Хотя чего не сделаешь ради рейтинга...

ЧИЧКОФФ. К рычагам, дамы и господа! Господин Крыжовник, не желаете ли что-нибудь сказать напоследок?

КРЫЖОВНИК. Крыжовник...

ЧИЧКОФФ. Понятно. Госпожа Горелик, командуйте. На счёт три.

ГОРЕЛИК. Почему именно я?

ЧИЧКОФФ. А почему бы и нет? Это ведь всего лишь «отсеивание», не так ли? Если вам не нравится слово «командуйте», придумайте какое-нибудь другое, покрасивее. Например, «вдохновляйте»! Итак, вдохновляйте, госпожа Горелик. На счёт три. Ну?!

ГОРЕЛИК. Раз... два... три!

Мойдодыров, Геринг, Горелик и Скобарда одновременно дёргают за рычаги. Крыжовник проваливается в люк. Видна лишь раскачивающаяся верёвка.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Чёрт бы его побрал, этого Чичкоффа с его дешёвыми эффектами! Всё получилось как нельзя более наглядно, как будто беднягу Крыжовника и впрямь отправили на тот свет. По моей спине даже пробежал холодок. Понятия не имею, какой фокус Чичкофф произвёл, чтобы так натурально симитировать повешение, но цели своей он, несомненно, достиг: всем присутствующим, включая тихарей, было определённо не по себе. Единственно, что как-то утешало, так это то, что этот якобы повешенный уже через час будет прохладиться в своей каюте на корабле, отдыхая после сытного обеда... (*возвращается к участникам и вновь начинает кружить вокруг них со своей камерой*).

ЧИЧКОФФ (*в полном восторге*). Превосходно! Замечательно! Из ряда вон выходяще! Вы определённо заслужили вознаграждение! За проявленное единство ваша красно-синяя команда получит соль и котелок.

СКОБАРДА. Есть!

ГЕРИНГ. Что я вам говорил?

ЧИЧКОФФ. Но это ещё не все.

СКОБАРДА. Неужели хлеб? Или рис?

ЧИЧКОФФ. Лучше, дорогая Маша. Намного лучше. Я хочу рассказать вам кое-что интересное о нашем шоу... Вы, без сомнения, обратили внимание на некоторую свою... э-э-э... как бы это сказать... похожесть. Ведь обратили, правда? Ну, признайтесь, обратили?

Пауза. Участники молча разглядывают Чичкоффа, не понимая, чего он от них хочет.

ГЕРИНГ. Какое сходство? О чём ты, дядя? Сходство кого с кем? Меня с ней? *(С отворачиванием указывает на Горелик).* Или с ним? *(Кивок в сторону Мойдодырова).* Ты чего, дядя?

СКОБАРДА. Ну, допустим, обратили. Дальше что?

ЧИЧКОФФ. А то, что сходству этому есть объяснение! *(Потирает руки).* В конце семидесятых годов под Москвой работала тогда ещё экспериментальная лаборатория по ЭКО – экстракорпоральному оплодотворению... Хе-хе... Детки из пробирки, говоря народным языком. В научных целях набирали женщин с разных концов Союза. А оплодотворял каждую такую выборку один и тот же донор, опять-таки в научных целях. Соображаете?

Пауза. Селифанский, как ужаленный, выскакивает на авансцену.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал).* И тут я вдруг понял, к чему он клонит. Понял всё, доселе непонятное. Этот человек был сумасшедшим, но гениальным сумасшедшим. Такого шоу и в самом деле ещё свет не видывал. Он собрал здесь, на острове, единокровных братьев и сестёр! Десять братьев и сестёр!

ЧИЧКОФФ. Так вот. Я нашёл документацию этой клиники. Не спрашивайте, как. Скажу только, что я посвятил этому всю жизнь. Нашёл! А потом нашёл вас, одного за другим. Вы все – кровные братья и сёстры. У вас разные мамы, но один и тот же отец. Вы братья!

СКОБАРДА. Чуть ли какая-то. Мой папа живёт в Перми.

ЧИЧКОФФ. Это вы так думаете, дорогая... *(извлекает из кармана пачку листов, слюнявит палец, находит нужный).* Вот. Ваша драгоценная мамочка, Эльвира Магомадовна Скобарда, прошла процедуру с 3-го по 18 апреля 1976 года. Естественно, с согласия мужа. А вы, деточка, родились в декабре... чуть-чуть мама не доносила, так ведь не беда: вон какая красавица-дочка вымахала! Единственный ребёнок в семье...

Кладёт на помост стопку листочков.

ЧИЧКОФФ. Вот, ознакомьтесь на досуге. С обстоятельствами, так сказать, своего рождения... Тут про всех вас. А пока что... *(указывает на покачивающуюся верёвку у себя за спиной).* Пока что оцените момент: вы только что своими руками повесили собственного брата! Ага! Тут, друзья, за чужую спину не спрячешься! Каждый нажимал! Собственными ручками! Каждый! На ваших ладонях кровь брата! Брата! Брата!

Участники ошеломлённо всматриваются в свои ладони, словно действительно ожидают увидеть там кровавые пятна.

ГОРЕЛИК. Это не так. Это фигурально. Мы отсеяли... мы...

ЧИЧКОФФ (*с театральной надрывом*). Кто вы после этого?! Каины! Все вы теперь Каины, братоубийцы! А потому и шоу наше называется соответственно: «Последний Каин»! Добро пожаловать в шоу «Последний Каин»!

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Понятное дело, последнюю фразу я заснял крупным планом. Из неё могла впоследствии получиться очень неплохая заставка. Добро пожаловать в шоу «Последний Каин»! Воздетые руки и всё такое... Хотя, с театральными эффектами Чичкофф, по-моему, перебарщивал. Или нет. Во время съёмок не сразу и поймёшь.

Начинает возиться с камерой. Сцена за его спиной темнеет. Волоча за собой два стула, на авансцену выходит Чичкофф, присоединяется к своему оператору.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). На корабль мы возвращались одним катером. Чичкофф хотел немедленно просмотреть отснятый материал конкурса и «повешения». По его словам, с происходящим в лагерях вполне справлялись и автоматические камеры, столь профессионально расставленные мною. Не скрою, мне было лестно услышать от него такую высокую оценку моего труда. Я тоже поздравил продюсера с превосходной тематической находкой.

ЧИЧКОФФ. Не правда ли? Эта деталь придаёт происходящему совсем другое значение. Смотрите, господин Селифанский, обычно люди, не задумываясь, гнобят друг друга потому лишь, что плохо знакомы или не знакомы вовсе. Если чужой, значит можно. А вот попробуйка своего! И не просто своего, а совсем-совсем своего... брата попробуй или сестрёнку, хотя бы и только кровных...

СЕЛИФАНСКИЙ (*смеётся*). О, да! Особенно после имитации «повешения», которое вы разыграли с таким наглядным натурализмом. Кстати, где теперь Крыжовник? Наверное, уже на корабле? На парня было жалко смотреть. Надеюсь, его уже накормили?

ЧИЧКОФФ (*рассеянно*). О нём можете не беспокоиться, он в полном порядке... Значит, вы полагаете, что теперь красно-синие будут вести себя иначе?

СЕЛИФАНСКИЙ (*пожимает плечами*). Честно говоря, понятия не имею.

Пауза.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Мне и в самом деле было совершенно невдомёк, какие чувства может испытывать взрослый уже человек, узнав, что у него есть девять доселе неизвестных ему братьев и сестёр. Остаток вечера мы провели в кают-компании, наблюдая за экранами. Красно-синие поначалу выглядели малость пристукнутыми, но затем понемногу вернулись в первоначальное состояние. Думаю, они просто предпочли не поверить продюсеру. Мойдодыров ушёл искать кокосы, а Илана Горелик уснула, измученная поиском правильных слов.

Ближе к ночи наши чувствительные микрофоны уловили разговор между Герингом и Машей Скобарда.

В углу сцены высвечивается сидящая пара. Это Геринг и Скобарда. На экранах по краям сцены – крупные планы ночной съёмки.

СКОБАРДА. Геринг, а, Геринг...

ГЕРИНГ. Чего тебе?

СКОБАРДА. Ты веришь?

ГЕРИНГ. Во что?

СКОБАРДА. Не во что, а кому. Продюсеру этому веришь?

ГЕРИНГ. Не-а. Хрень полнейшая. Ну какие мы братья и сёстры, Маша? У тебя вон мамаша из татарвы.

СКОБАРДА. Врёшь. Русская я. Русская!

ГЕРИНГ (*неохотно*). Ну, ладно. Мы с тобой ещё куда ни шло. Но взять, к примеру, эту пархатую Илану... или кавказца этого черножопого... Ничего общего, сама посуди. Хрень полнейшая. Я вот белый человек, а они кто? Мусор.

СКОБАРДА. Так то ж по матери. Может, отец у нас общий. Нормальный.

ГЕРИНГ. Ну ты хватила! Иудиной крови одной капли хватает, чтобы целый город отравить. Не сестра она мне, погань жидовская...

СКОБАРДА. Может, и так... А может, не врёт...

ГЕРИНГ. Слушай, отстань, а? Давай спать. Заладила: может, не может... Вот завтра конкурс выиграем, может, спички дадут...

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Зато в лагере чёрно-оранжевых жизнь была ключом...

Высвечивается противоположный угол сцены. Там Маргарита охмуряет охотника Николая.

МАРГАРИТА. Николай, у тебя жена есть?

НИКОЛАЙ. Есть жена. Без жены никак.

МАРГАРИТА. Небось, давно её не видал, а?

НИКОЛАЙ. Давно. Скоро три зимы будет.

МАРГАРИТА. А хочешь меня в жены?

НИКОЛАЙ. Есть жена. Без жены никак.

МАРГАРИТА. Никак, никак... вот и возьми меня в жены. Здесь, на острове.

НИКОЛАЙ (*неуверенно*). А так можно?

МАРГАРИТА (*наваливаясь на охотника*). А вот смотри... видишь... ещё как можно...

Какое-то время Николай сидит, замерев, в то время как Маргарита орудует у него под одеждой. Вдруг он начинает рычать, опрокидывает Маргариту на спину, и они минуту-другую катаются по земле.

ЧИЧКОФФ. Шустрая сестричка, однако... Нашла-таки к кому прислониться.

СЕЛИФАНСКИЙ. Хитра, это верно. Всех переживёт.

ЧИЧКОФФ. Не факт, господин Селифанский, не факт...

Наконец Николай встаёт и смущённо одергивает парку. Маргарита садится, приглаживает волосы.

МАРГАРИТА. Ну все, Николай. Теперь я жена тебе. Теперь ты кормить меня должен. А я тебе давать буду, когда захочешь. Как это у вас называется – скво?

НИКОЛАЙ. Жена называется. Есть у меня жена. Дома.

МАРГАРИТА. Так то дома, а то здесь. Здесь я твоя скво. Хорошо?

НИКОЛАЙ. Хорошо. А начальник не заругает?

МАРГАРИТА. А начальник нас сейчас по телевизору смотрит. Извращенец хренов. Вот мы ему тоже кой-чего покажем, начальнику, чтоб не обижался... Где тут камера? А, вон она... На, начальник, смотри!

Поворачивается к камере задом и задирает подол. Чичкофф с отвращением плюётся.

ЧИЧКОФФ. Тьфу, мерзость! Отключите её, Селифанский! И вообще, на сегодня хватит. Идите спать. Спать, спать, спать!

Угол сцены снова погружается в темноту.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. Я ушёл к себе, лёг и долго ворочался с боку на бок, тщетно пытаясь заснуть. Но сон всё не приходил – сказывалось напряжение прошедшего дня. Наконец, устав бороться с бессонницей, я поднялся на палубу. Все тихари несли караульную службу на острове, поэтому никто не мешал мне свободно бродить по кораблю. Каюты участников были пусты: по-видимому, Чичкофф так пока и не переправил сюда отсеявшегося Крыжовника. Зато в кают-компании горел свет. Я осторожно заглянул в иллюминатор. Продюсер всё ещё сидел перед мониторами. Спал ли он вообще когда-нибудь? Гасил ли хотя бы на несколько часов те сатанинские костры, которые полыхали на дне его безумных зрачков? Он сидел перед монитором, вновь и вновь просматривая одну и ту же сцену: эпизод «повешения». На экране четыре руки раз за разом синхронно дёргали за рычаги «виселицы». Как ни крути, а в этом было что-то болезненное. Я уже хотел уходить, как вдруг услышал, что он тихо повторяет одну и ту же фразу.

ЧИЧКОФФ. Как они могли?.. Как могли?..

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. В какой-то момент продюсер повернул к свету лицо, и я увидел, что оно залито слезами. Не скрою, это испугало меня до смерти. Стараясь двигаться по возможности неслышно, я отступил к лееру и дальше – по тёмной пустынной палубе, к трапу, в каюту. Мне никогда до этого не приходилось иметь дело с демонами, но отчего-то я был совершенно уверен, что они не переносят, когда их тревожат в минуту слабости.

Я снова лёг и мгновенно уснул. Проспал до самого утра. Я был всего лишь оператором, помните? А оператор служит тому, кто платит, будь он хоть самым Сатаной.

Не стану утомлять вас рассказом о следующем дне, настолько он был скучен. Всё то же и оно же. (*Зевает*). Та же полоса препятствий, тот же конкурс, та же толкотня, те же разборки между Бандурой и капитаном Зелёным. Единственная разница заключалась в том, что на сей раз проиграли не красно-синие, а чёрно-оранжевые, и отсеяли не Крыжовника, а Надю Долото.

Кое-кто усмотрел бы в этом символику. Как-никак, Крыжовник был идиотом, а Надя – представительницей современного искусства, которое сегодня почти неотличимо от крайней формы идиотизма. Но, поверьте, дело не в этом. Всё устроила эта пройдоха Марго. Профессиональный опыт приучил её устранять конкурентов. Маргарита уже твёрдо освоилась в роли единственной скво и не собиралась делить преимущества этого положения с другой женщиной.

Экраны по сторонам сцены иллюстрируют рассказ Селифанского. Сцена освещается – на ней стоп-кадром застыли взявшие за рычаги Капитан, Бандура, Маргарита и Николай, оскалившийся Чичкофф на помосте, тихари с автоматами, Долото с петлёй на шее.

Селифанский продолжительно зевает и машет рукой, словно запуская проектор.

МАРГАРИТА. Три!

Четверо участников дёргают за рычаги, Долото проваливается за помост.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Затем Чичкофф снова толкнул речь про братьев и сестёр – точно такую же, как за день до того. Включая финальную тираду, слово в слово.

ЧИЧКОФФ (*с театральным надрывом*). Кто вы после этого?! Каины! Все вы теперь Каины, братоубийцы! А потому и шоу наше называется соответственно: «Последний Каин»! Добро пожаловать в шоу «Последний Каин»!

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). О-хо-хо... Скукота. Ненавижу повторы. Излишне говорить, что чёрно-оранжевые предпочли не верить рассказу продюсера – точно так же, как и красно-синие. Лишь Николай, простая душа, воспринял слова Чичкоффа всерьёз и откровенно загрустил. Это сказалось ещё через день, когда его команда снова проиграла и потребовалось отсеивать – или, как выразался Чичкофф, «вешать» – ещё одного участника. Маргарита решила, что это должен быть Капитан. Так бы оно и вышло, но в самый решительный момент Николай проголосовал против Бандуры. Получилась ничья, два-два.

ЧИЧКОФФ. Ничья! Два-два!

Селифанский подбирает камеру и присоединяется к остальным.

МАРГАРИТА (*в ярости*). Николай! Ты что, забыл?! Я тебе что велела? (*Чичкоффу*). Походите, господин главный. Он ошибся, бывает. Голосуем по новой.

КАПИТАН. Чего это вдруг – по новой, нахбля?

БАНДУРА. По новій, по новій! Вату – нахбля!

ЧИЧКОФФ (*озабоченно чешет в затылке*). Николай? Что скажешь? Ошибся?

НИКОЛАЙ. Не, не ошибся. Пускай ничья будет. Как Челси и... (*задумывается*)

ЧИЧКОФФ (*подсказывает*). Чарльтон?

НИКОЛАЙ (*удовлетворённо*). Ага. Чальто. Люблю, когда на «Ч».

ЧИЧКОФФ. Понятно. А зачем тебе ничья, Николай?

НИКОЛАЙ. Потому – братья. Без братьев никак. Пусть ничья. Пусть оба будут.

МАРГАРИТА. Вот ведь дурак!

ЧИЧКОФФ (*после паузы*). Ах, Николай, Николай... простая душа. Если бы по-твоему было возможно... Однако, увы. У нас ведь тут не футбол. Так что по-твоему никак. Хочешь, прямо у них спросим, однако? Пан Бандура, товарищ капитан! Вы как на ничью смотрите? Ничья вас устроит?

КАПИТАН. Ещё чего, нахбля! Какой он мне брат? Надоел укроп хуже горькой редьки.

БАНДУРА. Вату геть! Ніколи ми не будемо братами!

ЧИЧКОФФ (*Николаю, разводя руками*). Вот видишь, однако... Как же нам решить эту проблему? А чего бы вам не подраться, панове-товарищи-братья? Только на этот раз по-настоящему. Как вы на это смотрите?

БАНДУРА. Будь ласка, немає проблем.

КАПИТАН. По-настоящему, нахбля? Это как? А прежде, нахбля, не по-настоящему было?

ЧИЧКОФФ. Конечно, не по-настоящему, товарищ капитан. Прежде ведь вас разнимали, за руки хватали, оружие отнимали – мол, не надо, ребята, не деритесь. Разве не так? Так. А я разнимать не стану и другим не дам. Деритесь досыта, вволю, пока вся кровь не вытечет. Надо же когда-то окончательно выяснить отношения. Я и ножички дам, чтоб удобней было. (*Делает знак, тихарь приносит два ножа и втыкает их в пол между противниками*). Ну? Что же вы стоите? Давайте, вперёд. Кто останется, тот победил. Ну?!

КАПИТАН. Ты это серьёзно? Драться с ним? Прямо сейчас? По каким правилам?

ЧИЧКОФФ (*дёргает щечкой*). А по каким правилам вы с ним обычно дерётесь? Вот по тем же самым, будьте любезны.

БАНДУРА (*мрачно*). Зазвичай правил немає.

ЧИЧКОФФ. Значит, так тому и быть. «Правил немає». Что может быть справедливей – правила поединка устанавливают сами участники... Ну же! Вперёд!

В мелькающем свете разворачивается сцена схватки. Слышен хрип соперников, выкрики, звуки ударов. Капитан и Бандура катаются по земле, вскакивают, падают, снова бросаются друг на друга. В этом клубке ничего не разобрать. Зато на экранах всюду брызжет кровь – лужи крови, потоки крови, фонтаны крови. Крупным планом окровавленные лица, руки, обрубки конечностей.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Бог свидетель, я был лишь оператором. Никто не посвящал

меня в детали сценария, ни на каком этапе. Я и представить себе не мог, что обычное реалити-шоу превратится в реальное смертоубийство. Можно ли считать меня соучастником преступления?

Они резали друг друга с таким остервенением, с такой яростью, какую может породить только безграничная ненависть. Ненависть застилала им глаза, придавала сил, лишала разума. Наверное, оба противника знали какие-то приёмы ножевого боя, но до приёмов ли было в этом кровавом клубке дикой, безрассудной вражды? Они сцепились на крохотном пятачке и кололи друг друга куда попало, без разбора, лишь бы попасть, лишь бы уничтожить, изничтожить, извести. Кололи, топчась рядом, кололи, упав на колени, кололи лёжа, поливая песок последней уже кровью. Они ухитрились убить друг друга по нескольку раз – ведь жажда убийства, колотящаяся в мёртвых уже сердцах, продолжала жить, когда сами они уже умерли. Почему? Зачем? Откуда взялась, откуда свалилась на их головы эта ненависть, эта ненасытная гадина, не просыхающая, как не сворачивающаяся кровь?..

Я снимал не думая, как автомат. Я был всего лишь оператором. Мой объектив впитывал всё, как крутящаяся воронка канализации. Я продолжал снимать и тогда, когда оба противника уже застыли в одной бесформенной кровавой куче.

Пауза. В полной тишине Чичкофф хлопает в ладоши. 1-й Тихарь подходит к лежащим на полу противникам, щупает пульс, отрицательно качает головой.

ЧИЧКОФФ. Победила дружба! Марго, Николай, можете возвращаться в лагерь.

Чичкофф, волоча за собой стул, выходит на авансцену. Селифанский становится рядом.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Тихари потащили мёртвые тела за помост, пошёл за ними и я со своей камерой. Ох... лучше бы я этого не делал. Хотя, какая разница – днём раньше, днём позже... В общем, я совершенно напрасно искал давеча на корабле отсеянных участников – Крыжовника и Надю Долото. Их мёртвые тела лежали там, в яме за помостом, едва присыпанные землёй. Повешение не было инсценировкой! Эти люди были казнены самым натуральным образом.

(Наклонившись вперёд, свистящим шёпотом). Но самое странное... самое странное, что я не испытал никакого потрясения. Никакого! Там, на краю ямы с теперь уже четырьмя трупами, я вдруг понял: в глубине души я прекрасно знал, что происходит. Знал, но продолжал.

Не помню, как мы вернулись на корабль. Я словно превратился в робота. Мне даже казалось, что я сам себя вижу со стороны – не прямо, по-человечески, а через объектив видеокамеры. Моё сознание усиленно делало вид, будто всё это понарошку, будто я сплю или играю, или просто участвую в съёмке, а не в хладнокровном убийстве ни в чём не повинных людей. Но, чёрт побери, я ведь и в самом деле только участвовал в съёмке! Или нет?

Чичкофф поглядывал на меня понимающе и немного смущённо. Мы почти перестали разговаривать; обменивались короткими репликами – и всё. Некоторое время я лежал в своей каюте, глядя в дощатый потолок. Он напоминал висельный помост там, на острове. Глядя на него снизу, я как бы превращался в Крыжовника или в капитана, или в Бандуру, которые смотрят сейчас на такие же доски мёртвыми, присыпанными землёй глазами. Боже, им даже не закрыли глаза... Поймав себя на том, что постоянно смахиваю с лица воображаемые комья, я встал и пошёл в кают-компанию. Чичкофф встретил меня коротким кивком.

ЧИЧКОФФ. Оклемались немножко? Ну и чудненько. Полюбуйтесь на наших молодцов. Похоже, у Марго проблемы.

В одном из углов сцены высвечивается пара Николай – Маргарита. Николай неподвижно сидит на корточках, мрачно уставившись перед собой.

МАРГАРИТА (*капризно*). Николай! Ну, Николай! Я кушать хочу.

НИКОЛАЙ. Кушай.

МАРГАРИТА. Так ведь нечего! Ты мужчина или нет? Бери острогу, иди за рыбой. Я уху наварю. А? Ну, Николай... Коленька... Коляша...

НИКОЛАЙ. Отстань.

МАРГАРИТА (*топает ногой*). Да что ты за истукан такой! Ты мне муж или нет?

НИКОЛАЙ. Нет. Начальник говорит – брат. А ты мне сестра. Сестру не положено.

МАРГАРИТА. Тьфу ты! Вот ведь заладил: сестра, сестра. Да хоть бы и сестра. Какая, на хрен, разница? Кто там у вас в чуме разберёт: сестра, жена?... Дырка в шкуре есть, туда и суешь. Не так, что ли?

НИКОЛАЙ. В твоём чуме, может и так. А в моём всё понятно. Сестру не положено.

МАРГАРИТА. Положено, не положено... Какая положена, на ту и ложись. Жена я твоя теперь, понял? Меня кормить надо. Ну?! Бери острогу!

Николай нехотя поднимается, берёт заострённую палку и уходит в темноту. Маргарита идёт за ним.

СЕЛИФАНСКИЙ. Говорю вам, она тут всех переживёт. Бесстыдство всегда побеждает.

ЧИЧКОФФ. Или да, или нет, господин Селифанский. А что у нас с красно-синими?

СЕЛИФАНСКИЙ. Известно что: эйфория. Две победы подряд. А кроме того, они ещё думают, что это игра. Что всё понарошку. Они ещё не видели яму.

ЧИЧКОФФ. Какую яму, господин Селифанский?

СЕЛИФАНСКИЙ. Там, за помостом. Яму с настоящими трупами.

ЧИЧКОФФ. Вам это сильно мешает?

СЕЛИФАНСКИЙ. Я всего лишь оператор.

ЧИЧКОФФ (*вдыхает*). Не обманывайте себя, господин Селифанский. Подумайте – разве это не точная аллегория нашей жизни? Что ожидает нас всех в конце? Яма. Яма. Всех, до одного. И вас, и меня, и их (*указывает в зал*). Зачем же притворяться, будто её не существует?

СЕЛИФАНСКИЙ. Наверно, вы правы. Но красно-синие этого не знают.

ЧИЧКОФФ. Знают. Они просто предпочитают заниматься самообманом. Делать вид, будто за помостом не яма, а лужок с пастушком. У них ведь там госпожа Горелик – большая мастерица играть словами.

СЕЛИФАНСКИЙ (*глядя на экран*). Кстати, она наколола ногу. Вы не собираетесь освободить её от завтрашнего конкурса?

ЧИЧКОФФ. Зачем? Пусть назовёт свою хромоту как-нибудь иначе, более политкорректно. Ну, например, альтернативным видом ходьбы. Авось это поможет.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). На следующее утро команды вновь были поставлены перед той же полосой препятствий. Условия оставались прежними: зачёт по последнему...

Подхватывает камеру и идёт в глубь светлеющей сцены, где собрались все оставшиеся действующие лица: восседающий на помосте Чичкофф, тихари с автоматами и две команды – чёрно-оранжевые в составе Николая и Марго, а также четвёрка красно-синих – Мойдодыров, Геринг, Маша Скобарда и Илана Горелик. Последняя сильно хромает.

ГЕРИНГ. Как это по последнему? С чего это вдруг по последнему? Их двое, а нас четверо, включая хромоту!

СКОБАРДА. А где они все? Капитан, Бандура...

ЧИЧКОФФ (*разводит руками*). Кончились. Отсеялись. Изошли на нет. Бились братья грудью в груди и друг друга извели.

МОЙДОДЫРОВ. Что, правда? Николай, скажи ты. Тебе одному поверю.

НИКОЛАЙ (*кивает*). Ножиками. Один другого. До смерти.

ГОРЕЛИК. Ну уж сразу и до смерти. Осторожней надо со словами, Николай. Мы ведь можем подумать, что они и в самом деле погибли...

МОЙДОДЫРОВ (*восторженно*). Вот это да! Жаль, я не видел. Такое удовольствие упустил! (*Чичкоффу*). Ну, спасибо! Ну, удружил! Ну, волчара!

ЧИЧКОФФ. Я знал, что тебе понравится. Но не пора ли нам приступить...

ГЕРИНГ. Погоди, дядя. Какое «приступить»? Говорю ведь: нас четверо.

ЧИЧКОФФ. Ну и что? Четверо.

ГЕРИНГ. А их двое.

ЧИЧКОФФ. Двое. И?

ГЕРИНГ. Несправедливо.

ЧИЧКОФФ. Кто сказал?

ГЕРИНГ (*недоумённо*). Я сказал.

ЧИЧКОФФ. А ты кто?

ГЕРИНГ. Как кто? Человек.

ЧИЧКОФФ. Ну вот. Ты тут человек, а я – Сверхчеловек. Значит, мне и решать. Так говорил Заратустра, великий арийский вождь. Есть ещё вопросы?

ГЕРИНГ (*упавшим голосом*). Есть. Она вон хромает (*указывает на Илану*).

ЧИЧКОФФ (*в том же ключе*). Ну и?

ГЕРИНГ. Неполноценный участник.

ЧИЧКОФФ (*радостно*). Вот так бы и говорил с самого начала! Неполноценный участник. А то – справедливо... несправедливо... Так. С неполноценными у нас, сверхчеловеков, разговор короткий. Неполноценных мы, как подсказывают нам наше арийское самосознание и руническая традиция, отправляем прямоком... (*нетерпеливо теревит пальцами, побуждая Геринга к ответу*) куда?.. ну, не молчите же, герр Геринг... куда?..

ГЕРИНГ (*угрюмо*). В газенваген.

ЧИЧКОФФ (*подхватывает*). В газенваген! А за неимением газенвагена – в ров. Вы уж простите, герр Геринг, мы тут на острове, по-простому, по-походному. Вот, будьте любезны.

Извлекает из кармана пистолет и вкладывает его в руку остолбеневшему Герингу.

ГЕРИНГ. Че-че-че-го это? Зачем?

ЧИЧКОФФ. Как это зачем? Вы меня огорчаете, герр Геринг. Для селекции. Процедура обработки неполноценных (*указывает на Илану Горелик*). Извольте исполнять. Или, может, вы сами не вполне полноценны? Попрошу в височек, чтобы пульки зря не тратить.

ГОРЕЛИК. Вы за это ответите! Это ни в какие ворота не лезет! Как такое возможно?! Мы в двадцать первом веке живём!

ЧИЧКОФФ. Тем более, госпожа Горелик. Да вы не волнуйтесь: в височек совсем не больно. Не успеете ничего почувствовать. Уверяю вас, когда дойдёт очередь до самого герра Геринга, ему будет куда неприятней. Ну же, герр Геринг!

Геринг поднимает пистолет и приставляет его к виску Иланы.

СКОБАРДА (*Мойдодырову*). Это всё понарошку, правда?

Мойдодыров молчит. Скобарда бросается к Чичкоффу.

СКОБАРДА. Это ведь понарошку, да?! Её просто отсеивают?!

Тихари отталкивают Скобарду назад.

ГОРЕЛИК (*лихорадочно*). Да, Маша. Это всё понарошку. Это всего лишь игра. Это всего лишь игра. Это всего лишь игра. Это всего...

Выстрел. Горелик падает. Геринг роняет пистолет, который тут же подбирает 1-й Тихарь.

СКОБАРДА (*в истерике*). А-а-а! А-а-а! А-а-а!

МАРГАРИТА. Наконец-то дошло.

ЧИЧКОФФ. Уймите её наконец. У нас тут серьёзный конкурс, а не озеро Селигер. Тут не до истерик.

- МАРГАРИТА. Вот и я говорю. Мы сегодня побежим или как?
- ЧИЧКОФФ. Вы совершенно правы, госпожа Маргарита. Порядок прежде всего.
- СКОБАРДА. А-а-а! А-а-а!
- ЧИЧКОФФ. Ну, как хотите. На старт... внимание... марш!

В то время как Геринг и Мойдодыров тщетно пытаются привести в чувство Машу Скобарду, Николай и Марго с лёгкостью заканчивают дистанцию.

- ЧИЧКОФФ. Вот она, убедительная победа чёрно-оранжевых! Герр Геринг, господин Мойдодыров... Если уж вы так удачно держите госпожу Скобарду, не соблаговолите ли заодно и связать ей руки.

ГЕРИНГ. За-за-чем?

- ЧИЧКОФФ (*удручённо*). В последнее время вы стали заикаться, герр Геринг. Этак и до неполноценности можно дойти... Зачем? Затем, что вы, похоже, определились с очередным отсевом. Не так ли?

МОЙДОДЫРОВ. Так. (*Герингу*). Держи её крепче.

СКОБАРДА. Нет! Нет! Рос-си-я! Рос-си-я! Не-е-ет!!

Тихарь подаёт Мойдодырову моток скотча, и тот связывает Скобарде руки за спиной. Маша продолжает биться в истерике.

- ЧИЧКОФФ. На помост её! Может, оттуда Рос-си-я услышит свою верную дочь!

Мойдодыров и Геринг затаскивают Скобарду на помост и накидывают ей на шею петлю.

- ЧИЧКОФФ. К рычагам, друзья мои! Теперь их всего два. Не сомневайтесь ни секунды! Это только дураки полагают, что чем меньше палачей, тем больше ответственность! На самом деле один хрен! Считайте, хрен... герр Геринг!

СКОБАРДА. Нет! Не-е-ет!..

ГЕРИНГ (*поспешно*). Раз-два-три!

Скобарда проваливается за помост.

- ЧИЧКОФФ. Фу-у-у... Ну и денек. Отдыхайте, друзья. Отныне вас поровну. Двое на двое. Надеюсь, теперь чувство справедливости герра Геринга будет спокойно. Выдать им по буханке хлеба!

В сгущающейся темноте тихари выносят командам хлеб, провожают их за кулисы, утаскивают тело Горелик и вообще наводят порядок. Чичкофф и Селифанский выходят на авансцену. У обоих вид хорошо потрудившихся людей.

- ЧИЧКОФФ. Устали, а? Ничего, осталось немного. Всего четыре каина. Это день, максимум два.

СЕЛИФАНСКИЙ. Почему так мало? Если их четверо...

- ЧИЧКОФФ (*усмехается*). Потому что они каины. Кроме того, они точно знают, что чем их меньше, тем выше шансы на победу. Ведь зачёт идёт по последнему каину. Вот и думайте, что произойдёт сегодня ночью...

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Он оказался совершенно прав. Ночью я задремал в кают-

компании и проснулся от странного звука, напоминавшего барабанную дробь.

Высвечиваются два участка сцены. На каждом из них происходит одно и то же: один из каинов душист другого, сидя на нём верхом.

СЕЛИФАНСКИЙ (в зал). Барабанную дробь выбивали кабуки удушасемых. Я включил автоматику и сделал несколько впечатляющих крупных планов. К утру каинов оставалось лишь двое. Очень кстати, потому что я и впрямь ужасно устал. Устал даже не от работы, а от скуки, от убийственного однообразия шоу. Знаете, все эти смерти волнуют только поначалу, а потом превращаются в какую-то унылую, давящую обыденность. Наверно, это похоже на секс по обязанности. Интересно, подтвердила бы Марго такую аналогию? Теперь уже не узнаешь... Помню, засыпая, я подумал, что хорошо бы Чичкофф придумал для финального конкурса что-нибудь более интересное, чем всё ту же осточертевшую полосу препятствий.

Но он снова не стал ничего менять.

На сцене Чичкофф, тихари и два оставшихся каина – Николай и Мойдодыров.

ЧИЧКОФФ. Ну что ж. Наше шоу подходит к концу. Это последний конкурс. Последний конкурс «Последнего Каина». Обычно последних участников принято поздравлять, но вряд ли вы этого заслуживаете. Каинов не поздравляют. А вы именно каины – как и все те, кто лежат там, за помостом.

Чичкофф спрыгивает с помоста. Сначала кажется, что продюсер идёт в направлении Николая и Мойдодырова, но проходит мимо них по дороге на авансцену и затем говорит, адресуясь залу.

ЧИЧКОФФ. Вы все здесь братоубийцы, все до одного, до одной – и мужчины, и женщины. Вы убиваете своих братьев и сестёр. И вы делаете это с такой лёгкостью не потому, что вас кто-то заставляет. Вы убивали и до того, как оказались на этом острове. У вас руки по плечи в крови, подонки... На старт... внимание... марш!

Николай и Мойдодыров бросаются вперёд. Они бегут по одному маршруту, хватая друг друга за одежду, отталкивая, отбрасывая соперника. Вперёд вырывается то один, то другой. Наконец, нога Мойдодырова застревает под бревном. Николаю остаётся сделать лишь несколько шагов до победы.

МОЙДОДЫРОВ (умоляюще). Брат! Помоги!

Николая в сомнении оглядывается.

МОЙДОДЫРОВ (протягивая в его сторону руку). Брат! Помоги! Брат!

Николай подходит, склоняется над упавшим и в этот момент Мойдодыров бьёт его камнем по голове. Николай, вскрикнув, падает. Мойдодыров наваливается сверху и бьёт, бьёт, бьёт камнем.

ЧИЧКОФФ. Хватит. Хватит, я говорю. Он давно уже не дышит. (Подходит, всматривается). Камнем, а? Хорошая традиция, каин.

МОЙДОДЫРОВ. Я победил! Все мертвы, а я остался! Ислам остался! Ислам Мойдодыров! Я последний!

ЧИЧКОФФ (*брезгливо*). Не совсем. Кого-то ведь надо повесить, не так ли? Николай мёртв, остаётся только ты. (*Тихарям*). Упакуйте его. И настройте два рычага!

МОЙДОДЫРОВ. Так я и знал. Знал, что живым не отпустишь. Пёс! Волчара позорный...

Тихари связывают Мойдодырову руки и ставят его на помост с петлёй на шею.

ЧИЧКОФФ (*удовлетворенно*). Ну вот. Теперь всё. Теперь можете уезжать на корабль. Катер ждёт.

Тихари пожимают Чичкоффу руку и уходят.

ЧИЧКОФФ. Два рычага, господин Селифанский. Что же вы не спрашиваете, который из них ваш?

СЕЛИФАНСКИЙ. Мой? Но причём тут я? Я всего лишь оператор!

ЧИЧКОФФ (*насмешливо*). Что вы говорите? Оператор? Тогда отложите камеру! Слушайте?! Я приказываю вам положить камеру!

Селифанский откладывает камеру и стоит в растерянности, не зная, куда деть руки.

ЧИЧКОФФ. Ну вот. Теперь вы без камеры. А какой же оператор без камеры? Нет, вы не оператор, господин Селифанский.

СЕЛИФАНСКИЙ. Не оператор? А кто?

ЧИЧКОФФ. Вы участник. Участник. Вы ведь ошибочно полагали, что на шоу набрано всего десять актёров. Но это не так. В шоу «Последний Каин» принимали участие двенадцать человек.

СЕЛИФАНСКИЙ. Двенадцать? Но кто же двенадцатый?

ЧИЧКОФФ (*потешно оглядывается вокруг, словно ища кого-то*). Где же он? Где он?.. Ну что вы, в самом деле, господин Селифанский... Вы видите здесь кого-нибудь ещё, кроме меня? Двенадцатый участник – это я, собственной персоной...

МОЙДОДЫРОВ. Не тяни резину, волчара! Кончай уже!

ЧИЧКОФФ. Действительно. Наш с вами братик прав. Хватит болтать. За дело, господин Селифанский (*подталкивает Селифанского к виселице*). Ваш рычаг справа, мой слева. Ну... раз...

СЕЛИФАНСКИЙ. Нет... Мы... я...

Чичкофф достаёт пистолет.

ЧИЧКОФФ. Вы знаете правила, господин Селифанский. Если не он, то вы. Сначала. А потом опять он. Ведите себя разумно. Извините за невольную задержку, господин Мойдодыров. Итак, снова: раз... два... три!

Чичкофф и Селифанский одновременно дёргают рычаги. Мойдодыров проваливается за помост.

ЧИЧКОФФ. Берите лопату, господин Селифанский. Любишь кататься, люби и саночки возить...

Селифанский выходит на авансцену.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Мы засыпали яму землёй и сели на берегу, глядя на море, на дымящую трубу сухогруза. Я уже начинал догадываться, что подняться на его палубу мне больше не придётся. Странно, но в ту минуту я не слишком переживал по этому поводу. Мне хотелось сгинуть, просто сгинуть. Не исчезнуть, а именно сгинуть. Обычного исчезновения я не заслуживал.

ЧИЧКОФФ (*подходит сзади, отряхивая руки, садится рядом*). Ну, и как оно?

СЕЛИФАНСКИЙ. «Оно» – что?

ЧИЧКОФФ. Как оно – чувствовать себя Каином? Братоубийцей?

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Я молчал. Я не намеревался выблевывать перед ним свою душу. Пусть стреляет – вот что я чувствовал в этот момент.

СЕЛИФАНСКИЙ. Покажите.

ЧИЧКОФФ. «Показать» – что?

СЕЛИФАНСКИЙ. Мой листок. Покажите моё дело. Историю моего рождения.

ЧИЧКОФФ. Пожалуйста. (*Достаёт из кармана два листка*). Вот ваш. А вот мой. Кстати, господин Селифанский, а не перейти ли нам на «ты»? Чего уж там, кровные братья, да к тому же ещё и одногодки.

СЕЛИФАНСКИЙ (*в зал*). Я опять не ответил. Я держал в руках больничную выписку с данными моей матери, с датой операции и описанием родов. Она всегда говорила, что моего биологического отца зарезали хулиганы ещё до того, как я появился на свет. Она лгала.

ЧИЧКОФФ. Слушай, Каин. Неужели тебе ни разу не приходило в голову, что и ты тоже...

СЕЛИФАНСКИЙ. Нет. Про тебя приходило. У вас у всех щека одинаково дёргается... дёргалась... а у меня...

ЧИЧКОФФ (*смеётся*). У тебя она тоже дёргается, Каин. Точно так же. Просто ты не замечаешь.

Пауза.

СЕЛИФАНСКИЙ. Слушай, а кто был наш отец?

ЧИЧКОФФ. Ты хотел сказать «донор»? А чёрт его знает. Какая разница? Я даже не пробовал его отыскать. Пусть живёт. В том, какими мы стали, его вины нет.

Слышен корабельный гудок. Селифанский смотрит на Чичкоффа, тот кивает.

ЧИЧКОФФ. Ага. Они уходят. Всё. Мы остаёмся вдвоём, братец. Как когда-то: Каин и Каин.

СЕЛИФАНСКИЙ. Каин и Авель.

ЧИЧКОФФ (*смеётся*). Ерунда. Авель тоже был Каином. Просто его брат оказался шустрее.

СЕЛИФАНСКИЙ. Я вот чего не пойму. Зачем ты всё это затеял?

ЧИЧКОФФ. Как это? Неужели ты ничего не понял? Такие, как мы, не должны оста-

ваться в живых. Мы не заслуживаем воздуха, которым дышим. Мы – каины... нас надо извести под корень, под корень...

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. Мы молча сидели рядом с братской могилой наших десяти братьев и сестёр, убитых нашими руками. Сидели и смотрели, как чёрная корма уходящего сухогруза покачивается по дороге за горизонт.

ЧИЧКОФФ. Помнишь, в самолёте мы говорили про моего однофамильца Павла Ивановича Чичикова? Ты ещё возразил, что он-де покупал мёртвые души, а я нанимаю живых актёров... А оказалось-то всё в точности, как у Павла Ивановича... Разве их души были живыми, Каин? Я покупал мёртвые души! Мёртвые!..

СЕЛИФАНСКИЙ. Ладно. Что дальше?

ЧИЧКОФФ *(с усмешкой)*. Дальше? Дальше одно из двух. В точности, как тогда. Который из двух Каинов окажется шустрее? Не знаю, почему ты до сих пор жив: я уже сто раз мог бы тебя застрелить. Поговорить захотелось. Вредная привычка.

Пауза.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. И тут... тут вдруг в моей голове словно бы вспыхнул свет, белый и слепящий, пульсирующий, как огни кислотной дискотеки. Я ударил Каина камерой: она лежала как раз под рукой. Он не сопротивлялся, просто сидел и ждал. Я ударил его снова. И снова. И снова.

Сцена пульсирует огнями – видна лишь тень Селифанского, его вздымающиеся руки с тяжёлой камерой, видны удары, слышны звуки ударов. Экраны по краям сцены красны от крови.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. Он упал на бок, а я продолжал бить! Бить! Бить! Профессиональная видеокамера не легче того камня, которым убивал своего брата мой предшественник. Бить! Бить! Бить!

Наконец вакханалия смолкает. Происходит возврат к картине пролога. Темнота и звук набегающих на берег морских волн. Затем луч света падает на авансцену, выхватывая из темноты Селифанского со сломанной видеокамерой в руках.

СЕЛИФАНСКИЙ *(в зал)*. Потом я похоронил его там же, в яме под помостом. Любишь кататься, люби и саночки возить. Вот, собственно, и всё. Меня зовут Каин, и я хочу жить. Батарейка в ноутбуке моего убитого брата пока ещё фурычит, а у меня есть несколько флэшек. Я запечатаю их в бутылки, как когда-то потерпевшие крушение запечатывали нацарапанные кровью записки. Если вы видите эту запись, значит, моё послание достигло цели. Я потерпел крушение. Спасите мою душу, хотя бы и мёртвую. А может, и писать-то уже некому? Может, вы все там давно уже поубивали друг друга, как мы здесь? Вот будет номер... *(опускает голову)*.

Конец

Бейт-Арье, октябрь 2014

Mum

роман

Мир

Владимир ГОРБАЧЁВ

📍 Саратов, Россия

Фото: из личного архива автора

Родился в Магаданской области, с 1960-го живёт в Саратове. После окончания университета работал учителем, затем журналистом.

Опубликовал три книги фантастики («Тёмные пространства», «Вернуться из Готана», «Люди Края») в издательствах АСТ и «Альфа-книга». Рассказы публиковались в журналах «Новый мир», «Новая Юность», «Тайные тропы».

Погружение

Продолжение. Начало в № 2

Часть 2

1

Шаги – частые, но почему-то небыстрые – приблизились, и в свете фонаря показался человек в камуфляже, с автоматом за плечом. На нём был противогаз сложной конструкции, отчего голова казалась неестественно большой. Подбежав, остановился в двух шагах и что-то прокричал требовательно, но за слоем резины было не разобрать. Поняв, что его не слышат, кинулся вперёд, к двери, и стал толкать – закрыть старался. Дверь заскрежетала по камню, сдвинулась, но закрываться не спешила – сил у автоматчика явно не хватало. Он снова толкнул – отчаянно, из последних сил. Видно было, что от того, закроется ли дверь, зависело многое; может быть, даже жизнь зависела. Видя эти отчаянные усилия, стоявший рядом Враг тоже нажал на край створки – и плита нехотя поехала, встала на место, щёлкнул замок. Автоматчик достал ключ, вставил в отверстие, повернул. Лязгнули, входя в пазы, стальные цилиндры.

Стало темнее, и запах, поразивший людей ещё на пороге, ощущался сильнее; противный был запах, мерзкий. Камуфляжник, отдавший последние силы неравной борьбе со стальным полотном, прислонился к двери спиной; дышал тяжело, со свистом, его сложный противогаз то вздувался, то опадал. Отдышавшись, снова заговорил, всё так же неразборчиво. Пощёлкал каким-то переключателем на груди – видно, микрофон хотел включить, но он почему-то не работал. Тогда он отстегнул ремни и с усилием содрал с себя резиновый шлем, отбросил на спину. Теперь стало видно, что это совсем ещё молодой парень, но какой-то измождённый, уставший.

– Вы кто такие? – прокричал грозно. – Как открыли? Как открыли секретный вход, спрашиваю?!

Враг хотел что-то сказать, но автоматчик не слушал. С каждым словом он делался злее. Сорвал с плеча автомат, передёрнул затвор.

– За нарушение режима вас всех тут знаете, чего надо? – кричал. – Порешить вас надо, вот чего! Всех, беспощадно! Имею право! Знаете, сколько вы этой херни оттуда напустили? Знаете?! А ну, ложись!

Юрий Алексеевич и Петя присели нерешительно, но за ними никто не последовал. Тогда человек в камуфляже вскинул автомат, наставил на Врага; целился прямо в грудь. Никто не принял это всерьёз, никто не успел ничего сказать, как он уже нажал на спуск.

Грохнул выстрел, пуля просвистела у Лёни над ухом, срикошетила от потолка и успокоилась где-то в темноте. Видя неудачу, автоматчик нажал ещё, щёлкнул боёк – без последствий. Ещё раз нажал, щёлкнул.

Тут Лёня пришёл в себя.

– Ах ты б**** грёбаная! – крикнул на автоматчика. – Ты что, о****?

Парень, не отвечая, отстегнул рожок, глянул в него, выругался в сердцах:

– Е**** ты в жопу! Забыл зарядить! А вы откуда – с четвёртого уровня, что ли? Ну да, на четвёртом все такие п****нутые. А вы что так одеты, как на курорт? И тёлки, бля!

Видимо, он только теперь заметил девушек.

– Так вы, может, из нового сериала? Из этого, как его, забыл. Ну да, вы там, на четвёртом, все обколотые, ничего не стоит секретный вход с двумя замками открыть. Тогда понятно. Тогда я погорячился. А вы чего стоите? Бегите живей, мыться надо, активацию делать, вы же дозу о**** получили! Просто о****! Бегите скорей!

Внезапно тон его стал заискивающим.

– Слушай, друг, – обратился он к Врагу. – А у тебя случайно гондон лишний не найдётся? У вас там всё есть, на четвёртом. Вон и фонарик есть. Ну, чего тебе стоит, а мне во как надо!

Враг покачал головой.

– Нет у меня.

– У меня есть, – вдруг сказал Павел.

Полез в рюкзак, достал упаковку; отделил было две штуки, но поймал осуждающий взгляд Олега, одну убрал, вторую протянул автоматчику. Тот схватил, расплылся в улыбке, отчего стал виден щербатый, с чёрными провалами рот.

– Вот спасибо, друг, вот выручил! Слушай, а у тебя часом ещё мыла не найдётся? Понимашь, мыла...

– Хватит с тебя, – стальным голосом остановил его Олег. – Ты и так разжился. Тебе на пост пора.

– А и верно, – отозвался автоматчик. – Пора мне. Только не х** мне тут замечания делать. Жаль, рожок не заряжен, а то бы я тебя тут положил. Вот б**** буду, положил бы, не поглядел, что ты с четвёртого.

И, не говоря больше не слова, повернулся и поспешил назад, в темноту. Тут стало ясно, отчего передвигается он не быстро: правая нога воина плохо сгибалась, приходилось приволакивать.

Когда его шаги стихли, стал слышен доносившийся из темноты гул. Он был неровный, составной: работал какой-то мощный механизм, а ещё скрежетало что-то, лязгало, и вроде бы слышался многоголосый чей-то стон.

– Слушайте, пошли отсюда! – сказал Олег. – Зря мы сюда запёрлись, тут какой-то объект. Переодеться и в палатке можно.

С ним никто не спорил. Все только теперь осознали, что произошло – что только что, на их глазах, одного из них едва не... Враг был какой-то замороженный, молчаливый; Вьюгу и Татьяну трясло, они пытались остановить дрожь, но не получалось.

Олег с Врагом схватились за дверь, за край створки, пытаясь повторить давешнее общее достижение, но бесполезно. С таким же успехом они могли пытаться сдвинуть скалу. Явились на свет фонаря Настины ключи, позвенели по очереди, отступили смущенно.

– И что будем делать? – спросил Юрий Алексеевич.

Ему никто не ответил. Надо было идти туда, в темноту, искать ключаря, дежурного, старшего по смене, капитана, генерала, слесаря, но никому не хотелось. Наконец Вьюга вздохнула глубоко («А что делать? Руководитель должен решить»), и уже открыла было рот, чтобы сказать командирское слово, когда Петя снова произнёс:

– Кажется, он возвращается.

Действительно, кто-то приближался. Но шаги на слух были совсем другие – ровные, твёрдые. Щербатый автоматчик с пустым рожком иначе ходил. И вот в свет фонаря вступил новый человек.

Это был человек высокого роста, выше Олега, одет во что-то вроде длинного плаща. Одевание казалось чёрным, но когда незнакомец подошёл ближе, отозвалось тёмно-лиловым. Но люди смотрели не на одежду, а на лицо подошедшего. Лицо это казалось составным. Нижняя часть принадлежала мужчине, ведущему здоровый образ жизни: упругие щёки, твёрдые губы, подбородок хорошо выбрит. Верхняя же часть была разделена надвое. Левая часть была ровная, гладкая, как и низ; только почему-то кожа здесь отливала металлическим блеском, глаз был голубой, яркий, даже светился в темноте и был заметно крупнее правого. Правая же сторона явно проигрывала левой: глаз был прищуренный, подслеповатый, вроде карий, и кожа вокруг глаза дряхлая, вся в морщинах. В общем, удивительное было лицо, страшноватое. И ещё чудней оно стало выглядеть, когда человек открыл рот, полный белоснежных зубов, и заговорил.

– Добрый день вам, люди! – произнёс он звучным баритоном. – Скажите, кто вы, откуда прибыли?

– Да мы только на минутку зашли, – отозвался Враг. – Там холодрыга вдруг навалилась, снег, ветер; ну, мы переодеться здесь хотели. Но мы сейчас уйдём, вы не беспокойтесь. Вы нам дверь откройте, и мы уйдём.

Человек слегка наклонил свою сложносочинённую голову набок; словно в удивлении, словно на что-то надеясь, наклонил.

– Правильно ли я понял, что вы пришли снаружи? Извне? Из верхнего мира?

– Конечно, снаружи, – ответила Вьюга. – Но почему из верхнего? Наоборот, мы немного поднялись от воды. Понимаете, вода почему-то стала замерзать, и ветер...

Она не закончила фразы, потому что человек вдруг поднял руки, закрыл глаза ладонями – словно яркий свет его ослепил.

– Наконец! – воскликнул он. – Как долго я ждал! Счёт потерял, сколько ждал! С севера вас ждал и с юга, от Главного входа и от Второго тайного, от Научного и Запасного. А вы через этот чумурудный лаз, через Малый Секретный проход явились. Кто бы мог подумать, что так будет? Никто не мог, ни Моисей Соломонович, ни Егор Трофимович. И даже Вергилиус с Косолаповым не могли. Значит, недаром у меня утром было такое чувство, что надо идти к этому затюканному входу; будто меня здесь кто-то будет ждать. Странное было чувство, необъяснимое, явно ошибочное. Ведь и время позднее, кто может в такое время придти? Но почему-то моё чувство оказалось верным: вы здесь! И я наконец смогу выполнить своё задание. Смогу вас встретить, и проводить, и всё рассказать. Наконец!

Он отнял руки от лица. Оно сияло, лучилось радостью; оба глаза лучились, и рот, и подбородок; и левая часть головы лучилась, лишённая растительности, и правая, покрытая жидкими волосами. Но затем в лице незнакомца появилась некая озабоченность, он спросил:

– Но как вы смогли пройти? Ведь там, наверху, пустыня, всё выжжено, ничего живого не осталось! Может быть, вы пришли из иных миров?

– Да нет, мы на плоту приплыли, из Верхней конторы, – ответила Вьюга. – И вы ошибаетесь: там, снаружи, лето, птицы поют... Хотя в последний момент всё почему-то стало замерзать...

– На плоту? – с удивлением произнёс человек. – Лето? Из Верхней Конторы? Как это странно! Это совершенно не соответствует... никаким представлениям не соответствует. Но пусть! В конечном счёте, это неважно. Вы здесь – и это главное. Значит, я могу начать свой рассказ. Итак, вы находитесь у входа на первый уровень. Отсюда...

Люди слушали с недоумением.

– Всё это, конечно, круто, – сказал Враг. – И в другой раз я бы с удовольствием послушал. Но у нас там плот, нам плыть надо...

– Мы и так от графика отстаём, – добавила Вьюга. – Может, вы нам поможете эту дверь открыть?

– Как же я её открою? – удивился незнакомец. – Для этого специальный ключ нужен. Ключ есть у дежурного, но к нему обращаться нельзя. Никак нельзя! Потому что этот вход, Малый Секретный, охраняют боевые отморозки из Первого гвардейского полка рецидива. Договориться с ними невозможно. Вообще мы тут с вами слишком задержались, возле двери, и разговариваем громко. Если они нас услышат, я за вашу жизнь копейки не дам.

– Да один из них тут уже был, – сообщил Враг. – Даже шмалять в меня начал, только не попал. А потом у него патроны кончились, рожок оказался незаряженный, и он отчалил.

– Тут был дежурный?! – вскричал человек в плаще – но тихо вскричал, почти шёпотом. – Тогда бежать надо! Они сейчас вернутся! Ещё разок карты раздадут и вернутся. Я даже знаю, на что они будут играть: проигравший должен будет вас в шахту скинуть. И я вас всех здесь не закрою – много вас. Так что бежим! И свет выключи, издалека видно.

Почему-то никто не стал с ним спорить. Враг выключил фонарик, все подхватили рюкзаки и последовали за человеком в плаще. Под тусклым светом одинокой лампы дошли до места, где коридор разделялся. Повернули направо, вышли к лестнице. Здесь слышнее стал гул, стон и скрежет, гуще и отвратней вонь. Звуки и запахи доносились снизу, из темноты. Между тем проводник повёл людей вверх – один пролёт, второй, третий. Взобравшись на верхнюю площадку, толкнул дверь и вошёл в комнату, показавшуюся людям, после низких коридоров, и высокой, и светлой. Свет (правда, какой-то мрачный, мутный) шёл из круглых окошек с толстыми стеклами, вроде корабельных иллюминаторов.

Пропустив людей в комнату, незнакомец остался у двери. Стоял, слегка приоткрыв полотно, к чему-то прислушиваясь. И вот – услышал (да и остальные услышали). Снизу, поверх гула и стопа, донёсся топот ног и голоса. И даже слова можно было различить.

Это были те самые слова, какие слышит каждый русский человек – слышит и в минуту жизни трудную как предельно эмоциональное выражение глубоких переживаний, и в обычные часы, лишённые переживаний, как будничную речь. И эта будничная речь потопталась там, у входа, затем приблизилась, зазвучала возле лестницы. Легко можно было различить: «С четвёртого уровня ***** сука я тебе говорю я их ***** сразу вижу да с какого *** с четвёртого не ***** на *** да там тёлки были ***** их в рот да пошли они все в ***** ***** тя нечего тут ***** задержать ***** тя в сраку». Повтор программы и ещё раз. Аргументы относительно предполагаемой локализации нарушителей на четвёртом уровне были повторены с прежней убедительностью и отвергнуты с прежней твёрдостью. Также были отвергнуты робкие предложения спуститься кому-то на четвёртый с целью проверки, либо подняться в смотровую. Против последнего предложения выдвигались особенно энергичные доводы. О, какие доводы там звучали! Даже Враг с Олегом, люди бывалые, услышали там кое-что для себя новое. В финале весь состав участников зазвучал мощным крещендо, после чего всё вдруг стихло, шаги удалились. Слушатели, поражённые величием заключительной части, а также неожиданной концовкой, облегчённо вздохнули.

– А почему они сюда не пошли? – шёпотом спросила Настя у провожатого. – Что тут сложного? Три пролёта, и нам *****. Конеч, то есть, извините. Наслушалась, вот и выскочило.

– Потому и не пошли, что тут конеч, – отвечал человек в плаще. – Смотровая здесь, понимаете? А значит, радиация. Особенно возле иллюминаторов. Вот, смотрите.

Он подошёл к ближайшему окну – и тут же от его руки послышался мерный стрекот.

– Так у вас счётчик? – догадался Профессор.

– Ну да. Здесь долго находиться нельзя. И, поскольку путь теперь свободен, мы можем спуститься к первому уровню. Там я и начну свой...

– Подождите! – прервала его Вьюга. – Зачем нам куда-то спускаться? Нам наружу надо! Не может быть, чтобы дверь не открывалась. У нас инструменты есть, мы откроем.

Провожатый взглянул на неё со странным выражением.

– Может, и откроете, – сказал. – Но скажите: разве вы хотите умереть такой смертью? Или, может быть, на вас не действует излучение?

– Какое излучение? О чём вы говорите?

– То самое! Да вы взгляните! В любой иллюминатор взгляните. Только не задерживайтесь. А то ведь, знаете...

Люди молча устремились к окнам. Теснясь, сталкиваясь лбами, пристроились и взглянули.

Ждали увидеть (должны были увидеть, только с новой, более высокой точки) – горы, тайгу, реку Катангу. Но из всего этого присутствовала только горная гряда. Покрытая тёмным, словно оплавленным каменным крошечком, она тянулась к недалёкому, затянутому мутью горизонту. Там сквозь муть можно было разглядеть долину. Только никакой реки в долине не было видно. Камни, камни, а на склонах – нечто вроде густой чёрной щетины. Но сильней всего людей поразило небо. Ничего в нём не осталось нежного, манящего, притягивающего взгляд. В общем, ничего небесного. Над чёрной, оплавленной землёй низко нависло чёрное, багровое пространство. Что-то там двигалось, в этом пространстве, какие-то там шли мучительные процессы, нечто вроде судорог в больном кишечнике; глаза бы на всё это не глядели.

Люди отпрянули от окон так же дружно, как прильнули.

– Что это? – спросила Таня. – Что вы нам показали?

– Как что? Верхний мир. Да вы не стойте там, отойдите. Фонит, знаете.

– Но ведь мы только что там были! Только что оттуда!

– Только что, говорите? – спросил провожатый.

Вдруг в его глазах мелькнуло понимание.

– А какой сейчас год, по-вашему?

– Ясно, какой, – ответил Враг. – 2021-й, 2 июня. Лето, птицы поют.

– Да, птицы! Одна синяя, другая зелёная, третью не помню...

– Так вот в чём дело! – уверенно заключил человек в плаще. – Теперь всё понятно.

– Что? Что понятно?

– Ваше странное поведение. Потому что сейчас совсем не 2021-й год. Какой, точно не скажу – в последние годы я потерял счёт времени – но уж точно не тот, что вы называли. Позже, намного позже.

– Так мы, получается... в будущем?

– Выходит, что так.

– Но этого не может быть! – возвысил голос Профессор. – Это какой-то фокус! Сказка! Причём плохая. Я уверен – если мы снова откроем ту дверь...

– То попадёте вон на тот склон – его отсюда видно. И проживёте после этого недели две. Если это, конечно, можно назвать жизнью.

Все молчали. Слова не находились, мысли путались. Первой пришла в себя Настя.
– Значит, ЭТО всё же случилось... – пробормотала. – То самое... И вы здесь укрылись. Значит, это что – убежище?

Человек в плаще кивнул.

– Да, вы находитесь в Главном Убежище, сокращенно ГЛУБЬ. Здесь в минуту тяжёлых испытаний...

– Стойте! Прекратите! – воскликнул Юрий Алексеевич. – Сначала нужно понять, что с нами случилось. Как мы здесь оказались? Почему? Нам не сказки нужны про какую-то ГЛУБЬ, а рациональное, разумное объяснение. Вы можете дать такое объяснение?

Незнакомец покачал головой.

– Какое же тут может быть разумное объяснение? Мы все – и вы, и мы здесь – живём в мире, который в целом разумному объяснению не поддаётся. Части поддаются, а целое – нет. И со временем то же самое: случившееся за месяц можно как-то истолковать, год уже с трудом, а перед столетием разум пасует, заменяя выводы легендами. Вы, как я понял, учёный?

– Ну, какой я учёный... Так, препод...

– Так вот, как учёный препод – боевая тревога! оружие к бою! – вы должны понимать (если вы честны в своих когнитивных усилиях), что мир в целом непостижим. Можно сказать, что он безумен. Но мы, стремясь сохранить душевное здоровье – подготовиться к отражению атаки! рассредоточиться! – закрываем на это глаза. Скажите: тот мир, в котором вы плыли на плоту и слушали птиц, был разумно устроен? Он поддавался рациональному объяснению?

Профессор глядел во все глаза.

– Однако вы так заговорили... – произнёс. – Совсем другим языком заговорили... Хотя иногда...

– Так это не мой язык, – объяснил человек в плаще. – Это программа, которую в меня Вергилиус с Косолаповым вложили. Мой родной язык – это «Проводим боевое развёртывание! Правей заходи, **** грёбаная, ***** ты в очко!» Но вы не ответили на мой вопрос. Ваш прежний мир – он был здоров?

Юрий Алексеевич медленно покачал головой.

– Вот видите! Почему же вы требуете, что я дал разумное объяснение? Карты так легли, Эринии подстроили, в Книге Судеб было записано, чтобы вы сюда попали. И хорошо, что попали – теперь я смогу выполнить своё задание и всё рассказать. Только я, я один могу провести вас по всем уровням, всё показать, объяснить. Разве вы не хотите знать правду? Разве вам не интересно?

– Правду, как известно, говорить легко и приятно, – ответил Враг. – А вот слушать иногда противно. Но куда от вас денешься? Валяйте, ведите по вашим уровням.

– Да, конечно! Только... Может быть, вы всё же оденетесь? А то вы странно выглядите в наших местах...

– Верно, а то мы как-то голышом...

Зашуршали открываемые рюкзаки, явились на свет штаны с рубашками. Незнако-

мец, деликатно отвернувшись, стоял в стороне, молчал. Как вдруг стремительно обернулся, испугав девушек.

– Знаете, что я сейчас вспомнил? У вас есть особая причина спуститься до самого конца, до последнего этажа. Есть сведения, что там имеется выход из ГЛУБи. Где именно он находится и куда ведёт, я не знаю. Но если нужно, я постараюсь отыскать.

– Выход?! – воскликнули сразу несколько голосов.

– Нужно, ещё как нужно! – заверил Враг. – Мы вам поможем! Вместе искать будем.

– Конечно, поможем, – заверил Олег. И остальные его поддержали.

– Только у меня ещё один вопрос, – сказала Настя. – Прежде чем мы начнём эту экскурсию, может быть, вы немного расскажете о себе? Представитесь... А то как-то неудобно.

– Да, конечно! – воскликнул человек в плаще. – Это моя ошибка. Меня ведь учили: сначала представиться и только потом рассказывать. Ведь слушатель всегда делает поправку на личность рассказчика: иному верит (даже излишне верит), а от другого шарахается. Это что – окоп? Говно это, а не окоп! Я тебя сейчас заставлю... Сбой программы, конец связи. О мелодии судят по исполнителю, о рассказе – по рассказчику. Итак, я представляюсь.

Незнакомец приосанился, сверкнул левым глазом.

– Меня зовут Вожатый Вещун Перунович. Такое имя мне дали люди, подарившие мне новую жизнь. Да, новая жизнь, второе рождение! Я был как червь раздавленный, как жук засушенный – с перебитым позвоночником, разорванным сердцем, с дырой в голове. И вдруг я воскрес и увидел солнце (генераторы в тот день исправно работали), синее небо, в котором резвились рыбы и бабочки (позже я узнал, что это Катя с Мариной потолок расписали), и склонившиеся надо мной лица. Одно напомнило мне лицо нашего полковника Бляшкина, ужасного негодяя, а другой был вылитый Кашей. Позже я узнал, что это были мои главные спасители, Егор Трофимович и Моисей Соломонович, двое замечательных учёных, один медик, другой математик, в общем, оба отщепенцы, балласт ненужный, давно пора избавиться, соггу, стереть.

Врачи в госпитале меня списали, и уже на конвейер бросили, чтобы в шахту везти, но они – Егор Трофимович, и Вергилиус, и Шмидт – меня к себе в лабораторию забрали – вроде для опытов. И там воскресили меня к новой жизни, для выполнения важной задачи. Вложили в меня новое, практически вечное сердце на стронциевых батарейках, и голову заделали – видите, как заделали? Замечательная стала голова, мне очень нравится, и зрение стопроцентное, и зубы крепкие. Наделили меня многими полезными свойствами, я о них позже расскажу. А главное – поверх прежнего, примитивного сознания наложили новую программу. Теперь у меня появилась важная цель – собирать информацию, хранить её, а затем передать тем, кто спустится в ГЛУБь. Так что своё прежнее имя я забыл. И звание забыл, и все обстоятельства прошлой жизни. Печальные были обстоятельства, даже ужасные, вот мои создатели и постарались эту часть моей прежней личности стереть. Хотя должен предупредить: некоторые старые клише сохранились и накладываются на новую программу. Тогда возникают отдельные нестыковки... странности в изложении... Ну, вы их слышали. Вот, теперь вы знаете обо мне всё. А с вами я позже познакомлюсь, по ходу погружения. Вы готовы?

– То есть ваши создатели стёрли вашу личность и заменили своей программой, – произнёс Профессор. – Фактически превратили вас в киборга. И вы называете это воскресением?

– Да, называю, – заявил Вещун Перунович. – Потому что вы неправильно поняли. Ничего меня не стёрли, основа сохранилась. Например, детство прекрасно помню, и юность, и как с Катериной встречался, а потом пришла настоящая любовь, Лидия, и первый поцелуй, и всё дальнейшее: сын Серёжа, квартира по ипотеке, потом поступление на службу, улучшение жизненного положения, дача, машина... Вот с этого момента Моисей Соломонович постарался всё стереть. Но оно до конца не стёрлось. И если я захочу – если сильно, до судорог захочу – я всё могу вернуть. Но я не хочу. Это был мой сознательный выбор, понимаете? Я сознательно, добровольно превратился из майора Зимовца в Вещуна Вожатого. Человека вообще трудно заставить что-то думать или делать совсем против его воли. Всегда он должен внутреннее согласие дать. Хотя, как правило, этот факт отрицает и ссылается на непреодолимые обстоятельства и форс-мажор. Теперь понятно? Равняйся, стройся!

Люди переглянулись.

– Да, в общих чертах понятно, – ответила Вьюга.

– Тогда идёмте.

2

После смотровой с её иллюминаторами лестница показалась людям погружённой в крошечную тьму. Враг достал фонарик, но Вожатый его остановил.

– Не стоит привлекать внимания. И потом, на весь спуск заряда всё равно не хватит.

– Почему не хватит? Там аккумулятор, не батарейки. Три дня проработает, потом подзарядить можно.

– Но мы ведь не три дня будем идти, верно? А насчёт подзарядить – я бы на это сильно не надеялся. Так что давайте лучше постоим здесь, пока глаза привыкнут. Заодно я вам прочитаю вводную. А то затем пойдут уровни, там будет своя информация.

Итак, Главное убежище было создано затем, чтобы в нём в Ту Самую Минуту укрылись лучшие представители народа. Чтобы, переждав положенное время, эти лучшие представители затем вышли наверх, сохранив в неприкосновенности традиции предков, идеи, обычаи, праздники, язык, кулинарные рецепты и структуру государственного управления. И начали новую, радостную жизнь в рамках этой структуры. Такова официальная точка зрения.

Однако мои наставники отвергали такое объяснение. Прежде всего, они начисто отрицали выражение «лучшие представители народа». Оно вызывало у моих учителей насмешки, а Борис Николаевич, слыша эти слова, впадал в ярость и норовил разбить какое-нибудь ценное оборудование. «Какие представители?! – кричал он. – Кого они представляли? Младшего зятя третьего охранника? Любимую девушку министра культов?» В общем, они считали, что списки Достойных составлялись по принципам «кто больше даст» или «это мой человек, его впиши», и действительно достойные попали в ГЛУБь случайно.

Кроме того, мои наставники ставили под сомнение концепцию «Той Самой Минуты» и долгожданного Возвращения. Например, Вергилиус утверждал, что никто не наносил по нашей стране массированного ядерного удара, и радиации особой не было, и можно было жить наверху. И что наши Уважаемые Руководители решили спуститься в ГЛУБЬ, опасаясь не радиации, а ответственности. И с каждым прожитым здесь годом их страх только возрастает, а потому никакого Возвращения не будет.

– Постоите, постоите! – воскликнул Олег. – Тут у вас концы с концами не сходятся. Как же ваши учёные утверждали, что радиации не было, когда вы нам только что мёртвую пустыню показывали? И счётчик тарахтел?

– И вы сами говорили, что наверх нельзя, что там нас ждёт мучительная смерть! – поддержала его Настя.

– Это сложный вопрос, до конца не изученный, – отвечал Вожатый. – Радиация снаружи, безусловно, существует, но чем она вызвана? Моисей Соломонович, например, считал, что это сами Руководители время от времени взрывают в окрестностях ГЛУБИ заряды средней мощности, чтобы держать обитателей убежища в состоянии страха и постоянной мобилизации. Однако Косолапов с этим утверждением не соглашался и заявлял, что взрывов никто не устраивает, и радиации на самом деле нет, а всё это – пустыня, якобы наблюдаемая из смотровой, и показания дозиметров – части грандиозного спектакля, секретного нацпроекта. Так или нет, я не знаю. Одно я знаю твёрдо: война была, и была небывалая паника, вызванная слухами о Судном Дне. Что творилось в это время возле входов в ГЛУБЬ – трудно описать. Трудно, хотя я всё это своими глазами видел. Десятки тысяч людей, с детьми, чемоданами, мешками, кошками, собаками... Там настоящие бои шли. Должен признаться, что я сам принимал участие в сдерживании... да что там «сдерживание» – в истреблении этих несчастных, которые пытались прорваться в ГЛУБЬ, не имея на то никаких прав. Сколько там народу положили, возле входов, – не сосчитать.

А потом, когда всё кончилось, входы запечатали, и с тех пор наверх выходили только дозиметристы, чтобы замерить уровень излучения. Это, сами понимаете, согласно официальной версии. Мои наставники утверждали другое, но все говорили разное, и я не могу выбрать какую-то правильную концепцию.

С тех пор началась наша жизнь здесь, в Убежище. Какая здесь жизнь – сами увидите. Свет включают только по праздникам, лифт давно не работает (я уже с трудом могу вспомнить, как это – чтобы лифт работал), хлеба тоже давно нет, и молока, и овощей, и вообще никаких продуктов, кроме каш и консервов, и сухарей, из-за пачки туалетной бумаги такие драки идут – только держись. Презервативы, зажигалки, игрушки являются чем-то вроде валюты, на них всё приобрести можно. Но так было не всегда. Вначале...

– Погодите! – прервала Настя. – «Игрушки». Значит, здесь дети есть?

Вещун Перунович тяжело вздохнул.

– Да, дети есть, и это, пожалуй, самое... Да вы сами увидите. Так вот, вначале Руководители старались сохранить всё, как было на поверхности. Был свет, продукты в палатках, нацпроекты, парады, утром общее построение на каждом этаже, музыка весёлая, новости передавали, выступления Заместителя Главы, праздники отмечали,

хороводы водили, кино, баня, даже пикники с шашлыками. Но с годами свет стал тускнеть, продукты исчезать, и выступлений давно нет. Но производство водки и вина игристого налажено, и пиво можно достать, и новости регулярно передают.

– А почему света нет – солярки не хватает? – предположил Олег.

– И топлива не хватает, и генераторы ломаются, а починить некому. Солярку пытались заменить дерьмом, но что-то не заладилось. Официально, по сводкам Кабмина, горит каждая вторая лампочка, на деле – хорошо, если десятая. Но сериалы пока снимают. Например, сейчас все смотрят замечательный фильм, 12 серий, 6-й сезон знаменитых «Измайловых». А до этого были «Охваченные страстью», «Катя с пулемётом», «Подвиг наводчицы». Ну что, глаза привыкли? Тогда пойдём дальше.

Люди миновали пролёты, по которым поднимались к смотровой, и оказались на углу знакомого коридора. Отсюда другая лестница – широкая, хоженная – вела ещё ниже, ниже. В тусклом свете редких лампочек открылась огромная, метров пятьдесят в диаметре, шахта; дна видно не было. Оттуда, из глубины, доносился тот гул, стон, вой, что так поразил людей ещё у входа. И вонь оттуда шла.

Лестница лепилась вдоль стен шахты, поворачивала, вела всё ниже. Спуск казался нескончаемо долгим. Наконец Вожатый остановился на площадке перед дверью в стене шахты. С другой стороны площадки, за невысокой оградой, зияла пропасть. Вожатый повернулся к людям с видом экскурсовода, произнёс:

– Мы находимся у входа в первый уровень. Здесь размещаются Вооружённые силы. Прежде чем мы войдём, хочу вас предупредить, что...

– Слушайте, а нельзя покороче? – перебил Олег. – Вонизм ужасный. Что у вас там – склад дерьма?

И кивнул в сторону пропасти. Вожатый покачал головой.

– Смотрите, не скажите такое там, внутри. Потому что шахта – место погребения усопших. Хоронить тут, сами понимаете, негде. Поэтому умерших, после соответствующей церемонии, бросают сюда.

– Погодите, почему «негде»? – встряла Настя. – А кремация? Ведь кремировать везде можно.

– Вы правы, можно. И на трёх последних уровнях умерших предают огню. Также этой чести удостоиваются отдельные выдающиеся представители с других уровней. Но только самые выдающиеся. За такое погребение ведётся борьба.

– Но почему? Солярки не хватает?

– Да, тут главная причина. А ещё воздух. Кремация требует много кислорода, а в ГЛУБи с этим проблемы. Поэтому для большинства здешних обитателей местом успокоения становится шахта. Так что здесь, так сказать, погост. Кладбище. Отсюда и запах. А что касается экскрементов, то их должны закачивать в специальные резервуары, в которых они должны проходить...

– Я понимаю, что дерьмо кругом в долгу, – перебил его Павел. – А вот как оно на самом деле? Что по этому поводу говорили ваши учителя и наставники?

– Вы правы, тут имеется некоторый зазор между словом и делом, явлением и его вербальным описанием, – согласился Вожатый. – Максим Рудольфович, в качестве

учёного-химика, привлекался к решению вопроса утилизации. И он рассказывал, что резервуары заполнились уже в первый год, очистные сооружения сломались тогда же, и с тех пор эту самую жидкую массу сливают... ну, в общем, туда же, в шахту сливают. Поэтому запах усиливается. А ещё это место казней и народных расправ.

– Это как? – не понял Враг.

– Ну, официально смертная казнь в ГЛУБи осуществляется, как и везде, через расстрел. Но для особо дерзких преступников, чьи злодеяния не умещаются в сознании, существует процедура сбрасывания в шахту.

– Мёртвых сбрасывают?

– Почему же мёртвых? В чём тут назидание, если его мёртвого бросать, где справедливость? Нет, сталкивают живых. Хотя они просят, умоляют даже, чтобы их того... прикончили.

На какое-то время установилось гнетущее молчание. Потом Павел спросил:

– А народные расправы – это что такое?

– В любом обществе случаются конфликты. Здесь – тем более. На одних уровнях они протекают в пристойных формах, на других – в совершенно безобразных, даже жутких. Особенно это касается второго уровня, а также четвёртого и седьмого. И когда группа обитателей того или иного уровня находит виновного – он обречён. Никто его не спасёт. Несчастливого тащат к шахте и сбрасывают в неё.

– Сюда, то есть, тащат?

– При народных расправах – нет. Кто же их сюда пустит, со второго или с четвёртого? Они там, у себя устраиваются. Ведь выход в шахту есть на каждом уровне. Здесь казнят лишь особо дерзких негодяев со всех уровней. Бросают их здесь, наверно, чтобы дольше летели и мучились. Но основное назначение этой площадки – Воинский погост, тут солдат хоронят. Сейчас темно, ничего не видно, а вообще-то здесь на стенах везде величественные полотна, повествующие о славных страницах боевого прошлого: Куликово поле, Полтава, Бородино, Севастополь Первый и Второй, Мариуполь, деревня Осиновка... Однако я вижу, мы тут слишком задержались – мальчик вон совсем позеленел.

Действительно, Пётр выглядел бледно.

– Сейчас я открою дверь, и мы войдём на уровень Доблести и Геройства, проще говоря – на уровень Вооружённых сил. Предупреждаю: находиться там посторонним нельзя. Как только появится какой посторонний – сразу часовые его задерживают, доставляют в комендатуру, затем допрос, обвинение, суд и обязательные работы. Рота, вперёд! Сейчас, правда, часовых редко встретишь, коменданта обвинили в присвоении пайков, и он сбежал на четвёртый уровень, но суд вполне функционирует, так что осторожность не помешает. Вы встаньте кучнее, чтобы...

– погодите, у меня ещё вопрос! – перебила Настя. – Вон там надпись – что она означает? Видите, вон там на стене написано «Своих не бросаем»? Кто это – «свои»?

– Хорошо, я объясню, – кротко промолвил Вожатый. – Эту надпись сделали солдаты, занимавшиеся погребением. Нанесли её в самый первый год, когда обычай ГЛУБи только устанавливались. Эти войны требовали, чтобы их товарищей, представителей Вооружённых Сил, умерших от ран или от других причин, не бросали

в шахту, а кремировали, наравне с обитателями трёх высших уровней. И некоторое время это требование выполнялось. А потом солярки стало совсем мало, и от этого обычая отступили. А надпись осталась, потому что нанесена несмываемой краской. Вот, а теперь встаньте кучнее, чтобы я мог вас всех щитом прикрыть. Под этим щитом нас не видно будет Теснее, теснее! Встали? Теперь так...

Вожатый раскинул руки в стороны. Его плащ замерцал, расширился и облёк группу людей, словно кокон или огромный колокол. И под защитой этого кокона они, вслед за Вожатым, прошли через дверь и оказались в новом, незнакомом месте.

3

Больше всего помещение походило на тоннель – огромный, километровый, где-нибудь в Альпах или Гималаях (в Гималаях?), так что ни входа, ни выхода не разглядишь – тонут во мраке, и существуют ли эти выходы? Люди стояли на галерее под крышей тоннеля, там, где она начинала закругляться. Узкая лестница вела вниз. Но люди не сразу заметили эту лестницу, не обратили внимания и на размеры помещения: их внимание было приковано к тому, что происходило внизу. Там были расставлены мишени, изображавшие человека в полный рост. Надо сказать, мишени были плохо видны – света не хватало. Однако это обстоятельство, как видно, не мешало проводить стрельбы. На положенном расстоянии от мишеней располагались огневые позиции для стрельбы стоя и лёжа, лежали винтовки. Вот к позициям подошла толпа солдат – человек пятьдесят, не меньше. Они легли на маты, взяли в руки оружие. Прозвучала команда невидимого начальника, и солдаты открыли огонь. Помещение наполнилось грохотом, который заставляет чаще биться сердца воинов.

Однако Олег, как человек послуживший и воин в душе, различил в этом грохоте изъян.

– Какие же это стрельбы? – произнёс он пренебрежительно. – Они же из пукалок стреляют, из мелкашек. И почему результаты не объявляют? Вот, эти уже отстрелялись, пошли, а оценки им не сказали.

– Вы тише говорите, – заметил ему Вожатый. – Нас не видно, но отчасти слышно. Мишени не меняют, потому что запасные давно кончились. Они все в дырках, какие уж тут результаты? И потом, вы же видите, какое тут освещение. А стреляют из мелкокалиберных, потому что боевые патроны велено беречь. Боевые только часовым выдают, кто у входов дежурят. И ещё офицерам – без этого трудно дисциплину поддерживать. Мы находимся в зале Воинской Славы и Чести. Здесь проходят учения, тренировки, занятия по строевой. Раньше тут и парады проходили, но теперь этого нет. Теперь только торжественные построения – принятие присяги, награждение отличившихся или, допустим, казнь. Вопросов нет? Тогда идём дальше.

И направился к лестнице. Но Настя остановила.

– Как это нет вопросов? – воскликнула громким шёпотом. – Ведь вы нам ничего, по сути, не рассказали. Сколько здесь, в этой вашей ГЛУБи, народу? Что за народ? И что за уровни такие, о которых вы всё время говорите? И зачем войска проводят учения, если снаружи, как вы говорите, пустыня и никого нет?

Натиск Настиного любопытства не смутил человека исправленной судьбы; он задержался буквально на минуту.

– Я об этом ничего не говорил, потому что ваши вопросы, – объяснил он, – относятся к категории философских, то есть не имеющих ясного ответа. Например, вопрос о количестве людей, нашедших здесь убежище. Считается, что ГЛУБь вместила свыше десяти миллионов человек. А поскольку различных убежищ по стране было больше ста, то спаслось практически всё население. Но называют и другие цифры – от трехсот тысяч до миллиона. А Алексей Анатольевич, будучи математиком, уверенно утверждал (и клялся Гёделем и Ферма), что в ГЛУБи поместилось никак не больше ста тысяч. И что никаких других убежищ, кроме метро и подвалов, не имелось, а значит, спаслись немногие. То же самое относится и к вопросу о смысле проводимых учений – тут такие же разночтения и отсутствие ясности. Например, я слышал, что у Руководства существуют опасения (их держат в секрете, до Широких Масс не доводят), что вся территория снаружи захвачена войсками натовцев и азовцев. Что враги смогут преодолеть радиацию и вот-вот проникнут в ГЛУБь. Ну, а что касается состава здешнего населения и его распределения по уровням, то вы это постепенно узнаете, по ходу спуска.

– Скажите, а здесь везде так? – спросил Петя. – В смысле – просторно? Если везде, то хорошо, мне нравится.

– К сожалению, не везде, – ответил Вожатый. – Если правду сказать – нигде больше. Может, у Руководителей такое есть, не знаю – я ниже седьмого уровня не спускался. Вы тише шагайте, не гремите – слышно очень.

Спустившись, они двинулись вдоль стены тоннеля куда-то вглубь. Идти надо было осторожно – пол был завален гильзами, которые здесь, похоже, никогда не убрали.

– Значит, здесь не только из мелкашек стреляют, – заметил Олег. – Вон гильзы от боевых патронов.

– Так я же говорил – здесь проводят казни, – отвечал Вожатый. – А раньше ещё салюты случались. Но давно.

Зал Славы и Чести закончился выщербленной бетонной стеной; было заметно, что по ней много и упорно стреляли, причём не только из автоматов. Дверь (когда-то позолоченная, но облупившаяся) была заперта, но у Вожатого нашёлся ключ, и они вошли в новое помещение.

Ряды плохо заправленных коек, расположенных в три яруса, тянулись вдаль. Помещение казалось пустым, только у дальней стены, возле выхода, виднелась тумбочка с телефоном, и дневальный сидел, положив голову на тумбочку. Да ещё посреди прохода стояло ведро, и человек со шваброй мерил взмахами этого простого инструмента расстояние между койками, изредка и под них проникая. Что сразу бросилось в глаза (после просторного Зала Чести особенно было заметно) – так это низкий потолок казармы. Было даже непонятно, как люди на верхнем ярусе там умещаются; трудно им, наверно, было там уместиться.

Помещение казалось пустым, но когда они двинулись по проходу, обнаружили его обитатели. Прямо под ногами Вожатого, шмыгнуло бурое тельце, за ним ещё несколько. Прошли ещё две койки, и тут Настя прошептала:

– Ой, кажется, сюда нельзя. Здесь это... люди...

Да, на койке справа, в нижнем ярусе, находились двое, занятые древним делом, столь же древним, как род человеческий (и что было раньше?). Женщина, возможно, была когда-то молода и мила на вид (наверняка была), но время прошло по ней своими пилами и рубанками, кислотами и щелочами, и осталось немного. О мужчине, по причине его позы, ничего определённого сказать было нельзя; описанию поддавалась лишь одна часть тела, и то не самая выразительная. Энергичные движения этой невыразительной части, равно как и сопутствующие операции, совершаемые руками, подтверждали старую истину, что древним делом лучше заниматься в уединении, дабы не травмировать зрелищем чувствительных соплеменников. Хотя много ли их, чувствительных? Единицы. И кто они, эти единицы? Ханжи, лицемеры, старые девы. В человеке всё должно быть, прекрасно, интересно и познавательно, и нечего отворачиваться.

Впрочем, другую позу эти двое и не могли принять – мешало нависавшее над ними дно верхней койки.

– А откуда здесь женщины? – вновь зашептала любопытная Настя. – Радистки-телефонистки? Секретарши в штабе, каблучками цок-цок? Или...

– В Вооружённых силах, ушедших в ГЛУБь, нет никаких секретарш цок-цок, – наставительно прошептал Вожатый. – А если и были, то давно повывелись. Эта... скажем, особа – она со второго уровня. Неофициальные контакты строго запрещены, но жизнь, сука подлая, – упал, отжался! – берёт своё, и каждый устраивается, как может.

– А что на втором уровне – женское общежитие? Монастырь?

– Ни то и ни другое. На втором Электорат. Пройти туда можно, но обратно уже не выпускают. Проход между уровнями только по пропускам, их на шестом выписывают, замучишься получать, да и писать не на чем – бумаги нет. Так что каждый устраивается, как уже было сказано. Чаще всего суют что-то охране – кусок мыла, или бритву, или зажигалку, пачку сигарет – и проходят. Но иногда вдруг идёт Укрепление Дисциплины, проходит по этажам в полном составе – политрук, батюшка, депутат с помощниками – выборы на носу, моча в голову ударила – и тогда ничего нельзя, везде закрыто. Но сука подлая берёт, что ей положено, тут ничего не поделаешь. Тогда воин проникает в Зал Чести, оттуда к шахте, и по стенке шахты спускается на второй уровень. Там находит подругу, между ними вспыхивает страсть, и они лезут по шахте сюда уже вместе.

– А зачем лезть? Разве нельзя там, на втором уровне устроиться?

– На втором с этим сложно. Вот спуститесь туда, сами увидите. А если и найдёшь свободное место, то ты всегда на виду. Некоторые воины испытывают смущение, возникают трудности. Вот и приходится идти к любви через шахту.

– Как это у вас... непростое...

С этим выводом трудно было не согласиться. Однако стоило оглянуться вокруг, на ряды коек, уходящие в сумрак, как становилось ясно, что трудности не страшат обитателей ГЛУБи и что пара в центральном проходе не одинока.

Следуя за Вожатым, люди миновали брачующихся, прошли мимо человека со шваброй (тот покосился на следы множества ног, внезапно появившиеся на мокром ли-

нолеуме, но недоумения не выразил), и вышли к концу прохода. Здесь посреди прохода помещалось нечто, что люди с первого взгляда приняли за складной столик, и четверо, сидя на койках напротив друг дружки, резались в карты. Были слышны обычные в такой игре возгласы. И не было никакой возможности пройти мимо игроков – они весь проход занимали. Это стало совсем понятно, когда подошли вплотную. Тогда же прояснился и вопрос со столиком. Никакой это был не столик, а средних размеров щит из учебной комнаты (был изображен процесс сборки знаменитого стрелкового оружия), лежавший на спинах двух солдат – они стояли в проходе на четвереньках.

Пока Вожатый, столкнувшийся с неожиданным препятствием, искал решение, люди с удивлением разглядывали играющих. Тут было чему удивляться. Враг и Олег как люди послужившие, конечно, знали, кто такие «деды», остальные были слышаны. Но никто из них (кроме, может, мальчика Пети) не мог представить себе таких «дедов»: мужиков лет в пятьдесят, двое с заслуженными бородами, двое с незаслуженными, трехдневными, в обычных солдатских мундирах, ботинках, кроссовках. У Насти сразу возникли вопросы, но как задать? Услышат ведь.

«Так и надо, чтобы услышали», – решил Враг. Заглянул в карты игроков, дождался реплики одного из них («Баба, говоришь? *** ли мне твоя баба? У меня для неё мужик есть») и доверительно произнёс:

– Зря короля тратишь, у них ещё две бабы на руках. Лучше шестёркой *****.

Трудно описать негодование, охватившее играющих при этих словах. И там было не одно негодование, там нашла своё выражение сложная гамма разнообразных душевных движений. И смятение там можно было уловить, и растерянность, и чувство вины – всю симфонию чувств человека, получившего предательский удар в точку «ки». Толян, к которому был обращён совет насчёт короля и шестёрки, с гневом обвинял в преступной болтовне своего напарника Коляна. Колян горячо возражал, призывая в свидетели как присутствующих Лёху с Андрюхой, так и Верховное командование, родную мать и боевых друзей. Лёха с Андрюхой также разделились во мнениях: если первый склонялся к выводу о виновности подозреваемого, то Андрюха вспомнил его героическое прошлое и призывал провести тщательное дознание и лишь потом выносить приговор. Однако бывшие друзья и напарники не были готовы к длительному разбирательству и склонялись к скорейшему решению вопроса. И это решение не заставило себя ждать. Кулак Толяна вошёл в соприкосновение с губой обвиняемого, тот дал симметричный ответ; Андрюха кинулся разнимать, за что получил с обеих сторон; Лёха заступился за партнёра. Щит с картами полетел на пол, молодые солдаты заползли под кровати. В проходе сражающимся стало тесно, и они перенесли прения в пустое пространство возле тумбочки и дальше, дальше.

– Ну, что, пошли? – спросил Враг. – Нам куда – туда?

– Туда, – кивнул Вожатый.

– А скажите, скажите, – поспешила Настя, – почему они такие старики?

Они же реально деды! Они что – из запаса? Или у вас по сто лет служат?

– Нет, они не из запаса, никакого запаса здесь нет. В ГЛУБЬ они вошли молодыми, но с тех пор сколько времени прошло – я ведь объяснял. А из армии здесь и правда не уходят – по ряду причин. Тут и паёк лучше, и помещения просторней, и воздух

чище. Опять же – боевая дружба, какая-никакая свобода, на других уровнях тебя бояться... А когда умрёшь, тебя похоронят с почестями.

– С какими же почестями? Вы же говорили – всех в шахту кидают.

– Военных не кидают, а торжественно бросают. После чего производится салют.

– Ничего себе утешение! Что ему, умершему, с этого салюта?

– Не скажите. Для большинства здешних это большое значение имеет.

Да это и везде так: чем жизнь мрачней, тем небеса ближе.

– Нет, но какая здесь свобода? Какой простор? Я уж не говорю про дружбу – мы же только что видели эту дружбу, как они...

– Вы слишком поспешно судите, милая девушка. Вас, кстати, как зовут?

– Настя.

– Не судите так поспешно, милая Настя. Вот увидите второй уровень – поймёте и насчёт свободы, и насчёт простора. Пока что достаточно вопросов – место больно неподходящее для подробных объяснений. А мне ещё пару слов надо сказать, чтобы вы поняли картину, какую сейчас увидите. Сейчас мы войдём в Зал Просвещения. А если проще сказать, как во времена моей молодости выражались – в зал для политзанятий. И тут, можно сказать, нам повезло. Потому что сегодня перед солдатами выступит не простой политрук, а специально доставленный с седьмого уровня лектор, один из ведущих мыслителей ГЛУБи Ростислав Метелица. Услышав его выступление, вы сможете ознакомиться с общей картиной мира, как она выглядит с официальной точки зрения. Он эту официальную позицию правильно изложит; я так не смогу. Все готовы?

И Вожатый открыл дверь.

Группа очутилась в обширном помещении, похожем на концертный зал мест этак на пятьсот, и все заняты, пустых не видно. Сходство с залом усиливалось благодаря тусклому, как и везде в здешних местах, освещению: будто только что третий звонок прозвучал, шум затих, свет погас, он вышел на подмости... Да, сцена вдруг осветилась (люди даже глаза зажмурили – так ярко стало), и стал виден микрофон на стойке, графин со стаканом на столике, и низенький, крепенький человек с крупной, гордо откинутой головой, вышедший из-за кулис. Волосы у лектора были густые и чёрные, а шкиперская борода – совершенно седая; в целом создавался привлекательный образ человека твёрдого и уверенного.

– Здравствуйте, товарищи бойцы! – прогремел он низким баритоном.

Зал недружно встал, и каждый протянул вперёд, к лектору, правую руку с кое-как сжатым кулаком и ответил:

– Здравия желаю, товарищ лектор!

– Садитесь! И приготовьтесь услышать важные научные тезисы – такие же важные, как последние слова, какие вам говорит командир перед атакой. Конечно, кое-кто может сказать: «Что тут особенного нового и важного? Мы это с юности слышали, нам это политрук на каждом занятии говорит». Но те, кто так думают, ошибаются. Потому что знакомые вам с юности положения Русской Боевой Гармонии, или РБГ, прозвучат сейчас по-новому. Я соберу их воедино, так что вы получите

целостную картину мира и всего в нём происходящего. Это как если бы вы находились в гуще боя и видели только небольшой участок этого боя – и вдруг вас бы подняли ввысь, и вы увидели всю картину сражения целиком – вот такое сравнение. Итак, я назову свою лекцию

Пулсация мирового яйца. Гибель и возрождение гармонии

Вы, конечно, не раз слышали, что мир, в котором мы обитаем, пульсирует – то сожмётся в комок, то расширится до невероятных пределов, которые с трудом может осознать человеческий разум. Но вряд ли вам приходилось слышать следующее сравнение: что наш мир похож на яйцо. Ну, все вы, я думаю, видели этот предмет в книгах или в учебных фильмах – с помощью яиц размножаются птицы и некоторые другие виды живых существ. А живые существа вы тоже должны были видеть – я надеюсь, что в школе или в учебной части вам их показывали.

Тут некоторые могут меня спросить: как же так, товарищ Метелица? Как же это яйцо может пульсировать? Отвечу на это следующим образом: это космическое яйцо, то есть наша вселенная, пульсирует на протяжении всего своего существования. Сначала наш мир созревает в ограниченном объёме – вот как зародыш под скорлупой. Потом, уже созрев, он разбивает эту скорлупу и начинает расширяться. Расширяется, расширяется – до невероятных пределов расширяется. Человек устремляется в космос, в безграничные дали. Даже до Луны русский человек долетел и всю её освоил! Но потом наступает следующая стадия, идёт обратный процесс, когда мир сжимается. Уже нет ни Луны, ни гор, ни океанов, и в конце остаётся только ГЛУБЬ с её обитателями. То есть мы остаёмся. Мы – это последняя, конечная стадия вселенной. Кроме ГЛУБи, в мире на данный момент ничего нет, и искать не стоит. И этот факт, конечно, невесёлый. Но в этом печальном факте содержится и зародыш наших надежд. Ведь дальше на сжатие процесс уже не пойдёт, некуда ему дальше сжиматься! И вскоре снова начнётся процесс созревания и роста. Возможно – очень возможно, товарищи бойцы! – что этот процесс начнётся уже при вашей жизни, и вы будете в нём участвовать и всё увидите своими глазами. Особенно те, которые помоложе. Скоро, очень скоро всё пойдёт в обратную сторону, откроются все ворота, и мы выйдем на поверхность и будем строить новую, счастливую жизнь!

Тут лектор сделал паузу, налил из графина воды в стакан, выпил, вздохнул – и продолжил.

– Вас, конечно, интересует, какую это счастливую жизнь мы начнём строить. Отвечу: ту самую, какой жили наши предки, великие славяне-древляне. В давние, окутанные дымкой легенд времена на Земле обитали три великих народа: древляне на востоке, майя на западе, а между ними всё остальное пространство занимал гордый народ атлантов, он же китай. Каждый из этих народов был славен на свой манер, но всех объединяла высокая духовность и опора на традиции. Эти народы общались между собой без всяких технических средств, исключительно силой духа, и так же, силой духа, могли перемещаться в пространстве и управлять природными процессами.

Наши предки все были богатырями, как на подбор, голубоглазыми, белокурыми, могучими, хотя излишне доверчивыми. Они жили в единении с природой, и всё живое служило им с радостью. Пчёлы приносили им мёд, коровы – молоко (те, кто по-

старше, могут помнить, как оно выглядит), в общем, всякое существо приносило, что могло. Без всяких лабораторий, склянок и пробирок наши предки познали законы наследственности и изменчивости и создали мир Высокой Гармонии. Даже климат им подчинялся, и дожди выпадали там, где было нужно славянскому человеку, и солнце ему светило, а никаких тайфунов и прочих катаклизмов вовсе не было.

Казалось бы, этот мир Гармонии мог существовать вечно. Но всё испортили силы зла, три народа, вставшие на службу Тьме: висельники, жившие по берегам Вислы, колбасники и злобносаксы. Если наши предки думали о созидании и сохранении, то их враги были заняты только тем, как бы что украсть, разрушить, испортить. Они жили каждый для себя, по законам волчьей стаи. Это они подсунили нашим доверчивым предкам ложные идеалы, извращённое христианство и виски с тоником. Ну, виски – это, как водка, тоник, считайте, та же вода, а все вы знаете, что водку лучше пить, не разбавляя. Колбасники подбросили великим народам древности ложную идею «вещи в себе и для себя» – тогда как любая вещь должна существовать прежде всего для человека, особенно если это военный человек. Коварные злобносаксы сумели развратить отдельных предателей, жадных либерастов, и те образовали пятую колонну. И так с каждым древним народом было, везде их разведка сумела щёлочку найти и просочиться. И так эти псы-рыцари постепенно разрушили мировую Гармонию, и начались войны. Кончилось тем, что все со всеми сражались: майя с ацтеками, федералы с сибиряками, москвичи – с туляками, а тупоконечники – с правокрещенцами. В этих войнах наша армия мужала и крепла, обретала необходимую выучку и боевые традиции. В смертельных сражениях с мировым злом рождались великие герои, такие, как легендарный капитан Буйнов – слава ему!

Тут весь зал неожиданно дружно встал и прогремел слитно:

– Слава! Слава!

Прогредев, так же дружно сели.

– Да, героям слава! – согласился лектор. – Так шли великие сражения, одно за другим, и наносились удары, и падал пепел – в общем, происходило всё то, что вы изучаете на занятиях по ведению боя в условиях применения ядерного оружия. И в результате этих коварных действий наших врагов мировое яйцо сжалось до размеров знакомой вам ГЛУБи. Но и здесь, в этих непростых условиях, мы храним три великих принципа Гармонии: Труд, Семья и Традиция. А ещё Отечество и его Духовность. Храним, товарищи бойцы, крепко храним! Да вы и сами знаете, как храним. И скоро, скоро наступит великий день, когда народ ГЛУБи выйдет на поверхность и вздохнет полной грудью. Я вам это уверенно обещаю от имени всего Высшего Руководства и самого нашего Главы мудрого товарища Твердогрызова Ионы Виссарионовича! Ура, товарищи!

На этот раз поднимались как-то невпопад, и «ура» гремело не так стройно. Но прозвучало – что и требовалось.

– Что ж, товарищи, можно сказать, что я закончил, – произнёс лектор. – Думаю, что вопросов нет.

Однако в разных концах зала поднялось несколько рук. Лектор отреагировал на это оперативно.

– Если вы насчёт содержания пайка, а также норм отпуска курева и спиртного, то это не ко мне, – сообщил. – Это вы к командирам обращайтесь. Если нет философских, содержательных вопросов, то мы с вами попрощаемся. Встаём, товарищи бойцы, встаём и повзводно, организованно покидаем зал.

Грохнули, откинувшись, пятьсот кресел, затопала по бетонному полу тысяча ног, послышался шум и гам.

– Ну и бред! – не сдержавшись, довольно громко произнёс Павел.

– Бред голимый! – поддержала Настя.

Они были уверены, что их никто не услышит, но их услышали.

– Никак баба! – воскликнул низкорослый сержант, находившийся ближе других к путешественникам. – Бойцы, тут где-то баба прячется, бля буду!

– Я тоже слышал, – согласился его сосед.

– Где-то здесь слышно было, – добавил третий, указывая точно в то место, где стояли путешественники.

– Бежим! – прошептал Вожатый. – Сюда, сюда, в эту дверь бежим!

Бегом, гуськом поспешили вдоль стены к ближайшей двери. Едва успели, проскочили один за другим. Все проскочили, только Вьюга ещё оставалась в зале (командир, как известно, покидает корабль последним), да Вожатый стоял, поддерживая свой загадочный щит. И тут чуткий сержант, слышавший неосторожное Настино высказывание, догнал убежавших, протянул руку в пустоту и схватил Вьюгу за предплечье.

– Держу! – вскричал прыткий. – Баба, бля! Держи, мужики!

И уже тянулись руки, и кто-то пытался схватить Вожатого за его странный плащ, только рука скользнула, не ухватил.

Тут Олег обернулся и пустил в ход древнейшее оружие, ведомое (лектор о том не говорил, но можно предположить) и голубоглазым древлянам, и гордому народу атлантов, он же китай. Одного удара этого костлявого оружия хватило, чтобы временно вывести из строя прыткого сержанта, ещё одним огревом и бабахом был отброшен возрастной мужик, покушавшийся на Вожатого. Олег рвался продолжить успешно начатое сражение, но Вьюга с Вожатым соединёнными усилиями отвели его соединения с поля боя, после чего вся армия провела стратегическое отступление в коридор, оттуда в другой коридор, и тот привёл к очередной двери.

Дверь, как и положено, была заперта, но у Вожатого вновь нашёлся ключ, и путешественники оказались на лестнице. Можно было подумать, что это та самая лестница, по которой они начали спуск в ГЛУБЬ – здесь было так же темно, и такая же вонь стояла, и был слышен гул и стон. Только холодней было – кое-где иней на стенах блестел.

4

Вожатый провёл людей на три марша вниз и на площадке остановился. И тут же Олег заговорил.

– Вы бы думали оба, прежде чем рты открывать! – воскликнул. Это была самая мягкая формулировка, какую он мог употребить; хотелось сказать резче, но он себя сдерживал.

– Ладно, ладно! – примиряюще высказалась Вьюга.

– Что «ладно»?! Что «ладно»? Там пара лбов ещё подключилась бы – и все, *****! И я бы не помог, и его завалили бы!

Последовал кивок в сторону человека с двойной биографией и несимметричным лицом.

– А всё потому, что танцору высказаться приперло! Ещё раз так выскажешься, я тебе зубы-то прорежу!

– Нет, но я просто не могла просто стоять и всё это слушать! Этот бред, понос, эту п*****хрюндию! И с таким пафосом!

– А ты уши запри, если слушать не хочешь! Из-за тебя...

– Что-то ты так не разорвался, когда в меня шмалять начали, – заметил Враг. – Даже рта не открыл.

– Зато ты вылез! Кто этому мудаку помогал дверь закрыть? Если бы не ты, могли бы спокойно осмотреться, выйти обратно – и хрен бы с ней, с этой ГЛУБью!

– Ладно, хватит! – возвысила голос Вьюга. – Это всё оттого, что мы устали. Такое обилие впечатлений...

– Тут не только впечатления, – заметил Юрий Алексеевич. – Мы уже два часа рюкзаки не снимаем.

– Да, надо отдохнуть. Скажите, Перун... простите, я ваше имя забыла – здесь можно задержаться? Отдохнуть?

– Можно, – кивнул проводник. – Ведь в такое время здесь редко кто ходит. Можно посидеть, отдохнуть. А я, кстати, выключу защиту. А то утомительно всё время так...

В его плаще что-то щёлкнуло, мерцавший вокруг людей экран погас. Все завозились, снимая поклажу, устраиваясь на ступеньках.

– А что значит «в такое время»? – спросил Профессор.

– То и значит, что поздно уже, всем спать положено. Это бойцам лекцию устроили, потому что у них режим особый. Ну, и лектор, наверно, только сейчас освободился. А так – ночь, половина первого уже. И освещение ночное.

– Ага, а днём, значит, светлее будет?

– Раньше было. Но в связи с нехваткой напряжения будет, как сейчас. А что, у вас время другое?

– Другое. У нас... чёрт, часы остановились. Кто-нибудь скажет, сколько сейчас времени?

– У всех остановились, – ответила Вьюга. – Это ещё на плоту случилось, когда нас понесло. Я заводила, но они опять встали. Думаю, сейчас часа три или четыре.

– Слушайте, а что просто так сидеть? – сказал Враг. – Может, мы тут закусон устроим? А то пустота кишечника вступает в противоречие с переполнением слуховых и зрительных каналов, и оттого возникает напряжение.

– Где здесь есть?! На ступеньках? В такой вони?

– Эй, кто-нибудь, соорудите танцору стол и дом, и скатерть с хрусталём! И вонь уберите. А то я не знаю, кто у нас самый чуткий.

– Хватит называть меня танцором!

– А что ты сделаешь? Может...

– Хватит, я сказала! Скажите, Гермес... простите, я забыла, как вас звать: здесь по-есть можно будет?

– Думаю, можно. А зовут меня Вещун Перунович.

– А вот и скатерть! Я здесь, на площадке постелю. Сначала тряпочку, потом чистое...

– Эх, жалко, горелка на плоту осталась. Сейчас бы чаю... Хотя у нас и воды нет...

– Почему нет? Я всегда ношу с собой полуторную бутылку. И наш уважаемый руководитель, насколько мне известно, тоже... И у кого-то должна быть вторая горелка.

– У меня, – сказал Олег, успевший остыть до нормальной температуры. – Сейчас достану.

– Вы только осторожней воду расходуйте, – посоветовал Вожатый. – Чистую воду здесь трудно найти. Особенно на втором уровне, куда мы сейчас спустимся.

– А кто на втором живёт? Кто всю воду из крана выпил? Пивовары или сталевары? Или они, те самые...

– Я уже говорил: второй уровень отведён для расселения Электората, или же Широких Масс.

– То есть там народ живёт, если по-простому. Ну, народ, конечно, всё выпьет, не только воду. Ладно, давайте так: одну полуторку вскипятим, одну оставим. Каждому достанется почти по двести грамм. Маловато, конечно, но что делать. А дальше кто живёт, ниже второго?

– На третьем уровне расположен Храм Врачевания. Там госпиталь для всех уровней, кроме трёх последних.

– То есть там врачи? Ну, у врачей вода должна быть. А дальше?

– На четвёртом уровне обитают артисты. В широком смысле артисты: актёры, режиссёры, певцы, танцоры, музыканты...

– Ага, и здесь танцоры!

– А дальше?

– Стоит ли забегать вперёд? Со временем всё увидите.

– Действительно, зачем забегать? Лучше посидеть, отдохнуть... Вот и кипяток булькает. Пакетики все положили? Вещун, а вы будете? Кружку мы найдём. И сухари берите, а тут паштет.

Вожатый покачал головой, грустно глянул синим глазом, карий же вовсе закрыл.

– Спасибо за приглашение, но моё новое естество не требует пищи. Здесь это очень удобно. Хотя иногда снятся всякие застолья с друзьями, и тогда... Всё, что мне требуется – это несколько глотков воды в неделю. Эти три глотка я сделал позавчера. Так что спасибо.

На несколько минут все замолчали, вступив в общение с кружками и ложками. Известно, что древний напиток, изобретённый могучим народом атлантов, пробуждает мыслительные процессы. Вот и у Вьюги разбудили, и она спросила:

– Скажите, Вещун Перунович, а ваша экскурсия – она сколько продлится? Я не из любопытства спрашиваю, просто надо знать: если больше суток, то надо где-то спать. Тут есть где лечь?

Вожатый взглянул строго.

– Наш спуск в ГЛУБЬ – это не экскурсия. Это путь постижения истины. Пройдя все девять уровней, сорок шесть (а может, и пятьдесят) этажей, вы узнаете о человеке всё самое главное. Узнаете его суть, лишённую привычных оболочек, сдержек и противовесов. Никто из всех живущих не будет иметь такого опыта, как вы. Ни один писатель или мыслитель такого не видел. И я надеюсь, что вы донесёте этот опыт до людей. В прошлое донесёте или в будущее – не важно. Главное, что эта последняя правда не пропадёт. И заметки, что пишут Моисей Соломонович с Косолаповым, а Пухов, Шмидт и Вергилиус помогают, и в итоге нечто вроде дневника здешней жизни получается – тоже не пропадут. Когда на пятый уровень спустимся, я надеюсь, что мои учителя эти заметки вам отдадут. А что касается продолжительности нашего путешествия... Я, признаться, об этом не думал, но ясно, что это займёт не одни сутки. Может быть, неделя потребуется или больше. Сам я лишён потребности во сне, как и в пище, но вам нужно будет где-то... как-то... Ладно, что-нибудь придумаем. Есть разные варианты...

– Сорок шесть этажей! – воскликнул Враг. – Ничего себе прогулка! Это какая же здесь глубина? Полкилометра, наверно, будет?

– Мне называли большее число; километр называли. Хотя должен заметить, что согласно официальной позиции, по мере приближения к девятому уровню происходит не спуск, а подъём, и следует говорить не «спускаться», а «подниматься», и девятый уровень, согласно учению Главы, расположен в Храме Неба, среди облаков. И в официальных документах так пишут.

– Удивляться не приходится! – фыркнула Настя. – После голубоглазых древлян и гордого народа атлантов я уже ничему не удивлюсь.

– А что вы так про атлантов? – неожиданно произнёс Петя. На него обернулись – он редко открывал рот. О его присутствии можно было даже забыть, и Павел, например, забыл. А Олег и не помнил никогда, как досадное недоразумение. Только Враг иногда оборачивался.

– Я всегда загадками интересовался, – стал объяснять Петя. – Фобос и Деймос, молчание вселенной, язык майя, их исчезновение... Ведь в истории было несколько народов, которые исчезли неизвестно куда, и никто не знает, что с ними стало. Ну и Атлантида, конечно. Всё это жутко интересно! И мне этого Метелицу было интересно слушать. Он так говорил... необычно. А вы с такой насмешкой...

Настя скривилась:

– Не ожидала от тебя. Ты вроде молодой, продвинутый, собственное дело создал. А веришь во всякую хрень, как последний ватник. Ну какие три великих народа, какая «Высокая Гармония»? Ты иногда как взрослый, а иногда как дитя малое. А ещё говорил, что в темноте видишь, предвидеть умешь...

– Мы с вами оба видим в темноте, только разное. И предвидим разное. И почему сразу дитя? Я...

Однако в этот момент дискуссию между двумя тайновидцами неожиданно прервали. Видимо, крепкий чай возбудил мыслительные процессы не у одной Вьюги. Олег внезапно вскочил и заговорил со страстью.

– Точно, как дети! Мы все ведем себя, как малые дети! Ну за каким хером мы сюда попёрлись? И собираемся ещё пятьдесят этажей среди этого дерьма пёхать! Вот кто мне объяснит, чего мы тут ищем, какой истины, какого мирового яйца?

– А что ты предлагаешь? – спросила Вьюга.

– Ясно, чего. Надо вернуться к входу, открыть – и *good buy, America!* Пока мы недалеко утопали, вернёмся без проблем. Я запомнил, где тут входить, где поворачивать. Найдём этих часовых, отнимем ключи. Я теперь знаю, что тут за воины. У таких ключи забрать – нет проблем. Выйдем, сядем на плот и поплывём дальше, будем птичек слушать. Мороз наверняка кончился, плыть можно.

– Но там же это... радиация, – заметила Таня.

– Нет там никакой радиации! Ты что, не слышала, что Перун вещал? Что это всё лабуда, мираж, чтобы здешнюю публику в страхе держать. Всю эту радиацию фотопшопом делают. Слушайте, мы же, – (Олег обращался вроде ко всем, но смотрел персонально на Таню и Вьюгу), – туристы, у нас сплав, график движения! У нас там, на плоту, палатки остались, еда почти вся...

– У меня спальник остался, – пожаловалась Таня.

– И у меня, – признался Павел.

– Так что мы тут сидим? – Олег подвёл итог. – Ну?!

– Но ведь интересно же! – возразил Враг. – Нетривиально. Опять же – обещают открыть суть человека, последнюю истину. Последняя истина, прикинь!

– Какая истина?! – вскричал Олег. – Ну, какая ещё истина? Истина всегда и везде одна: чтобы жить, человек должен жрать, срать и е****. То есть получать удовольствие и сохранять род. «Суть человека, суть человека...» А как остановились, ты же первый про закусон заговорил! Вот и вся суть! Я тут пока ничего интересного не видел, и не увижу! Я наперёд знаю, что мы тут увидим. Когда человеку жрать нечего, он придумывает оправдания, почему и так жить неплохо. Какая тебе ещё суть? Человек – бочка дерьма, вроде этой здешней шахты. Но, чтобы получить свой кусок общего пирога, он дерьмо прячет, улыбочку изображает, культуру. Как обезьяны существовать среди себе подобных – об этом целые тома написаны. Но суть одна – кругом одни только обезьяны, волки и гиены. И надо сообразить, кто ты в этом зверинце, где твоё место. Кто сообразил – тому масть идёт. А другим не идёт. Короче – кто со мной?

Он встал, показывая решительность намерений. Ответ на его призыв последовал незамедлительно.

– Уж только не я! – заявил Враг, оставаясь сидеть.

Но Олег на него и не глядел, насчёт Башмакова он не сомневался. Он глядел на Таню: чего, мол, сидишь, второй раз могут и не позвать. И спальник твой там, на плоту лежит. А ещё на Вьюгу глядел. Но Татьяна почему-то медлила, и Вьюга колебалась. Зато быстро приняла решение Настя.

– Тут, конечно, много познавательного, – сказала, – но сейчас не время по музеям ходить. Наверху дел много, целая куча. Он прав – поглядели, и хватит, надо возвращаться. Так что извините, дорогой Вещун Перунович, спасибо за все, экскурсия получилась познавательная – и до свидания.

И встала рядом с Олегом.

Павел испытывал такое чувство, что он сейчас разорвётся пополам. Наискосок разорвётся, от левого уха до правой пятки. И одна часть останется здесь, с Перуном (то есть Вещуном), а другая отправится в обратный путь. Одна часть останется, потому что – как отказаться от такой возможности? Вся его душа человека, стоящего на вершине и ещё не выбравшего дальнейший путь, звала сюда – дальше, глубже. Потому что тут на каждом шагу была тайна, была загадка, и обещались открытия. Это было как в игре, самой лучшей игре – только наяву. Так что его выбор был ясен – идти дальше, глубже, с Вещуном, с Врагом, навстречу тайнам и открытиям

Но... как же он пойдёт дальше? А Настя? Разве можно отпустить её с этим жлобом, этим... даже эпитет посильней в голову не шёл. Ведь в первую же ночь... Нет, конечно, не в первую (как я мог подумать?!), но, скажем, в третью... или в четвёртую... Такое понимание было, конечно, обидным для прекрасной, замечательной, любимой, но что поделать – он чувствовал, что такое возможно. Перед этим пониманием отступали все истины, включая последнюю.

Павел молча встал, шагнул к Насте, занял место подле.

А вот Петя Точилин никаких колебаний не испытывал, линия судьбы рисовалась ему отчётливо, словно свежая разметка на трассе. Он тоже встал, но лишь затем, чтобы пересесть ближе к Врагу, плечом коснуться.

Профессор Княжевич также не испытывал сомнений. Он, как только услышал про заметки, что пишут Моисей с Егором, про эту летопись ГЛУБи, так его словно магнитом туда потянуло, к месту, где эта летопись находится. Рукопись, которая ведётся Бог знает сколько лет! Последняя истина о человеке! Ну, пусть не последняя (последнего ничего нет и быть не может) и не совсем истина, но наверняка что-то свежее, неожиданное. А на пути к этой летописи, кроме неё – пятьдесят этажей, набитых трагедиями, комедиями, фарсами, переплетением судеб. Да тут за каждым поворотом такие сюжеты – никакой колумбиец, аргентинец, никакой пражский немец не выдумает!

Тут надо открыть небольшой секрет. Юрий Алексеевич, служа на скромной должности преподавателя в «Пароходстве» – тьфу, нет, конечно, какое ещё «Пароходство» – на факультете безразмерно кривых и бесконечно малых, в свободное время, тайком, проводил собственные изыскания, далёкие от математики. Он исследовал глагол. Изучал самовитое слово, затачивал, закалял его на огне – старался отыскать слова особой горимости. Или зажигательности, не знаю, как сказать. Хотел найти такой глагол, чтобы он, как термический снаряд, прожигал сердце любого читающего, включая огнеупорные сердца журнальных редакторов. «История из жизни учёных», рассказанная им в Верхней конторе, относилась к числу первых его опытов. Судя по реакции слушателей (а Юрий Алексеевич внимательно следил за этой реакцией), что-то там получилось. Но ему хотелось большего. Так мог ли он отказаться от предложения Вожатого? Ответ был очевиден. И Профессор, не вставая, немного подвинулся, чтобы оказаться ближе к Врагу.

А к Профессору подседа Таня. Почему подседа, почему этот путь выбрала, она бы сама не смогла объяснить. Да она и другие свои решения, важные и не очень, тоже с трудом объясняла. Конечно, если спрашивали, она находила какие-то резоны, и внешне всё вроде складно получалось: потому, дескать, ушла из фирмы X, где был нестыдный оклад и такие-сякие условия, что там комп был ломкий, сисадмин противный, и отпуск не давали, когда ей было нужно в поход сходить. Но на деле всё это была *кажимость*, туфта, вроде здешних военных учений и рассказов про радиацию. На деле действиями Тани руководили совсем иные мотивы. А какие – она сама не знала. Иногда знала, но чаще нет. Но разве она одна такая? Нас, не отдающих себе отчёта, много.

В общем, двух минут не прошло (ну, может, двух с половиной), как все определились. Одна Вьюга всё ещё раздиралась напополам, совсем как Павел, только причина была другая. Она не сомневалась в том, какое решение правильное, куда ей направиться. Конечно же, обратно, как предлагал Олег. Ведь она с самого начала не верила во всю эту срунду, которую излагал Вещун. Внешне соглашалась, а внутренне противилась, только слов не находила. А Олег, со свойственной ему прямоотой, нашёл. Всё он правильно говорил, кроме этих тезисов насчёт обезьян и волков и насчёт человека – с этими грубостями она была решительно не согласна. А насчёт здешнего воинства, что его соплей перешибёшь – всё верно. И насчёт радиации тоже – всё это сказки, как и скачок в будущее. Просто эта самая ГЛУБЬ – какой-то военный объект, каких у нас тьма-тьмущая. Такая глубоко зарытая, забытая начальством база, где одни придурки понарошку стрельбы устраивают, а другие лекции читают. Ничего интересного они здесь не увидят, ничего не откроют, и надо скорее уходить.

Эта часть была понятна, и никаких колебаний. Но ведь она была не участник, а руководитель! Она отвечала здесь за каждого, за его безопасность, жизнь и здоровье. Как она могла бросить здесь половину группы? Бросить Лёню, Таньку (она-то чего в эту группу полезла? тоже мне, искатель истины!), Юрия Алексеевича... А та, другая половина, хотя и избрала правильное направление, сама была какая-то глубоко неправильная. Соединение Олега с Павлом, да ещё эта Лиса Патрикеевна в придачу – ну что за группа? Её, Ники, задача, как руководителя, была – обе эти части соединить. Надо было убедить Леонида (остальные без него не пойдут), уговорить, в конце концов, просто попросить по старой дружбе. И она искала нужные слова, чтобы наверняка, чтобы без споров. И уже нашупала пару нужных фраз, когда ей помешали.

Внезапно внизу на лестнице послышались шаги. Кто-то поднимался сюда, на площадку, где они устроились. Пока что идущие были далеко – маршей десять, а может, двенадцать отсюда. Но шли вверх, не задерживаясь. Мерно, твёрдо ступая, шли сразу несколько человек – много, может, десяток.

И едва люди это услышали, как тут же наверху, откуда они недавно выбрались, лязгнула, открываясь, дверь, и послышались голоса, и тоже шаги – но на этот раз вниз, сюда.

– Убирайте, убирайте всё! – неслышно вскричал Вожатый. – И тряпочку тоже! Сюда, к стене встаньте, я накрою.

Распавшаяся было группа вновь соединилась; все встали около Вожатого, который включил свой защитный плащ. Прижавшись к стене, люди ждали.

5

Тем, верхним, идти было ближе – всего марша три. Но они задержались у двери: шло традиционное русское прощание, пропитанное сиропом.

– Позвольте ещё раз выразить! – лязгал чей-то начальственный голос, стараясь добавить в скрежет восторга. – Такой комплекс знаний! Такой охват темы! Новые ориентиры! Совсем новое понимание. И на доступном уровне. Я как командир части надеюсь, что вы ещё.

– Разумеется! Непременно! – отвечал ему приятный баритон; Настя его сразу узнала, и Враг узнал. – Я всегда стараюсь донести, не расплескав. Рад, что вы оценили, товарищ полковник. Всех благ, мне пора.

Полковник всё не унимался, пилил свои комплименты; было похоже, что ему и впрямь понравилось. Наконец расстались, дверь ещё раз лязгнула, закрываясь, и лектор Метелица направился вниз. К этому времени шедшие снизу успели одолеть свои десять или двенадцать маршей и приблизиться к площадке, где стояли, прижавшись к стене, участники сплава. Сейчас всего один бетонный пролёт, девять ступенек отделяли идущих от стоящих, и путешественники могли ясно разглядеть участников процессии. А глядеть было на что: очень необычная была процессия.

Впереди шествовало, по всему видно, руководящее лицо. Это было такое лицо, при встрече с которым всякий, не облечённый полномочиями, свернёт в сторону и обойдёт задами; а если вдруг набезит на такое лицо восторженная юница из «Бодрой молодости» или деловитый юноша, только начавший строить здание своей карьеры, то вмиг осознает и вострепещет. Одето было руководящее лицо в служебный костюм синего цвета, со знаками отличия, где положено.

За руководителем шли две группы по пять человек. В каждой группе четверо вооружённых конвоиров (двое спереди, двое сзади) вели одного – арестованного или уже осуждённого, кто его знает. Во всяком случае, ясно было, что эти двое уже выхвачены из общих рядов, захвачены цепкими клыками левиафана: и дела на них заведены, и руки у обоих скованы.

Про конвоиров сказать было особенно нечего, кроме того, что все были молодые, бритые и на службе – прочь с дороги! А вот осуждённые...

Они оба были уже в годах (первому было, пожалуй, за шестьдесят, второму за семьдесят), оба в костюмах, в рубашках с галстуком – сильно помятых и донельзя грязных. Оба относились к людям, причастным к принятию решений; это было видно по их манере держаться, осанке, ещё чему-то неуловимому. И оба были одинаково молчаливы. Но это только на первый взгляд одинаково. Если старик, шедший вторым, был замкнут, старался не видеть, не слышать, вовсе не замечать окружающих, его взгляд был устремлён поверх голов, а рот закрыт, то его товарищ по несчастью, шедший в первой группе, всё видел, слышал и хотел, чтобы его тоже заметили и услышали: то и дело широко открывал рот, старался что-то прокричать – но безрезультатно. Ни звука из его рта не вылетало.

И по физическому состоянию они различались. Тот, кто шёл впереди, был мужчиной ещё крепкий, пожалуй, даже спортивный. А вот старик – он и был старик. Взбираться по бетонным маршам ему было явно тяжело; дышал трудно, с присвистом, иногда спотыкался, но голову старался держать высоко.

Ростислав Метелица ступил на площадку, где замерли путешественники, и отсюда, с высоты девяти ступенек, приветствовал руководящее лицо в синем костюме.

– Господин Висельчук, какая встреча! – радостно и как бы дружески (что ясно указывало на более высокое положение говорившего) вскричал лектор. – Рад вас видеть! Вы, я вижу, тоже допоздна трудитесь. Что тут у вас – следственные действия? Ведёте наруши...

Тут бодрый поток его энергической речи вдруг замер, словно его льдом сковало (ударил мороз, застыл поток): лектор узнал беззвучного оратора, шедшего в центре первой группы. А затем, взглядевшись, и второго узнал.

– Но это же... – произнёс он тоном ниже, ещё не веря глазам своим (чужим и по-давно никогда не верил). – Как же так? До меня, правда, доходили какие-то слухи... И вчерашнее заседание Совета... А потом ещё в программе «Глубина мысли»... Но я думал, это просто оговорка. Знаете, как бывает – оговорился человек, и...

– Никаких ошибок! – отрубил Висельчук. – И совсем не оговорился!

Тут он слегка повернулся к конвою, чтобы обронить:

– Здесь ждите.

А сам в одиночестве одолел бетонную дистанцию, поднялся к лектору. Вплотную к нему встал, Профессору чуть пальцы при этом не отдал.

– Я вас введу в курс, – произнёс приглушённо, чтобы оставшиеся внизу не слышали.

Да, он занимал более низкое положение на служебной лестнице, чем знаменитый теоретик, лучший философ ГЛУБи Ростислав Метелица. Но в данную минуту он, прокурор-исполнитель Висельчук, выполнял поручение, которое не каждому, не каждый день, и он поднимался, двигался вверх, а теоретик и мыслитель – вниз, и неизвестно, как оно ещё обернётся.

– Никаких ошибок! – повторил следователь. – Час назад расширенная тройка вынесла окончательное постановление. Обоих – к высшей мере.

– Но разве?.. При таких заслугах перед Партией... Перед Родиной...

– Что касается секретаря Совета, то он и раньше заблуждался, мы получали сигналы. А теперь окончательно сбросил маску. Ведь вы наверняка слышали, не могли не слышать, что он в последний раз отмочил, выступая на заседании широким составом? Он предложил раздать свет нищим! То есть включить на всех уровнях, начиная с первого, свет по нормативам. Для чего запустить генераторы на полную мощность. А ещё увеличить пайки и нормы выдачи воды. Дескать, навечно всё равно запасов не хватит, зачем же людям мучиться, людей жалко. Чувствуете, чем тут пахнет? Но и это ещё не все. Он же вчера в «Глубине мысли» позволил себе намёки...

Тут прокурор оглянулся на охранников, после чего наклонился и прошептал на ухо лектору (а также Профессору и стоявшему рядом Пете):

– Он предложил послать делегацию и начать переговоры с наружными. Об условиях выхода переговоры, понимаете? То есть полная капитуляция, ясно?

– А что академик? – переключился на второго Метелица. – Он неделю назад у нас выступал, вручал награды...

– Днём вручал награды и поднимал дух, а в остальное время вёл подкоп. В прямом смысле. Следствие установило, что он искал тайный выход, якобы существующий ниже девятого уровня. Пытался сколотить группу таких же отщепенцев, чтобы вместе искать, а если не найдут – рыть. Но тут он крупно ошибся – группа его и выдала, написала коллективное заявление. В заявлении ещё сказано, что академик пытался установить контакт со Странником. Вы слышали о Страннике?

– Слышал, конечно. Но ведь это легенда...

– Никакая не легенда. Его многие видели. Мы сейчас собираем материал. По всей видимости, агент федералов, а может, даже либералов. Крайне опасный негодяй! У нас готовят операцию по его задержанию. Вот такие-то дела, Ростислав Игоревич. Да, вы слышали последнюю новость? Сегодня какие-то лазутчики проникли через Малый Секретный вход. Воспользовались занятостью часовых и проникли. Их сейчас ищут. В связи с этим принято решение этот самый Малый Секретный срочно заварить, камнями завалить и установить там усиленный пост. И Научный тоже заварят. Только три входа оставят и везде охрану усилят. Да и этого, я вам скажу, много. Я бы всё намертво закрыл.

– Ну, это вы как-то... – пробормотал Метелица. – Должна же быть какая-то перспектива... Рядовой состав часто задаёт вопросы насчёт перспективы... Так вы их куда ведёте – в Зал Воинской Славы? Расстреливать?

– Почему же расстреливать? – удивился Висельчук. – Нет, мы их выше поведём – к шахте. Сбрасывать будем. Там уже всё приготовлено: телевизионщики заранее по своей лестнице поднялись, всю аппаратуру настроили. Всё будет как положено: осуждённые признаются в преступлениях, скажут слова раскаяния... В утренних новостях будем показывать.

– Как же они признаются? У них же, я вижу, какие-то проблемы. Вы им что, языки ампутировали?

– Ничего не ампутировали, так, небольшая операция. Но говорить не могут, это верно. А и не нужно, чтобы говорили: обе речи уже записаны. Осталось снять саму сцену раскаяния и казни. Так что вот какие дела, Ростислав Игоревич. Бдительность и ещё раз бдительность! Ну, мы пошли.

И, обернувшись к конвою, сделал командный жест.

– Да, я понимаю. Желаю... – отвечал Метелица.

Что именно он желает неумолимому Висельчуку, лектор и мыслитель не сформулировал – не до того было. Знаменитый теоретик лихорадочно вспоминал – не говорил ли в последнее время с осуждёнными? Может, встречался? Здоровался? (Да, да, встречался, ведь на одном уровне живём! Но ведь я ничего такого...) Но ведь я ничего такого им не говорил, не мог говорить, поскольку ничего ТАКОГО у меня в голове нет. Хотя – как знать? Человек так сложно устроен, сознание так плохо организовано (никакой системы, чёрти что!), так что трудно ручаться. Может, правильнее будет признаться? Вот прямо сейчас взять и признаться этому пронизательному ведуну, лучшему следователю ГЛУБи? (Это я до сего момента не знал, что он лучший, только сейчас понял и теперь ясно сознаю, несмотря на неправильное устройство моего незрелого мыслительного аппарата.) Да, но в чём признаться? Это ведь надо правильно сформулировать! Обдумать! Так что пока лучше промолчать. Да, промолчать.

Эти все лихорадочные (да что там – просто истеричные) обрывки мыслей шли первым планом – тем самым, что обслуживает повседневную грызню за существование. А на заднем, на главном плане крепла и ширилась великая печаль и стыд. Вспомнился (очень ясно вспомнился) день, когда он, ещё аспирантом, впервые услышал лекцию Бориса Константиновича – уже тогда академика, автора таких-то и таких-то трудов. Услышал – и поразился. Какой блеск, какая глубина! Так вот что значит – мыслить! Вот как нужно анализировать, вот как – обобщать. Потом были и личные встречи, было общение, и в этом общении Ростислав Метелица почерпнул больше, чем за предшествующие годы учёбы. Как он был рад, когда здесь, в ГЛУБи, оказался с академиком на одном уровне. Правда, здесь лектор Метелица встретился уже совсем с другим человеком – замкнутым, потрясённым, почти раздавленным. Но, как видно, не до конца он был раздавлен, если нашёл в себе силы, чтобы... И вот теперь – шахта. А он, Метелица, ничем не может помочь и даже думать не смеет, что можно как-то помочь. Думает только об одном: что лучше – признаться или промолчать? Да, промолчать.

И Ростислав Метелица молча вжался в стену (Профессор, в свою очередь, вжался в Олега) и пропустил процессию. И, всё также мерно и твердо ступая, палачи и казнимые проследовали наверх. Там послышались короткие переговоры, снова лязгнула дверь, пропуская их всех. А лектор двинулся вниз, неся с собой свой крепнувший стыд.

Лестница опустела, и снова стал слышен доносившийся откуда-то снизу гул и стон.

Вожатый выключил защиту, оглядел путешественников, спросил:

– Ну, и что будете делать? На группы вы вроде уже разделились. Теперь пойдёте Малый Секретный штурмовать?

Вопрос был адресован вроде бы всем, но отвечать было Олегу. Он скривился, словно муху проглотил, выдавил:

– Как его теперь пробьёшь? Раньше надо было. А всё ты! – (Пишем адрес: «Врагу Башмакову»). – Надо другой выход искать.

– У других выходов и раньше надо было три поста контроля проходить, а теперь они охрану ещё усилят, вы же слышали. Нет, теперь можно пройти только через тайный выход – тот, который искал академик.

– А он существует, этот тайный выход? – спросила Вьюга.

– Своими глазами я его не видел, Но Моисей Соломонович как-то говорил, что видел этот выход. И даже участвовал в его проектировании. И ещё рассудите: если уж академик решил всем рискнуть, искать этот выход – значит, он должен существовать.

– Стало быть, нечего дискусию разводить – пошли его искать, – заключил Враг. – А по дороге со здешней жизнью знакомиться, в познавательных целях. Нам сейчас куда – дальше вниз?

– Вниз, – подтвердил Вожатый и первый двинулся в указанном направлении. Остальные последовали за ним.

– Вниз, но дальше есть варианты. Можно продолжить знакомство с воинским уровнем: заглянуть в офицерское общежитие, в учебную часть, в столовую. А можно

сразу спуститься до второго уровня.

– И что мы там не видели, в учебной части? – скривился Олег. – Пошли ниже. Я бы вообще никуда не заглядывал, а шёл бы до самого низа, до выхода.

– Ну и топай один! – отреагировал Враг.

– Нет, так не годится, – поддержал его Профессор. – Нам такой шанс выпал, столько всего можно посмотреть, а мы...

– Я согласна, что без учебной части можно обойтись, – подвела черту Вьюга. – Давайте сразу на второй уровень. Только можно как-нибудь побыстрее, без долгих объяснений? Чтобы быстро всё тут осмотреть – и на выход.

– Быстро тут никак не получится, милая Вьюга, – ответил Вожатый. – Значит, идём на второй. Тогда я защиту устанавливать не буду, поберегу заряд.

– Как же без защиты? – удивилась Настя. – Нас же увидят. И потом, там же, наверное, какой-нибудь пост... охрана...

– Пост, конечно, есть, – согласился Вожатый. – Вот сейчас повернём в коридор, и увидите пост.

В конце короткого коридора виднелась дверь, и возле неё – стеклянная будка. В ней было темно, но если приглядеться, можно было разглядеть за стеклом головы постовых.

– Пост, как видите, есть, но входящих не проверяют. Можно сказать, вообще не обращают внимания. Поэтому неважно, что они там увидят. На второй уровень войти легко, зато выйти трудно. Там, внутри, есть переговорное устройство с камерой, и надо постовым показать пропуск. Или предложить что-то серьёзное.

– Гондон или мыло, – пробормотал Павел. Однако Вожатый расслышал.

– Удачный пример, – сказал. – Значит, сейчас мы войдём на второй уровень, на первый жилой этаж. Только я бы посоветовал всем крепить дух.

– Это в каком смысле? – удивилась Таня.

– В прямом. Все душевные силы собрать в кулак. Моисей Соломонович в этом случае приводил цитату, из древних: «Здесь надо, чтоб душа была тверда». А Егор Трофимович добавлял в том смысле, что входящие должны у дверей что-то оставить. Это он, наверно, о чём я сейчас говорил: что необходимо что-то предложить охране. Всем приготовиться к атаке! Наступил час «Ч»!

– Погодите, я что-то припоминаю... – произнёс Профессор.

– Ладно, хватит в бирюльки играть! – грубо оборвал Олег. – «Душу собрать в кулак...» Кулак – он и есть кулак, что его собирать? Мы идём или не идём?

– Идём, – ответил Вожатый и открыл дверь.

6

Здесь страх не должен подавать совета, учили мудрые, и Зоя Степановна в десятом классе, помню, объясняла смысл этого наставления, всё пыталась что-то внушить, достучаться, остричь торчащие из нас ядовитые колючки, облагородить – смешная такая, классная была русичка, хотя четвёрки от неё не дождешься. Всё говорила

о князе Андрее, о даме с собачкой, об Орфее с Эвридикой, о других, как они были тверды перед лицом. Но как же быть твёрдой перед лицом, как сделать, чтобы страх заткнулся и молчал в тряпочку, если здесь такое?

Больше всего помещение, в котором они оказались, походило на вагон («поезд отправляется, провожатые все вышли?»). Ночной вагон дешёвой плацкарты, где койки с обеих сторон, где торчат с обеих сторон в проход ноги, воняет дезинфекцией, туалет всегда занят и воняет самобытно, кипятка нет и не будет, где что ни остановка, то по часу – скорые пропускаем. Да, наездила я в таких вагонах в молодые годы, то на Урал, то на Алтай, то с Максимом, то с Ленкой, и ничего, весело было, помню, как хохотали над проводницами, над шутками Врага, друг над другом... Только здешний вагон вообще никуда не шёл, и не слышен был перестук колес, этот зов грядущего, голос надежды (ведь то, что впереди, всегда лучше оставленного – иначе зачем ехать?).

Здешний вагон никуда не шёл, и он был бесконечный – ни вперёд, ни вбок конца не видно, проходы уходили в темноту. Койки, койки, матрасы, подушки, простыни – когда-то, наверно, чистые, а теперь в большинстве засаленные до не могу. А на койках – люди, сотни людей. Одеты в какое-то тряпье, халаты, кофты, рубашки драные, а некоторые вообще голышом. И вонь, конечно, – такая самобытная вонь, от которой любая лампочка кажется в двадцать ватт. Вот откуда на лестнице такой отвратный запах стоял – теперь стало понятно.

Так это, наверно, общага для условно-досрочных? Хостел для безденежных? Кемпинг для безбашенных? Только не бывает таких общаг, где все вместе, навалом: семейные, холостые, молодые, старые, обоого пола. А тут так и было: вот здесь койки сдвинуты, образовалась как бы семья, муж с женой, меж ними девочка спит. А тут тоже сдвинули, но до семьи сантиметра не хватило, так устроились – а может, и не хотели дальше сдвигать, напрягаться.

Тут койки сдвигали, здесь раздвигали, и проход то сужался в щель, то расширялся, а иногда его вовсе перегородивали, и приходилось сворачивать. Группа вскоре растянулась, задние не видели передних, и Таня, шедшая в самом хвосте, могла разглядеть впереди только Юрия Алексеевича да Врага с Петей.

Да, здесь был ночной час, и кое-кто спал – но мало, мало было спящих. Люди сидели, лежали, уставившись перед собой, бормоча неслышное. Другие деловито перебирали какие-то тряпочки, баночки, бумажки; с виду деловито, а задержишься возле такой деловитой тётки, присмотришься – она по десятому разу одно и то же перебирает. Но ещё больше было разговаривающих. Как же, как же – речь, великое достижение, весточка разума! Нам всем есть чем поделиться. Раздать бесценный опыт. Некоторые старались потише, но большинство артикулировало мысли в полный голос. Гул стоял, как в переполненном зале ожидания (я же говорила – поезд, ну, или вокзал.) Зал ожидания поезда, который никогда не придёт. Иногда в одном, в другом конце этого гигантского вагона раздавался крик, визг, рёв, длился сколько-то, затем стихал.

– В п**** твою мешалку! А если свет вырубят? Помнишь, как свет стали вырубать? Вот и ну, е**** гну. Вся аппаратура п**** накрылась. Остались одни только рабочие руки. И я руками за смену куб раствора мешал. Вот б**** буду, больше куба! Мне даже прораб говорил. Я всю стройку раствором обеспечивал. А после смены возьмём по пиву, сядем на скамейку...

– На *** ты о пиве вспомнил? Чего душу травить? Слушай, а у тебя там в банке не осталось?

– Какого *** там останется? Ты же сам последнее дососал!

– Тут главное, чтобы червяк был живой, не дохлый. Чтоб он извивался, как баба на ***. Тогда она берёт. Обязательно берёт! А ты следишь. Дёрг, дёрг... Тут ты подсекаешь – и вот она, готова, *****! Здоровая такая...

– А потом скорей её на сковородку. Помнишь, какая у меня жарёха получалась?

– После работы мы обычно шли в кафе на Волхонке. Там было такое прикольное кафе, оформленное в стиле «бестиарий»: везде фазаны в клетках, белки, попугайчики. А в углу огромное чучело носорога, возле него все фоткались. Помню, брали капучино, пармезан, ещё что-нибудь лёгкое, и сидели, обсуждали, куда можно летом поехать...

– У нас тоже было любимое кафе на проспекте. Я тогда любила носить всё чёрное, мне идёт чёрное. Сидела, ловила взгляды...

– У меня, чтобы ты знал, свой бизнес был. Какой – не скажу, пока секрет. И были две квартиры в Москве, одна в Питере и ещё одна в Челябинске – от родителей осталась. А перед самой войной я купил участок в Симеизе. Хотел построить там виллу, разбить парк. Я там такой парк задумал – с прудами, водопадами, и чтобы в прудах золотые рыбки, и карпы, и лотос... У меня были грандиозные планы! А теперь – вот эта койка, лампочка, над каждым куском трясешься, чтобы из рук не вырвали...

– Нет, ты не представляешь! Какая у меня вчера была ночь, какая ночь! Просто романс какой-то, а не ночь, просто праздник какой-то! Ну да, с тем майором, Женя звать. Такой важный, усы чёрные, мундир – всё просто за*****. Он договорился со знакомым, и нас пустили на третий, в свободную палату. Там было так шикарно, просто о*****! Кофе, шоколад, коньяк, фужеры... Душ горячий, мыло заграничное, шампунь... Откуда, откуда... Почём я знаю? Может, он в службе обеспечения, а может, ещё глубже. Гондонов у него была целая пачка, но он, бедный, смог только один раз, второй раз не встал. Он так расстроился, мне его даже жалко стало.

– Представляю... За одну такую ночь можно всё отдать! Ну да, на тебя западают, у тебя на п***** такой пух гладкий, мужикам приятно, а у меня волосы недуром лезут, как трава, ***** её... Не п*****, а лужайка.

– Меня как звать? Кажется, Лёша. А может, Колян. Забыл уже. И жену забыл, и сына. А ведь были, точно помню, что были. А тебя как?

– Скажи: неужели никогда больше ничего не будет? Я не могу в это поверить. Никогда не увижу небо, траву, не почувствую ветер в лицо, запах... Представляешь, я забыла, как пахнет в лесу осенью. Только эта вонь, ничего больше. Господи, Господи, за что нам это? Неужели никогда?

– Да, трава, ветер... Мне больше всего не хватает травы. Всё бы отдала, вот всё, только бы ещё раз ступить на траву...

– У меня был такой узорный платочек, старинный, мне его бабушка подарила. Где мой платочек?

– Конечно, печка – это мечта. Я даже иногда начинаю строить... ну, вроде плана... Добраться до шестого, когда там будут кого-нибудь кремировать, изловчиться – и вместе с ним броситься. Прямо в огонь, понимаешь? Вот это был бы достойный конец! Горстка пепла... Но ведь это всё бред. Кто меня туда пустит? Но вот, слушай, мне вчера сказали верный способ. Если вставить в розетку штыри – ну, стальные такие прутья нужного размера – а потом крепко за них ухватиться и полминуты не отпускать – этого хватит. Обычного напряжения, 220 вольт, не хватает, чтобы до конца. Потому что когда ударит, человек сразу отпускает. Инстинктивно отпускает, потому что боль адская. Сама пробовала, знаю. Отпустишь и сознание теряешь. А очнёшься – кругом всё тот же срач, те же рожи. Тут главное – проявить силу воли и не отпускать. Если тридцать секунд держать, то хватит.

– Нет, Маш, я столько не смогу. Я себя знаю, я трусиха. Я и просто взяться не смогу. Уж лучше обычный способ, с верёвкой. Так проще.

– Конечно, проще. Только представь, как ты будешь свисать со второго яруса, вся обоссанная, и язык наружу, а Дима-ветеран, Анжела и все остальные в тебя пальцами тычут и ржут. Нет! Я лучше попробую со штырями. Только где их достать?

– А ты у Валерия Фёдоровича попроси. У него полно всяких железок.

– Я об этом думала. Но как я ему объясню, для чего мне нужно? Прямо ведь не скажешь – не даст. И потом, Валерий Фёдорович в запое. Он Амиру фильтр сделал, полторашку получил и теперь шестой день не просыхает. Надо ещё где-то искать...

Вьюга, слышавшая этот диалог от начала до конца (невольно задержалась, шага не могла сделать), не выдержала и вмешалась.

– Послушайте, ну что вы говорите! Нельзя же так! Это слабоволие. Я понимаю, тут такая обстановка. Но есть проверенные способы. Надо чем-то заняться, каким-то делом. Постирать, например, или погулять...

Маша и её собеседница слушали с удивлением.

– А вы, простите, кто? – строго спросила Маша (вначале Вьюга определила её как женщину глубоко пожилую: мягкое платье, нечёсанные волосы, морщины; но вступив в диалог, поняла свою ошибку – голубоглазая Маша была немногим старше её самой).

– Вы с третьего, что ли? Из психиатрии? Или... или вы вообще с шестого?

Тут Машины глаза сжались в точки.

– Тогда имейте в виду: у нас тут чисто теоретическое обсуждение. Никто тут ничего такого не планирует.

– Да я и не думала, что... И вовсе я не с шестого. Просто я не могла пройти мимо, когда такое отчаяние. Хочется как-то помочь, как-то...

– Это, конечно, благородно, когда хочется помочь. Только вы лучше идите себе дальше. Себе лучше помогите. И вообще...

Теперь Маша глядела с интересом; разглядела и тренировочный костюм, и анарак.

– Вообще – правда, вы откуда? Что-то я вас здесь раньше не видела.

Вьюга не знала, что на это ответить. Выручил Вожатый: обернулся, сделал пару шагов назад, молча взял смущенную руководительницу похода за руку и так же молча повёл дальше по проходу. И снова по сторонам слышались обрывки бесед.

– Слушай, пошли на ночной сеанс! Я слышала, сегодня будут показывать две серии из «Охваченных страстью». Мне так нравится, как там показан их первый поцелуй... Сколько смотрю – а всё равно слеза прошибает. Показан – прямо как настоящий!

– Подумашь, поцелуй. Или даже трах. Не понимаю, как ты можешь так тащиться. Лучше давай пасьянс разложим. А утром можно сходить на выпуск новостей. Говорят, будут какую-то казнь показывать.

– Да, на машине, но она на середине дороги сломалась, и мы пошли пешком. Помню, был страшный мороз, и Гриша всё боялся, что я простужусь, всё старался согреть, все свои теплые вещи мне отдал, я же мерзлячка. И я шла впереди, вся такая закутанная, а он отставал, из-за ноги. А когда вдруг начали стрелять, я испугалась, его бросила и побежала. А когда у входа оглянулась – его уже нигде нет. Хотела вернуться, поискать, но мне не дали. Сказали – придёт. И вот уже двадцать лет он всё не приходит. Как я живу без него?

– И если пойду долиной смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мной; Твой жезл и Твой посох, они...

– Опять завёл свою волюнку! Заткнись, б**** юродивая, сука сатанинская, или я тебе сейчас глотку перекушу! Вот б**** буду, перекушу!

– Он всё такой любезный был, всё ухаживал, пока ехали: «А тебе удобно? Возьми плед, там в сумке плед есть». А я еду и думаю: *** ли мне твой плед? В обычной жизни он был ничего, можно было мириться со всей его х*****, а теперь новая жизнь будет, и всё должно быть новое. И ещё рассуждаю: на шестой его не взяли, это уже известно, на седьмой тем более не возьмут, в ГЛУБь пускают только на общих основаниях, на второй. А уже старый, и привычки дурацкие, так он не хочет, так не может – и на *** он мне? И я на входе, на посту, сказала офицеру, что он, дескать, педераст и педофил. Ну, его отвели в сторону...

Внезапно проход расширился, образовался уголок, отгороженный от остального зала шкафами и пластиковыми плитами. Здесь просторно, без тесноты, стояли пять коек: одна, повыше и пошире, в самом углу, четыре по краям. И не в два яруса стояли, исключительно в один. На высокой койке, застеленной чистой простыней, на красной подушке, под солнечно-жёлтым одеялом, спал мужик лет сорока, мордастый, с цепью на шее и руками в перстнях. Над его койкой на шкафу висела эмалированная табличка, вроде уличного трафарета, с надписью «Князь Геннадий». И ниже, мелко: «Приём по личным вопросам с 18.00 до 20.00». На койках пониже спала княжеская дружина – молодые парни, успевшие многое повидать и во многом поучаствовать.

Один дружинник, лет тридцати, с тёмным, хищным лицом, не спал, поглядывал. Проводил глазами проходившую мимо группу, но при виде Насти привстал.

– Мой вам привет, – произнёс нежным тенором. – Чего-то я тебя, ***, раньше не видел. Откуда такая красивая?

– Издалека, – сухо отвечала красивая, не оглядываясь, и собралась дальше идти.

Однако ей не дали. Дежурный дворянин шагнул, крепко взял добычу за руку и потянул к себе, во владения князя.

– Зачем торопимся? – спросил. – Не спеши, паровоз.

Павел отреагировал быстро. В свою очередь, развернулся, схватил обидчика за руку, велел:

– А ну, отцепи!

Но это был не обычный уличный пристава – это был княжеский дружинник, и понятия у него были другие, и обычаи. Не говоря ни слова, и вроде даже не взглянув в сторону Павла, он взмахнул свободной рукой, правой, и возникшим ниоткуда ножом ткнул Настинуму защитнику в горло, так что кровь выступила – пока в виде нескольких капель. И пропел тихо, нежно:

– У***** отсюда быстро, *** сраный, быстро, я сказал, сейчас арбуз резать буду, быстро, ну!

И нажал сильнее, так, что тонкая струйка потекла.

Павел был человек неробкий (сам так полагал, и друзья подтверждали), но сейчас он не знал, что делать. Отпустить руку вора и убийцы было, конечно, нельзя. Но и сделать что-то ещё, продолжить борьбу он не мог. Он даже слова сказать не мог: стоял, чувствуя на горле смертельное острие.

Но если Павел не мог продолжить борьбу, это могли сделать другие. Олег развернулся в сторону темноголица, шагнул вперёд, и уже было ясно, какое будет следующее его действие. И Враг, который был вдалеке от места схватки, оттолкнул Профессора, спешил принять участие. И Вожатый приблизился. И с противной стороны произошла мобилизация: трое остальных дружинников уже были на ногах, готовые включиться.

Но тут вдруг раздался сиплый земляной голос, пропилил негромко:

– Сдай назад, Серый. Назад я сказал сдать. А вы с**** отсюда быстро.

Говорилось с закрытыми глазами, при полном наружном равнодушии к происходящему, но все участники усвоили смысл сказанного. Темнолицый отпустил Настину руку, трое однодворцев застыли на месте, предоставив действовать Вожатому. Тот схватил Олега, Олег – Павла, Павел – Настю, и все торопливо миновали опасное место и двинулись дальше.

Отошли немного, и Вьюга остановилась, повернулась к Павлу.

– Покажи горло. Да, так и течёт. Вдруг артерия задета, что тогда делать?

А Настя глянула – и вдруг потянулась, поцеловала рану. Всю кровь слизала, и ещё языком прошлась. А когда отняла, стало видно, что кровь не течёт, лишь сочится по капле, артерия не задета.

– Пластырь надо, – сказала.

Пластырь нашёлся у Юрия Алексеевича. Общими усилиями прилепили, осмотрели и остались довольны результатом.

– Ты как себя чувствуешь?

– Ну, как... Нормально.

– А тут ещё много таких... уголков?

– Не очень, – ответил Вожатый. – До конца секции ещё один, кажется, был, но я сверну, постараюсь миновать.

– Да уж, пожалуйста...

И снова пошли койки с их обитателями, с разговорами.

– Сказано: «Раздай всё своё имущество нищим». Я раздал, кажется, всё: рубашки, свитера, посуду, часы...

– И книги отдал?

– Книги никто не взял, кроме эзотерики и приключений. Остальное вон под койкой лежит. Что мне ещё отдать, что сделать, чтобы что-то изменилось? Хотя что-то изменилось?

– А что, и в таких условиях жить можно. Вчера, например, колбасу давали. И в воскресенье обещали дать.

– Нельзя такие вещи спускать! Надо жаловаться, обращаться. Я, например, регулярно обращаюсь – и в прокуратуру, и в следственный комитет, и на имя Главы.

– Ну да, пишет и пишет. Все вещи на бумагу выменял да на ручку. А что толку?

– Нет, ты не говори так. Вот, в прошлом году полиция приходила, Эльдара увела...

– Слушай, а где Женя? Она что-то давно не возвращается из школы. У них что, продлённые уроки? Ей давно пора вернуться.

– Опять волюнку завела! Нет у тебя никакой Жени. Уж год как померла твоя Женя. И нечего тут изображать. Тут у всех своё горе. В психушку тебя надо сдать.

– Здесь лежало моё полотенце. Кто взял моё полотенце? Это ты взяла, сука! Вечно на чужое зарисься! Вон, вон оно, у тебя под подушкой лежит!

– Да это моё, моё собственное, успокойся! Смотри, и рисунок совсем другой, и материал. Ты уже сто раз такое говорила, а потом оказывалось, что обозналась. Вечно чужие вещи за свои принимаешь.

Вроде простые слова нашла эта тётка, обвиненная в присвоении драгоценного полотенца – а оказались теми самыми, нужными. Её возбуждённая соседка успокоилась, стала что-то у себя на койке перебирать; среди прочего в её руках мелькнуло и полотенце с красными лебедями. А Вьюга, проходя, внимательнее взгляделась в женщину, умеющую успокаивать скандалистов – и вдруг встала, как вкопанная. Эти серые глаза... Эта манера сжимать губы, хмуриться... Эта линия подбородка... Но этого не может быть! Этого не может быть по законам природы, и потом, разве у неё, Вероники, кожа дряблая? Ничуть не дряблая, молодая, упругая кожа, никаких морщин, и зубы все целы, а у этой, похожей, тут щербина, там коронка, тут вообще пустота... А главное – волосы! У меня прекрасные чёрные волосы, все любят; а здесь какие-то космы. Я, Вьюга, подобна горной долине с густыми лесами на склонах, озером на дне и снежной вершиной у истока; а эта, на койке, подобна брошенному дому, пустырю, разрухе... Я подобна быстрому потоку, у меня всё впереди...

Женщина заметила, что кто-то остановился возле её койки; подняла глаза. Её зрачки расширились; глядела, не отрываясь. Потом медленно кивнула – раз, и второй.

– Узнала всё-таки? – сказала. – Трудно узнать, правда? Мы все меняемся, особенно при таких обстоятельствах. Папа в самом начале войны умер, никак не мог поверить, что вот так повернулось, сердце не выдержало. А у мамы ноги отнялись, слегла. А может, не отнялись, просто не хотела себя заставить – ты же знаешь, как она часто...

– Да, я помню...

– И я при ней осталась, как прикованная.

– А Шура?

– Шура в деревню уехал. Но Катя отказалась, со мной осталась.

– Так она тоже здесь?

– Нет, у неё был парень, она к нему ушла и звонила редко, а потом вся связь тазом накрылась – и всё, я её больше не видела, не слышала.

– А мама где – здесь?

– Как она может быть здесь? Лежачих не брали. Но когда всё началось, все из дома побежали, она сама... Приняла целую упаковку... Хоронили уже наспех, в братской могиле...

Ещё раз оглядела всю себя прежнюю, молодую; оглядела и её (своих) товарищей. Разглядела Врага, Татьяну, Профессора; усмехнулась.

– А ты, значит, всё путешествуешь, хочешь шагнуть за горизонт? Завидую. Вот и сюда дошла... Ну, здесь ты увидишь больше, чем на Приполярном. Ценный опыт.

– Да, наверное... Но... Скажи: у тебя что-то... у меня получилось? Я имею в виду – семья получилась?

Вероника-старшая медленно покачала головой.

– У меня, в общем, нет. Но ведь ты – не совсем я. Ты можешь всё изменить. Если сюда дошла – точно можешь.

– А дети? Нет?

Всё то же медленное движение головой из стороны в сторону.

– Нет. Но я же сказала – у тебя всё может сложиться иначе. Слышишь? Всё может сложиться иначе!

– Слышу, да, но... А как же теперь? Ты что – так и останешься здесь?

– Куда ж я денусь? Отсюда нет выхода.

– А может... может, ты с нами пойдёшь? Нам обещают... тут один человек обещает, что может вывести отсюда...

И снова старшая медленно покачала головой.

– Как же мы с тобой вдвоём пойдём? И что Лёня будет чувствовать? Нет, мы с тобой – одна задача, но в разных вариантах, и ответы разные. И мой вариант – здесь.

– И чем он кончится? Шахтой?

– А не всё ли равно? Ты ведь убеждена, что мёртвым всё равно. Всегда так думала. А я, как сюда попала, стала сомневаться. И теперь иначе думаю. Но от судьбы не уйдёшь. Хотя зря я так говорю. Слушай: а у вас войны ещё нет?

– Войны? Какой войны?

– Ну, с Украиной, с Казахстаном...

– Нет, у нас нет. А что – должна быть?

– Должна. Слушай: если войны пока нет, срочно бери отца, мать, продавайте

всё, и уезжайте. Не спрашивай, куда – откуда я знаю, как у вас там, я уже не помню, как это было. Куда есть возможность. Лучше бы, конечно, к морю. Если вовремя уедешь – тогда не попадёшь вот сюда.

– Как же я папу уговорю куда-то ехать? Ты же его знаешь.

– Знаю. Но ты попробуй. На меня сошлись. Ты же настырная, когда захочешь, всего добьёшься. Вот вернёшься – и сразу этим займись. Только этим, это самое важное в жизни, пойми!

Она глубоко вздохнула, огляделась. К ним прислушивались.

– Однако мы с тобой заговорились, пора заканчивать. Вон, тебя ждут. Иди, иди.

Как она могла уйти? Ещё столько нужно было спросить, сказать... Но старшая так посмотрела – и младшая послушалась. Один шаг сделала – всё ещё с головой, повернутой назад, – второй... Старшая подняла руку, помахала на прощание – как машут на перроне, когда тронулся вагон, и ты уезжаешь на юг, на север, к морю, в горы, к весёлым приключениям, но и провожающие никуда не денутся, будут жить вечно. А потом поезд поворачивает – стрелка, ещё одна, перестук колес – и вокзал исчезает вдаль, и ты с головой окунаешься в новую, полную радостей жизнь. Делашь восемь, двенадцать шагов по коридору весёлого вагона, по проходу между грязными, ободранными койками, всё ещё оборачиваясь – а потом и смысла оборачиваться нет, позади только эти койки, чьи-то злые рожи и несчастные лица. Но как же так? Как же мне жить эти лежащие впереди двадцать лет? Что мне делать? Уезжать? Как, куда?

– Это мне за то, что я с ними соглашался. Молчал, не высовывался, на уроках всякую лабуду говорил. Господи, какую чушь я впаривал детям на уроках, какую дрянь произносил! А ещё в избиркоме работал, делал важное лицо, организовывал участок... Как же иначе, ведь я директор! А дома на Андрея срывался, на Иру... Где они теперь, где?

– Опять нюни распустил! Это всё потому, что ты не работаешь. Труд создал человека! Работать надо! Вот погляди на меня. Я всё время работаю. Надо чертить, пилить, строгать. Вот я себе полочку сделал, тумбочку. И Марине Максимовне тумбочку и на ней – розетку. Тут ни у кого своих розеток нет, а у меня и у неё есть. А Зинаиде уют починил, а Молчунову – чайник запаял. И за это мне общий почёт и уважение, и чай с сахаром, и всё такое.

– Вы совершенно правы – надо работать. Мне многие говорили: как можно в таких условиях заниматься наукой? Это только на пятом уровне возможно, а если тебя не взяли на пятый, то сиди тихо. Что ж, это верно, естественными науками на койке не позанимаешься, эксперимент не проведёшь. Но ведь я психолог! А где ещё изучать психологию толпы, как не в толпе? Тут никаких экспериментов не нужно придумывать, тут вся жизнь – сплошной эксперимент. И я изучаю и сделал ряд любопытных, крайне любопытных наблюдений. Но есть одна неразрешимая проблема: где взять пишущую машинку и бумагу для машинки? Наблюдения я кое-как на картонках из-под крупы записал, но теперь их надо обобщить, а как?

– Тут столько материала для фоток, столько материала! Вот вчера Анфиса с Артёмом дрались, были такие живописные сцены! Только фоткать и выкладывать. Или крысы иногда очень забавно себя ведут. Я их каждый день фоткаю. Но где всё это богатство выложить? Вот только тебе могу показать...

– Я был лучший моторист во всей бригаде! Любой мотор мог с закрытыми глазами разобрать. Бэтээры, бээмпэшки, танки, хуянки, лады, нивы – без проблем. А иномарки? Иномарки чинил только так, без всяких запчастей. Тут подпилишь, там запаяешь – и ничего, бегает. Можно сказать, я обеспечивал боеспособность всей техники в бригаде! И теперь меня, лучшего моториста, не хотят записать на первый уровень, сюда засунули!

– А я, Борисыч, признаться, ужасно рад, что всё так закончилось. Давно пора было покончить со всей этой дурью, слизью, с расхлябанностью. Это же был всеобщий разврат! А называли – «цифровизация». И заметь: никто не говорил о работе, всё только об отдыхе да о играх, о зрелищах!

– Да, и круглый день уличное движение бешеное, и всюду дамочки с собаками гуляют, и детские площадки, а там крик, рёв... А теперь порядок, тишина... Общество очистилось.

– Знаешь, о чём я мечтаю? Ужасно хочу попасть на шестой, или на седьмой. Вот там жизнь! Я однажды, года два назад, на слёте – тогда ещё слёты проводили – познакомилась с одним дядькой с седьмого. И он на меня запал! Вот б**** буду, запал. Но я тогда такая дура была, тихая, не смогла всё это дело завинтить.

– На что мы нужны? Нет, ты погляди вокруг, сообрази: на что мы такие нужны руководству? Какая от нас польза? Один убыток. А ресурсы-то к концу подходят. И я слышал краем уха, что есть такой план: все уровни со второго по пятый полностью ликвидировать. Всё очистить!

– Я согласен, что шли, в общем, в правильном направлении. Но жёстче нужно было, жёстче! Нужно было перед войной провести полную чистку. Вычистить весь мусор: пидарасов, нытиков, убогих, умников, евреев, сектантов...

– Вдруг в шесть утра приходит целая толпа, в масках, с автоматами. Ломают дверь, показывают бумагу: обыск. И ко мне, с ножом к горлу: где сын? Оказывается, он что-то не то написал в сетях и на него есть постановление: арест и грозит до шести лет. А Костя у своей девушки ночевал. Ну, я Наташу тихонько туда послала. Вовремя послала, он успел, скрылся. И больше я его не видела...

– Вот скажи: что ужасней – эти вот разговоры или естественные отправления?

– Ты имешь в виду...

– Ну да: вонь от их высказываний или этот постоянный смрад, хоть топор вешай?

– Что тут думать? Конечно, смрад. Я никак привыкнуть не могу, сколько уже в этом живу, а всё равно почти каждый день рвёт.

– А мне кажется, разговоры всё же мерзее. Вот, в том ряду – слышишь, как разоряется? Это он ещё относительно трезвый, а как примет... Или Алла в боковом проходе. Как начнёт вещать – умереть хочется. Мы с тобой – существа вербально зависимые, с этим ничего не поделаешь. Я, конечно, уши затыкаю, но иногда и затычки не помогают.

– Эх, достать бы какой взрывчатки посильней и взорвать это всё к с***** матери! Сделать такой блямс, чтоб мокрого места не осталось!

Когда же это кончится, когда? Таню уже давно мutilо, с трудом сдерживалась.

Скорей бы выйти куда-нибудь на воздух, где ничего этого нет, и вздохнуть, забыть. Вдруг позади раздался тонкий голосок:

– Подождите! Подождите!

Она как-то сразу поняла, что это к ней, обернулась. В проходе стояла девочка лет пяти, страшно грязная, худая, с диким, косящим взглядом.

– Возьмите меня с собой!

– Тебя – с собой? Но... почему? Я не могу! Нас и так слишком много. И потом, ты же не знаешь, куда мы идём. Мы сами не знаем.

– Мне всё равно. Возьмите!

– А что твои родители скажут? Что мама скажет?

– Ничего не скажет. Папа пил, дрался сильно, со всеми дрался, и его в шахту сбросили. Мама тоже начала пить, уходила куда-то, а потом пропала. Я её всюду искала, но нигде нет. А ко мне пристают, каждый день пристают. И еду отнимают. Возьмите меня!

Тут она шагнула вперёд, протянула руку – и вложила её в Танину ладонь.

Вложила, сжала – и Таню словно током пробило.словно схватилась за штыри, о которых говорила та женщина. От макушки до пяток пробило, отскочило от пола и назад прошло, горячей такой, острой волной. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать: «Не могу...», или «Как же я с тобой, куда с тобой, я и одна не знаю...» Но не выговаривалось. Ни одного звука не могла выдать и двинуться не могла. Только рот молча разевала, как рыба на песке. А потом что-то сдвинулось в горле, освободилось, и она смогла спросить:

– Как тебя звать?

– Вера.

– Татьяна, ты чего отстала? – донёсся из далёкого далека, из-за гор и морей, из-за густого смрада тревожный возглас Врага. – Тебе помочь?

– Нет, я сейчас, я сама.

– Значит, вы Таня?

– Да, я...

– Идёмте, Таня, слышите, нас зовут. А можно, я вас буду звать мама Таня? Я вас буду звать мама Таня и всегда слушаться. Вы не думайте, я послушная.

Она говорила, а сама тем временем уже шла вперёд, туда, где виден был Враг, и Юрий Алексеевич, и остальные; шла, и Таню за собой вела. Сначала вела, а потом Таня опомнилась и уже шла впереди, тянула за собой это слабенькое тело, соломой перешибёшь.

Так мы шли сквозь волны смрада, и Вера что-то говорила – о куклах, о какой-то серебряной фольге от шоколадки, страшно красивой, – но я не всё слышала. А что по сторонам творилось, вообще не слышала и не видела ничего; только держалась взглядом за спину Лёньки Башмакова. А потом увидела, как шедший впереди человек в плаще открывает какую-то дверь и стоит, держит, чтобы мы все могли пройти. И мы прошли, все прошли, и дверь закрылась и отрезала нас от первого жилого этажа второго уровня.

Помещение, куда они попали, было... ну, как бы землёй обетованной, что ли, или раем. Это был пустой коридор с лампочкой в самом конце, относительно чистый, и видны были по сторонам двери; одни закрытые, другие открытые. Из-за какой-то двери раздавались голоса, но негромко. И здесь не было коек, смрада, людей, их криков и шёпота, признаний и рассуждений. В общем, рай.

Петя, как только попал в этот рай, припал к стене, и его вывернуло наизнанку. А за ним и Профессора, и даже Вьюгу. Да и остальные выглядели неважно, даже Олег. Враг повернулся к Вожатому, спросил:

– Слушайте, а здесь нельзя где-нибудь... присесть, а лучше прилечь? Чтобы никого не было. Видите – народ немного...

– Вижу, вижу. Есть одно место, идёмте.

И повёл по коридору. Прошли мимо открытой двери – там было длинное помещение, где стояли рядами столы, стулья, виднелось окошко раздачи – столовая. Дальше на кухне кипела работа, что-то варилось, жарилось, там переговаривались повара. Напротив кухни ушёл в сторону боковой коридор, над которым висела табличка «Начальная школа». Дальше был ещё коридор с надписью «Санчасть». Вожатый свернул туда. Миновал несколько закрытых дверей, возле одной остановился. Повозился в замке, и дверь открылась. Щёлкнул выключатель, тускло осветилась средних размеров комната, в которой в два ряда стояли зуболюбные кресла с бормашинами, пахло медициной, на всём лежал слой пыли.

– Вот здесь можно расположиться, – сказал Вожатый. – Ищите свободное место, стелитесь, можно спать.

– А разве сюда не зайдут? Ведь, наверно, скоро утро, вон завтрак готовят...

– В столовую зайдут, в школу; в санчасть тоже народ потянется – к терапевтам, к хирургам. А сюда не войдут. Сюда нет смысла заходить – тока нет, сверлить нельзя, да и цемента давно нет, пломбу не поставишь. Здесь четыре таких кабинета, но работают только два хирургических.

Больше вопросов не было, и нового приглашения не требовалось: каждый находил себе место, стелил, что нашлось в рюкзаке, и валился без сил.

Хотя один вопрос, как выяснилось, всё же возник. Таня подошла к Вожатому:

– Скажите, а здесь где-нибудь нельзя умыться? Мне Веру надо умыть. Ещё хорошо бы помыть голову...

– Чтобы помыть, горячая вода нужна, а её дают только вечером, на два часа. И не всегда. А умыться в душе можно. Идёмте.

Тут оживился Враг:

– Я с вами. Вот только котелок возьму. Надо бы воды набрать, вскипятить. Пить ужасно хочется.

– В душе вода техническая. Вы её пить не станете.

– Это почему же? Вскипятим – и все микробы долой.

– Понимаете, в ГЛУБи вся вода – уже использованная, после очистки идёт в по-

вторное употребление. Но техническую почти не чистят. Так, немножко. Там такой вкус... Даже я не могу её пить.

– А где такая, чтобы пить?

– Питьевая есть на кухне, но вам её не дадут – она отпускается по нормам, и нормы очень жёсткие. Здесь из-за воды такие сражения идут!

– А если очень попросить? – Враг вывел на лицо умильную улыбку.

– Сомневаюсь...

– Давай я с тобой пойду, – неожиданно вызвался Павел. – Я им что-нибудь спою, или станцюю. Так прокатит?

– Не знаю...

– Я тоже пойду, – заявила Настя. – Я умею уговаривать. У кого пустые бутылки есть?

Собрали посуду, какая нашлась, и ушли.

Вьюга, как только они ушли, легла на пол между креслами, впала в забытьё. У неё был спальник, но она о нём забыла, так легла. Там, за крепко сжатыми веками, в темноте, в тишине она опять стояла возле той койки и смотрела на себя – постаревшую, некрасивую, несчастную. И не только смотрела – проживала её (свою) жизнь, отматывала назад, с того момента, когда грянула беда, и папа умер, мама слегла, а потом таблетки, братская могила, отъезд... Её жизнь отматывала, а свою, наоборот, притягивала, пыталась соединить эти две несоединимые части. Как же это случилось, где, когда? Как, когда её жизнь – не то чтобы счастливая, не всегда радостная, случались и огорчения, но живая, открытая, столько всего обещавшая, – как она вдруг перекосилась и понеслась под откос и привела её на эту койку, на второй уровень? «Но это же не с тобой случилось, глупая, – думалось, – это со всеми, это война. С войной не сладишь, по запасному маршруту, через другой перевал не обойдёшь...» И отвечала себе: «Не ври, не ври! Ясно ведь было, куда всё идёт, могла найти решение». – «А папа? Ведь он никуда не поедет, хоть его ножом режь, ну, и мама без него тоже с места не сдвинется. Какое тут решение?» – «Подумай и найдёшь. Ты же всегда могла найти решение. И им сможешь объяснить».

Так она разматывала этот клубок, соединяла концы. И ничто её больше не волновало, ничего не могла делать, пока не соединит.

Рядом с ней, за соседним креслом, был Петя Томилин. Он тоже лежал с крепко закрытыми глазами и окружающее не слышал, не видел. Только он ничего назад не отматывал, не вспоминал – наоборот, старался забыть. Всё только что пережитое – забыть накрепко, стереть. Выделить всё сразу – и нажать «delete», крепко нажать, и не отпускать, пока всё не сотрётся. Если так не сделать – он чувствовал – тогда ужас, мрак, безумие. Если он не сотрёт только что увиденное, не сможет жить дальше, потому что оно, увиденное, ни в чём не совмещалось с ним, с его мечтами, мыслями, чувствами. Он не хотел безумия, он хотел жить, и потому стирал, стирал.

У профессора Княжевича спальника не было – на плоту остался. Он устроился в одном из кресел, какое показалось удобней других. Хотя какое уж тут удобство, рядом с бормашиной? Но Юрию Алексеевичу было всё равно. Хоть в кресле, хоть на доске какой-нибудь, но только прилечь, закрыть глаза. Слишком много всего было

в последние часы: горя, отчаянья, пустых надежд, злобы, глупости, страха, всего. В увиденном не было ничего особенно нового – он всё это, в общем, знал. Но в такой концентрации... Тут было не просто горе, а его эталон, образец. А ещё – образец и концентрат общества, в котором Юрий Алексеевич прожил всю свою жизнь, в котором работал, мечтал, строил планы и плоты. Ведь вроде бы он, профессор Княжевич, трезво смотрел на жизнь, понимал то и это, многое знал об окружающих. Но когда тебе соберут воедино всю их (твою собственную) гниль, мерзость, слабость, соберут и сунут в нос – сил нет на это смотреть. «Как они могут так жить? – спрашивал он себя. – Но ведь живут, и многие довольны. Это необъяснимо. А ведь это только второй уровень. Что же дальше будет?» И тут же, исподволь, подкрадывалась и другая мысль: «А ты как живёшь? Разве не так же?» Он чувствовал себя так, как (был с ним однажды такой случай) во время ночёвки в тайге, когда рядом бродил медведь – возможно, голодный или раненый. Бродил, полный злобы; может, набирался решимости, чтобы свернуть к палатке, в которой затаились люди. Но против медведя мог помочь огонь, карабин, топор. А здесь что поможет?

Один только Олег не мучился, был полон сил. Но отдохнуть было необходимо, это верно. У него был с собой спальник, он постелил в углу, чтобы никто рядом не ходил, не беспокоил. Лежал, дремал, вспоминая увиденное. В нём зарождался интерес к этому нелепому погружению. В чём-то этот косоглазый Вожатый был прав – тут и правда было любопытно. Стресс, конечно, но психологи говорят, что стресс иногда полезен. Зрелище нетривиальное. А что дальше будет?

Ушедших за водой не было долго. Наконец вернулись, неся полные бутылки, пачку крупы и пакет сухарей. Девочка Вера, умытая, с чистыми, расчёсанными волосами, пошла бродить между креслами, разглядывая и ощупывая диковинные железки, садясь то в одно, то в другое кресло. Всё это она проделывала молча, изредка бормоча что-то почти неслышно и чему-то улыбаясь.

Враг сразу завозился, установил горелку, водрузил на неё котелок.

– Сейчас чай забабашим, – объявил. – Хотя нет, что я – у нас же теперь гречка есть! Сначала гречка, потом чай. Устроим пир по поводу успешного прохождения опасного участка, то бишь второго уровня. И в связи с получением воды и подарков. Слушай, Павел, а ты и правда танцор! Как эти тётки на тебя глядели – прямо без масла откусили бы. Я прямо видел, как их каменные сердца таяли. Ну, и Настя тоже... Вы вдвоем могли бы на ярмарках выступать. И мы бы при вас голодными не остались. Слушайте, Вещун Перунович, тут есть ярмарки?

– Ярмарки? Я, признаться, не понимаю, о чём... Ах, да, это такие... Нет, здесь нет. Даже смешно подумать. И почему вы говорите о прохождении второго уровня? Мы весь уровень не прошли, мы только первый этаж прошли.

– А сколько этих этажей? Насть, ты вроде что-то о консервах говорила? Не достанешь банку? С гречкой пойдёт. А лучше две.

– На втором уровне двенадцать жилых этажей и шесть производственных. И только потом начинается третий.

– Двенадцать?! И везде вот так?

– В каком смысле? То, что вы видели? Да, примерно одинаково.

– Двенадцать этажей! И везде такая похабель! Но почему так много?

– Так это же народ. Народные массы. Они составляют три четверти населения ГЛУБи. На других уровнях людей гораздо меньше.

– Народные массы... И нам всё это надо проходить?

– Почему «надо»? Вообще не обязательно. Если вы уже составили себе впечатление...

– Лично я составил. Полная жопа – прошу прощения! – впечатлений. Вьюга, смотрю, до сих пор в себя не придёт. Я, кстати, не понял, с кем это она там беседовала. Кто вблизи был, кто может сказать?

Вожатый уже собрался дать объяснения, но тут сама Ника внезапно села, огляделась и спросила:

– А кто эта девочка? Откуда она?

Таня, которая накрывала на стол (выдвинула в середину скамейку, постелила клеёнку и накрывала), выпрямилась и, твёрдо глядя в глаза Нике, ответила:

– Это Вера. Она с нами пойдёт.

Вьюга молчала, зато Олег отреагировал сразу.

– Ни *** себе! Уже детский сад пошёл. И кто следующий?

Таня молчала – не видела смысла отвечать. И остальные молчали. Ответил профессор Княжевич.

– Я не знаю, кто будет следующий, но мне кажется, что ещё люди будут. Возможно, нас будет двенадцать.

– Почему двенадцать, а не двадцать, не сорок?

– Ну, ты же понимаешь, куда мы попали. Девять уровней, то же самое, что девять кругов, созданных для мучений грешников... Известное число. А другое такое же – двенадцать.

– Ничего себе! И кто их всех кормить будет, эти двенадцать?

– Уж точно не ты. Ты вон давай садись и ешь. Гречка, рыба – всё дармовое, не из раскладки.

– Мне помнится, по девяти кругам ходили двое... – заметил Павел.

– Так то было время тёмного Средневековья, – парировал Профессор. – А сейчас у нас прогресс науки, туризм коллектива. Так что двенадцать будет актуально.

– Ник, ты что застряла? Подсаживайся. И Петра разбуди. Пётр, подъём!

– Да ешь, тебе надо поесть. Вот, бери мою ложку, я что-то не хочу.

– Вера, иди сюда. Вот, садись. Вот ложка...

– Ой, она с цветочком.

– Да, с цветочком. Ешь, потом мне дашь.

– Ник, а ты что, и чай не будешь?

– Нет, чай буду.

Некоторое время все молчали, занятые едой. Кроме Вожатого – он сел в кресло чуть в стороне. Но Враг долго молчать не мог.

– Вы вроде говорили, что на третьем уровне врачи? Но тут тоже врачи. Вон табличка висела «Санчасть». А в чём разница?

– Я же говорил – здесь только терапевты и хирурги. Могут укол сделать, жгут наложить или шину. А на третьем могут провести полное обследование, сделать операцию любой сложности. Есть стационар, там тяжёлые больные лежат. Там даже собственный научный отдел есть, исследования проводят. Во всяком случае, раньше проводили. Но в целом, я вам скажу, на третьем уровне ничего особо интересного нет. Всё, как в обычной жизни: рентген, УЗИ, истории болезней...

– Как же они делают рентген, если тока нет?

– На всех уровнях, начиная с третьего, стоят генераторы, есть лимит солярки. Так что, если надо, будет и рентген. Я же говорю – ничего особенного. Можно заглянуть на минутку, если кому интересно, и сразу идти на четвёртый.

– Я вижу, вам почему-то не хочется идти на этот третий уровень, – заметил Враг.

– А я за то, чтобы заглянуть, – сказал Профессор. – Мне интересно.

Настя всё это время молчала, сидела притихшая, на себя не похожая. Вдруг подняла глаза на Вожатого, задала вопрос, который уже давно её мучил:

– Слушайте, а правда их хотят истребить? Весь второй уровень? Я там слышала...

– Как вам сказать? Что значит «хотят»? Если вы спросите, было ли такое решение руководства, то я отвечу: не было. Но вопрос обсуждался. Моисея Соломоновича и Косолапова привлекали к обсуждению, и они нам рассказывали, хотя подписку давали. Ресурсы-то ограниченные. По подсчётам (а они уже давно проводились, эти подсчёты), должно хватить ещё лет на пять. То есть сейчас уже совсем мало осталось. И было бы разумно уменьшить число потребителей. Так что вопрос обсуждался, но решение не приняли, отложили на потом.

– А почему?

– Есть несколько причин. В целом второй уровень – это, конечно, балласт, никому не нужный и создающий различные проблемы. Но у некоторых сотрудников, уважаемых людей с шестого и седьмого уровней и даже с восьмого, здесь, на втором, остались знакомые... можно даже сказать, друзья...

– Родственники?

– Иногда и родственники. Так что им было бы неудобно... И потом, ведь на других уровнях, кроме второго, детей почти нет. Как-то не складывается, не рождаются там... Между тем дети иногда требуются на четвёртый, для съёмок или для участия в передачах. А потом эти дети вырастают и пополняют ряды Вооружённых Сил. Кроме того, если думать о полной ликвидации всерьёз, то встаёт вопрос об организации самого процесса. Как всё это будет происходить, кто будет осуществлять... Так что идею отложили. Хотя рано или поздно такое решение надо будет принять. Или сократить едоков, или всем выходить на поверхность. Но пока ограничились тем, что нормы постоянно урезают.

– И они живут с этим, зная, что их всех завтра могут... сократить?

– Живут, как видите.

– И детей заводят?

– И детей.

– Скажите, а там, на других уровнях – там не хуже, чем здесь? – спросил Профессор. – Ведь теоретически мучения должны возрастать...

Вожатый пожал плечами.

– Условия там, конечно, лучше. Несравнимо лучше. Но у всех есть свои проблемы. Иногда очень болезненные. Да вы сами увидите.

Трапеза закончилась в молчании.

– Ну что, теперь давайте устраивать ночлег, – сказал Врэг. – Спальники не у всех, так что давайте их постелим вместе, теснее. Вот здесь самое такое место, здесь постелим. Тогда и Петру место найдётся, и девочке. Тебя как звать? Вера? Вот и Вера ляжет.

– А Юра ляжет? Понимаешь, этот Юра свой спальник на плоту оставил...

– Да не только вы. Я тоже оставила. И Павел...

– Это вы напрасно. Спальные ресурсы у нас ограничены. Так что часть спящих придётся того... сократить. Ладно, неудачно пошутил, *sortu*. Давайте, у кого свитера, пуховики есть, стелите вместо спальника.

– Свитер есть, но его надеть хочется. Зябко здесь. Вещун Перунович, почему здесь так зябко? Мне казалось, под землёй должно быть тепло.

– О причине не знаю. Но могу сказать, что здесь, наверху, ещё ничего. Чем глубже, тем холоднее. На нижних уровнях постоянно приходится использовать генераторы, прогревать помещения.

Стали быстро стелить – всем хотелось поскорее лечь. Таня подошла к Вожатому.

– Скажите, где здесь можно постирать? Мне надо бельё Вере... и носочки...

– Пойдёмте, покажу.

– Да вы объясните, я найду.

– Нет, лучше я вас провожу. И потом, как вы назад попадёте? Ведь я дверь запираю.

– А зачем запирать?

– Утро скоро. Тут такие толпы начнут шастать... Запирать надо обязательно.

– Ты с девочкой пойдёшь? Мы вам места вот здесь оставим, в серёдке. Тут теплее.

Трое ушли, остальные легли, и свет выключили. И лишь только пристроили клешни и копыта, уложили головы на рюкзаки, ставшие подушками (эх, жестковата подушечка, да я вот башмаки подложу), как волны сна сомкнулись над ними, поднимаясь выше и выше. Когда лежишь на дне, то, приоткрыв иногда глаза, видишь проплывающие над тобой тени минувшего, а может, грядущего, кто знает. Тени то смутные, то вдруг отчётливые, потрогать можно. Иногда яркие, весёлые, иногда злые (зубастые пасти, безжалостные холодные глаза), но чаще всего путанные – всего понемножку. Если очень яркие и весёлые, ты смеёшься во сне (дети часто смеются), если страшные, ты начинаешь стонать, потом отталкиваешься ото дна – и всплываешь. Пока ещё можешь, пока хватает сил, чтобы всплыть. Хотя ещё не факт – совсем не факт! – что наверху будет лучше. Да знаем мы, знаем, потому и стараемся задержаться там, на дне, наблюдая за течением вод.

А иногда в водной толще вдруг возникает некое свечение (наверное, «Наутилус»

прожектора включил, понятное дело), и звучит чей-то беззвучный, внятный голос и подсказывает тебе, что делать, когда всплывёшь. Так-то, мол, делай, а так – ни в каком случае. И тогда только запоминай, чтобы не забыть, когда схлынут воды сна. Можно, правда, попробовать записать – особым карандашом (ручкой, что лежала на столе), на особой подводной бумаге (счёт за газ или повестка в суд, ещё какой подходящий листок).

Так они покоились в глубинах вод, и ничто (почти ничто) их не тревожило. Хотя Вьюга вполуха (левое над водой осталось) слышала, как вернулись ушедшие. А Враг не слышал, зато почувствовал, когда Вера, прижимаясь к Тане, свернулась калачиком и упёрлась коленкой ему прямо в грудь – пришлось ворочаться, подставлять под ребёнку колено какую-нибудь нечувствительную часть. А чуть позже Пётр начал стонать, кричать во сне, и пришлось Вьюге и Врагу с разных сторон тянуться к нему, тормошить, успокаивать.

Настя долго не могла уснуть. Она слышала, как вернулись ушедшие, укладывались, возились; как закричал Пётр. А потом, когда уже начала засыпать, послышались звуки из коридора: топот шагов, стук дверей, голоса. Те самые голоса, с коек первого этажа, она вроде бы даже узнала пару особенно визгливых. Кто-то дёргал ручку двери зубо-врачебной спальни, кричал: «Почему закрыто? Почему тут закрыто? А я прокурору напишу!» Настя было встревожилась, подняла голову, чтобы оценить обстановку – и увидела свет далёкой звезды, голубой глаз Вожатого, их проводника и защитника. Стоя возле двери, он был готов грудью встретить опасность, если вдруг сюда проникнет. И она снова легла и успокоилась, совершенно успокоилась и дала волнам сна сомкнуться над ней.

Спать, спать. Как написано в одной известной книге, «спасибо тому, кто изобрёл сон. Это единая для всех монета, это единые весы, равняющие пастуха и короля, дурака и мудреца». Хотя Он много чего изобрел, но за всё ли мы готовы Его благодарить? Ох, не за всё, не за всё. А ведь, наверно, должны бы.

8

Вожатый отодвинул плиту, и открылся мрачный, плохо освещённый колодец, с уходящими в бездонную тьму тросами посередине, с направляющими по стенам. По одной стене лепилась пожарная лестница, тускло отсвечивали перекладины. Враг, вслед за Вожатым, просунул голову в лаз, глянул вниз, вверх – лифта нигде не было видно.

– А его точно не включат? – спросил. – Ну там, аварийное срабатывание, или командные учения, или... как вы это называли? Глубокая проверка, да. Не может такое случиться?

– Как меня учил Моисей Соломонович, случиться в жизни может почти всё, но лишь небольшое переходит из области возможного в сферу действительного. За последние годы я не помню ни одного случая, чтобы его включали. Там...

Вожатый указал на сгустившийся внизу мрак.

– ...Там, на трёх верхних уровнях, функционирует свой собственный подъёмник. Но выше пятого уровня он не идёт. И он в другом крыле, в западном.

– То есть фирма гарантирует? Это хорошо. И сколько нам по этой замечательной лесенке ползти?

– Недолго. Один этаж, и всё.

– А может, мы всё-таки этот этаж обычным порядком пройдем? Ну по лестнице. А там, на входе, дадим мыло...

– Я же говорил: начиная с третьего уровня, мыло не действует.

– Тогда бумагу или гондон.

– Нет, здесь не пропустят. Местных пропустят, а вас нет. Вы слишком выделяетесь. А я тем более. Так что надо здесь. Разрешите, я пойду первым. Там, внизу, надо будет открыть...

– Погодите, подготовиться надо. Тесёмки подтянуть, штаны закрепить...

Все стали подтягивать лямки рюкзаков, застёгивать расстёгнутое. А Таня задумалась на минуту, потом, наоборот, расстегнула рюкзак, достала пакет с одеждой. Нашла парадные штаны, в которых в поезде ехала, вытащила из них ремень. Потом ещё один нашёлся. Тогда она снова всё застегнула, подозвала Веру, и стала её этими ремнями к себе пристегивать. Враг с сомнением наблюдал.

– Погоди, у меня верёвка есть.

– Давай, не помешает.

– Таня, зачем? Я так держаться буду, за тебя держаться.

– Знаю я, как ты будешь. Камешек какой в стене увидишь, потянешься.

Верёвки хватило на три оборота с перекрещиванием, как на обвязке. Враг осмотрел полученный результат, удовлетворённо кивнул.

– Теперь ты как кенгурёнок в кармане.

– А кто это – кенгурёнок?

– Слушай, Мрачный, я сразу за Вожатым пойду, а ты последним, лады? Там тоже затыки могут быть...

– Сам ты бурый. Ладно.

– Да, верно, я чуть не забыл. Тот, кто пойдёт последним, должен закрыть крышку. Сделать, как было. Чтобы...

– Понятно.

Шаг за шагом, ступенька за ступенькой. Главное – чтобы нога не скользнула, чтобы руку не отцепить, пока нога не встала; главное – не спешить, на ниже идущего не наступить, но и не медлить, чтобы тебе на руку не наступили. Ой, а откуда этот свет? С ним легче. А, это наш Вожатый, наш Вещун Перунович что-то такое у себя включил и стал как светлячок, здоровущий такой светлячок. Какой он у нас заботливый, наш Вожатый!

Слушай, ты мне руку чуть не отдал! Извини, извини. Интересно, сколько еще?

Спускались шаг за шагом, и все следили зорко, чтобы ногу поставить, руку раньше времени не отпустить, на это было направлено всё внимание. А вот Вьюга за этим совсем не следила. Она всматривалась вниз, в непроглядную тьму, в пропасть, где упавшего поджидал то ли навечно опущенный лифт, то ли бетонное дно колодца.

А не всё ли равно? Когда с такой высоты, должно быть всё равно. С такой высоты (он говорил, здесь почти километр; ну, даже если полкилометра, всё равно) результат гарантирован. Мучиться не будешь, даже почувствовать ничего не успеешь. И тогда – тогда перестанет мучиться та, постаревшая, несчастная, скорее всего, больная (здесь – обязательно больная), что осталась там, на койке. Ведь если умрёт она, молодая – то как она сможет прожить ещё сколько-то, и попасть в эту адскую ГЛУБЬ? Никак не сможет. И, значит, та, другая, просто исчезнет.

Она об этом всю ночь думала, почти не спала. Только не знала – как. Не в шахту же, в самом деле, бросаться. А когда Вожатый привёл их в этот закоулок, откинул крышку, и она увидела тросы, и лесенку, и мрак внизу – сразу поняла, что это и есть ответ на её вопрос.

Надо было только решиться. Просто отцепить руки – это не годится, заденешь Юрия Алексеевича, что идёт прямо под ней, а то, глядишь, и Таню с девочкой. Нет, нет, ни в коем случае! Надо чуть отстать, чтобы образовался разрыв с нижними, потом резко оттолкнуться – и прыгать.

И она уже начала потихоньку отставать, уже на метр отстала. Уже можно было действовать, но она не могла решиться. Мешало внезапно пришедшее сомнение: а что, если та, постаревшая, не исчезнет? По научным законам, по разумным соображениям должна исчезнуть, но ведь тут – как он говорил? – тут законы не действуют, тут разум отстывает. А значит, даже если молодая исчезнет, то другая, постаревшая, так и будет мучиться. Как узнать? А пока наверняка не знаешь, – как решиться?

И, пока она так терзалась, до одури всматриваясь в мрак, вдруг откуда-то пришла такая мысль: а почему ты думаешь только о смерти? Ведь можно жизнь изменить. Как только вырвешься из этой чертовой ГЛУБи, вернёшься в нормальный мир – взять, и всё резко изменить. Как изменить? Это ты решишь, обязательно найдёшь решение. Но кое-что уже сейчас понятно. Не соглашаться на этот последний проект – от него на версту войной пахнет. Так мертвечиной и несёт от этой разработки с двойной оплатой. И грант не получать, и в это замечательное объединение «Молодёжь – за будущее» не вступать. Шаг за шагом уходить с той дороги, которая делает тебя полезной с точки зрения Тех Самых. Тех, кто спустя несколько лет будут составлять Списки Нужных Людей. Не попадёшь в этот список – значит, и в ГЛУБЬ не попадёшь. Это будет другая жизнь. Какая? Не знаю. Это от многих факторов зависит, и от тебя зависит. Но уж точно не такая, как здесь. Так, может, и от походов надо отказаться? От восхождений, сплавов, новых маршрутов? Но ведь это означает – и от друзей отказаться, от общения с ними. От самого дорогого в жизни! Нет, почему же от этого надо отказываться? Ведь походы – это сама жизнь. А Тех, Наверху, жизнь не интересует. Их интересуют только власть и сила, и технологии, дающие эту силу. А все твои восхождения для них – глупая забава, вроде игры в классики. Нет, от походов я не откажусь. А от другого, от многого – могу. И тогда... Да, но если я сейчас не решусь...

– Выюга, ты что там застряла? – услышала она голос Профессора. – Спускайся быстрее! Ногу вот сюда поставь...

Она опомнилась, взглянула – и увидела открытую плиту, такую же, как наверху. Профессор выглядывал из отверстия, торопил. И она послушно перенесла ногу, ут-

вердила на порожке, потом переместила основной вес – и скользнула туда, за плиту. А за ней Петя, потом Павел, Настя и Олег.

– Дверь, дверь закройте! – беспокоился Вожатый.

Олег задвинул плиту. Они находились в коротком, в несколько шагов, коридоре, где не было никакого освещения – только слабый свет, шедший от Вожатого.

– Сюда, ко мне идите, – звал тот. – Кучней встаньте, чтобы я мог всех накрыть.

– А что, разве здесь нельзя открыто ходить?

– Нельзя. После второго уровня нигде нельзя. Тесней, тесней! Да, и глаза прикройте – сейчас очень светло будет.

Петя не поверил – ну, не может здесь быть очень светло! Он уже усвоил: ГЛУБЬ – это где темно и тесно, безвыходно и беспросветно. А потому глаза не закрыл, а лишь чуть прищурил. И был за это наказан: когда Вожатый открыл следующую дверь, в лицо Пете ударил яркий, будто солнечный свет – ослепнуть можно. Он сразу зажмурился и лицо руками закрыл. И остальные зажмурились, но постепенно стали глаза открывать. И тогда различили, что свет не такой уж яркий, никак не солнечный – просто нормальный электрический свет. К тому же он не был ровным, он пульсировал, то замирая, то вновь разгораясь, словно у лампочки, настигнутой инфарктом. И когда свет разгорался, виден был довольно чистый, выкрашенный голубой краской коридор с каталками вдоль стен, столом дежурной сестры в одном конце и диваном – в другом. И стали слышны голоса, доносившиеся из-за ближней двери.

– Крути, Ваня, крути, е**** тебя в три конца! – звучал чей-то командный голос с отчётливым кавказским оттенком. – И ты, Василь Иванович, крути, и ты, Алевтина, нажимай! Крепче нажимай, крепче, мне весь свет нужен!

– Да жму я, Ираклий Багратионович, из последних сил жму! – отзывался звонкий женский голос.

И другой, командный, голос представителя грубого пола поддакивал:

– Мы крутим, крутим! Но не хватает сил! Ещё бы пару человек надо! Почему заранее резерв не подготовили? Надо было подготовить!

Невольно – интересно же, что там такого происходит! – Враг потянулся к двери, из-за которой доносились эти призывы и отзывы. И Настя потянулась, и потянули за собой Вожатого, а стало быть, и остальных.

Перед ними открылась комната, сияющая белизной, двухсотсвечовые лампы над столом, Ираклий Багратионович со скальпелем, склонившийся над недужным телом, другой хирург – видимо, помощник, – по другую сторону стола, две сестры по бокам, одна с зажимом наготове, другая регулировала подачу кислорода. А у стены – две динамо-машины рядком, и ещё какой-то аппарат, похожий на швейную машину с ножным приводом. Одно динамо приводил в движение пожилой, седовласый, в пижаме, опиравшийся на костыли Василий Иванович. Другое – молодой, черноволосый Иван, в корсете. А швейную машинку (и никакая это не машинка, такое же динамо, только с ножным приводом) крутила молодая симпатичная девица Алевтина с повязкой на глазах. Было заметно, что все трое устали до предела. Пожилой крутанул ручку из последних сил – и привалился к колесу, ища в нём опоры, хватая ртом воздух. И молодой застыл, схватился за спину. Одна Алевтина всё нажимала

на педаль, но её слабенький крутящий момент явно не обеспечивал потребности операционной. Свет быстро мерк – сумерки, закат, пора звезды зажигать.

– Да что ж это такое?! – вскричал Иракий. – Я же сейчас сосуд упущу! Больной сейчас умрёт! Позовите кого-нибудь! Из очереди позовите! А лучше солярки ещё возьмите! Я знаю, у Дундукова ещё бидон солярки есть в НЗ, возьмите!

– Не успеем, Иракий Багратионович! – отозвалась одна из сестер. – Пока добежим, позовём или пока склад отопрём – умрёт!

– Виктор, тогда ты крути, – приказал Иракий. – Я один справлюсь.

Молодой хирург бросил свой инструмент, шагнул к динамо-машине, отодвинул Василия Ивановича, и завертел ручку с удвоенной энергией. Лампы вновь вспыхнули, день вернулся. Только облачный был день, пасмурный – сил одного Виктора явно не хватало.

Нет, этого Враг не мог вынести! Сбросил с себя плащ Вожатого, прошагал ко второй машине и занял место черноволосого Ивана. И как только он начал крутить ручку, лампы сразу ожили, тучи рассеялись, операционное поле осветилось до мельчайших подробностей, Иракий, не теряя времени, склонился над этим полем, сделал разрез и скомандовал старшей сестре:

– Зажим!

И, в сторону, помощнику:

– Виктор, шить надо!

– Сейчас! – отозвался тот.

Бросил свою ручку, вернулся к столу. Свет вновь померк. Тут уж Павел шагнул вперёд и занял место Виктора. Иракий, видевший все эти перемещения лишь краем глаза, отреагировал так:

– Вовремя вы, ребята! Очень вовремя! Вы откуда – из шестой палаты? Вас Дормонтов послал?

– Он самый! – отозвался Враг и подмигнул Павлу. Но тот и сам понимал ситуацию.

А вот Василий Иванович пока не понимал, но стремился вникнуть. Он сразу отметил необычную одежду новых помощников, странные мешки у них за плечами. А главное – тот факт, что появились они буквально из воздуха. Из ниоткуда появились! Тут Василий Иванович взгляделся в это ниоткуда – и вдруг увидел чьи-то тапочки, тоже необычные. Торчали тапочки, а рядом носок ботинка выглядывал. И тогда Василию Ивановичу, человеку бдительному, всё стало ясно.

– Это проникновение! – закричал он. – Вражеское проникновение! Держи их!

Выкрикнул – и тут же сообразил, что у него одного не хватит сил справиться с целой шайкой врагов. Ведь они тут развернули какой-то центр переброски, секретные ворота новейшей технологии. Это оттуда, из ворот, тапочки торчат, и там наготове целая банда головорезов. А эти двое, с ранцами, разведчики, глаза отводят, а ведь у них в ранцах наверняка ПЗРК, АЗЛК, яд в пакетах и полоний в ампулах. И как только он, Василий, проявит доблесть патриотизма, как тут же ему и конец придёт. А ему, он это ясно чувствовал, ещё рано было о конце думать. Он ещё впол-

не мог послужить Родине и себе на пользу. А какой из этого следовал вывод в данной ситуации? Вывод мог быть только один: надо срочно бежать и звать на помощь.

И Василий Иванович крепче сжал свои костыли и, не говоря больше ни слова, поскакал к двери, и за дверь, в коридор, и оттуда донесся его призывный крик:

– Аркадий! Анатолий! Охрана! Куда все подевались, е** вашу мать?! Сюда скорей!

Тут уж Ираклий Багратионович был вынужден оторваться от операции (да уж он почти и закончил, Витя может зашить). Взглянул на Врага с Павлом, которые продолжали крутить ручки, на мерцающий столб воздуха посреди операционной, скрывавший людей, и тоже, как и Василий Иванович, сделал из увиденного вывода. Только другие.

– Хватит, ребята, довольно, уже помогли! – сказал он. – Иван, за дело! Крути сильней, Виктору Петровичу шунт зашить надо. А вы все, сколько вас там, за мной давайте. Сюда скоро вся охрана набегит. Пошли, пошли, не стойте!

И, не дожидаясь, когда они выполнят его команду, выглянул в коридор. Там пока было пусто. Но слева, с той стороны, где помещалась дежурная сестра со своим столом, уже доносились возбуждённые голоса, среди которых выделялся командный голос бдительного Василия Ивановича, и шаги нескольких человек. Справа тоже доносился какой-то гул, но Ираклий Багратионович этого гула не испугался и повернул направо, и вся группа за ним. Но под плащом Вожатого, в тесноте быстро идти не получалось, и они начали отставать. Врач заметил, обернулся.

– Да скиньте вы этот ваш экран! – призвал. – Бегом надо! Всё равно они уже знают! И потом, мимо очереди так не пройти!

Вожатый послушался, его плащ погас, и вся группа открылась для чужих глаз – как заяц, выскочивший из леса прямо под хищный нос охотника, как град Китеж, всплывший посреди Светозар-озера да так там и застрявший. Увидев их всех разом, доктор Ираклий изумился ещё сильнее, чем в операционной, когда разглядел Врага с Павлом. Изумился, а ещё испытал чувство, похожее на чувство солдата, поднявшегося в атаку (в его случае – на защиту), и будь что будет. В конце концов, если спросят (обязательно спросят!), он уважаемый человек, самого Платона Платоновича оперировал, а если и это не поможет, он скажет, что его заставили, угрожали, он смерти боялся. Однако репетировать смертельный страх, а также выражать изумление было некогда, и он воскликнул:

– Бегом! Бегом давай!

И ринулся в конец коридора и дальше, за поворот. Петя, опережая Вожатого, опережая всех, кинулся за ним, и первым увидел то, что скрывалось за поворотом. Там, занимая всё пространство, от стены до стены, змеилась очередь. Люди стояли плотно, не цепочка, а колонна, не разберёшь, кто за кем, спрашивать надо. Здесь были ветераны жилых этажей в наскоро отстиранных («к врачу же иду!») платьях и рубашках, недужные воины с первого уровня, ищущие нужного специалиста, были и какие-то люди, одетые прилично – откуда только такие взялись?

Первоначальный план доктора Ираклия состоял в том, чтобы, опираясь на свой немалый авторитет, убедить очередь принять этих странных пришельцев в свой состав – тут одного, там другого, рассредоточить и таким образом спрятать. Но едва

он открыл рот, едва произнёс первые три слова, как в ответ раздался дружный гул возмущения. Очередь не была готова поступиться своими правами, никого не хотела пропускать (всю жизнь мы их пропускаем!), стояла крепко, как стена, и авторитет доктора Ираклия отскакивал от этой стены, как горох от бронежилета.

Стало ясно, что план надо менять. Нужен был (и срочно нужен!) план «Б», требовалось место, куда не могли проникнуть ни Василий Иванович, ни охрана.

Ираклий Багратионович развернулся, произнёс на своём гортанно-певучем наречии нечто резкое, и повёл путешественников в другой коридор. А там свернул ещё раз, открыл дверь одной из палат и пропустил людей внутрь.

Внутри было нечто вроде прихожей (здесь дверь в душ, здесь – в туалет), а дальше открывалась сама палата – большая, на шесть коек. С пяти коек на вошедших глянули внимательные, много видевшие (а лучше бы такое не видеть), усталые глаза. С шестой никто не глянул: её обитатель так и остался лежать, накрывшись с головой.

А вошедшие никого не видели. Едва переступив порог, они уставились на стены этой удивительной палаты. Как можно было разглядывать людей, когда здесь было такое?

Ярче и красочней других была расписана левая стена. В центре размещались три птицы с человеческими головами, с диковинным оперением – у одной оно было алое, у другой зеленое, а у третьей нежно-голубое. Птицы сидели на соснах, что росли на берегу реки. По реке плыл плот, и люди стояли на плоту. На другой стене сосны исчезали, уступив место небывалым, ни в каком атласе не помещённым растениям – то ли деревьям, то ли гигантским травам. И животные там бродили небывалые, и люди необычные. Впрочем, эта длинная стена, прямо напротив двери, была расписана не до конца: ближе к правому краю встречались не занятые росписью куски унылого больничного цвета. А правая стена, у которой лежал нелюбознательный (а может, тяжело больной) обитатель, накрытый с головой, осталась почти нетронутой: там значилось только дерево со странными золотыми плодами, да мальчик под деревом лежал, задрал голову в небо – и всё. Не закончена была роспись, а жаль – ведь даже в незавершенном виде она производила неизгладимое впечатление. Путешественники смотрели на неё, забыв обо всем. И не сразу услышали то, что говорил доктор Ираклий.

– Кондратий Серафимович, – обратился доктор к кому-то из обитателей палаты (пока неясно было, к кому), – пусть пока эти мои помощники у тебя побудут, ладно? Просто побудут, чтобы к ним там не приставали. Я скоро за ними вернусь.

– Вижу, Багратионыч, помощников у тебя до х***, – отозвался густой голос с койки, стоявшей у левой стены – той самой, лучше других расписанной. – Ну пусть побудут. Побеседуем.

Доктор, сбросивший с плеч тяжкий груз, тут же рванулся назад, к двери, и исчез за ней. И тут случилось неожиданное. Такое же движение – назад, к двери – сделал и Вожатый. Ничего никому не говоря, шагнул из палаты назад, в прихожую, и дальше собрался шагать. Но тут снова прозвучал авторитетный голос Кондратия Серафимовича:

– Георгий, да это, никак, ты?! И куда ты опять собрался? Нет, погоди, погоди! Ребята, придержите-ка его, нам побеседовать надо.

Четверо в пижамах – все, кроме Кондратия и накрытого одеялом – вскочили, вцепились в Вожатого и преградили ему путь. Эти недружественные действия вызвали ответную реакцию: Враг, а за ним Павел с Олегом оторвались от созерцания чудесной росписи, вмешались в конфликт и потребовали от больных сдать назад и возобновить лечение. Прозвучали угрозы, за ними вот-вот могли последовать действия. И тут Вещун Перунович, которого пациент Кондратий почему-то назвал Георгием, произнёс:

– Ну хорошо, хорошо! Тут я, никуда не уйду. Не надо держать.

И повернулся к Кондратию. Тот откинул одеяло, сел на койке, и тогда стало понятно, почему он сам не принял участия в задержании: обе ноги у него были отрезаны выше колена, одни обрубки торчали. Для левого обрубка был предусмотрен протез – хороший такой протез, сверкающий хромом и никелем, стоял возле кровати. А правая нога почему-то осталась необхожденной. Лицо у Кондратия тоже пострадало: было иссечено шрамами, рот кривой, и правый глаз плохо открывался, словно обладатель этого глаза на всё смотрел прищурившись.

Кондратий Серафимович сноровисто, одним движением нырнул ногой в хром и никель, подхватил стоявшие рядом костыли и в два шага подступил к Вожатому. Всего оглядел: и малозначительный правый глаз, и сверкающий левый, и зубы, и щеки, и лиловый плащ. Покачал головой:

– Подлатали тебя, Георгий, знатно подлатали! Терминатор стал, а не человек! А знаешь, тебе так лучше. Как человек ты был полное дерьмо, а так – ничего, прилично выглядишь. Это кто же так над тобой постарался?

– Это учёные, Кондратий, – отозвался Вожатый. – С пятого уровня учёные, целая группа. Моисей Соломонович, и Косолапов, и Шмидт, и другие. Они ведь меня всего израненного взяли, почти неживого, и...

– Ты про свои ранения молчи, падла, молчи, б**** протухлая, – не дал ему закончить речь Кондратий. – А то могут подумать, что ты их в честном бою получил. А я знаю, где ты свои раны получил, мне рассказывали. Я ведь твоей автобиографией все эти годы интересовался. Знал, что ты выжил, что сюда попал. Но здесь как-то сгинул, никто не знал, как тебя найти. И я уже стал думать, что не найду, не спрошу спросу, не намотаю твои кишки на штык. И вот всё-таки довелось.

Он всё так же стоял, упершись взглядом в глаза Вожатого, только теперь взгляд был не изучающий, а передающий – ненависть он передавал, застарелую ненависть.

– Израненного тебя, говоришь, взяли? А почему не говоришь, где ты эти раны получил? Может, ты их там, на Дону получил? Или под Царицыном? Нет, там ты целенький был, гладкий, как первоклассница. А досталось тебе, и хорошо досталось, в Якутске, где вы с другими такими же шакалами алмазные хранилища делили. А потом уже здесь, у Главного входа, когда его стали закрывать, и тысячи людей наверху под ядерным грибом оставляли – и гражданских, и военных. Вот от военных ты и получил тогда по полной. Снова ты оставил солдат умирать, как там, на Дону. Оставил их гнить заживо, блевать выпавшими зубами. Ах ты падла! Да что я с тобой разговариваю? В шахту тебя, гниду, в говне утопить! Бери его, ребята!

И вновь рванулись к Вожатому восемь пар крепких мужских рук – и вновь столк-

нулись с сопротивлением, которое теперь оказали не только Враг с Павлом и Олегом, но и Профессор, и Петя, и женская часть отряда. А девочка Вера своим пионерским голоском произнесла:

– Не троньте дядю, он нам ночлег устроил! И вообще хороший!

Тут и Настя включилась:

– Вы тут приговор вынесли и уже казнить собрались, а в чём, собственно, вы его обвиняете? Я так и не поняла. И кто вы такой, что берёте право такие приговоры выносить?

Человек на костылях повернулся к ней. Что ж, Настя была готова к тому, что последует. Готова к потоку ругани, оскорблений, самой грязной грязи. Однако Кондратий Серафимович не спешил с вербальным ударом. Он изучал нового противника. Вгляделся в Настю, перевёл взгляд на Вьюгу, Таню, Веру, Петра, на мужиков. Он всегда так поступал. Это было для него так же естественно, как косолопать при ходьбе, дышать с присвистом (искривление носоглотки, ничего не поделасшь) и всем прочим напиткам предпочитать... нет, не угадали – стакан родниковой воды. Никогда Кондратий Буйнов не спешил принимать решение. Не спешил исполнить приказ, сперва не подумав. Никогда не поднимал своих солдат в атаку, не обеспечив огневую поддержку и не прикинув, где они залягут после первого броска. А уж как на него орали при таких задержках, чем грозили, каких матюгов насылали! А он всё равно не спешил. Если бы вёл себя хоть немного иначе, был чуть покладистей, давно бы уже ходил в больших чинах. А может, и нет, может, напротив, давно бы кормил телесно могильных червей, а духовно общался с покойными родителями. Потому что даже самым шустрым холуям, самым хитрожопым шустрякам, вроде этого Зимовца, не всегда удаётся унавозить поле победы чужими телами и выскочить из-под огня с приятной начальству вестью в зубах.

Кто он такой, спросила эта горячая штучка, шлюшка-финтифлюшка; повидал он таких в штабах, хотя эта чем-то отличалась, да, отличалась. Что ж, я готов ответить, я всегда готов, мне нечего стыдиться. Я был и есть Кондратий Буйнов, участник пяти войн (а если Сирию вспомнить, то и шести). Тогда, в марте 24-го, я командовал 3-м усиленным батальоном отдельной механизированной БТГ, мы занимали позицию под Чиром, от Дона до высоты 216.5. С юга на нас напирали суровые, закаленные в боях с Кавказом кубанцы, а за Доном копили силы такие же суровые запорожцы. И те, и другие (а ещё «Освободительная армия», и регионалы, и ещё какие-то, я их толком не знал) стремились на север, к Москве, где власть на глазах слабела, за полгода три раза сменилась. Власть шаталась, и каждый атаман стремился урвать свой мешок зипунов – или хотя бы рукав. Но я, Буйнов, стоял твёрдо, и мои парни стояли, а слева от меня, дальше к Котельниково, так же твёрдо стоял майор Зимовец со своим полком.

Так мы стояли весь февраль, и март уже к концу подходил, но тут вдруг пришла весть, что запорожцы смогли-таки переправиться через реку выше по течению и уже завтра будут здесь и вместе с кубанцами возьмут мой батальон, и полк, да и всю армию в клещи. Возьмут, и растерзают, п***** нам всем здесь придёт. Штаб дивизии куда-то исчез, генерал пропал, а в эфире, меж командирами частей, поднялся крик, что да, кругом полный п*****, и выхода нет. Между тем он, Буйнов, чувствовал, что

выход есть. Надо было сменить позицию, создать круговую оборону, и стоять крепко, беречь снаряды. Тогда кубанцы плюнули бы и ушли к Царицыну, запорожцы, скорее всего, подались бы на север, и был шанс сберечь свои непутёвые головы.

И так бы всё и вышло – он твёрдо знал, что выйдет, если бы не Зимовец. Он внезапно бросил свой полк, и на последнем вертолёте улетел куда-то в тыл. Полк его рассыпался, кто сдаваться пошёл, кто в одиночку спасаться, – и круговая оборона стала невозможна. Тогда и батальон самого Кондратия Буйнова тоже бы погиб бесславно, но он нашёл ещё один, самый последний выход. Собрав бойцов, он повёл их через минные поля (мы же сами их и выкладывали) на юг, на кубанцев. Он правильно рассчитал, что те не ожидают такого напора, не выдержат удара, пропустят. И правильно рассчитал: батальон вырвался из петли и кружным путём добрался до того же Царицына. Большая часть бойцов добралась – только он, Буйнов, об этом уже не знал. Потому что минное поле – не тропа над рекой, с девушкой гулять. Уже на последних метрах, на самом выходе рванула под ногами капитана Кондратия проклятая жестянка. Правую ногу сразу оторвало, левая в клочья, и в голову осколок попал, кровь ручьём, как из кабана, и сознание угасло. И остался бы Кондратий на том поле, если бы не бойцы. Вынесли они своего капитана с того поля, и донесли до ближайшего фельдшера, потом до врача, а ещё позже – до госпиталя. И не только спасли, но и прославили имя Кондратия Буйнова, сделав его символом Второй Гражданской.

– А я с тех пор только об одном мечтал – встретиться с этой гнидой, с этим шакалом и заставить его собственное говно жрать, – закончил Кондратий Серафимович свой монолог. – Вот кто я такой, и вот в чём я его обвиняю. Скажешь, не за дело? Скажешь, он не заслужил? И не пытайтесь его защитить – только себе неприятности наживёте, а зачем? Вы не смотрите, что нас здесь немного: стоит мне только свистнуть, и на помощь весь первый уровень сбежится.

Однако Настя не собиралась сдаваться.

– Спасибо, что всё объяснили, – сказала. – После ваших слов я согласна: майор Зимовец, наверное, заслужил... может, даже смерть заслужил. Но ведь Зимовца больше нет. Перед вами совсем другой человек! У него не только внешность изменилась – он внутренне совсем другой стал, и цели у него новые. Теперь это Вожатый, Вещун Перунович Вожатый, и если бы вы знали, какой это прекрасный человек! Как он нам здесь помог! Так кому вы собираетесь мстить, кого наказывать?

Кондратий Буйнов слушал эту речь с интересом.

– Вот так полтина, за коня деньги, – сказал. – Семь вёрст до небес, и все лесом. Это каким же образом Зимовец стал Вожатым, и какие такие у него новые цели? А главное – кто вы такие? Ну-ка, девка, давай, рассказывай. Всё с самого начала излагай. Может, твоя история даже поинтересней моей будет. А там мы и решим, кто чего заслужил. Кого в шахту бросать, кого на шестой доставить, для пытливого дознания. Рассказывай, не стесняйся.

Настя запнулась на мгновение. Не её была эта история – она встряла в неё сбоку, случайно, и задерживаться не собиралась. И в ГЛУБЬ лезть не хотела, была против – кого хотите, спросите, все подтвердят. Пусть Вьюга рассказывает, она руководитель, она тут за всё отвечает. Или Враг, или Профессор, или... Но не в её характере было

отступать перед вызовом, тем более перед угрозами. И она набрала в грудь побольше воздуха – и начала излагать с самого начала. Сначала плот, потом лёд, и дверца, и хромой с автоматом, и незнакомец в плаще, с разными глазами, его объяснения, их споры. А потом... Она и не заметила, когда, в какой момент в её рассказ вступили остальные – сначала Враг, потом Профессор, и так все по очереди. Всё рассказали, вплоть до генератора, который они дружно крутили.

Кондратий Буйнов слушал, не перебивая. Несколько вопросов задал, когда что-то было непонятно – и всё. И его соратники, усевшись на койках, слушали. И даже шестой больной, до того лежавший, как в берлоге, убрал с головы одеяло, повернулся к рассказчикам, слушал с интересом. Он оказался значительно моложе остальных – совсем ещё мальчик, лет семнадцать, наверное.

Капитан Буйнов дослушал до конца, помолчал с минуту, покрутил головой, а затем произнёс:

– Вот так история, похожая на сказку! Просто «Таинственный остров» какой-то. И знаете, что я вам скажу? Как раз потому, что ваша история такая невероятная, я вам, пожалуй, поверю. Когда человек сочиняет – он что-нибудь жизненное сочиняет, что всем знакомо. А у вас всё криво, косо, одно с другим не связано – но стоит, не падает. Приходится верить. Так, значит, Зимовец теперь – не подлец, а Вещун и герой, призванный вывести вас из ГЛУБи, чтобы вы могли рассказать миру правду?

– Ну да, – сказала Настя.

– Ну нет, – сказала Вьюга.

– Понимаете, тут... – начал Профессор.

Но капитан их не слушал.

– Получается, из ГЛУБи можно выйти в любой момент, и ничего с тобой не случится? – размышлял он. – И эти, с верхних – тьфу, б****, привык так выражаться! – с нижних уровней держат нас здесь просто потому, что за свою жопу опасаются? Что ж, похоже на то, очень похоже. А если так, не должен я вам препятствовать. И даже не столько ради правды, которую вы то ли донесёте, то ли нет, и не ради вас самих, здоровых лбов, а ради вот этой козявки и пацана.

Никто не спросил – и так было ясно, кого имеет в виду.

– А вас отпустить – значит, и вещего Зимовца в живых оставить, не наказанного и не прощёного, – продолжал Кондратий. – И не просто отпустить, а помочь с нашего уровня выбраться. Потому как на вас охота идёт, и без моей помощи вам не обойтись. Что ж, пускай так! Пускай!

Он обернулся к одному из сидевших на койках.

– Слушай приказ, Сашок. Отведёшь их всех к служебной лестнице. Часовым скажешь, что я велел пропустить. Моим именем, понятно?

Сашок вскочил, готовый выполнить приказание, но капитан его остановил.

– Постой! Я вам помогу, но с одним условием. Пусть мы все тут останемся – такая у нас судьба. Но вот его надо отсюда вывести. Он тут совсем лишний.

И капитан указал на шестого больного, который раньше лежал, накрывшись, а теперь слушал в оба уха.

– Я вас отпущу, и помогу, если вы Андрюху с собой возьмёте. Помирает он здесь, Андрюха. Доктора не знают, от чего его лечить – вроде все органы в порядке, а жизнь уходит. А между тем Андрюха – замечательный художник. Просто замечательный! Это он здесь всё разрисовал, его творчество.

Капитан указал на стены палаты, и все снова на них устались.

– Сначала, когда его со второго уровня доставили, он рисовал – вон как рисовал, – продолжал Буйнов. – А потом у него силы стали иссякать. И когда до своей собственной койки дошёл, совсем иссякли. В последний месяц Андрюха вовсе не встаёт и не ест почти ничего. Тошно ему здесь. Как я понимаю, ему надо иметь какую-то перспективу, двигаться куда-то. Вот почему я хочу, чтобы вы его с собой взяли.

Тут он повернулся к лежащему.

– Ты ведь хочешь с ними идти, а, Андрюха?

Тот вскочил, отбросив одеяло, и тогда стало видно, какой он худой – кожа да кости. Встал возле койки, уцепившись за спинку, открыл рот:

– Хочу! Очень хочу!

– Вот, – сказал капитан, снова развернувшись к путешественникам. – Вот моё условие. Берёте Андрюху?

– Куда ж мы денемся? – ответил Враг. – Да я бы и без условия взял.

9

В то утро (хотя какое уж тут утро, полдень скоро; но это для служивых полдень, а у творцов свой жизненный цикл) Аркадий Иннокентьевич проснулся в каком-то смутном, кисельном настроении. Между тем все сотрудники 6-й студии (больше того – практически все обитатели четвёртого уровня) знали, что Аркадий Орлянский не терпит ничего смутного и туманного. Все знали, что Орлянский – человек стали и огня, всегда полон творческой энергии, замыслов и воли. Да, именно в такой последовательности: сначала энергия, потом замыслы и воля. А ещё дерзновение. Вот его девиз! Пожалуй, надо бы распорядиться, чтобы его где-нибудь в студии на видном месте начертали. Да и здесь, на квартире тоже можно разместить. Надо будет Анжеле сказать, пусть сделают. А ещё надо бы договориться с Димой Ярославским, чтобы поучаствовать в его передаче. Да, поучаствовать в настоящем, без дураков философском шоу, которое смотрят и на седьмом, и даже на восьмом. Потому что эти его утренние размышления – они вполне являют собой жизненную философию. Можно и брошюрку какую-нибудь выпустить, чтобы можно было в руки взять, полистать. На восьмом некоторые ценят (не все, но некоторые точно ценят), чтобы труд был в печатном виде.

Это была воодушевляющая, зовущая вперёд мысль, и настроение поднялось. Орлянский сбросил одеяло, сел на кровати. Мельком глянул направо: там торчала из-под одеяла прекрасная голая рука, разметались по подушке чёрные волосы. Да, хороша, чёрт возьми! Потому он её уже две недели держит. И это он, Аркадий Орлянский, известный своим непостоянством, бешеным темпераментом, неотразимостью! Можно сказать, что это любовь. Да, когда получается – ну, когда всё получается, – это определённо любовь. Но получается, к сожалению, через раз. Вот и

в эту ночь – почти, ну почти получилось, но в решающий момент... Как это несправедливо, как низко, что ни великий талант, ни глубокий ум, ни жизненный опыт не гарантируют успеха в таком мелком, пустяшном деле! И это была (он сознавал) одна из причин утреннего смутного настроения. Нынче вечером, прежде чем начинать любовные игры, надо сделать дорожку подлиннее. Да, не хера экономить, запас ещё есть. Дорожку проложить подлиннее, не пить (стопку коньяка – и всё), а главное – не спешить. Спешка всё убивает. Может, следующим сюжетом сделать вот этот? Драма творца, мыслителя, который на склоне лет внезапно встретил настоящее, подлинное чувство, но счастью мешает такая подлая мелочь, как... Такой откровенный, можно сказать, исповедальный сюжет. Конечно, все сразу станут шушукаться, на всех этажах станут шушукаться, обсуждать – но это ведь хорошо! Это и нужно для успеха, чтобы обсуждали! Что ж, над этим надо подумать, надо подумать... И скорее подумать. Потому что подлинной, глубинной причиной плохого настроения (он это понимал) была даже не постыдная неудача с Ириной, а этот е***** простой, творческий кризис, длящийся... да уж почти месяц, считай, он никак не может ничего нового придумать, никакой новый проект начать.

Да, вот она, подлинная причина – что работа стоит. Ведь вокруг неё, работы, уже сорок лет строится вся его жизнь, как город вокруг нового завода. Что снимать? С кем? Все сюжеты истасканы, все исполнители, даже самые известные, приелись. Даже его шедевр, знаменитые «Измайловы», не вызывают прежнего восторга. А у некоторых (например, у Ростислава Богдановича – Орлянскому передавали его мнение) вызывают даже рвотный рефлекс. Потому что уже шестой сезон пошёл, сколько можно? На одних повторях, пусть даже удачных, рейтинг не сделаешь. Или, скажем, на втором сделаешь, пипил любую жвачку слопает, а вот на седьмом, тем более на восьмом публика избалованная, она морщиться будет. В том и проклятие его профессии – любимой профессии, лучшей из всех! – что здесь нельзя стоять, нужно постоянно идти вперёд. Это как в сказке про Алису – чтобы удержаться на месте, надо бежать. Чтобы сохранить место в раю, с роскошной кроватью, девицей в кровати, коньяком, живительным порошком и всем прочим, надо постоянно доказывать свою нужность и даже незаменимость. Постоянно удивлять. Вот она, настоящая проблема.

Аркадий Иннокентьевич встал и, как был, голышом отправился в ванную. О горячей воде ему беспокоиться не приходилось – вон он, полный бак кипятка висит. Лишь бы давление в сети было. Он повернул кран, отсвечивающий благородной бронзой, и убедился, что вода течет. Давление, правда, х*****, напор слабый, но всё равно мыться можно. Я же говорю – место в раю. Он включил душ, отрегулировал температуру и вступил на ребристый, приятный для ног коврик. Хорошо! Вот оно, наслаждение, одно из тех удовольствий, которые делают жизнь такой желанной. Не плохо бы сделать мини-сериал на эту тему: о мудром, опытном, но ещё полном сил руководителе, при этом философе в душе, который умеет ценить маленькие радости жизни. Горячий душ, кофе, сигара, любовь... Роскошные интерьеры в квартире и в офисе, цветы в кадках (да, представьте, у него растут настоящие цветы, не какой-то винил, он добился), коньяк... Каждая из этих радостей блестит и сверкает, как бриллиант, на скучном холсте жизни. А собранные вместе, они образуют узор, который можно назвать счастьем. Мудрый, но полный сил герой сериала решает важные проблемы, вершит судьбы, но при этом не забывает насладиться этими бриллианта-

ми. Причём особую сладость его наслаждению придаст сознание, что эти мелкие радости предназначены не для всех. Нет, не для всех, а только для настоящих творцов, для талантливых работников. Герой очень мудро и тонко излагает эту философию жизни своему юному другу... Хотя нет, юного друга не надо, могут не так понять, а на шестом, тем более на восьмом этого не приветствуют. Пусть будет столь же опытный, но менее удачливый ровесник. А ещё – он излагает это новой подруге, трепетной, наивной простушке-пастушке. Открывает ей глаза на окружающее, а она так и млеет... Да, такую вещь можно сделать!

Аркадий Иннокентьевич внезапно ощутил воодушевление. Да, вот он, сюжет, над ним можно хоть сейчас начать работу. Конечно, это будет фильм не для всех. Совершенно точный адрес аудитории – три элитных уровня. Да, там такое могут оценить. Дрыгин точно оценит, и Погибелов, и Тряпицын. Может быть, даже Максим Эдуардович посмотрит, скажет слово одобрения. А уж такие люди, как Метелица, подобное зрелище вообще на ура примут.

Душ перестал доставлять удовольствие, он его уже не замечал. Он уже думал о сюжете, о распределении ролей, об интерьерах, примерных сроках съёмки. Главного героя, мудрого, но полного сил, он, конечно, сыграет сам. О, как он его сыграет! А остальных?

И тут с новой силой встали проблемы, которые, вместе с отсутствием свежей идеи, уже месяц вгоняли его в застой. Кого снимать? Вот на эту самую роль простушки-пастушки – кого поставить? Самой юной простушке, какая есть в его распоряжении, уже за пятьдесят, и никакой грим тут не поможет. Конечно, имеется Ирина, она молода, красива, но какая же из неё простушка? Из неё такая же простушка, как из легендарного капитана Буйнова балерина. И кто напишет сюжет? Он, Орлянский, блестящий актёр, лучший во всей ГЛУБи, а также прекрасный постановщик, но все эти диалоги, подтексты – не его стезя, это надо признать. А после того как Бориса, его лучшего сочинителя, увели на шестой (слишком острый был на язык, то одно словечко обронит, то другое, а внимательные люди всё подбирают, кладут в папочку-корзиночку, полную корзину этого говна набрали) – после этого уже полгода в распоряжении Орлянского не было ни одного талантливого человека, способного написать трогающий сердце диалог. Тем более монолог. Это на всей работе сказывалось, даже на «Измайловых». Вот с этим – что делать?

Аркадий Иннокентьевич покинул душевую кабину, накинул халат и направился в кабинет. Надо было зафиксировать пришедшие только что мысли, а то потом забудешь. Подошёл к столу, взял свой любимый «паркер» – и тут заметил мерцающий огонёк на пульте. Кто-то его домогался, кому-то он был нужен. Что ж, Орлянский всем нужен. Кто это там у нас? Охрана? Почему охрана? Ладно, послушаем... Он вдавил клавишу, и услышал сиплый голос начальника охраны Гены Менделеева:

– Аркадий Иннокентьевич, здравия желаю! Тут какие-то посторонние явились, вас требуют.

– Какие посторонние? – сонным голосом произнёс Орлянский.

Голос был сонный, а внутри всё напряглось. Что за люди? А вдруг, если... Неужели всё, как с Борисом? Кто-то накапал, настроил (Коршунов, Пильщик, Зверюгина – любой из коллег может) – и вот, готово дело. Но ведь он же ничего такого не позво-

лял, никогда, ни намёка! Наоборот – он всегда был «за», всегда одобрял, они ещё не постановили, а он уже одобрял... «Но ведь это ничего не решает, ты же понимаешь, – тут же сказал ему какой-то глухой, совсем внутренний голос. – Если пришла твоя очередь – никакое «за» ничего не решает...»

– Что за люди? – всё тем же безмятежным тоном произнёс Аркадий Иннокентьевич (а сам сдерживал противную дрожь). – Чего хотят?

– Посторонние в количестве девяти человек, – докладывал Менделеев. – При них двое детей. Говорят, что посланы к вам с поручением. Чуть ли не с восьмого уровня. И даже имена называют... очень уважаемых людей называют. Какое будет ваше распоряжение?

Орлянский вздохнул с облегчением, будто камень с плеч сбросил. Это же совсем другое дело! Известие было странное, но явно не то, чего он боялся.

– Ладно, веди их в студию, – сказал. – Я сейчас.

И пошёл выбирать костюм. Вообще-то было правильно отвести неизвестных в приёмную и оставить там ждать. Потому что он ещё и кофе не пил, не говоря о завтраке и утренней медитации. Просители должны ждать. Но если они и правда с восьмого или, допустим, с шестого – тогда обычные правила не действовали.

Спустя полчаса (ну, может, чуть больше), одетый во всё чёрное, с небрежно уложенной причёской, почти без грима, Аркадий Иннокентьевич вошёл в студию. Здесь на стульях, на кушетках, даже в его режиссёрском кресле расположились посторонние; в углу были свалены их мешки. Орлянский только взглянул на незнакомцев – и сразу остатки сна слетели с его вежд и ланит, и с чего там ещё они слетают. Потому что новые посетители были люди не от мира сего. Они были словно персонажи какой-то ленты, и не простой, а снятой кем-то из великих. Словно тут сидели Бондарчук, и Самойлова, и Бельмондо, и тот замечательный актёр, чьё имя он взял себе для отчества (имя Аркадий ему просто так нравилось; сам же он по паспорту был Коля Чикун). А один, с разными глазами, был вылитый Фантомас. Да кто же они такие?

– Здравствуйте, здравствуйте, – пропел Аркадий Иннокентьевич. – Мне доложили, что вы хотите...

– Добрый день, Аркадий Иннокентьевич! – ответил Фантомас. – Простите, что вас побеспокоили, но дело в том, что...

Дело в том, что на четвёртый уровень, объяснил он им, пока спускались, попасть не так трудно: позвонил и вошёл. Но там тебя встретит охрана, и не такая, как на первом или втором, а мордатая, свирепая, ценящая своё охранное место. Тут мылом не смажешь, гондоном не откупишься. И под плащом не получится пройти – их стало слишком много. Вместе с Андреем никак не поместятся. Так что он, Вожатый, не знает, как им быть, и чувствует себя вдвойне виноватым – и за это возникшее препятствие, и за то, что скрывал своё прошлое, – в общем, за всё, за всё. Он был не похож на себя там, на лестнице, из правого глаза текли слёзы, и вся энергия куда-то делась.

Тогда-то у Врага и родилась эта идея – представиться бродячей трупной. Какой-какой трупной? – поднял его на смех Профессор. Тут тебе не Бремен, прочие вольные города, не скоморохи с вагантами – тут жизнь по талонам, свет по воскресеньям и шахта под боком. Тут не место скрипачам, танцорам и лицедеям, тут не прокатит.

Олег этот троллинг, конечно, поддержал, и Вьюга глядела скептически, так что Враг был готов сдать позиции. Но тут Вожатый вдруг вспомнил слышанные им рассказы о некоторых обычаях Уважаемых Руководителей с восьмого уровня. Рассказывали, что некоторые Уважаемые (например, Выродова, Лазорко и даже Максим Эдуардович) заводили в хозяйстве этикие творческие группы (певцы, музыканты, артисты, прочая шушера), чтобы создавали нужный культурный продукт. Не где-то за тридевять бетонных ступеней продукт, а здесь, под боком, и не для всех, а для них лично. И чтобы он, Уважаемый, мог устроить такой вечер, вроде салона, пригласить других Уважаемых (вроде как друзей), а также какого-нибудь мыслителя с седьмого, и усладить их данным продуктом.

– Стало быть, крепостной театр? – уточнил Профессор.

– Иногда и театр. Но чаще группа создавала небольшой фильм. Потому что на экране Уважаемым как-то привычней. Когда перед тобой люди что-то представляют – в этом, согласитесь, есть нечто искусственное, условное. А на экране всё как в жизни.

– Но если фильм – тогда там должен быть и сценарист, и режиссёр, и оператор?

– Конечно, конечно.

Так сложилась легенда.

– Дело в том, что мы работали на восьмом, – объяснял Вожатый. – Снимали ленты по заказу разных уважаемых людей. Из последних наших работ могу назвать «Архангельских казаков», «Стальное сердце»...

Он задумался, вспоминая.

– Вы ещё забыли «Сестры Карамазовы», – подсказала Настя.

– Ну да, ну да! Выдвигаемся на передок! Извините, это у меня такая режиссёрская присказка, нечаянно вырвалось. В общем, мы там работали, но тут от Вождя пришло распоряжении вести режим экономии, посторонних с восьмого убрать. Ну, и нас послали сюда. А поскольку мы все много о вас слышали...

– Максим Эдуардович часто вас упоминал, – вставил Враг.

– ...То мы решили обратиться прямо к вам. А теперь я хочу вам представить нашу труппу. Тут у нас есть оператор, он же осветитель...

Кивок в сторону Врага.

– Есть замечательный художник, есть танцор. А также группа артистов – например...

– Вижу, вижу... – пропел Аркадий Иннокентьевич, не сводя глаз с Насти.

Туфту ему лепил Фантомас, макароны вешал, ясное дело. Не так всё обстояло, он это ясно чувствовал. И даже догадывался, в чём был п****ж: никакая там не экономия вышла, а просто они Максиму Эдуардовичу надоели. Или чем-то не угодили. Такое бывает... и часто бывает. Такова природа человеческого существа: если есть в нём хоть что-то живое, какая-то искра, то оно (существо) никогда не может ни на чём остановиться. Говорите, от добра добра не ищут? Ещё как ищут! И сегодня Руководитель (а бывает, и сам Вождь) смотрит на тебя с восторгом, поражённый твоим талантом, как бы даже снизу вверх смотрит (а ведь сам-то он великан! армии двигает! судьбы решает!), а завтра у него где-то засвербит – и он уже видит в тебе обычного таракана. И уже стыдится своих прежних восторгов и знаков внимания.

Да надоели вы Руководителю, и он вас прогнал. Теперь новых будет набирать, и в ходе этого набора такая резня начнётся – только берегись. Только он, Орлянский, в этой резне-грызне участвовать не будет. Была у него такая возможность – попасть на восьмой и не раз была, но он всякий раз уклонялся. Потому что умён Аркадий Иннокентьевич, бывший Коля Чикун, и знает: большое видится на расстоянии.

Значит, прогнал вас Максим Эдуардович (а может, Ростислав Богданович). Он прогнал, а я подберу, привечу. Потому что вижу, что товар стоящий. Ещё не знаю, какой там у вас осветитель, какой художник, но вот эта, полная жизни, как сад в цвету, и глазками на Орлянского то и дело посверкивает – это настоящая актриса. И другая, суровая, словно сад в снегу, тоже может играть – например, наводчицу на батарею. И мальчик в дело пойдёт, и сам Фантомас с его характерной внешностью.

– А может, у вас и сценарист найдётся? – спросил.

– Конечно! Вот Юрий Алексеевич может написать любой сценарий. А также Павел, у него очень живое воображение. Так что мы готовы приступить к работе. Но сначала хотелось бы познакомиться с коллегами, с традициями, вникнуть...

– Прекрасно! – пропел Аркадий Иннокентьевич. – Считайте, что вы все приняты. Беру всех! Работать начнём прямо сейчас. Репетируем, репетируем! Кто, говорите, у вас осветитель? Пусть даст свет вот сюда, на площадку. А мы с вами... Вас как зовут?

– Настя.

– А мы с вами, милая Настя...

Было совершенно естественно обнять её за талию и так провести к площадке. Тут он смог оценить гибкость этой талии, и прелестное ушко, и губы, обещающие любовь. А взгляд какой! Полный уважения взгляд. Ну, конечно, она знает, кто я такой. Наверняка видела восемь серий «Твердыни», и «Командарм Палица», и «Любовь императора», и другие мои шедевры.

– А я вас помню, – сказала. – Вы Моцарта играли, и князя Мышкина, и даже Христа.

– Вы эти роли помните? – он удивился.

Это было неожиданно. Да, он играл много ролей, за которые другие не брались, не знали, как подступиться. А он брался – и создавал потрясающие образы. Но это было так давно! Как она могла помнить такую древность? Сам он почти забыл эти роли – ведь они были в той, другой жизни. В жизни, которую он не хотел вспоминать.

– Это замечательно, что вы помните, – произнёс он, и улыбнулся, как он один умел (зубы были отличные, нижнюю челюсть недавно закончили). – А сейчас мы с вами сыграем... Кто тут у вас сценарист? Вы? Давайте, присоединяйтесь. Я сейчас буду излагать концепт, вы запишите, а потом на его основе подготовите сценарий. К вечеру чтобы был! И художник пусть останется – мне нужны эскизы интерьера. Остальные все ступайте к Анжеле, это мой администратор, получите талоны. А то обед скоро, не пропустите. А после обеда можете идти, знакомиться с традициями. Хотя на хера нам сдались эти традиции, если мы творцы – верно, милая Настя? Итак, мы с вами сейчас сыграем сцену из нового сериала, над которым мы все будем работать. Смотрите: мой герой...

И Аркадий Иннокентьевич начал излагать замысел, который возник в душе, под тугими, горячими струями, такой же тугой и горячий.

– Да, ему, моему герою, – говорил он, положив руку ей на плечо, – хочется поделиться своими мыслями. А вы – ну, скажем, дочь его давнего друга. Друг погиб во время Уральского мятежа, и мой герой его для вас заменил. Эта часть понятна?

– А ваш герой – он женат?

– Женат? Не знаю. И какое это имеет значение? Слушайте дальше. Мы сейчас будем репетировать сцену... Ага, вот и освещение наладили. Нет, правее, вот сюда. И мне нужно солнце. Мы сидим на веранде в загородном имении моего героя. Сейчас весна, вокруг дома сад в цвету – липа, яблоня...

– Липа в июне цветет.

– Правда? Да какое это имеет значение? Никакого значения не имеет. Значит, мы сидим на веранде. Вечер – мне нужно вечернее освещение, а не эта х****! – и я излагаю тебе то, что надумал за день. Я сейчас буду говорить, что в голову придёт, текст после наложим, вот он к вечеру придумает, – а ты слушаешь. У тебя в этой сцене текста практически не будет – так, пара восклицаний. Тут всё дело в гамме чувств. Мои мысли тебя глубоко волнуют. Ведь твоя героиня – простая, хотя и неглупая девушка. Она хочет понять, как устроен мир, почему и как всё вертится, почему кого-то волнуют соловьи и глубокие чувства (её лично волнуют), а другим это всё пофиг. И в мужчине она ценит не стальной бицепс, не железный член, а прежде всего глубокий ум. И твоя героиня...

Да, он был прав. Её и правда всегда волновали люди глубокого ума. А уж когда ум сочетался браком с сильной волей – перед таким сплавом она точно не могла устоять. Потому и пошла за этим голубоглазым, не знающим страха, готовым идти напролом. Она тоже готова была идти против течения. И пошла, бросила только что возделанный, давший первые ростки бизнес, создала штаб, выпускала листовки, подверглась гонениям и в итоге очутилась вот здесь, на четвёртом уровне, слушала человека, в котором раньше (там, наверху, где ветер и птицы) видела воплощение артистизма. Он и тогда был лучшим, и сейчас на уровне. Она видела, как его герой, мудрый, но ещё крепкий руководитель-философ прямо здесь, на её глазах создаёт целую концепцию, теорию мелких радостей жизни – знакомую, в общем, теорию, ничего нового, но как живо, убеждённо он говорит! Как бы открывает всё заново. Это было жутко увлекательно, хотелось слушать ещё, и она смотрела с восхищением.

Да, девушка Настя, похожая на сад в цвету, смотрела с восхищением, и можно было заключить, что репетиция удалась и проект удался, можно запускать в производство.

– Здесь можно поставить точку, – произнёс Аркадий Иннокентьевич, выходя из образа. – Все свободны. Вы всё успели записать? А вот эту мысль? Лады. К вечеру чтобы синопсис лежал у меня на столе. Всё, можете идти, догонять своих. А вы, милая Настя, не спешите. Нам ещё поработать нужно, наладить общение. Вот сейчас за завтраком и наладим. Да, представьте, я ещё не завтракал. Обещаю настоящий «мокко», икру... Нет, хлеба нет, откуда? Зато есть шоколад. Вставай, пошли. И хватит мяться, изображать простушку, пора выйти из образа. Ведь по жизни ты совсем не простушка, я же вижу. И учти: здесь, в своей студии, я царь и бог, я всё могу. Я могу быть грозен, даже жесток – ведь ты видела, как я играю Нерона? Вот, я и в жизни так могу. Но с тобой я не буду жесток, с тобой я буду нежен, обещаю.

Нет, я не видела, как ты выглядишь в роли Нерона, но могу представить. Ведь ты – пластилин, даже скорее ртуть, ты способен принять любое обличье, и не только обличье – ты можешь менять оболочки души, блоки характера. Ты словно нейросеть, словно приложение без базовой программы. К чему приложение? А ты сам не знаешь. Тебе, в общем-то, не нужны партнёры: ты и Отелло, и Яго, и Гамлет, и Клавдий, и Дездемона с Офелией в придачу. На тебя нельзя положиться ни в чём, ты предашь в любую минуту и тут же забудешь, как предал и кого. Ты страшный человек, настоящий демон, с тобой нельзя сблизиться, никаких завтраков (я хорошо представляю, что это будет за завтрак). Но когда ещё представится такая возможность – пообщаться с сотрудником ада? С Протеем? Ведь жутко же интересно! И потом – икра, кофе...

– А икра у вас, конечно, красная?

– Обижаетесь, престель моя. Зачем нам красная? А хамон любишь? Вижу, что любишь. Зачем ты этот свой мешок берёшь? Пусть здесь лежит, никто не тронет. Здесь, в моей студии, никто ничего не тронет, здесь у меня порядок – вот какой порядок! Потому что с охраной я всегда – Нерон и царь Иван. Нет, это только здесь. В левом крыле, у Пильщика, у Зверюгиной, свои порядки, там у меня власти нет. Тем более на других этажах. Всё-таки хочешь взять? А может, и правильно. Там ведь всякие твои женские прибабасы, пригодятся. И потом, тебе ведь надо где-то разместиться. Вот у меня и постелишь свой коврик, у меня и постелишь...

– Скажите, а кого было труднее играть – Мышкина или Нерона?

– Интересный вопрос! Давно мне таких вопросов не задавали. Сейчас я тебе всё расскажу...

10

Это вы, значит, бродячая труппа? Кто так назвал? Да Аркадий Иннокентьевич и назвал. Он о вас звонил, сказал насчёт талонов. Вот, держите. Раз, два, три... Да, я знаю, что четверо задержались, репетируют. Придут, получат. У меня ничего не пропадает, не беспокойтесь. Весь первый этаж знает, что у Анжелы не пропадает, я ничего не зажимаю, не то что другие. А ваши комнаты я вам потом покажу, когда из столовой вернётесь. А вы что будете снимать, «Измайловых» или «Случайную любовь»? Новый проект? Интересненько... Вы только Катьке Мортире об этом не говорите, а то глаза выцарапает, в шахту столкнет. Какая такая Катька? Это наша главная звезда, Катя Звездопадова, все главные роли играет. Она давно мечтает с Аркадием Иннокентьевичем на пару в каком-нибудь новом проекте сыграть. Сыграть главную роль в таком проекте, чтобы на восьмом заметили и её туда пригласили. Так что держите рот на замке, нос по ветру, уши на макушке, и бегите скорей в тошниловку. Сегодня мясо дают, вроде антрекота, хлеб и огурец, только что из теплиц. А вы как думали, у нас не хило живут. У нас – это в 6-й студии. Потому что мы снимаем всё самое лучшее. В основном, конечно, драмы, но можем и весёленькое что-то, и трагедию. Мы выше жанров, мы можем всё, потому что Орлянский – единственный, у кого фантазия работает. Вообще-то, скажу вам по секрету, здесь у всех с выдумкой большие проблемы. А у Аркадия Иннокентьевича она пока работает, потому и кушаем мясо с огурцом. Как у других? По-разному. Гене Коршунову тоже удаётся питание обеспечить, у них мясо почти каждый день. Гена, чтобы вы знали, любовь снимает,

у него студия «Жди меня». У Светы Зверюгиной, в студии «Подвиг разведчика», – ну, там всё про войну, борьбу с вредителями, всё такое – у них в основном рыбный рацион. Откуда рыба? Понятное дело, из холодильника. Говорят, под всеми уровнями, в самой глубине, огромные холодильники, забитые всякой всячиной. А вы правда на восьмом жили? И как там кормят? Нет, я понимаю, что секрет, не хотите говорить, и не надо. Но, может, потом, на ушко шепнёте? Потому что жутко интересно узнать, как люди живут. Нет, я сама не мечтаю, куда мне. А ведь когда-то... да что об этом говорить. Да, я ещё о Жене Пильщике не сказала. У Жени 1-я студия, соединила бывшие ВДВ, БТР и ТЛЕН. Снимают всё такое историческое, про Древнюю Русь, а ещё ужасы, экранизацию классики, кошмары... Так у них народ ест настоящие отбросы, почти как на втором уровне. Нет, я на втором не была, Господь миловал. А вы что, были? Ну, вы, я смотрю, такие вездесущие... Интересненько... Только я вам знаете что скажу? Вы бы лучше без таких откровенностей. Откровенный – значит, открытый, а в открытое место легче бить. У нас, на первом этаже, расправ давно не было, народ более-менее мирный, Катька не в счёт, или там Коля Подчинённый, а на втором этаже надо держать рот на замке, нос по ветру, хотя я это уже говорила, а то с говном сожрут. Нет, на втором не охрана, там царство муз и граций. Скрипачи, трубачи, певцы, танцоры, всё такое. Опасное место, то и дело расправы. На третьем этаже, у художников, поспокойней. Но где самая бойня, настоящий ад – это на четвёртом. Там живут телеведущие и комментаторы, которых на седьмой не взяли. Их не взяли, вот они и бесятся. Туда вообще лучше нос не совать. А у нас народ ничего, мирный, Хотя, конечно, все отчёты пишут. Причём здесь съёмки? Отчёты не для съёмки, их кураторам пишут с шестого уровня. Ну, кто что сказал, какие настроения. Да, и я пишу, а что делать. И о вас придётся написать, никуда не денешься. Ой, что-то я с вами заболталась. Вот уже и ваши идут, значит, съёмка кончилась. Значит, все вместе пойдёте за антрекотом. Нет, рыгаловка общая, только столы разные. Вы у раздатчика спросите, где наша студия сидит. И охрана на всём этаже общая, а на втором – на втором своя, им наши худруки не указ. Только зачем вам всё это? Мы на другие этажи не ходим, нам своего хватает. И смотрите, в столовой не задерживайтесь, Иннокентьич не любит, когда кого-то на месте нет. Вы осторожней с ним: он только с виду гладкий.

– Ты что такой мрачный? Роль царя Ирода репетируешь или композицию для Аркадия Иннокентьича сочиняешь?

– Ничего я не мрачный; просто...

– А, понимаю. Зря я это сказал, что она с ним завтракать пошла. Ляпнул сдуру, а человек в расстройстве.

– Может, перестанешь паясничать?

– Нет, погоди.

Враг остановился, пропуская остальных. И Павел тоже встал, хотя его никто не держал. Стоял, ждал, хотя ноздри уже уловили доносившийся из близкого эдема райский аромат. Наверное, ему было важно услышать что-то, что...

– В этом деле чужому совету цена копейка, но я всё же скажу. Если любишь, должен верить. А если не веришь, если никак нельзя верить, то тут или рвать, или соглашаться. Есть такие, что мирятся, живут дальше. И он мирится, и она. Но это не твой

репертуар. Тогда надо идти на разрыв. А так, как ты – и с Мрачным, и сейчас – последнее дело, как хвост по частям рубить. Да ещё тупым топором.

– Так что же – рвать?

– Мне кажется, пока рано. Маловато данных. Кроме того, на голодный желудок важные решения... Чёрт, какой запах! Пошли скорей, а то коллеги всё сожрут. Как там она говорила? Русь дремучая, Катя Звездючая... Вот она вернётся с этого брекфеста, ты ей в глаза посмотришь, послушаешь...

Увлечённо орудуя вилкой (антрекот, конечно, тут условный, консервы и есть консервы, но горячий, это замечательно, и рис настоящий), Юрий Алексеевич оглядывал зал. Да, сразу видно, что тут собрались артисты. Наверное, прямо со съёмок пришли. Вон мужик в смокинге, а другой в гимнастерке, хотя у обоих на ногах какие-то раздолбанные кеды. Дама в бальном платье и берете, другая – в красной рубаше и кокошнике. Громко разговаривают, машут руками. Но лица почти у всех невесёлые, угрюмые.

– Ну, пошли, и что дальше будем делать? Куда отправимся? Лично я посмотрел бы, как снимают древнюю Русь. Там должно быть прикольно. А потом можно вниз спуститься. Вот Андрею, наверно, будет интересно на третьем этаже, у художников. Ты как, хотел бы поглядеть на коллег, Андрюха?

– Я? Наверно... Хотя мне, в общем, всё равно. То есть мне везде интересно. Главное – чтобы идти. Чтобы всё время что-то новое.

– Да, чтобы всё новое. И чтобы было просторно. Мне что тут нравится, на четвёртом, что у них так светло и просторно.

– Может, ты тогда тут и останешься?

– Нет, конечно! Вы что, шутите?

– Настроения нет шутить, а то я бы устроил сцену юмора. Вы что, опять с винта съехали? Опять экскурсия? Какая, к е**** матери, древняя Русь? Какие художники? Пошли, попили – и топает дальше. Что дальше по программе – учёные? Вот, пошли к учёным. А потом... Что после учёных, а, майор?

– Зачем вы так? Вы же знаете, что я...

– Правда, Олег, зачем ты так?

– Неясно, что ли? Гнуть ему всех нравится, вот зачем. А на остальное ему насрать. В общем, я вношу предложение: бегло осмотреть остальные три студии, потом послушать скрипку с трубой, глянуть на художников...

– Погоди, а как же Настя? И её порция?

– За Настю не беспокойтесь. Я тут останусь, её подожду, и тарелку постерегу.

– Лады. Тогда давай так договоримся: мы этот этаж посмотрим, а потом вас на лестнице подождём. Тут ведь можно на лестнице подождать, Вещун?

– Да, наверное. Наверное, можно.

– Нет, мне не нравится, что мы разделяемся. Настину порцию пусть лучше Таня съест; она ведь свою всю девочке отдала, я видела. А Настя нас догонит.

– Нет-нет, я поела, ты просто не видела. Пусть Паша постережёт, они вместе догонят.

Загрели отодвигаемые стулья, тускло прозвучали по протёртому до дыр линолеуму ботинки и кроссовки, и он остался один. Одиноким сторож остывшего мяса с рисом и вызывающе свежего огурца. А хлеб где? Был же хлеб! Вот, уже нет. Надо быть внимательней.

Он оглянулся искоса, и убедился, что все кринолины, смокинги и кокошники только делают вид, что едят, а сами тоже косятся, следят волчьими глазами за порцией, которая вроде как ничья, и только этот телёнок мешает. Павел выпрямился на стуле, расправил плечи, сделал морду кирпичом, запечатал сургучом. Кто тут телёнок? Жизнь положу за други своя, их огурцы и антрекоты. Но лучше бы она скорей пришла, а то надолго меня так не хватит. «А вдруг она до вечера, – чёрной змеей скользнула мысль, – вдруг до ночи? А вдруг вообще не придёт?» Он весь потом покрылся от этой мысли. «Тогда я вернусь за ней, – ответил твёрдо. – Вернусь и заберу. Вырву её из скользких лап этого...» «А если она не захочет? Если прогонит? Ещё и смеяться будет...» Он снова оглянулся и выяснил, что все гимнастёрки и сюртуки хохочут беззвучно, просто давятся от смеха. «Пусть она вернётся! – взмолился он. – Пусть вернётся скорее, я ни о чём не буду спрашивать, допрашивать, ни в чём подозревать, я только посижу, подожду, пока она поест, буду смотреть влюблёнными глазами, как она ест, а потом мы вместе побежим догонять наших. А то уйдут за дальние леса, за опасные места, где каждый день расправы, а о нас забудут – и что тогда?»

Павел ошибался – мы не ушли за дальние леса. Едва вышли из столовой, повернули за угол, как увидели нанесённую на полу (кажется, фломастером) красную черту. За чертой возвышалась дама в строгом чёрном платье, какие были в моде во времена Александра Освободителя, и в чёрном же берете, на котором крупно было выведено «STOP». Сразу было видно женщину высшего света, полную жизни, Наташу в ожидании бала, Анну в ожидании поезда, только что из реанимации; видно было звезду экрана Катю, по прозвищу Мортира. В руках Наташа, она же Катя, держала метлу. А по бокам от неё, то есть с флангов, возвышались два бойца в камуфляже, в балаклавах и с калашами в руках.

– Враг не пройдёт! – возвестила женщина света. – Победа будет за нами! Сниматься у нас захотели, б**** е*****? Роли наши отнять, мясо скушать, овощ слопать? Х** вам, а не сниматься! А ну, назад! Ещё шаг шагнете – и смерть! В пыль сотрём, в шахту скинем! Враг не пройдёт!

– Тут вы решительно ошибаетесь, мадам, – отвечал Враг. – Мы никоим образом не претендуем на ваши творческие планы, а также на ваш рацион, кроме уже съеденного. Мы промелькнём по вашему этажу, как искромётный метеор – если вы понимаете, о чём я говорю. Промелькнём – и сгинем в бездне, только нас и видели. А ну, пропусти!

И шагнул вперёд, попирая ногой запретную черту. И мы все шагнули, и лица у нас стали, как у зверя с семью головами, и руки, как стальные крылья, так что Мортиру отнесло в сторону, а фигуры в камуфляже вообще исчезли, словно их и не было. И так мы шли, неудержимые, как бойцы капитана Буйнова, шли, попирая все преграды, сами не зная куда, пока не уперлись в конец коридора. С одной стороны здесь была кладовка со швабрами, а с другой – мусорный контейнер.

– Кажется, мы поворот пропустили, – сказал Вожатый. – Надо вернуться.

– Так часто бывает, – заметил Профессор. – Когда идёшь неудержимо, словно ангел с семью головами, развилки не замечаешь.

И они отправились искать пропущенную развилку, а на ней – нужное направление.

Мрак то сгустился по углам, то таял, контингент за столами менялся, кринолины уступили место туникам, смокинги – свитерам, и вместо антрекота выдавали теперь холодец. Час, наверное, прошёл, а может, год. А я всё сидел над давно остывшей порцией калорий, над этой как бы едой, давно превратившейся в символ, и сам я стал уже не Павел, живущий на вершине, с которой открыт спуск в любую сторону, а символ верности и как бы стойкости. Я уже не знал, что мне делать, если она не придёт, не было сил идти ни назад, ни вперёд. И тут – словно свежий ветер пронёсся, морской, сосновый, и влетела она, быстрая, лёгкая, и сразу света в лампах прибавилось.

– А ты ещё здесь? Я так и знала, что ты здесь. Наши давно ушли? Так чего мы сидим, пошли скорей! Обед? Ну-у, нет, это я не буду. Нет, не голодная. Вот огурец, наверно, возьму – и пошли. Что ты так смотришь?

– У тебя майка наизнанку.

– Что?

– Майка наизнанку. Шиворот-навыворот.

– И правда навыворот. Вот дьявол!

Она слегка покраснела – нежный, детский румянец.

– Переодеваться будешь или так пойдёшь?

Она слегка растерялась – лёгкая, детская растерянность. Вот такая – слегка растерянная, не похожая на таран, пробивающий все преграды, – она была особенно хороша. Она была, как город на заре – утопающий в зелени и цветах, чистый город, в котором слышны песни и детский смех, и совсем не слышны голоса злобы и жадности. Полный радости город, который мы все ищем и который нельзя найти, потому что его нет.

– Может, хотя бы анарак наденешь?

– Анарак? Ой, а я его, кажется... Представляешь, я его там забыла.

Он не знал, что ему сказать, что делать. Он стал, как скала. Она была, как радостный город в зелени и цветах, лишь немного чего-то стыдящийся – какого-то пустяка, сущей мелочи. А он был как гранитный истукан, стометровая скала среди пустыни, утеха птиц и скалолазов. Но ведь граниту не больно, когда в него вбивают крючья, верно? А ему было больно – как больно, Господи! Что он тут делает, рядом с этой... этой... Повернуться и уйти, попирая все преграды.

– Паша, прости!

Шагнула вперёд, обвила нежными руками крепкую, словно гранит, давно не мытую шею, прижалась к каменной груди.

– Мне просто ужасно хотелось икры, и масла, и настоящего, крепкого кофе. И ещё хотелось его понять, уловить самую суть... Было интересно, как это всё соединяется. Ну да, пришлось пойти на уступки, кое-что... Но я немного, честное слово, совсем немного! Ты ведь простишь, правда? А когда он стал угрожать, требовать, я его бутылкой шарахнула.

– Чего?

– Нет, правда. Здоровой такой бутылкой от шампанского – и прямо в висок. Бутылка вдребезги, голова в крови... Я думала, я его убила. Но тут он стал кричать, звать охрану, и я убежала. Анарак вот забыла. Слушай, а ведь за нами, наверное, гонятся, ведь он вызвал...

– Пусть гонятся.

Боль отпустила, обруч лопнул. Как он говорил? «Вот она вернётся, ты ей в глаза посмотришь...» А ещё: «Ты должен верить». Я посмотрел в глаза, я решил верить. Обнял тонкий, нежный ствол, полный зелени и листьев и птиц в ветвях, обнял чудесную, гибкую, давно не мытую шею, и губы... да, губы...

– Сыграно! Сыграно! – прогремело вокруг.

И шквал аплодисментов.

Павел оглянулся. Туники, смокинги, гимнастерки, кринолины – все окружили их кольцом, сияли улыбками, аплодировали стоя. Удивительное дело: те, кого он считал шакалами, гиенами, хуже того – бездушными манекенами, радовались вместе с ним, чувствовали вместе, понимали. Оказывается, человека не так легко превратить в манекен; удаётся, но не до конца, не всегда. Где-то там, в самой сердцевине (в кишках, в почках) остаётся что-то живое, и при случае...

– Вы только знаете что? Вы не стойте, бегите. Девушка верно говорит: если он охрану вызвал, то за вами гонятся.

– Гонятся, гонятся! Собак спустили, спецназ вызвали!

– Вон туда бегите, по коридору, а там направо. Ваши все туда пошли, то ли к Гене, то ли к Зверюге. А вы правда с Орлом интимно общались? И как он? Говорят, мощный мужик.

– Я так рада, что у вас всё сложилось, склеилось. А можно, я ваш антрекот утилизирую? Вы же всё равно не будете...

– Почему ты? Почему тебе? Я тебе, б**** старая, утилизирую!

– Постойте, постойте, нельзя же так... Мы все актёры, все право имеем...

И что-то ещё говорилось, что-то продолжалось: кажется, кринолин трещал, а может, гимнастерка рвалась. Но они уже не слышали. Они уже были за дверь, за красной чертой, и арку проскочили, на которой художественно клонились березы, и видна была надпись «Жди меня». За аркой тянулся коридор, в который выходили двери студий. По коридору деловито пробегал, но чаще лениво слонялся телевизионный народ, потягивал сигареты по углам. Но группу не было видно – наверное, далеко ушли.

И вовсе мы были не далеко – тут мы были, за третьим поворотом. Задержались возле одной студии, точнее, возле одной актрисы, что вышла покурить после съёмки.

– Что так смотрите? Что, понравилось? Вижу, что понравилось. Это вы ещё нашу вчерашнюю сцену не видели, объяснение возле сгоревшего поезда – вот там я дала класс, сама потом удивлялась, что на меня нашло. Да, тут вы правы: текст, конечно, убогий, говно, а не текст. Но ведь сейчас никто не может толковый текст написать, всё какая-то лабуда получается. Откуда я знаю, почему? Наверное, жизнь такая, вот почему.

Прикрыв глаза, сделала долгую затяжку, смаковала удовольствие, расслаблялась. Такое внимание незнакомых людей было, конечно, приятно. Давно ничего такого не чувствовала. Сквозь глазок камеры зрителя не разглядишь, сквозь пятьдесят бетонных перекрытий никакие ответные эмоции до тебя не дойдут. А здесь – вот они, зрители, живые, хотя и необычные.

– А вы что – тоже сниматься будете? Как-то мне...

Распахнула глаза, глянула пронзительно – с высоты огромного актёрского опыта, из глубины постигнутой человеческой сути.

– Что вы лепите? Не будете вы сниматься. Вот вы четверо точно не будете. Во всяком случае, не у нас, не про любовь. Потому что любовь... А что ещё имеет смысл играть, кроме любви? Почему на войне? Потому что там острее. Любовь на фоне смерти, под угрозой смерти... Да, немного истаскано, согласна, но ведь до сих пор цепляет. Вот вас же зацепило, верно?

Докурила до конца, до фильтра, щелчком отправила окурков в угол.

– Какая девочка милая! Это чья – ваша? Ну да, вы похожи. У меня тоже такая была. Вероника... Когда сюда зашли, ей исполнилось пять. Это была такая радость, её видеть, такое счастье... Даже не знаю, чего это меня с вами на откровенность потянуло, может, гипноз какой. Да, была девочка, но у неё почти сразу, как устроились здесь, обнаружили острый лейкоз. Она ещё два месяца промучилась, а потом... Нет, ничего, всё уже отболело, хотя с тех пор только работа и держит. Только этим и живу, иначе давно бы... Можно сказать так: живу как во сне, но просыпаться не хочется. Как вы сказали? Уйти?

Она замерла, словно с размаху на стену налетела; смотрела с изумлением.

– Да, наверно, хотела бы. Тут ведь каждый день похож на прежний, всё одно и то же. Нет ни вчера, ни завтра, одно сплошное сегодня, и это ужасно. А у меня ещё тёрки с куратором, с капитаном Потрясиловым. Потому что я отчёты писать забываю. Да не то что забываю: сил у меня нет их писать, не хочу. Так капитан грозит в изолятор посадить, или на второй уровень сослать, я этого не переживу. Но уйти? Как, куда? Искать выход?

Медленно покачала головой.

– Нет, не пойду. Сил нет. Здесь ни у кого нет сил. И зачем вам? Одна обуза. А, вон, глядите: ещё ваши идут. Вон та девушка могла бы играть. Да, она определённо могла бы.

11

У, какой тут мрак царил, какой холод! После полных света студий, где пальмы в кадках, девушки в тубельках, после... (а ещё там, кажется, и горячая вода в душе есть) – после всего этого лестница на пятый уровень производила впечатление... ну, просто конец света какой-то. Толстый слой инея лепился по стенам, по металлической решётке перил; и на ступеньках, на площадках, куда не часто нога ступает, тоже иней лежал.

– Слушайте, Перуныч, а почему здесь так холодно?

– Никто не знает. Научного ответа нет. Вообще-то, согласно расчётам, во всей ГЛУБи должна сохраняться примерно одинаковая температура. Но по неизвестной причине она по мере погружения понижается. Особенно это становится заметно, начиная отсюда, с пятого уровня. На седьмом вообще сибирские холода, пальцы легко отморозить.

– А ниже седьмого? На девятом, ниже девятого?

– Не знаю. Я ниже седьмого не был.

– Может, зайдём на какой-нибудь этаж, погреемся немного? Нельзя же вот так, сразу. Вот это куда дверь, на второй?

– На второй. Видите, гармонь нарисована, значит, второй этаж. Но что мы там будем делать? Там только Павел со своей гитарой может сойти за своего.

– Почему же? У нас ещё Таня есть...

– Пусть так. Но ведь мы этот вопрос вроде уже обсуждали, и вы решили, что...

– Вот именно! Всё уже решили. Пошли, пошли, не хера здесь стоять. Мы не на концерт сюда пришли. Здесь везде примерно одно и то же. А на четвёртом этаже, кроме всего прочего, ещё и опасно. Я правильно говорю, Перунович?

– Да, на четвёртом этаже есть кабинеты кураторов. Они сюда поднимаются с шестого уровня для встреч со своими подопечными. Там нужно быть особенно осторожными.

– Вот именно! А у некоторых тут вообще стрелу заносит, крыша едет. Как тебе такое вообще в голову пришло, эту Наташку с нами звать? Я вообще ушам не поверил, когда это услышал. И ладно бы это вот он позвал, но ты?!

– Я вдруг ясно почувствовала, насколько она несчастна. Пожалела её, понимаешь? Я всё яснее чувствую, что мы правильно сделали, что взяли с собой Веру и Андрея. И ещё больше надо взять – всех надо, кто захочет и сможет. Если и есть смысл в этом нашем погружении, то только вот этот – чтобы как можно больше...

– Тише! Кто-то идёт. Встаньте теснее, я попробую накрыть.

Группа встала сплочённо, как гоплиты перед полчищем персов, и Вожатый раскинул над ними свой плащ. Снизу поднимались трое. Впереди шествовал человек приятной, но при этом непреклонной внешности. Лицо у него было как скала, а глаза – как море у той скалы. Возможно, он был прямой потомок голубоглазых древлян. Синий китель с орденскими нашивками подчеркивал стройность фигуры, форменное пальто хорошего сукна, небрежно брошенное на плечи, указывало на высокое положение владельца. За человеком-скалой следовали двое рядовых с автоматами. Двумя этажами ниже площадки, где застыла группа, идущие остановились. Лязгнув замок, открылась, выпустив клуб тепла, дверь, снова закрылась. Вожатый подождал немного, потом выключил свой плащ.

– Вот вам и куратор, лёгок на помине, – сообщил приглушённым голосом. – Отчёты пошёл принимать, беседы проводить.

– Часто они тут ходят?

– Да весь день. А некоторые и ночью ходят, есть такие любители.

– Слушайте, Перунович, вы ведь нам толком и не объяснили, что там, на нижних

уровнях. Я только понял, что на пятом учёные, а на восьмом – руководители. А на шестом, выходит, кто – следователи?

– Не только следователи. Здесь все, кто хранит Закон и следит за его соблюдением. Закон и Порядок. Полиция, следствие, суд, прокуратура, служба безопасности, законодатели... Самое опасное место во всей ГЛУБи. Я, честно признаться, не знаю, как вас по шестому уровню провести, чтобы вы могли что-то посмотреть, услышать – и чтобы вас самих при этом не услышали.

– Но сами вы ведь там были?

– Был два раза. Но ведь я был один. И то – скользил вдоль стен, словно тень, по углам таился, и всё время под плащом. А здесь – одиннадцать человек! Ума не приложу. Однако хватит вопросов. Идёмте.

Все затихли, запечатали уста сургучом молчания, и тихо, тихо, словно осыпающийся со стен иней, зашелестели вслед за своим проводником. Тихо, тихо, не скрипя, не шаркая, проследовал отряд последние четыре пролёта, свернул вслед за проводником под лестницу, в какой-то тупичок. Здесь, в самом углу, обнаружилась незаметная дверца. Вожатый повозился над ней – и вот, о радость, она открылась, и выпустила нас в дышащий теплом (относительным, конечно, теплом, но всё же, всё же), пахнущий чем-то химическим мрак. Наш вождь закрыл дверь за последним, включил свой неяркий люмос, и открылся уставленный какими-то шкафа́ми, коробками, раскуроченными приборами коридор.

– А здесь спрашивать можно?

– Только тихо.

– Значит, мы уже на пятом?

– Ну да. Давайте встанем, и я всё объясню. Чтобы сразу всем. Вы сюда, пожалуйста, а то другим не видно, а вы сюда. Вот так. Итак, мы находимся на уровне, который в документах именуется «Знание – сила». Здесь живут и трудятся замечательные учёные, люди, которым я обязан своим возвращением к жизни – к новой, осмысленной жизни. Прекрасные, замечательные люди – Лернер Моисей Соломонович, Вергилиус Алексей Анатольевич, Косолапов Борис Николаевич, Шмидт, Пухов, и Катя с Мариной, лаборантки. Я надеюсь, что мы их всех сможем увидеть, побеседовать. Во всяком случае, в прошлом году, когда я заходил сюда в последний раз, все были в здравии. Хотя Моисей Соломонович, надо сказать, сильно сдал, двигался с трудом. Лаборатория моих создателей находится на третьем этаже, и это – основная цель нашего посещения. Но сначала нам придётся пересечь первый этаж, который именуют «Наука передовых рубежей», и второй, производственный.

– А как мы их будем пересекать? Ведь тут, наверно, всё секретное, везде охрана.

– Нет, охрана только на входе и выходе. Но её в любой момент могут вызвать. Понимаете, они здесь все друг у дружки задумки воруют, а своё оберегают. Поэтому на любого постороннего смотрят с подозрением. Так что мы здесь будем передвигаться под моим плащом. Неудобно, конечно, и ноги видно, но что поделаешь. Вот на производственном этаже картина будет совсем другая. Там люди делом заняты: ремонтируют повреждённые генераторы, моторы, насосы – всё на свете ремонтируют. И на посторонних не обращают внимания. Там можно будет открыто идти.

– У меня ещё вопрос. Только не к вам, а вот к нему. Слушай, что это у тебя такое? Я ещё на лестнице заметила, только спросить нельзя было.

– Это? Ну, камера. Только она не работает. Я там по дороге в один павильон заглянул, вижу – она в углу валяется. Я там ещё спросил одного: чего, мол, она валяется? Он сказал, что сломалась, на ремонт будут отправлять. И я её прихватил. Сам не знаю, зачем. Просто рука сама потянулась и взяла. Словно мне кто-то совет такой дал, а я прислушался. Тем более никого рядом не было. А ещё микрофон взял. Вот он, кажется, не сломанный, он работает.

– Ну, ты даёшь! А что ж ты юпитер не прихватил – ты же у нас осветитель?

– Да вот как-то...

– Слушайте, а ведь это то, что нужно! Съёмочная бригада! Журналист с микрофоном, оператор... ну, ещё рядом режиссёр крутится... Нас вроде послали с заданием рассказать о достижениях наших замечательных учёных. Ведь у них тут есть достижения?

– Ну... Кое-что есть. Например, имеется «Установка полной регенерации», или УПОР, в просторечии молодильная камера. Человек ложится в камеру дряхлым стариком, а выходит молодым, полным сил человеком. Ещё есть «Квантовый психостенд», он мозговую ткань омолаживает. Также имеются дистиллятор живой воды, «Аватар-преобразователь»...

– Вы серьёзно? Но это же открытия мирового значения! Тогда о них точно репортажи надо делать! На весь мир о них кричать! Это ведь я не знаю, какого уровня учёные! И что, все эти установки и стенды работают?

– Как вам сказать... Этого никто точно не знает. По телевизору то и дело показывают фильмы, говорящие об открытиях здешних учёных. Да, там показывают, как происходит омоложение. Настоящие чудеса показывают. Парализованные встают, слепые видят, глухие слышат, страдающие от деменции начинают решать уравнения, и всё такое прочее. Отсюда делается вывод, что исследователи с первого этажа – учёные мирового уровня, опередили своё время на... в общем, сильно опередили. Но мои создатели оценивали ситуацию иначе. И Моисей Соломонович, и Косолапов называли своих коллег с первого этажа мошенниками. Не хотели с ними общаться ни под каким видом. Сам я в этом не разбираюсь, так что быть судьёй не могу. Но одно могу сказать определённо: журналистов здешние обитатели любят. Просто обожают, когда их снимают. Так что в идее Леонида есть рациональное зерно.

– Надо же! Я и не думал, что... Но если так, то давайте таким образом. Павел возьмёт камеру, он будет оператором. Ты – журналистом. Ну, а я буду вами руководить – что снимать, кого спрашивать. А остальных Вожатый прикроет, они будут зрителями.

– Нет, я не согласна. Почему одна Настя будет спрашивать? Мне тоже хочется вопрос задать. К тому же у неё майка наизнанку.

– Да, я бы тоже хотел иметь возможность подойти, посмотреть... Под плащом должно находиться трудно.

– Хорошо, пусть по-вашему. Давайте тогда включим зрителей в состав съёмочной группы. Так будет более жизненно. Широкие массы интересуются открытиями наших учёных. Только Вещун под плащом пойдёт – он слишком внимание привлекает,

не сойдёт за широкую массу. Вы мне только имена героев нашего репортажа подскажите. Кто у нас первый на очереди?

...В ослепительно-белом халате и такой же академической шапочке на вьющихся чёрных волосах, лишь слегка тронутых сединой, упругой молодой походкой доктор Павлик вошёл в свой кабинет и сразу же принялся диктовать письмо Максиму Эдуардовичу. У доктора энергетических (а также психологических и общественных) наук Льва Робертовича было много важных дел (гора дел!), но вот это – составление ежемесячного письма-отчёта на имя Руководителя – имело совершенно исключительное значение. От содержания этого письма, от его тона зависело всё – репутация среди руководства, обеспечение... жизнь, в конце концов, зависела. Особенно тут был важен тон послания: ни в какой фразе, даже в одной букве оно не должно было смахивать на просьбу. Нет, это должен быть сугубо деловой разговор равного с равным. Лев Робертович в высокой степени владел искусством составлять послания такого рода. У других так не получалось.

– Параллельно с совершенствованием самой установки УПОР, – диктовал доктор Павлик, – нами была разработана собственная система научных ценностей и учёта эффективности... Оптимизация действий по более чем одной переменной (в нашем случае по ритму сердечных сокращений) позволила...

– После слова «сокращений» скобку не забудь закрыть, – напомнил он, и Зина бестренько откатила каретку назад, нашла нужное место и вбила скобку. Конечно же, она о ней забыла. А Лев Робертович не забыл. Он наизусть, до последней песчинки в глазу знал все пробелы и прорехи своих сотрудников, что они могут, а чего нет. И свои слабости тоже ведал, не забывал о них. Глубокое знание своего предмета исследований, глубочайшее – психологии окружающих (соперничающих, подчинённых, руководящих) – такова были гранитные глыбы, на которых зиждилось стройное здание его научной карьеры. Допускал ли он когда-либо ошибки? Отвечу прямо, искренне отвечу: да, допускал, как каждый человек. Но моментально, с фантастической скоростью осознавал ошибку – и тут же исправлял. Так и только так.

– Возникшие проблемы с поставками расходников успешно решаются, и мы можем заверить, что... – диктовал Лев Робертович.

Машинка бодро постукивала, набивая строчку за строчкой; вот уже и первая страница готова. И Лев Павлик, ещё даже не видя этой страницы, чувствовал, что письмо получается таким, какое нужно; вдумчивое получается письмо, содержательное. Ближе к концу надо будет упомянуть недавний инцидент с Галиной Семёновной, сотрудницей Ростислава Богдановича. Инцидент был неприятный, ничего не скажешь – сразу из установки уважаемую даму пришлось отправить в реанимацию, и там бригада врачей два часа билась над тем, чтобы восстановить сердечную деятельность. Разве такое можно скрыть? Нельзя, конечно, мы и не скрываем, мы всегда готовы напомнить: пользуясь установкой УПОР, человек подвергает себя определённому риску. Сбои здесь весьма возможны. Ведь речь в данном случае идёт о полной перестройке организма, всех его систем. Фактически речь идёт о воскрешении! О бессмертии! Как же тут обойтись без сбоев? И мы это учтём, примем меры, усилим контроль над. Но главные наши усилия по-прежнему будут сосредоточены на основной задаче: чтобы омолаживающий эффект установки был ещё более глубоким,

более длительным, чтобы человек выходил из нашей лаборатории полным сил, бодрости, энергии...

На самом деле? Конечно, я знаю, что происходит на самом деле. Под воздействием крема «Жизнетвор» (рецепт, надо признать, не мой, рецепт давно известный, но я немного усовершенствовал), а также под влиянием анальгетиков, инфракрасного и магнитного излучения, но главным образом – под влиянием моей мощной ауры (может, не ауры, а гипноза, биотоков – дьявол его знает, как это назвать) человек, помещённый в мою установку, испытывает некоторый подъём жизненных сил. Кровь начинает быстрее бежать по жилам, сердечный ритм нормализуется, боли исчезают. И после сорокаминутного сеанса пациент чувствует себя здоровым. И печень его не беспокоит, и голова ясная, и поясница – в общем, омолаживающий эффект налицо. Насколько этот эффект длительный? Тут от человека зависит. От состояния его здоровья, от силы воли, но главным образом – от его душевных качеств, а ещё от внушаемости. Поясню насчёт душевных качеств. Если пациент сохранил в себе обрывки доверчивости, клочки надежды и веры – тогда демоны, пожирающие его плоть, отступают на несколько суток, а то и на неделю. А если человек особенно злобен и жесток – тогда обезболивающий эффект и двух часов не продержится. Тогда требуется повторное общение с чудо-доктором Павликом, натирание кремом «Жизнетвор», наложение рук и прочие пассы. К счастью, не все Уважаемые Руководители являются по своему душевному складу клещами или хорьками. У некоторых (например, у Екатерины Матвеевны, у Дрыгина) омолаживающий эффект длится до пяти-шести дней. И этого вполне достаточно, уверяю вас! Когда человека пять дней не грызёт, не жжёт огнем там, где вечно грызло, он уже склонен думать, что поселившееся в храме его драгоценного тела чудовище сгинуло навсегда (ушло в отпуск, уехало в Ялту, а там, купаясь в шторм, неосмотрительно утонуло) или выбрало другое помещение (одобряем такой выбор!), и теперь он будет вечно ходить гоголем-моголем. Ведь время относительно (может быть, его и вовсе не существует, и то, что мы называем временем, суть последовательность наших представлений), и пять (а тем более восемь) дней спокойной жизни воспринимаются почти как вечность (которой уже точно не существует).

Да, вот так это всё работает. И у других так же – и у Чванова, и у Бесхребетного, и у Жоры Ощепкова. Вы спросите: а причём здесь сама установка УПОР, эта сложная конструкция с экранами, циферблатами и подвижным столом, на который помещают пациента? Какова её роль в создании омолаживающего эффекта? Ответу: её роль та же, как у плаща, цилиндра и галстука-бабочки фокусника. Галстук не участвует в фокусе, он создаёт необходимый имидж. Вот и мой УПОР создаёт у пациента нужное настроение: ожидания чего-то лучшего, надежды, перерыва тусклой повседневности. И в этом смысле все эти мигающие лампочки, экраны и гудящие электромоторы совершенно необходимы для успешного лечения; без них медицинский эффект был бы гораздо слабее или его бы вовсе не было. И на этом основании придурочные корифеи с третьего этажа, все эти Шмидты и Косолаповы объявляют меня мошенником! А сами они кто такие? У них иначе, что ли? И они толком не знают, что там у человека внутри происходит – в сердце, в печени, в кишках, а тем более в мозгу. Ведь шизофрению лечить так и не научились, со всей своей наукой, ха-ха. И лечить не научились, и жить, а теперь и вовсе сгинули, нету их, сами виноваты.

Правда, установка, как вещь технически сложная, создаёт постоянные проблемы. То одно в ней ломается, то другое сбоит. А не должно сбоить! Вовсе не должно! Это какой-нибудь рентгенолог может себе позволить, если вдруг неполадка какая возникнет, взять отвертку и тут же, на глазах пациента, подкрутить усталый винт. Лев Робертович себе такого позволить никак не может. Ведь его УПОР – это не рентген, не МРТ, эти экраны и лампочки олицетворяют собой высшее совершенство, они словно из другого мира явились. Значит, надо держать его в состоянии постоянной готовности. Делать это на всём пятом уровне может только один человек – мастер Василий со второго этажа. А у мастера Василия тонкая душевная организация, у него то депрессия, то запой, и надо умело найти щёлочку между этими состояниями (или как-то запой задержать), чтобы наш доморощенный Кулибин успел довести установку до необходимого блеска. Тут есть проблема, но на то он и академик, на то и Лев, чтобы подобные проблемы решать.

Здесь можно было поставить точку («После слов «обязательство добиться увеличения омолаживающего эффекта» поставь точку»), заставить Зинку перебелить, после самому внимательно всё просмотреть, подписать и отправить, а после расслабиться и горя не знать, но что-то мешало. Что-то мешало хлопнуть стопку коньяка, уйти к себе, повалиться в кресло и смотреть любимое немое кино столетней давности, или диснеевские мультики более поздней эпохи, сладкие до приторности, наслаждаться этой приторностью. Наслаждаться положенными ему, как академику и любимцу Максима Эдуардовича, благами и удовольствиями. Так в чём же помеха? Наверное, в какой-то сущей мелочи?

Да нет, пожалуй, тут не мелочь. Прежде всего, конечно, мешала злобная тварь (крыса, а может, хорёк), с некоторых пор поселившаяся в печени (да, я уверен, что это печень). Разумеется, он уже побывал у всех светил с третьего уровня, всё проверил, что только можно, и всё без результата. Светила третьего уровня дружно уверяли его, что он здоров, как и положено академику и любимцу. Между тем тварь грызла его плоть всё злее, всё упорней, из печени она взбиралась выше, к сердцу, и Лев Робертович ясно чувствовал, что это оно, то самое, чего он всю жизнь боялся, от чего и хотел защититься своей установкой. Только не защищал УПОР от злой твари и не мог защитить, Лев Робертович это знал. Наверное, тут мог бы помочь академик, д. м. н. Пухов с третьего этажа, дружок подлеца Шмидта, и сам Шмидт – как-никак, лучший химик во всей ГЛУБи. И Лев Робертович, пожалуй, мог бы даже переступить через не могу, и просить (молить, просто умолять!) этих двоих о помощи, но ведь их уже нет! Уже с год, считай, как нет. Он же сам то письмо подписывал. Составил, кажется, Гена Бесхребетный, а остальные подписали, шестерёнки закрутились и сожрали всех Шмидтов, Косолаповых и Пуховых. Кого теперь просить?

В этом состояла первая помеха, и в ней было не стыдно признаться – наоборот, следовало сообщать каждому встречному – вдруг кто поможет? А вот вторая причина, мешавшая наслаждаться жизнью, была такого рода, что о ней следовало помалкивать. И он помалкивал. Эта вторая причина...

– Вы просматривать будете? – услышал он якобы нежный голосок.

Ах, вот оно что: пока он стоял, задумавшись, Зинка, оказывается, всё уже допечатала, вбила все исходящие и его регалии не забыла и выложила все три экземпляра

ему на подпись. Просматривать? Конечно, он будет просматривать. Всё должно быть под контролем.

Он вчитался в каждую строчку. В двух местах не хватало запятых, в одном не была закрыта скобка. Но он не заставил всё переделывать, проявил великодушие: сам всё исправил, поставил в конце размашистую роспись, и Зинка ушла запечатывать и отправлять. А он остался стоять возле стола, словно ждал ещё чего-то. Но чего? Да, эта вторая причина. Эта мелкая (ха-ха и ещё раз ха-ха) песчинка, застрявшая в отлаженном механизме его души, неуловимая тварь, грызущая злее самого злого хорька – и ведь никому не расскажешь! Потому что помеха эта – сама жизнь. Здешняя жизнь, то есть. Вот эти стены, потолки, коридоры, кабинеты. Даже спальня, оборудованная полностью по его вкусу и желанию, даже бассейн (считается, что для всего уровня, а на деле почти его личный), даже любимая установка УПОР. А тем более – люди, с которыми ежедневно приходится сталкиваться. Зинка, приставленная к нему шпионка и доносчица, безмозглые, но по-звериному хитрые и завистливые коллеги, придурковатые лаборанты... Но ещё хуже, ещё гаже – его пациенты. Максим Эдуардович, мелкий интриган, мучитель, убийца, мнящий себя мыслителем и крупной фигурой. Погибелов, Выродова, Потрясилов, Подчинённый... А судьи и палачи с шестого уровня? А идеологи с седьмого? Все по-своему опасны: у кого клыки острее, у кого когти, а некоторые умеют плевать ядом.

И даже не в них дело, не в их яде и хитрости! Ведь он сам таков, сам из породы когтистых и клыкастых; сам всю жизнь лез вверх, отпихивая, сталкивая вниз более слабых. Почему же теперь его не радует собственная живучесть, не услаждают плоды победы? Да потому что вдруг стало видно – отсюда, с полукилометровой, что ли, глубины стало видно, что вся эта живучесть – говно, и плоды её – говно в квадрате. Почему я должен радоваться мёртвому свету ламп, мурлыкать от удовольствия в бассейне с тысячу раз засранной и снова очищенной водой? Я с детства мечтал объехать весь мир, все его чудеса оглядеть и на зуб попробовать. Походить по тропам инков в Андах, посидеть в японских пагодах, прокатиться на доске в чудовищных волнах океанского прибоя... Да, и на доске бы прокатился – я быстро учусь, ничего не боюсь, мне всё по плечу. И когда поднялся до самого верха, утвердился при власти, уселся в Академии – тогда казалось, что мечты осуществились и теперь всё у меня будет. Но потом наступил тот проклятый февраль 22-го, а ещё потом произошло то страшное, что долго казалось невыносимым, тот роковой обмен ударами – и мир сжался до размеров ГЛУБи, до габаритов вот этого кабинета. Что бы я только отдал – всё бы отдал! – чтобы снова иметь возможность подставить лицо ветру (рассвет, ласковый ветер с моря, я гуляю по пляжу с бокалом шампанского в руке), посидеть в кафе на Монмартре, послушать настоящую, а не здешнюю придурочную оперу... И жжёт, невыносимо жжёт мысль, что ничего этого уже не будет никогда. Понимаете – н и к о г д а.

Он даже вдруг задумался... Случайно оброненное кем-то словцо, нелепый слух, которому не стоило придавать значения – он и не придал, забыл тотчас. Что якобы в самой глубокой глубине, там, где ледяной холод, смерть, конец всему – там имеется тайный ход, и ведёт этот ход вверх, вверх – до самого выхода, чуть ли не до неба ведёт. И рядом, на пару с этим детским слухом носился другой, ещё более детский – что там, наверху, нет никакого излучения, кончилось давно, что там жизнь и чуть

не рай. Тогда – лет восемь, а может, и двенадцать назад он не придал этим сказкам значения, забыл тотчас. А теперь вдруг вспомнил. И понял (только сейчас понял), что всё бы отдал, чтобы найти этот ход. И через холод, через смерть полез бы? Да, полез. Но ведь это тяжело, невыносимо – девять уровней, пятьдесят этажей наверх лезть! Ничего, я бы выдержал, я упрямый. Но как найти этот ход, как до него добраться? Тут могли бы помочь недоумки с третьего этажа, эти Шмидты и Косолаповы – ведь они, как он слышал, принимали участие в проектировании этого самого хода. Но Шмидтов и Лернеров больше нет, это научный факт. Никого нет, кто мог бы помочь. Остались только Зинка, Погибелов, Потрясиллов, Ощепков, лаборант Аркадий, осталась злобная тварь, засевшая в кишках, и ужасное сознание, что н и ч е г о д р у г о г о у ж е н е б у д е т.

В дверь коротко постучали, и тотчас же (он едва голову успел поднять) дверь распахнулась, и в кабинет вереницей, один за другим вступили незнакомые Льву Робертовичу люди. Впереди шёл высокий, жилистый, обликом напоминавший фавна, а также известного мыслителя Теребякина с седьмого уровня субъект с блокнотом в руках. За ним – чрезвычайно шустрого вида девица той породы, что пролезают в любую щель, почему-то в майке наизнанку, и ещё один рослый молодец, бородатый и самоуверенный, с камерой на плече. А следом за этой троицей втяхивались в кабинет ещё какие-то люди разного возраста и пола, странно одетые, и все почему-то с мешками за спиной. Всё это было настолько неожиданно, так странно, что Лев Робертович даже «Однако...» не успел сказать, даже «Позвольте...» вымолвить. Так что первое слово осталось за остробородым фавном.

– Добрый день! – произнёс остробородый, демонстрируя полный набор зубов. – Вы Лев Робертович, верно? Ну, конечно, тут ошибиться невозможно!

– Совершенно невозможно! – поддержала девица. – О вас все слышали. На всех уровнях следят за вашими открытиями, хотят знать, над чем вы работаете в данный момент, а чего ожидать завтра. Нас прислал Аркадий Иннокентьевич – вы ведь знаете Аркадия Иннокентьевича, не можете не знать – сделать репортаж. Прислал нашу съёмочную группу, а также представителей народных масс, чтобы олицетворяли. У нас к вам сотни вопросов – вы не против?

Разумеется, он был не против – наоборот, он горячо приветствовал. Чёрт возьми, у него уже год, наверно, не брали интервью. Лев Робертович глянул в глазок камеры (пока ещё мёртвый, тусклый, но ведь он сейчас загорится, верно?) и испытал душевный подъём. Прочь унылые мысли, пустые мечтания! Вот она, слава! Вот она, жизнь!

– И что же вас интересует в первую очередь? – спросил он, взглянув на них пытливым взглядом учёного.

И началось то, что он ценил в своей работе больше всего, что ему лучше всего удавалось – демонстрация и объяснение принципов. Загорелись многочисленные экраны, пришёл в движение стол, и Лев Робертович ходил вокруг установки и объяснял, показывал. А следом за ним неотрывно шли бородач с камерой и девица с микрофоном и представители масс чуть в стороне. Девица задавала вопросы, уместные, как на плацу команда «Стройся!», и ожидаемые, словно отрывка после сытного обеда; на лицах представителей присущий невежеству скепсис постепенно уступал место пониманию (интересно, чего?). Всё шло как положено, как вдруг шустроглазая задала

неуместный вопрос об омолаживающем эффекте. В чём, дескать, он выражается? Как уважаемый академик его измеряет? А тут вдруг ещё один из представителей, мыслящий тростник ста, примерно, лет, по виду явный сердечник, а туда же, мешок зачем-то тащит, решил заявить свой интерес. Беднягу интересовало, что за цифры мелькают на одном экране и какие – на втором. Какие это, дескать, единицы – амперы, джоули или, допустим, паскалы? Это был не вопрос, а настоящий вражеский выпад. От него веяло духом тех гонений, которые в давние лихие времена, ещё до ГЛУ-Би, устраивали на Льва Робертовича всякие Разумихины и Базаровы. И никакого спасения от этих гонений не было – только за спиной влиятельного сенатора Труподова, министров Кошкина и Мышкина он тогда смог укрыться. И откуда этот мыслящий сердечник тут взялся? Кто его включил в группу представителей? С этим следовало разобраться. Но разобраться, ясное дело, будут после, и не академик Павлик, а другие люди, кому по службе положено. А сейчас, перед всевидящим глазом камеры, следовало дать надлежащий отпор провокации. Какой отпор? Не на словах отпор (тут Лев Робертович чувствовал слабость, мог запутаться во всех этих ваттах и барах), а на практике. Потому что практика (так Лёва ещё с детства запомнил) – критерий истины. Заодно и неуместный вопрос девицы получил бы нужное противодействие.

– А вот мы сейчас прямо на практике покажем, в чём выражается омолаживающий эффект и как измеряется, – заявил Лев Робертович. – Мы поместим в установку УПОР одного из зрителей, и он сам сможет всё ощутить. Ну, вот, например...

Тут академик замер, словно выбирая пациента. На самом деле он его заранее наметил. Нет, не мыслящего провокатора, конечно, и не статного богатыря, с кислым видом слушавшего объяснения Льва Робертовича (явных недугов у богатыря нет, может никакого эффекта не ощутить), а вот эту строгую девицу командирского вида. У неё, я вижу, и спину ломит, и в женской части печаль, и к тому же недавно потрясение какое-то пережила, душа в смятении. Вот на таких субъектов (не обязательно женщин) моя установка лучше всего действует.

– Например, давайте я вас приглашу. Идёмте, идёмте, не стесняйтесь! Много времени это не займет, мы сделаем укороченный сеанс. Нет, не пять минут, конечно. но в пятнадцать уложимся. Мешок снимем, куртку тоже. Теперь мне нужны ваши запястья, а ещё шея. Сначала наносим крем... Теперь небольшой массаж... Теперь ложимся. Расслабьтесь, не надо так напрягаться. Глаза закроем. Видите, я накладываю электроды... Теперь включаем установку...

...Совершенно дурацкая ситуация! Когда выйдем отсюда, надо будет Лёньке всыпать. Придумал все эти съёмки, теперь неудобно отказываться. Ничего, пятнадцать минут перетерплю. Что это жужжит? Надеюсь, не рентген. Пятнадцать минут рентгена – это, знаешь... Слушай, а почему вдруг такая лёгкость? Приятная усталость и в то же время лёгкость, так бывает, когда переплывёшь реку и сразу обратно. И лежишь на песке с закрытыми глазами, как сейчас, и сознаёшь, что никакой старости нет, дряхлости нет – только зрелость, мудрость. Да, это ведь так понятно: если всегда плыть против течения, всегда идти поперёк, бороться, старость никогда не наступит. Надо будет нашим сказать: плыть по течению – слишком лёгкое занятие. Расслабляет. Приятное, конечно, но слишком лёгкое. Надо плыть против. Что там пели эти Та-

нины птицы? Что-то очень важное. Надо вспомнить... Какая всё-таки Танька молодец, что взяла эту девочку. Как же её зовут? Ах, да, Вера. Хорошее имя. Каждую весну надо заслужить. Надо создать новую весну, новую жизнь, законы этой жизни. А я – я заслужила? Ведь я тогда так и не родила, я... Потому что не хотела. Всё во мне противилось этому ребёнку. А теперь? Теперь хочу. Дура, дура, почему ты так поступаешь с Леонидом? Ведь никого лучше не найдёшь, сама понимаешь. Да, понимаю, теперь всё понимаю. Ведь Тот, над нами, он вовсе не всесильный. Он нуждается в нас, он смотрит на мир нашими глазами, нашими ногами ступает по земле, чувствует то, что чувствуем мы, нашими руками творит что-то новое. Он восхищается, ужасается, страдает вместе с нами. У него нет иного, более совершенного инструмента, чем мы. Он всегда вместе с нами, зависит от нас. Надо будет нашим сказать: в конце, когда выйдем отсюда, будет свет, обязательно. Но кто увидит его первым? Да, надо будет нашим сказать: мы должны забрать всех. Мы для этого...

– Почему вы выключили? Разве уже всё? Пятнадцать минут прошло?

– Нет, не прошло, – ответил Лев Робертович, щёлкая тумблерами и стуча по клавишам. Случалось, такое помогало. – Даже двенадцать не прошло. Видимо, где-то контакт ослабел. Или провод перегорел. Понимаете, в результате интенсивного использования... Сейчас я тут выдвину... Вот, можете вставать. Мне очень жаль, вряд ли вы что-то почувствовали...

– Почему же, я почувствовала, – сказала Вьюга. – Спасибо. Но знаете что? Вы бы принесли гораздо больше пользы там, наверху. И людям, и себе тоже.

– Наверху? Вы имете в виду – на втором, на третьем уровне?

– Нет, на самом верху, на земле. Там, где солнце, ветер. Разве вы не хотите наверх?

Академик Павлик замер. Прямо как статуя застыл. Он совершенно не представлял, что сказать, как себя вести в этой нелепой ситуации. После таких... таких... И остальные все застыли; только девочка Вера взобралась на приступок установки и заглядывала в потухший экран, как в зеркало.

С огромным усилием, провернув десять заржавленных колёс, сдвинув десять железных шкафов, академик вышел из оцепенения, проскрежетал склеенным, заржавленным языком:

– Спасибо за приглашение, но я... Не знаю, что вам показалось, но надо же считаться с реальностью... Я живу реальной жизнью, и мне... И потом – (оцепенение проходило, он говорил всё оживлённей) – как же вы приглашаете наверх, если сами хотите спуститься на второй этаж? Ведь я правильно понял вашего режиссёра, что вы хотите на второй?

– Да, и на второй, и на третий, – подтвердил Враг.

– Ну, вот видите. Хотя зачем вам на третий, там теперь нет никого. Если только Василий вспомогательные цеха устроил. Вот, спуститесь на второй этаж, увидите Василия Теплова – это, скажу я вам, настоящий самородок, мастер на все руки, о нём отдельную передачу нужно делать, – и скажете ему, что у академика Павлика опять авария на установке. Требуется ремонт. Только пусть он никаких клещеруких мастеров не присылает, как в прошлый раз, пусть сам придёт. Это моя к нему настоятельная просьба, так и передайте. А ещё лучше, если вы вместе с ним и вернётесь.

Василий починит УПОР, и я проведу с кем-то из вас уже настоящий, полноценный сеанс. Договорились?

– Конечно, Лев Робертович, – ответил остробородый фавн. – Считайте, что договорились, Лев Робертович. Мы не прощаемся. Так, пошли, все пошли, не отставать, у нас ещё много работы. Где тут лестница на второй?

И они ушли. Академик вдруг почувствовал, что ноги его не держат; нащупал стул и сел. Сидел, пытаясь понять, что же сейчас такого случилось и что в этом было самое странное...

12

– Ты расскажи толком, что ты там чувствовала. Ты ведь сама не своя встала. Может, видения какие были?

– Да, Ник, скажи, что там было? А этого академика зачем с собой звала?

– Да, это главный вопрос! Ты что, опять мухомор сгрызла? Клея нанюхалась? Зачем ты этого долдона с нами звала?

И, всё так же мерно шагая со ступеньки на ступеньку, не оглянувшись ни на кого, не дрогнув никаким лицевым мускулом, она ответила:

– Я там много чего поняла. Потом обязательно расскажу. Просто сейчас времени нет. А звала, потому что поняла: мы должны всех с собой забрать. Не только Веру и Андрея, но всех. И этого академика, и инженера – как он его назвал, Василий, кажется, – и учёных с третьего этажа, и всех с шестого, с седьмого...

– Что вы такое говорите?! – послышался голос незримого Вожатого, и тут же с лёгким щелчком он выключил экран, обрёл видимость. – Только не с шестого! Вы не представляете, что там за люди! Да какие они люди: убийцы, палачи. Даже мои создатели, люди твёрдые, многое пережившие, говорили о тех, с шестого, со страхом. Вот моих создателей – Косолапова, Лернера, Шмидта, всех остальных – их обязательно нужно забрать, обязательно! Это у вас хороший замысел. Только...

Говоривший запнулся, его изумрудный глаз потускнел, почти погас.

– Только этот академик так сказал... Странно так сказал: «Там теперь никого нет». Что это может означать?

– Да что вы так переживаете? Мало ли что этот балабол говорил? Вы что, не видели, что он за человек? Трепло гнилое. Может, он краем уха что-то слышал, а может, просто не хотел, чтобы мы дальше спускались. Ему свою драгоценную установку надо починить, больше его ничто не интересует. Вот он и хотел...

– Тише! Мы уже пришли, видите?

– Вижу. Только зачем здесь «тише»? Здесь кричи, не кричи – никто не услышит. Вот, пожалуйста: «Долой палачей с шестого уровня!» Или: «Свободу узникам совести!» Или: «Пустите козу в огород!» Видите – никто даже не оглянулся.

И кто бы здесь стал оглядываться на кричащего? Кто услышит этот жалкий писк? И кому он интересен? В огромном, как ангар, храме труда, уставленном всевозможными орудиями – сверлильными, дробильными, точильными, волочильными; в храме, где царствует строгая инженерная мысль, свободная от пустых выдумок и эмо-

ций, – кто будет слышать одинокий, ни на чём не основанный голос? Десятки людей труда стояли, склонившись, у станков; другие дышали кислотно-щёлочными испарениями возле гальванических ванн; третьи, рассыпая вокруг искры, сваривали какую-то сложную конструкцию, четвёртые деловито катили по проходам тележки с нужными заготовками; пятые... Над головами вошедших проплыла балка подъёмного крана, неся в своих захватах огромный трансформатор.

– Вы тут можете не надевать свой волшебный плащ, – кричал Враг на ухо Вожатому. – Зачем? Тут Змей Горыныч может ходить, и никто внимания не обратит. Слушайте, а что здесь производят? Какую продукцию?

– В основном здесь не производят, а ремонтируют. Генераторы, компрессоры, трансформаторы. Всё, что с других уровней приносят. Ну, и новое тоже делают.

– Понятно. Ладно, надо найти умельца Василия. Я вот сейчас спрощу...

И он подошёл к ближайшему труженику. Тот выслушал вопрос и махнул рукой, указывая в глубину цеха. Направились туда. Здесь в отгороженном закутке, на стенах которого висели цветные репродукции («Девочка с персиками», весенний Левитан, зимний Кустодиев), сидел на табурете работник неопределённого возраста (глянешь с одной стороны – едва за сорок; зайдёшь с другой – увидишь морщины, усталую кожу щёк, залысину за шестьдесят), кажется, синеглазый. Перед ним распялилось ножками в потолок массивное кресло, зачем-то опутанное проводами. И мастер один из этих проводов менял – перегорел, как видно, провод. Павел, стоявший ближе остальных, не мог оторвать взгляда от рук синеглазого работника. Крепкие, чуткие, тёмные от вьёвшегося в кожу металла, эти руки жили сами по себе, почти не нуждаясь в командах. И как умно, как красиво жили! Сняли с обоих концов провода оплётку, закрепили контакты, заизолировали – и всё это быстро, ловко, без лишних движений.

Заменив провод, мастер перевернул кресло, поставил обычным образом. Тогда на подлокотниках, а также на спинке обнаружились кожаные захваты, в которых провод заканчивались. Один из браслетов оказался изношен – вот-вот порвётся. Мастер покачал головой, крутанулся на своём табурете (тот оказался винтовой), достал из шкафчика новую кожаную петлю и стал её прилаживать, присоединять провод. Было очевидно, что это и есть искомый Василий Теплов. Вьюга смотрела на его деятельность недоуменно: что за кресло? Почему у него провода?

– А я знаю! – вдруг звонко произнесла Вера. – Я такое по телеку видела. Это для шпионов стул, чтобы не ввали, правду говорили.

Люди переглянулись. Враг шагнул вперёд.

– Вы Теплов? Здравствуйте! Мы пришли, чтобы сделать о вас передачу как о передовике и современном Кулибине. А ещё академик Павлик просил, чтобы вы его установку починили.

Не отрываясь от работы, мастер кивнул головой.

– Сломалась, значит? – сказал. – Часто она у него стала ломаться. Ладно, схожу, посмотрю. Но не сейчас, ближе к вечеру. Сейчас работы много. Вон, с шестого системный блок принесли, требуют, чтобы срочно сделал, и ещё должны полиграф доставить, а с ним возни на полдня, не меньше. В общем, работы навалом.

А что ты ещё говорил? Передача? Валяйте, снимайте. Только людей от дела не отвлекайте. Чтоб я не слышал этого: «Сюда встань, туда смотри, вот текст заучи, скажи». Нам тексты некогда учить, у нас своя работа. У вас своя, у шестого своя, а у нас – наша.

Договорил и одновременно кресло из допросной доделал. Развернулся на табурете к столику, на котором стоял уже приготовленный к осмотру системный блок. Снял обе панели, вооружился тестером и погрузился в мир электроники, выискивая в дёбрях плат и соединений крохотную вредную блоху – неисправность.

Вот это было уже похоже на настоящую работу – не то, что с креслом. Что я вам, электрик, что ли, с проводами возиться? Не его это уровень. С каким другим заказчиком он бы и говорить не стал, послал бы куда подальше, и все дела. Но с шестым уровнем, с ОСК, с ГСО не поспоришь. У них своя работа, и с этим надо считаться. Поганая работа, дрянная, но и она, наверное, нужна в общем раскладе.

Это был тот несокрушимый фундамент, та скала, на которой покоилось здание его жизни. Можно сказать, это была его философия. Философская система мастера Теплова исходила из положения, что всё в мире несовершенно, всё нуждается в починке и наладке. Даже новорожденный младенец не может обойтись без помощи персонала: нужно перерезать пуповину, обмыть, наладить дыхание. А уж сколько нужно ремонтировать и отлаживать человека в ходе дальнейшего функционирования, и говорить нечего. Человек – существо скоропортящееся, без диагностики и починки существовать не может. А неживая материя тем более не может.

Существует, правда, такой подход, что со временем от ремонта полностью откажутся, что человек будет пользоваться только новыми, с иголочки, вещами, а всё старое после короткого употребления будет отправляться в утиль. Но Василий Теплов считал такой подход в корне неверным; бездушный был подход, бесчеловечный. Ремонт – основа существования материя, и нечего с этим спорить. Он выражает постоянство бытия, преемственность поколений, единство «вчера» и «сегодня» в жизни каждого из нас. Если бы человека окружали одни лишь новые вещи, то как бы тревожно, неудобно ему было!

Конечно, Василий Фёдорович удивился бы, если бы ему сказали про философию. Он был уверен, что все так думают и на том мир стоит. А у кого нет дела, тот мучается, неприкаянный. Нагляделся я на таких. Да что про чужих говорить – у нас и сын, Григорий, такой был. Учился на инженера (это я убедил), по специальности ни дня не работал, всё мечтал сделаться известным блогером, посты размещал, переписывался сразу с сотней сетевых друзей, но тут грянула Вторая Донецкая, и в последний раз мы его видели уже в автобусе, растерянного, жалкого, хотя и пытался храбриться. Пару месяцев ещё звонил, жаловался на холод, питание, а потом звонки прекратились, тишина, командование тоже не отвечало, а потом позвонил его сослуживец, Игорь, и вот он сообщил... Нет, к командованию у меня особых претензий нет, им не до того, их работа – операции планировать, вести людей в бой, а не похорошки рассылать. Люда после того сообщения слегла, неделю не вставала. А когда встала, была словно в воду опущенная – то тарелку раскокает, то руку на плите обожжет, то ещё чего. И это было понятно: ведь Григорий – это было её главное дело, по сути, единственное. Дело исчезло – и для неё жизнь кончилась. И со мной почти не разговаривала. Так и молчали до самой эвакуации. А там, во время эвакуации, она пропала.

Я-то пропасть никак не мог, ведь я был лучший специалист во всей оборонной отрасли, я был нарасхват, и сейчас нарасхват. А помимо работы – неужели ничего не было? Нет, почему же, могу кое-что вспомнить. Например, как Гришу, ещё маленького, в первый раз на рыбалку с собой брал. Как ему там всё было удивительно. Да, это запомнилось. Ещё помню Центр аэрокосмической подготовки, огромные ангары. Тогда как раз станцию «Мир» запускали, и я принимал непосредственное участие. Да что участие – я же тогда, дуралей, даже заявку подал на включение меня в отряд космонавтов. Да, была такая мечта. Но не вышло ничего из этой мечты: грянула спецоперация, потом Первая Донецкая, Вторая... И стало уже не до полётов. Какие полёты? Смешно даже. Хорошо, что своё дело есть, что меня ценят. Хотя особенно ценить не за что. Ведь сейчас я – как трухлявый дуб; и даже не дуб, а старый пенёк, с виду ещё крепкий, а попробуешь его с места сдвинуть – развалится. И что вам от меня нужно? Какие ещё вопросы?

Василий Фёдорович оторвался от работы, поднял голову. Парень с острой бородкой, который спрашивал его позволения снимать работников цеха, снова стоял рядом. Позади, в некотором отдалении, толпились остальные.

– Я насчёт третьего этажа, – спросил. – Где у вас лестница на третий? Которая к вам ведёт, обрывается, а как ниже пройти, мы не нашли.

– Ей и положено обрываться, потому что у нас не этаж, а цех, – объяснил Теплов. – Продолжение вон в том углу, за токарным отделением. Только зачем вам на третий? Там для вас ничего интересного нет, там вспомогательные службы, склад...

– Как же ничего нет? – возразил остробородый и оглянулся, словно ища поддержки. – Там, мне сказали, должен быть научный блок, лаборатории. Учёные мирового уровня трудятся: Вергилиус, Косолапов... А ещё Моисей Соломонович... И нам бы хотелось...

Мастер Теплов отставил работу в сторону, развернулся к говорившему, взглянул пристально, словно впервые увидел. Разглядел спортивного вида куртку, кроссовки, рюкзак за спиной (зачем рюкзак, если он передачу пришёл делать?).

– Ты от кого это всё слышал? Имена вот эти – от кого?

– Да я уж и не помню. Кто-то в студии говорил. Может, даже сам Аркадий Иннокентьевич. А разве это важно – кто сказал?

– Очень даже важно. Потому что людей этих на третьем этаже уже год как нет. И лабораторий никаких нет. ОСК там спецдействия провёл, по выявлению агентов. И выяснилось, что все, кто там находился, являются врагами, вредителями двойного назначения. А с врагами сам знаешь, как поступают.

– Как ты можешь так говорить о великих учёных, о замечательных людях? – раздался вдруг голос неведомо откуда; словно из-под сводов цеха раздался. – Рота, стройся! Оружие к бою! Так это ты на них сигнал послал? Ты Шмидта с Пуховым погубил?!

И одновременно с этим возгласом, полным ярости, воздух рядом с остробородым режиссёром задрожал, сгустился, и прямо перед Тепловым соткался из воздуха удивительный человек (а может, вовсе не человек) с составным, из частей, лицом, с разными глазами, в фиолетовом плаще. А соткавшись, не стал терять времени на пустые

прения, терять заряд мщения; протянул стальную по силе конечность, схватил Василия Теплова за горло и поднял в воздух, словно бумажку какую; словно листок с текстом сообщения, посланного в своё время следователю Кожемякину, поднял.

– Не я... не так... отпусти... – хрипел мастер и передовик.

– Прекрати, Вещун! – строго приказал режиссёр.

И, как ни странно, разноглазый подчинился. Мастер Теплов был опущен на пол и получил возможность сказать правдивое слово (возможно, последнее) в своё оправдание.

– Это не я... сигнал писал, – Василий Фёдорович всё ещё хрипел. – Это академик... и другие с первого этажа – Бесхребетный, Ощепков. А ещё мыслитель Хлебный с седьмого уровня, и двое врачей с третьего, и какой-то ведущий с четвёртого, имя забыл... А следователь Кожемякин все эти сигналы собрал, кое-что проверил агентурным путём – и всё, дело готово. Ну, а потом уже послал оперативную группу...

– Спецдействия... – прохрипел человек с составным лицом. – Вот, значит, как... И теперь, говоришь, там нет никого? Значит, я больше никогда... никогда...

Мастер Теплов откашлялся, прочистил горло, помятое составным человеком, взглянул на своего обидчика заинтересованно.

– А я о тебе слышал, – сказал он. – Это они тебя из каких-то отходов сложили, чтобы ты служил проводником, если вдруг какие-то люди?... Ведь тебя Вожатый звать?

– Да, так они меня назвали. Только вовсе не из отходов. По жизни я майор с боевой биографией, я...

– Про биографию я тоже слышал. Значит, эти все ребята – это ты их встретил? А передача про передовиков – это всё камуфляж? А по-настоящему вам нужно их увидеть, Пухова с Косолаповым?

– Да, нужно, смерть как нужно, – мрачно выговорил Вожатый. – Только что толку теперь об этом говорить? А ты что выпрашиваешь – материал собираешь, чтобы бежать, доносить? Не надейся, далеко не убежишь. Я тебя...

– Мне далеко не нужно, – сказал мастер Теплов. – И бегать я стар. Чтобы Пухова с Косолаповым, а также Моисея Соломоновича увидеть, далеко бежать не надо. Вот сейчас только...

Василий Теплов выглянул из своего закутка, удостоверился, что поблизости никого нет, после чего дверь закрыл. Подошёл к стенным шкафам, где у него хранились всевозможные инструменты и материалы, возле крайнего шкафа повозился, чем-то щёлкнул – и шкаф вдруг отъехал в сторону. Открылось тесное, похожее на камеру или же на купе помещение, освещённое неяркой лампочкой. Ещё оно походило на колодезь – стены есть, а потолка не видно; может, его и нет вовсе. А сравнение с купе приходило на ум потому, что полки здесь были, как в вагоне – одна над другой, три штуки.

Однако всё это – полки, лампочку, мелкий стол с табуретом – вошедшие разглядели позже. А в первую минуту они видели только людей. Двое сидели за столом (один на табурете, другой на краешке нижней полки), в шахматы играли. Когда мы вошли, оба подняли головы. Помню, меня тогда поразило странное впечатление – одновре-

менно сходства и различия. Они были различны во всём, до мелочей, как север и юг, вода и огонь. Тот, что сидел на табурете, был высок, подтянут, почти лыс, и всё в нём, включая морщины, было устремлено вверх. А человек, примостившийся на полке, походил на гнома – низенький, крепкий, седые волосы копной и морщины поперёк лба. И при этом в них было какое-то коренное сходство. Они были похожи, как льды на полюсах, как закат с рассветом, если время выключить. А ещё они оба были жутко интересные, с ними хотелось поговорить. Идти рядом по тропе (только чтобы рюкзак не слишком давил) и разговаривать обо всём на свете. Может быть, с ними было бы даже интереснее, чем с Настей.

– Вы живы! Вы живы! – послышался полный радости возглас, и Вожатый шагнул вперёд. Игроки едва успели подняться со своих мест, как стальные по силе рычаги сдавили обоих (а гнома так даже приподняли, и доска с фигурами при этом полетела на пол), прижали к крепкой груди, к волшебному плащу.

– А я уже думал, что... Я уже боялся... Борис Николаевич, вы не представляете, как...

– Почему же, представляю, – сдавленным голосом отозвался лысоватый. – Я тоже рад. Мы...

– А ну-ка, отпусти, отпусти, – бодро произнёс низкорослый. – Дай тебя осмотреть, сынку. А ты превосходно выглядишь! Глаза не беспокоят? На правом было бы неплохо катахром прокапать... А сердце как? А колени?

– Всё у меня отлично, Егор Трофимович! Полный порядок! А где остальные? Где Моисей Соломонович, Вергилиус, Шмидт? Где Катя с Мариной?

Улыбки разом погасли, лица потускнели.

– Моисей здесь, – сказал высокий, кивнул головой в сторону нижней полки, на которой лежало что-то, похожее на скомканное одеяло. – А вот Алексея с Максимом нет...

– Не успели они, – подтвердил тот, кого Вожатый назвал Егором Трофимовичем. – Они у Максима в лаборатории были, когда те пришли. Нас троих Василий успел спасти, а их нет. Да и мы каким-то чудом ускреблись. Позволь, а кто это с тобой?

Наступила минута молчания. Затворники во все глаза смотрели на вошедших, старались подметить каждую чёрточку, каждую особенность. Отметили необычную одежду, обувь, рюкзаки, блеск глаз, выразивших интерес, нетерпение, надежду, желание понять – в общем, полный набор, с головой выдававший чужаков.

– Это что же – они оттуда? Из верхнего мира? – высокий от волнения говорил почти шёпотом. – Снаружи?

– Да, всё было, как вы и говорили, – ответил Вожатый. – Я их у Малого Секретного входа встретил. Они сказали, что...

– Но как же они вошли? – недоумевал Егор Трофимович. – Как вы вошли? Ведь ворота всегда заперты!

– Нет, там щелочка была, – объяснила Настя. – Мы нажали посильней – и открылось.

– Мы только на минутку зашли, – добавил Павел. – Чтобы одеться. Понимаете, мы плыли на плоту, сплав совершали, все раздетые, но тут почему-то вдруг наступил

адский холод, и плот вынесло на берег. Вот мы и вошли, чтобы одеться. А потом прибежал парень с автоматом и закрыл.

Секунду или две длилось молчание – слишком много надо было спросить, сказать, оспорить, и всё сразу, и никто не решался начать. Потом Борис Николаевич произнёс:

– И совсем неудивительно, что там была щёлочка. Тут всё такое – криворукое, кривобокое...

– Сталь не той марки, – добавил мастер Теплов. – Половина болтов недокручена.

– Только смерть здесь настоящая, без дураков, – заключил Егор Трофимович. – Простите, а можно вас спросить: какой у вас сейчас год?

– У нас – 2021-й, – ответил Враг.

Обитатели ГЛУБи переглянулись.

– Петля времени, – заключил Косолапов. – Но почему, как? Если предположить, что...

– Погоди, Борис, – перебил Егор Трофимович. – Тут не с прошлым надо разобратся, а с будущим. Так вы надеетесь вернуться? Снова попасть в ваше время?

– Ну да, – сказал Враг. – Вот Вещун Перунович нас заверил, что на девятом уровне есть проход наверх. И мы сможем...

– Сможете вернуться в прежнюю жизнь? Снова плыть на плоту, ловить рыбу, а ГЛУБЬ вспоминать, как страшную сказку? Могу вас заверить: так не будет.

– А как будет?

– Как будет, не знаю, но в прежнюю жизнь вы уже не вернётесь.

– Может, к плоту мы и не вернёмся, но мы всё равно пойдём дальше. Найдём этот проход и по нему...

– Почему же только «мы»? А мы тут что – к полу привинчены? Мы тоже пойдём.

– Мы ведь только этим и живём, – добавил Егор Трофимович. – Все эти месяцы, пока мы сидели в этой камерке, мы жили надеждой, что... В общем, мы надеялись на чудо. Но вот в чём вопрос: как найти этот легендарный проход? Это знает только Моисей, а с ним беда.

– Какая беда? – встревожился Вожатый. – Он ранен?

– Нет, физически Моисей здоров, – объяснил Косолапов. – Только жить не хочет. Это ещё до ареста началось. А когда мы здесь оказались, усилилось. И я, в общем, его понимаю. Какого-то разумного обоснования для того, чтобы длить это существование, придумать нельзя, его нет. А надежду на чудо Моисей утратил. Он уже месяц ничего не ест, мы с трудом уговариваем его проглотить немного воды. В общем, он хочет... сами понимаете. Тут безвыходная ситуация: без него мы не найдём проход, а с ним нельзя идти, потому что он не встаёт и вообще жить не хочет.

В наступившей мрачной тишине (похоронные трубы Шопена, венки от коллектива товарищей) неожиданно раздался голос Вьюги:

– Я знаю, как вернуть ему желание жить. Надо, чтобы он прошёл процедуру на установке УПОР. Я уверена, я знаю – это поможет.

– Какая чушь! – хором произнесли Борис Николаевич и Егор Трофимович.

– Да, это как-то... – Враг покачал головой.

И тут раздался ещё один, уже совсем неожиданный голос. Петя Томилин указал на одеяло, под которым теперь (когда всё объяснили) можно было угадать контуры лежащего человека:

– Он что-то говорит! Вернее, хочет сказать. Я попробую; я по губам могу прочесть.

Он шагнул вперёд, наклонился над полкой. Одеяло сдвинулось, показался острый иудейский нос, косматая семитская шевелюра, чёрная, хотя местами в снегу. Все напряглись, прислушиваясь, но напрасно – даже шелеста не доносилось. Однако Петя сказал: «Я понял, понял». Поднял голову, обернулся и объявил:

– Он говорит: «Надо попробовать».

– Попробовать? А ещё что?

– Больше ничего. Он сказал «Надо попробовать».

Наступил этап жестов; жестов и переглядываний. Борис Николаевич развёл руки. Егор Трофимович воздел их вверх. Враг переглянулся с Вьюгой, она – с Петей. Затем Егор Трофимович заявил:

– Но Павлик ни за что не станет Моисея смотреть. Ни за что!

– Он будет, – заявила Вьюга. – Я знаю, как его уговорить.

– Как ты его уговоришь?

– Как надо, так и уговорю.

– Но вы хотя бы объясните...

Тут раздался шёпот – вроде негромкий, но такой яростный, что все услышали:

– Хватит сопли жевать! Пошли уже! Или мне ползти надо?

– Он говорит! – обрадовался Егор Трофимович. – Моисей, ты говоришь?

– Говорю, говорю! Хватит время терять, говорю!

– Ну, в таком случае, – развёл руками Косолапов, – наверно, нужны носилки...

И четверо носильщиков...

– Носилки – это я сейчас, – заверил мастер Теплов и скрылся за дверью.

– И четверым тут делать нечего, – сказал Враг. – Если человек месяц не ел... Вы ведь долго не ели, правда? Мы с Павлом вдвоём справимся.

Вернулся Теплов с носилками. Вьюга откинула с лежащего одеяло, подхватила его под мышки (пахло от него отвратно, немытым телом и начавшими гнить пролежнями), Таня взялась под бедра, Петя за ноги – и переложили на носилки. Стало ясно, что Враг прав, четверым носильщикам тут делать нечего. Мастер Теплов приоткрыл дверь, выглянул в свою каморку, потом дальше, в цех, и махнул рукой – пошли, путь свободен. За ним двинулись носильщики, за ними Вьюга – человек, владеющий технологией успеха. Юрий Алексеевич уже собирался закрыть за ушедшими дверь, как вдруг Настя спохватилась и кинулась вдогонку.

– Я тоже хочу! Хочу слышать, что она скажет! Интересно же!

И дверь (она же шкаф) закрылась. И как только она закрылась, Олег молча полез наверх, на третью полку, и там лег. На него вдруг сон навалился – обрушился, словно лавина, в которой когда-то мечтала плавать Вьюга, накрыл с головой, словно волна.

Да, я спать хочу, и какое мне дело, что она там скажет, никакого дела нет. Дела нет, получится этого вялого еврея на ноги поставить, или так и будет валяться. Без него проход не найдём? Это ещё как сказать. Если ты мужик, и у тебя есть яйца, и руки, и голова – всё найдёшь. Осточертел весь этот скулёж: «Ах, он не ест, ах, он потерял надежду». Дырку в жопе зашей, тогда ничего не потеряешь. Спать, спать!

Таня взглянула вслед человеку, занявшему верхнюю полку; вслед своему желанному, но такому краткосрочному мужу (как вошёл, так и вышел), вслед тому, о ком...

– Слушай, – сказала она Вере, – а ведь у тебя глазки такие сонные! Можно, мы, – она повернулась к учёным. – на среднюю полку ляжем?

– Конечно, какой разговор, ложитесь, – отозвался Егор Трофимович. – Только вам вдвоём там, наверно, тесно будет...

Вера не слушала, – уже сбросила сандалии и лезла наверх, Таня за ней. Косолапов посмотрел им вслед, сказал:

– Надо же, девочка. Сколько лет уже детей не видел. Как её звать?

– Вера, – отозвался тонкий голосок.

– Надо же, Вера...

Юрий Алексеевич, который до этого держался где-то сзади, в тени, подсел к Косолапову.

– Скажите, Борис Николаевич, а что случилось с дневником, который вёл кто-то из вас? Вещун Перунович рассказывал, что вы вели такой...

– Да, Моисей вёл. Исписал три толстые тетради. Там и научные наблюдения были, и всякие происшествия... что мы узнавали о жизни на других уровнях...И некоторые наши выводы...

– И где теперь этот дневник? Было бы очень интересно взглянуть.

– Где? Там же, где и всё остальное – в шкафах у следователей на шестом. Приобщён к вещественным доказательствам. Ведь он у Максима хранился, в столе. А его первого и взяли. Так что... Но зачем вам дневник, если мы, его создатели, здесь? Мы вам всё расскажем, что вас интересует.

– Это так, конечно, но... Вы же понимаете, что письменная речь не равна устной. Кто-то из писателей – сейчас не вспомню, кто именно, – говорил: «Мои книги умнее меня». Речь говорящего скользит по поверхности, слово пишущего идёт вглубь...

– Простите, а вас как зовут? ...Очень приятно. А вы кто по профессии?

– Я математик, преподаю...

– Так вы коллега!

Тонкогубый рот раздвинулся в улыбке, обнажив уцелевшие зубы.

– Ну, какой я коллега, так, рядовой преподаватель... Но... понимаете, есть ещё такое увлечение – я пытаюсь художественно осмыслить...

– Пишете, стало быть? Что ж, дело почтенное. Хотя для науки вредно. Тут требуется полное сосредоточение усилий на главном направлении, как при наступлении.

– Как вы это формулируете... по-военному...

– А что вы хотите? Мы уже двадцать лет живём в казарме. Армия везде – и сверху,

и снизу. И армия – это ещё не худшее. Вот увидите, что творится на шестом уровне, тогда почувствуете... Смотрите: ваш товарищ, кажется, собрался рисовать...

– Да, он художник. Мы видели его роспись на стенах на третьем уровне.

Андрей выбрал пустой, ничем не занятый участок стены; нашёл кусок мелкой наждачки, зачистил весь участок целиком, ещё раз ветошью протёр. Достал из рюкзака палитру, краски, кисточки, разложил всё, чтобы удобно. И теперь одну из красок смешивал, добивался нужного оттенка. Петя пристроился рядом, следил за каждым движением.

– Так у вас, у вашей группы было какое-то... путешествие, что ли?

– Да, мы задумали сплав. Вероника – ну, вы её видели, она сейчас ушла – задумала доплыть на плоту до Ледовитого океана, представляете? Но едва мы отплыли, стало происходить что-то...

– И что же, в ваше время можно было вот так просто – собрался и поплыл?

– Да, можно. Но... разве это и не ваше время было? Вы же тогда тоже жили.

– А ведь верно, жили. Но как-то это всё... отодвинулось. Трудно вспомнить. А ведь было, было! Строили какие-то планы, боролись с мусорными полигонами, против вырубки парков...

Да, строили планы, это верно. Я всё мечтал дачу расширить, пристроить баньку и соорудить второй сарай. Забор ещё хотел заменить, старую рухлядь сломать и поставить новый, кирпичный. И чтобы поверху везде шла такая кованая решётка с растительным орнаментом. Всё это требовало значительных вложений, и мы с капитаном Пузиком придумали одну схему с утилизацией списанного снаряжения и продуктовых излишков. Деньги только начали поступать, и Лида начала закупать кирпич для ограды и для баньки, но тут грянула спецоперация, священная борьба с нацизмом, родина позвала в бой, и я с радостью отправился в Белгород. В ходе священной борьбы были обещаны значительные выплаты. Ну, и помимо выплат, было общее бодрое ощущение открывающихся больших возможностей. Что позволяло мечтать не только о баньке, но строить более смелые планы. Но потом...

– Смотрите, смотрите! Этот ваш товарищ – Андрей, вы говорите? – он и правда замечательный художник. Какие яркие краски! И какая фантазия! Вот этот олень рядом с девочкой – совершенно необычный!

– Какой же это олень? Это скорее... я бы сказал, что стегозавр. Хотя в чём-то, наверное, и олень...

Внезапно отворилась дверь, и в каморку шагнуло совершенно новое, незнакомое лицо – так что Юрий Алексеевич даже решил, что их убежище открыто и бежать некуда. Вошедший был измождён, худ невероятно, но при этом полон сил. Хрящеватый бушприт был устремлен вперёд, к горизонту, чёрные уголья глаз горели неугасимым огнём, зрели незримое, ноги были готовы шагать и шагать по горам и пустыням, вести народ. Какой-то маленькой детали не хватало, и Юрий Алексеевич догадался – посоха.

– Моисей! – воскликнул, вскакивая, Косолапов. – Это просто невероятно! Всё-таки удалось!

– Удалось, удалось, – отвечал пророк. – Теперь надо...

Было видно, что у него целая речь заготовлена. Но сказать её не дали – сзади напирали, и переднему пришлось сделать шаг в сторону, чтобы пропустить остальных. Показались мастер Теплов, Враг, Вьюга, Настя. А за ними в каморку вошёл академик Лев Робертович – всё в том же ослепительно-белом халате и шапочке. Вот только лицо было иное, не такое, как в лаборатории. Настолько сложная гамма чувств отражалась в этом зеркале, что об этой гамме нужно было писать отдельное исследование. Тут было... нет, не смогу, ну его.

– Так-так-так, – пропел академик. – Значит, всё правда, все живы. Все, так сказать, в строю...

– Да уж, все живы, – проскрипел Борис Николаевич, сверля вошедшего двумя лучами смерти. – Даже не знаю, что на такое...

– А не надо ничего отвечать, – остановил его Моисей Соломонович. – Старые счёты – последнее, чем нам сейчас надо заниматься. Нам надо быстро собраться и идти. Потому что нашего нового участника могут хватиться. Да, пожалуй, уже хватились. Сейчас все задвижки начнут ещё дальше задвигать, караулы удваивать, всех проверять. Так что время не ждёт. Ведь нам ещё три уровня пройти надо.

– Какие ещё три уровня? – удивился академик. – Я полагал, мы начнём подъём прямо отсюда, от Василия...

– Нет, нам нужно спуститься на самое дно, на девятый. Вход там. К тому же нашим друзьям необходимо многое увидеть, пройти через шестой, седьмой, восьмой...

– Как это – через шестой?! – вскричал академик. – Такого уговора не было! Чего там смотреть? Я не самоубийца!

– Успокойся, Павлик. Мы все туда и не пойдём. Мы со стороны будем смотреть, из безопасного места. Словно по телевизору будем смотреть.

– А кто же тогда пойдёт? – спросил Враг. – Кто нам этот телевизор будет показывать?

– Вот он пойдёт, – и Моисей Соломонович указал на Вожатого. – У него есть передатчик. И под плащом его не увидят.

– Да, я уже ходил на шестой, – подтвердил Вожатый. – И всё обошлось. Правда, я был там недолго...

– А что это за безопасное место, о котором ты говоришь? – спросил Косолапов.

– Это самое безопасное место во всей ГЛУБи, – веско отвечал Моисей Соломонович. – Это атомный реактор, который я строил, его рабочая зона.

Окончание следует ■

Mum

рассказы

М

Григорий КАКОВКИН

📍 Москва, Россия –
Тель-Авив, Израиль

Фото: Лев Мелихов

Мне предложили написать о себе «несерьёзно». Вот и пишу несерьёзную прозу: романы и рассказы. Несерьёзные пьесы и сценарии. Снимаю кино и ставлю несерьёзные спектакли. Всё надо делать несерьёзно, легко – это самое трудное.

В трудовой книжке много записей – журналы, газеты московские, ящик телевизионный, студия документальных фильмов в Лиховом переулке и дом в том же переулке – туда меня и привезли с Арбата, из роддома. Несколько недель мучился при Сталине, но потом стал мучиться учёбой в школе и на философском факультете МГУ. Дальше всё пошло как по маслу: жёны, от разных браков дети...

И вот теперь здесь, в Израиле.

Собираюсь здесь сделать много несерьёзного.

Чёрные тапки

– Эх, жизнь! – себе под нос произнёс Игорь Михайлович.

Что имел в виду, не знал точно. Означало это нечто важное, прочувствованное, подкрепленное прожитыми годами.

– Опять кряхтишь?! – спустив за собой в туалете, то ли спрашивала, то ли упрекала жена, услышав ставший ритуальным для их утра возглас.

– Иди куда шла! – грубо ответил ей Игорь Михайлович, защищая свою позицию, свой объёмный взгляд на жизнь: «что ты понимаешь в моём большом, длинном – "эх?!"».

– Я уже вышла. «Эх», – там свободно.

Он приподнялся с кровати, не глядя нашарил сношенные чёрные пластиковые тапочки. Лет пятнадцать назад велел положить их в гроб вместе с собой: «Это всё, что я нажил в этой стране при этой власти».

– Зна-а-а-ю. Ты диссидент! – ответила тогда жена.

И сейчас бы сказала то же самое, но вчера прибавила с усмешкой:

– Ты диссидент точно. Но теперь твоя репутация подмочена – после того, что ты сделал, ты не сможешь сказать, что прожил честную жизнь.

Эта перепалка во время войны утратила всякий смысл – осталась только любовь, не похожая на любовь. Знал точно: плакал бы, горевал и, возможно, даже умер от горя, если бы вдруг её не стало. И она – то же самое.

Смерть не наступала, а жизнь тянулась.

– Зачем мы так долго живём, Леночка?

– Чтобы какать, – тут же ответила она. – Чтобы какать...

Её добрая ирония украшала супружескую жизнь Игоря Михайловича.

Когда-то давно-давно (казалось, этого и не было) он уходил от неё к более ласковым и нежным женщинам, но через некоторое время чувствовал, что ему не хватает её дерзости, абсурдности, её интригующего женского хамства, и возвращался.

– Ответь, родной: почему *** называют «членом» или «фаллосом»? Или вообще ужасно – «палкой», когда есть чудесное, прекрасное слово всего из трёх букв? Просто песня, музыка!

– Я до сих пор называю твою «киской», – соврал Игорь Михайлович, его тянуло соврать самому себе, хотя, конечно, называл её понятно как.

Осуждаемое законом, неприличное, из трёх букв слово, тремя буквами обозначенный орган жил в нём отдельной подпольной затухающей жизнью и плохо помнил своё же яркое прошлое.

– Ты романтик, я знаю! – откликнулась она на «киску» и через хриловатый кашель курильщика добавила: – Не будь ханжой! В этих трёх звуках столько энергии, ясности, глубины – они подходят для всего! Особенно сейчас – всех хочется послать. Всех! С утра до ночи!

– Ты их и так направо и налево – филологический факультет не пропьёшь!

– Не пропьёшь! А для чего он ещё нужен – филологический?! Я так и напишу: «пошёл он со своей мобилизацией...»

– Да пиши ты что хочешь! Прямо жгут тебя эти три буквы!

– Именно жгут! Жгут! Опять «прилёты»! ТЭЦ разбомбили! Придумали же слово – «прилёты»! Обстреляли Киев и Одессу, мою любимую Одессу! «Прилёты»! Как мы там чудесно жили у Бэлки Чижовой... В каком году это было?

– Ещё вчера ты это вспоминала... в 80-м. Установили уже!

– Что хочу, то и вспоминаю – хоть каждый день буду! Бэлка – моя любимая подруга, царство ей небесное... Одесса – прекрасный город... А они её бомбят на мои деньги!

– Что ты несёшь – какие деньги?!

– Как налогоплательщика...

– «Как налогоплательщика»! Вбили в голову слово – почище чем «прилёты». Кто вас спрашивает – «налогоплательщики», блин?

Наступил момент – надо встать и идти: убогие, но любимые чёрные пластиковые тапочки, что стояли возле кровати, как венки у могилы, будто сами зашаркали по коридору в туалет.

– Всё равно – снова пойду и повешу, – вдогонку крикнула жена, заходя на кухню.

– Мой труп – ты этого хочешь? – и добавил про себя, оценивая свою лимонную мочу: – Я просто не хочу умереть на первом допросе.

Гнетущее состояние непроходящей усталости копилось с 24-го числа. Старые люди теперь быстрее старели.

– Нас отрезали от рода человеческого раз и навсегда – как ты этого не понимаешь! – сказала Елена Абрамовна и разбила яйцо на раскалённую сковородку.

Потом разбила ещё одно яйцо, которое расплзлось на сковороде в жёлто-белую территорию какой-то неизвестной страны, где не живут люди. И продолжила:

– Это не просто война – это знак. Нас отрезали от рода человеческого раз и навсегда.

Ещё одно вставшее рядом с «прилётами» слово – «навсегда».

Слово, по ощущению, казалось ещё страшнее, чем «прилёты» – длильнее, оно переворачивало целую жизнь. Как бывший филолог, теперь на пенсии, жена Игоря Михайловича будто снова вышла на работу в издательство «Молодая гвардия» – она переживала за произнесённые слова, за слово «жизнь», за слово «тело», за слово «мозг», за слово «боль», «страдание»... Сомневалась во всём – есть ли это всё теперь? Существует ли? Значение их надо определять заново.

– Это что-то! Это что-то! – взмахивала руками, восклицала Елена Абрамовна после просмотра новостей по ТВ. – Какой у него мерзкий голос!

Лица из телевизора снились. С ними можно было разговаривать, их невозможно было изгнать из яви и снов. Им хотелось возражать, сопротивляться, но они, как кремлёвская стена, не могли краснеть, она им отвечала одно: «Мерзавцы, мерзавцы, суки конченные, как с вами жёны спят!»

Игоря Михайловича не покидали те же лица, но он искал оправдания: «...я рассуждающий человек, человек рациональный, преподаватель, учёный, мостостроитель по образованию, я ищущий, я должен искать, находить все "за" и "против"».

– Готово! Яичница готова!

– Соль где? – спросил он, усаживаясь за стол.

– Я посолила.

– Всё равно – где соль?!

Елена Абрамовна ненавидела его стальные домостроевские нотки, звучавшие в старости чаще: встала со стула, пошла на кухню искать соль.

– Соль! Соль! Соль! Где соль? – пропела она в миноре. – Вот тебе соль, дорогой! Только много соли вредно.

День стартовал и к вечеру наполнялся конфликтом, как и всю предыдущую неделю. Ложки и вилки звенели конфликтно, чай и кофе проливались, соль отсутствовала на столе, хлеб крошился – всё с оттенком грозы, молнии, бури.

К обеду, который состоял из всего вчерашнего, из вчерашней варёной картошки, теперь обжаренной в подсолнечном масле; из недоеденного вчера нехитрого салата: длинные огурцы – парниковые, резиновые помидоры; из специально оставленных «на завтра» двух кусков куриной грудки в панировке...

– Пожалуй, выпью водки, – сказал Игорь Михайлович своей жене Елене Абрамовне: прозвучало как предложение о перемирии.

Она его не приняла. Ответила с феминистским вызовом:

– Я тоже!

Игорь Михайлович послушно принёс рюмки и початую бутылку из холодильника.

– За мир! – как диктор телевидения произнёс он.

– За перемогу, – уточнила Елена Абрамовна.

– Ну пускай «за перемогу», но только здесь, внутри квартиры, – продолжил он свою миролюбивую политику.

Уже пятый день его жена выходила на уличный, точнее сказать, на подъездный протест. В начале недели она зелёным фломастером на листе бумаги, большими бук-

вами написала «НЕТ ВОЙНЕ», спустилась на лифте на первый этаж и повесила на стену, прикрепив скотчем.

– Что ты делаешь?! Остановись, – крикнул он вдогонку. – Что делаешь! Замордуют, это же не Лондон, не Гайд-парк – это Москва!

Входная дверь с вызовом хлопнула:

– Эх! Ну надо же, а!

Вернулась гордая, с блестящими глазами, словно повесила флаг над Рейхстагом.

Игорь Михайлович, как мальчик, сорвался с протёртого кожаного кресла – она даже не успела закрыть за собой дверь – выскочил. Спустился на первый этаж, не теряя минуты сорвал листок со стены. Оглянулся – никого. Поднялся. Вошёл. Посмотрел на неё как победитель.

Она увидела в руках белый лист со скомканными зелёными словами и сказала с неподражаемой интонацией, которая обидней всего:

– Дурак ты.

И добавила:

– И трус.

Он не нашёлся с ответом, только и хватило на «сама ты!»

Почувствовал – поражение. Почувствовал, сказал не то, не так.

– Не лезь ко мне, не прижимайся, – сказала она ему ночью.

Он не послушался и стал шептать: «Так нельзя... ты же знаешь, что будет, это не шутки – дело молодых бороться, им жить, а нам? Нам что...»

– Убери руку! – с той же убийственной интонацией, что и утром, ответила она. – Убери руку, или я пойду лягу на диван!

Днём ранее по ватсапу сказала дочери, которая уже много лет с семьёй жила в Германии – в перестройку вышла замуж за немца и уехала:

– Твой отец трус. Ты должна это знать. Ему кажется, что, если я напишу на листе «Нет войне», нас вычислят, придут и будут допрашивать! Агенты – работаем на НАТО! Я уже каждый вечер, когда все идут с работы, вывешиваю эти слова у лифта, а он спускается и срывает! Твой отец трус!

Дочь ответила:

– Играете в гражданскую войну?

– Играем, Оля, так играем, что я всё время думаю: как хорошо, что ты уехала; как хорошо, что у нас родилась девочка, а не мальчик, как он когда-то хотел!

Громкая тишина в доме с начала войны заняла своё место, поселилась, как незваный гость, и не думала уходить. Супруги плохо понимали, в какой день что сказано, когда кто кого обидел, каждый жил в своём окопе убеждений и заблуждений, не отделяя одно от другого. Линия фронта выстраивалась постепенно, как, наверное, и происходит в реальной войне, на реальном фронте – окопчик разрастался, углублялся, обустривался, превращался в квартиру, а потом, когда Лена решила вывесить на первом этаже перед лифтами плакат со словами, казалось дерзкими, а раньше, в их

молодости висевшими на каждом заборе, окопчик выстроился в дом, в большой отдельный дом. Дом – он. Дом – она.

Игорь Михайлович имел украинскую фамилию Коноплянко, и она, жена его, любимая Леночка, почти пятьдесят лет назад приняла её как дар, как пение маленькой лесной свободной птички, а ныне их обычная украинская фамилия стала, как ожог, как рана, – она крикнула ему из своего окопа:

– Коноплянко-ко-ко-ко! Ты кто? В тебе есть кровь?! Она тебе что-нибудь говорит? Или ты можешь только тапки свои по квартире разбрасывать?! Их пора выбросить уже!

Она вышла на балкон и закурила.

Он подумал. Оскорбился: причём тут тапки? Яростно прошёлся по комнате, открыл балконную дверь и взорвался:

– Куришь! И ты, дочь Абрама Петрова, мне это говоришь!? Абрама Петрова дочь! Абрама... Петрова! Как Абрам стал Петровым? Как?! Тебе не кажется, что он, твой отец, или это был твой дед или прадед, понял как настоящий умный еврей, что с его фамилией в этой стране не живут! С фамилией надо что-то делать – менять, надо заткнуться и засунуть свой язык себе в жопу! Чтобы никто не знал, не видел, не подозревал, что ты там себе думаешь! И стал Петровым! А был, может быть, Абрамовичем, Рабиновичем – ты этого не знала, об этом не думала? И сейчас надо заткнуться, заткнуться, понимаешь?! Заткнуться с любой фамилией!

Взглянула на мужа, на фотографию в серванте – девять на двенадцать: девочка на коленях отца, по паспорту Абрама Петрова, а на самом деле...

– Не могу, – сквозь подступившие слёзы произнесла она. – Не могу больше молчать.

сентябрь 2022

Последний клиент

Из цикла рассказов «Короткая жизнь»

Ашот Исаакович Смирнов – человек преклонных лет, вдовец – уже полных два года – задумался: мог бы он прожить более счастливую, радостную, лучшую жизнь? Человеку свойственно время от времени задавать себе бессмысленные вопросы, но в тот день, сразу скажем, в каком-то роде судьбоносный, он решил думать долго и решительно, чтобы получить точный, может быть, даже безжалостный ответ. Не раз он подходил к этой скользкой теме, и тридцать лет назад, и сорок, и десять, и после смерти жены несколько раз старался разгадать тайну, а всё не получалось – застревал в воспоминаниях детства. Или на юности застревал. Или на выборе жены, вуза, специальности, распределения.

Потом, особая папка в голове, – случайные связи. Их было немного, но они были. Наташа из машбюро института проблем управления – высокая, худая, ласковая, у неё были очень холодные руки – мёрзли даже летом. Ещё Вера – она играла на скрипке как любитель, но лучше бы не делала этого никогда. Тамара была, Раиса – парикмахерша из салона красоты. Кажалось, с теми утерянными женщинами могло получиться лучше, там спряталось его личное счастье, подлинное благополучие, а тут – близкая старость, прожиточный минимум, пенсия, скучные подработки, жалкие добавки от несменяемого президента. Раиса – теперь в Америке. Фамилия у неё иностранная – Хардинг, пьёт она теперь чай или крепкий-крепкий кофе с ликёром в ресторанчике на Манхэттене, а мог бы и он сидеть с ней рядом за столиком на улице, смотреть на её крашенные хной распущенные волосы, на губы совершенной формы, которые в те несколько месяцев их бурного романа вселяли в него веру в счастье, в любовь до гроба.

Что для этого должно произойти?

Раиса всё равно должна была бы выйти замуж за этого богатого Хардинга, переехать жить к нему в Америку, затем Хардинг должен был отдать концы. Естественным образом или под машиной погибнуть – это было бы хорошо. Если нет, и это ху-

же – Раиса оправила бы «америкоса» на тот свет по ускоренной женской программе: отравила, утопила, он как бы сам упал с обрыва, – что там ей больше нравится, и позвонила бы ему.

«Алло! – сказала бы она – Ашот, Ашотик, милый, дорогой, я не могу жить без тебя, приезжай, хватит тебе в России небо коптить».

Жена к этому времени должна была умереть – разводиться не нужно. Тогда, годы назад, «развестись и жениться на парикмахерше» – страшно подумать! И вот он в достойном городе, в главном городе мира – настоящий мужчина, с благородной седью – царь зверей, у него столько кровящи намешано – поляки, русаки, армяне, евреи, грек один есть – такой головокружительный коктейль, как бы специально намешанный для Нью-Йорка. Поселился бы у Раисы Хардинг и жил бы с рыжей, громкой, весёлой бабой, обтянутой в тонкую чёрную материю, пил бы с ней кофе, нет – виски со льдом, как бы остужаясь от быстрых и лёгких перемен в жизни.

Ашот Смирнов резко ударил по тормозам – нет, надо не мечтать, а атаковать мыслью, ставить себе диагноз! Только анализ реальности, на самом деле – никакой Раисы быть не может! К тому же едва ли она его любила, да и он, если задуматься, страсть, конечно, сначала была, всё происходило в машине, на бегу, съезжали с МКАДа на строительную площадку, парковались за фурой, переползали на заднее сиденье... Однажды украли пару дней у своих семей, оказались в доме отдыха под Москвой. На второй день он заскучал, захотелось домой, к родному очагу, к Галочке, она бы уложила его на бочок, погладила по ягодицам, и он тихо, без секса заснул.

Ашот Смирнов отправился мыслью искать утерянные пути к счастью в детстве – родителей не выбирают, тут изменить ничего невозможно. Папа – он плохо его помнил, скорее, вообще не помнил, когда Ашоту было пять лет, он умер. Остались фотографии, и, казалось, только по ним сохранился облик родного отца. Иногда изображение будто начинало двигаться, оживало, но почти сразу застывало, как компьютерная картинка при плохой связи – живого голоса, улыбки, лица, походки не всплывало. Исаак Карапетян, артист Брянского драматического театра остался в десятке сохранившихся фотографий в альбоме и на одной в рамке, висевшей теперь на стене квартиры Ашота Смирнова, а ранее в фойе Брянского театра.

Ашот встал, подошёл к портрету: «Ты не обижаешься, что я сменил фамилию? Знаешь, это мать, она настаивала. Что мне было – шесть лет!»

Мать вышла замуж второй раз за геолога, минероловеда, редкоземельщика, кандидата наук Сергея Ивановича Смирнова, он усыновил Ашота при условии, что фамилия у мальчишки будет его: «Я не хочу ловить всепонимающие взгляды, и не должен никому ничего объяснять». Имя Ашот оставили, говорили, что назвали мальчишку в честь дедушки по материнской линии, который погиб в Отечественную войну. Вопросы праздно любопытствующих снимались, а тем, кому положено знать – знали. Но отчим всё же иногда в плохом настроении позволял себе сказануть в таком духе: «Это в тебе армянская кровь говорит». Сейчас мудрый Ашот понимал, отчим был мужик неплохой, занимался с ним, помог выбрать неплохую специальность, поступить в институт, он без колебаний называл его отцом и теперь, но помнил, как после каждой такой вот фразы про кровь вскипал, в нём всё дрожало, словно хрусталь в буфете при небольшом землетрясении. Он хорошо помнил, как однажды сказал ему с вызовом:

– Папа Сергей, а чем вам не нравятся армяне?!

Сергей Иванович ответил:

– Во-первых, не «папа Сергей», а просто «папа». Во-вторых, понимаешь, парень, каждый народ отдельный фрукт. Вот я у одного философа прочитал, что грузины – это виноград. Виноград на солнце, он переливается оттенками, соблазняет, он весь наружу, а армяне – гранат, всё скрыто, всё напряжено, все вкусы внутри. С кожурой тебя не съешь, понимаешь, и я вижу, что ты...

– А русские? – не дослушав, спросил девяти-, десятилетний мальчик.

– А русские? Мы? – отчим не задумался, но приостановился. – Русские – кочан капусты. Под одним листом – другой. Чуть меньше. Ещё поменьше, ещё, и так лист за листом снимай и снимай, а там внутри всё равно капуста – маленький листок.

Последний. И он же первый. Поэтому нас режут, рубят и в засол.

Ашот отвернулся от каменной фотографии из фойе провинциального театра, прошёл на кухню, включил кофемашину, которая стала шумно думать своей электронной головой.

«Моё имя важнее фамилии. Это очень смешное сочетание – Ашот Смирнов. Мать. Моя мать, она всегда думала о моём счастье. Так все говорили. Нет, у этой фразы сейчас стоит поставить знак вопроса: «Моя мать всегда думала о моём счастье?».

Ашот Смирнов стал перелистывать разные эпизоды из жизни, и получалось, что мама была женщина неглубокая, прямая, как советская власть, и даже могла спокойно ответить на вопрос «Что такое счастье?». Счастье – это жить в стране, которая даёт счастье. Такая страна одна. Во всём мире. И всё же не совсем так. Он отпивал маленькими глотками горячий кофе. По размышлениям сына выходило, что счастье для матери в действительности очень простое – свой мужчина рядом. Сергей Иванович был именно таким. Он идеально к ней подходил – рукастый, неглупый, благодарный, ровный, как теперь ему виделось, неприхотливый. Всё с ней ясно, ответа не было только на один вопрос: как она жила с родным отцом Ашота, с Карапетяном и почему быстро во второй раз вышла замуж – год и всё. Как они нашли друг друга? Может, они были связаны одним преступлением – авария в Брянске, на дороге, после спектакля чьих рук дело? Ашот Смирнов понимал, что мысли безосновательные, пустые догадки, никого нет в живых, не спросишь, да и что бы они ответили?

«Мать умерла спустя пять лет после отчима, и я её об этом никогда, ни разу не подумал спросить, откуда, вообще, в Брянске взялся этот Сергей Иванович Смирнов из Москвы. Надо было бы спросить: может быть, жена моя когда-нибудь со свекровью об этом говорила, они любили поболтать».

Ашот Смирнов вспомнил жену. Как привёл в дом Галю знакомиться, потом свадебное путешествие в Геленджик на Чёрное море, дешёвый рислинг из бочки на разлив, потом по всем меркам обычная жизнь – долгая, без детей, без богатства, но в достатке, с уверенностью в завтрашнем дне. Он задумался о незадаанных вопросах ко всем, с кем встречался, с кем жил – сотни вопросов к родителям, к любимым женщинам, к добрым и злым начальникам, к умным и глупым подчинённым, к верным и лживым друзьям – он прожил целую жизнь, торопился, а не спросил, не заставил ответить... Даже умершая жена: любила она его или нет? Точно сказать нельзя. Не уверен. Теперь кажется – не было счастья.

Ашот Смирнов – горный инженер, проектировщик редкоземельных шахт – никель, молибден, палладий. Профессия, карьера, всё досталось от отца, а от родного отца только кровь, и теперь ему хочется дорыться до настоящей руды, в которой заключён настоящий металл, твёрдый ответ, а не ртуть, которую не ухватишь, не соберёшь.

Он поднялся с дивана, на котором лежал, размышляя о несостоявшемся счастье, накинул пиджак, надел башмаки, посмотрел на себя в зеркало в коридоре, зашёл в лифт, спустился со своего последнего двадцать пятого этажа на первый, вышел из подъезда – тёплый ветер, ещё светло, голуби летают, садятся на провода на фоне затянутого облаками неба и гадают на всё. Ашот Смирнов смотрит на эту нехитрую картину, будто ищет подсказку какую, идёт и убеждает себя, что докопается, должен докопаться до ясного понимания собственной жизни, у него ещё есть время, он свободен и обязательно поедет в Брянск, найдёт могилу отца, найдёт дом, где он родился, и тогда ему станет всё предельно ясно, под какой диван, в какой квартире закатилась его лучшая жизнь?

Идёт и вдруг слышит голос – слабый женский голос. Оборачивается, смотрит по сторонам – никого нет – показалось. Ашот Смирнов делает ещё два шага и снова слышит:

– Ашот, Ашотик! Я тут.

Из приспущенного стекла большого чёрного джипа – знакомое лицо, рыжая, постаревшая, в модных чёрных очках во всё лицо, с красными подкаченными губами, будто ожившая, но всё равно весёлая – Раиса.

– Рая, ты?! Моё американское чудо?!

– Иди сюда, мужчинка сердитый! Иди! Я за тобой приехала.

Смирнов обходит автомобиль, в лакированной черноте капота отражается не только небо, но и последняя самостоятельная мысль – приехало моё счастье, он садится рядом с водительницей на кожаное, цвета кофе с молоком, кресло.

– Как ты тут оказалась? Это же мой дом, я здесь живу... – неизвестно зачем спрашивает Ашот Смирнов.

– Я специально приехала за тобой – ты живёшь, грустишь, а кто-то о тебе мечтает, забыть не может...

– Ты же в Америке, у тебя муж Джон Хардинг, я видел в Фейсбуке!

– С Хардингом покончено. С Америкой тоже. Может, ты хочешь меня поцеловать – не ошибаюсь, мой мальчик?

Он приблизил свои губы к её лицу, вдохнул крепкий запах её духов и вместе с ним снова оказался в салоне красоты, сел в кресло, она обернула его тканью, провела влажными, холодными пальцами по шее, подальше и попрочнее, утрамбовывая накидку вовнутрь – начала стричь. Выставляла его голову строго по середине зеркала, поправляла виски и упругой грудью касалась его головы, один раз, другой, третий...

– Извините.

– Ничего, – ответил он.

– Что, значит, «ничего»?!

– Ничего, даже приятно – робко, как младенец из коляски пискнул он и пожал плечами.

– Сидите ровно! Вы у меня последний клиент, я устала и могу порезать.

– Это не угроза?

– Угроза, – подтвердила парикмахерша. – Я – Рая и могу по неосторожности отправить в Рай!

– А я – Ашот. Это означает – играющий с огнём.

– С огнём?! Это надо проверить.

Машина вывернула на проспект, понеслась по пустому городу к МКАД. На кольце, недалеко от места, где они когда-то сворачивали, чтобы уединиться, Смирнов сказал:

– Здесь садовый рынок...

– Помнишь, как из фуры вышел шофёр – мы не заметили, наглец смотрел, как мы...

– Сегодня я бы сам посмотрел, ведь правда, было на что – куда мы едем?

– Какая разница – мне нужен мужчина, тихий, рассудительный и горячий, как ты, в тебе такая кровь...

Через месяц Ашот Исаакович Смирнов вернулся домой, чтобы забрать вещи – он переезжал к Раисе Хардинг. Одежда уместилась в обычную дорожную сумку, в пакет уместилась обувь. Он присел на дорожку, обежал глазами свою небольшую квартиру, прикидывая, что ещё необходимо взять, и понял – ничего. Для всего остального подходило слово «потом». Неожиданно захотелось снять со стены портрет отца из фойе Брянского театра: даже если он не найдёт там, куда его повесить, родной папа останется лежать в его вещах, и он сможет иногда с ним встречаться и говорить обо всём один на один.

С сумкой, пакетом в руках и портретом под мышкой он зашёл в лифт. Кажется, в этот раз он спускался медленнее.

Такие макароны

Улицу перекрыли. Народу раздали флаги. Славику Шацу рыжеволосая Сарочка, администратор из ульпана, где он четыре месяца изучал иврит, дружески подмигнув, выдала только что купленный в Яфо серебристый барабан. Он сразу начал, не щадя сил, бить барабанными палочками по глянцевой белой поверхности. Ни к музыке, ни к каким-либо музыкальным инструментам Шац никогда не имел никакого отношения, но звук получался гордый, ясный, протестный, и ему казалось очень профессиональный. Бил и бил! Думал не о судебной реформе, которую надо было немедленно принимать или отменять, а о том, что всю жизнь в России и сейчас в Израиле занимался не своим делом – IT и барабан не идут ни в какое сравнение. Он не боялся оглушительного звука и вдруг понял, почему в Израиле никто не говорит шёпотом. Видимо, им, каждому в детстве дают, сколько душа пожелает, бить в барабан.

«Да, это именно так! – подумал он и удивился своему открытию. – Да, именно так! Так! Так! Так!»

Палочки громогласно отскакивали, готовые вырваться на свободу, но твёрдые руки самодовольного дилетанта не выпускали птиц, они порхали в солнечном пространстве Тель-Авива, подтверждая правильность репатриации. Его барабан бил только про это. Но никто об этом не знал. Всем казалось, что Славик Шац классный парень, настоящий свободолюбивый еврей, готовый всю жизнь барабанить за демократию и справедливость. Собственно, так и было. Но те, кто впервые в жизни берёт в руки барабан, не знают, что у этого древнего инструмента заготовлена всего одна встроена мелодия – Я. Я есть. Я живу. Я существую. Я – самый. Я – прекрасный. Я – целый мир. Я! Бело-синие флаги – хорошее цветное сопровождение этой любимой с момента рождения песни каждого человека на земле.

Подходили израильтяне, поднимали в знак приветствия сжатую в кулак руку, произносили что-то доброе, он мало что понимал, но улыбался в ответ – мол, я среди своих, а как иначе, барабаню от души.

Неожиданно подошёл такой «иванов-иванов», крупный, высокий, в шортах, в длинной затёртой майке, и со всей дури больно хлопнул по плечу:

– Хорошо макароны жарить, мужик!

Шац начал было спрашивать, как тот признал в нём соотечественника и при чём тут макароны, но на полуслове понял – образ тот нашёл такой, вроде как «лапша на ушах» или «живёшь без бабы – жрёшь макароны». Ничего плохого... но неожиданно вся его барабанная песня оборвалась, сдулась, палочки замолчали, оказались в одной руке, а глаза стали искать в толпе рыжую Сару – он поклялся сдать неиспорченным новенький серебристый барабан.

Уместно вспомнить классика: «...испортил песню, дурак!» Такие вот макароны... ■

ММ

конкурс рассказа

«Я сделал для грядущего так мало»

Итоги

Внутренний контакт

Во 2-м номере у нас получился своего рода «блок Булгакова»: следом за пьесой о великом писателе шли итоги конкурса эссе, посвящённого его творчеству. В 3-м номере мы решили создать «фантастический блок» из материалов двух конкурсов: конкурса эссе, посвящённого творчеству Аркадия и Бориса Стругацких, и конкурса рассказов «Я сделал для грядущего так мало». Так сказать, от размышлений о творчестве прославленных фантастов – к фантастам нового поколения.

Но планы и их реализация, мечты и реальность...

Эссе о творчестве Стругацких пришли в количестве никак не сравнимом с потоком работ, посвящённых профессору Воланду. Иная ситуация с рассказами.

Что представляли себе люди лет сорок-пятьдесят назад, в эпоху Стругацких, при слове «фантастика»? При слове «грядущее»? Ответ очевиден: космонавты, звездолёты, далёкие планеты, роботы, фантастические твари и места их обитания, Иной Разум, Контакт... Позже, на рубеже веков, на место произведений о покорении вселенной пришли другие тексты – антиутопии разного рода. Нечто подобное мы ожидали и сейчас.

И вот нам стали присылать рассказы о грядущем....

Нашёлся всего один, где фигурировали астронавты («Радуга» И. Филатова), и ещё один, повествовавший об ином разуме («Зелёноволосая» А. Ломтева). А все остальные...

Главный герой «Возвращения блудного сына» Игоря Вайсмана, от лица которого ведётся повествование, свежий, так сказать, обитатель загробного мира.

Действие рассказа Анны Финчем «Важное» происходит в нашем, «посюстороннем», мире. Обычная работа, обычный обеденный перерыв, обычное, на первый взгляд, кафе, в котором умеют останавливать время и перемещать героя в желанную ему реальность. С подвохом этот подарок...

А герою рассказа Александра Колканова «Потайная дверца» предлагают работу по принципу «сутки через трое», но с перемещением в иную реальность.

И так далее, всё страньше и страньше, как говаривала Алиса. Призрак мастера-настройщика появляется в волжском посёлке, чтобы починить старый орган; маленькая лавочка, полная странных предметов, то появляется, то исчезает; а в «Побочных эффектах» Таисии Фроловой вообще не ясно, кто такой герой, что с ним происходит.

Присланные на конкурс тексты сильно отличаются друг от друга. Но есть нечто общее, что объединяет все эти произведения. Во всех них авторы заставляют своих героев по-иному взглянуть на свою жизнь, на её привычное течение. Происходит переоценка ценностей. Герои этих произведений пускаются в далёкий – очень далёкий – путь. Но они исследуют не глубины космоса, а глубины собственной души. А если в рассказе и происходит Контакт – то это контакт внутренний, встреча с самим собой. Таким образом, если это и фантастика, то фантастика философская. И она заставляет вспомнить не Жюль Верна

с его чудесами технологиями, не Артура Кларка, а скорее Кафку или такие произведения, как «Остров доктора Моро» Уэллса.

Чем объяснить такое изменение содержания жанра? Может быть, тем, что на глазах рушится, распадается привычная жизнь и на место обществу потребления приходит общество военного положения, а место сытого самодовольства занимает ощущение коллективной вины и ответственности? Нам всем найти потайную дверцу, задуматься о жизни и смерти, о самом важном, постараться понять свои (не соседа) ошибки, свою (не супруга) вину перед ближними и дальними. Может быть, эти рассказы и составляют подлинную литературу нашего времени?

Назовём победителей конкурса.

Всего прислали работы 49 авторов. Редакция отобрала девять рассказов семи авторов, которые включила в

ЛОНГ-ЛИСТ

(в алфавитном порядке):

Игорь Вайсман из Уфы, «Возвращение блудного сына»,

Александр Колканов из Москвы, «Потайная дверца»,

Александр Колканов, «Зеркало прадеда»,

Александр Колканов, «Николай и Вероника»,

Сергей Кулаков из Ялты, «Лавка ненужностей»,

Александр Ломтев из Сарова Нижегородской обл., «Зелёноволосая»,

Анна Финчем из деревни Красное Боровского района Калужской обл., «Важное»,

Таисия Фролова из Москвы, «Побочные эффекты дыхания»,

Дион Эленис из Волгограда, «Кольцо Лауры».

Из них попали в

ШОРТ-ЛИСТ:

Игорь Вайсман,

Александр Колканов, «Потайная дверца»,

Сергей Кулаков,

Таисия Фролова,

Все участники лонг- и шорт-листов получают памятные дипломы.

И, наконец, лауреаты конкурса.

Лауреат третьей степени – Игорь Вайсман, «Возвращение блудного сына»,

Лауреат второй степени – Таисия Фролова, «Побочные эффекты дыхания».

Лауреата первой степени жюри конкурса решило не определять.

Мы поздравляем наших лауреатов.

Редакция ■

М.Ф.

Таисия ФРОЛОВА

📍 Москва, Россия

Фото: из личного архива автора

Несмотря на молодой возраст, успела пройти по-настоящему «купринский путь»: жила в Португалии, Мексике, Германии, в монастыре, горной деревне рядом с храмом майя, в Санкт-Петербурге, Москве, работала учителем, дизайнером, баристой, на ферме, училась в Литературном институте.

Желание освоения новых пространств и ролей отразилось в творчестве сюрреалистическим размытием границ привычной реальности, расширением осязаемого физического пространства через сон, видение, оживлением визуального. Новое метафизическое находится где-то на обратной стороне пространства, обратной стороне слов. Поиск этого метафизического и средств его выражения идёт в рассказе «Оправдание города» (опубликованном в журнале «Формаслов»), пьесе «Совершенно никем не ожидаемое абсолютное разрушение транзакции, выстроенной в точности в соответствии с концепцией Эрика Берна», поставленной в томском театре «Лаборатория».

В то же время писатель участвует в плотном диалоге с традицией, что, помимо прочего, отразилось в её научных статьях и переводах, опубликованных в журналах «Опустошитель», «Своими словами», «Spectate».

Побочные эффекты дыхания

Вошли к ХХ, потрепали по плечу – разбудить, спросили:

– Есть воздух?

– Есть, наверно.

– Тогда собирайся, для тебя работа есть.

ХХ собрался, все вместе пошли к трассе рядом с рекой.

ХХ посмеялся:

– Убьёте, что ли?

– Нет, сказали же – работа есть.

– Здесь?

– Да.

– Что делать?

Они ушли. ХХ немного постоял. Хотел уйти вслед. Остался.

Мимо шли две женщины. С накрашенными губами, они смеялись и разговаривали. ХХ подумал: испугаются, если его увидят, надо предупредить.

Смеясь, прошли насквозь. На язык лёг вкус волос и коленок, морщины, горько и тяжело. ХХ почувствовал тошноту, хотелось крикнуть им вслед: «Дуры, заберите свою волосню и свои морщины!»

Он обернулся. Наступило утро. На трассе появились машины. ХХ подумал: «Рано разбудили». В тело врезались три машины подряд. Они бензином поднялись по сосудам и застряли колёсиками в ушах.

Это не разозлило и не удивило. ХХ подумал: «Странная работа, платили бы хорошо».

Было несложно. Только когда большая толпа людей. Или ХХ не успевал заметить, что день меняется. Тогда резкие обороты колошматили по черепу и царапали мозги.

Первые дни грустил о пыльных окнах на кухне. Потом всё рассеялось из головы, выпало тонким слоем вокруг и таяло не спеша.

Почти не вспоминал о зарплате. Если вспоминал, мысль садилась в первую машину и уезжала. Женщины не интересовали, не отвлекая зрения от перемены в днях.

Пришёл снег. Пролетая через ХХ, снег раздроблялся на малюсенькие кусочки. Отвердевал, соединялся в реку и через попу ХХ вытекал в мировой океан.

«Странно, что спина никогда не болит».

Обнаружив отсутствие боли, ХХ устал.

Захотелось закрыть веки. Впервые за новую работу огорчился и не заметил, как целая куча разных дней один за другим соскользнули в ухо и бесились поперёк головы. ХХ попытался вытрясти дни, прыгая на одной ноге, но они разбились по парочкам и забесились ещё сильнее.

Нервные окончания захныкали. К скулящим ступням тихо подполз снег. Немного потеревшись о ноги, он промурлыкал: «Если ты устал, я могу слепить тебе веки из снега».

Робко кивнул. Горизонт слегка перекосялся. Глаза укрыло свежее одеяло. Оно ушло глубоко в зрачки, плавно вынырнуло.

Полилось ноябрьское озеро. Стало страшно, что оно всё затопит. Добрый снег, реку, женщин, которых видел в первое утро.

Вытекла последняя рябь. Озеро оказалось мутной лужицей. Вокруг неё терлись зашуганные старые пятиэтажки. ХХ больше не чувствовал усталости от отсутствия боли и спины.

Домá, окружающие взгляд, двор, создающийся из домов, отдавали желчью. ХХ подумал: «Так чувствуют себя тараканы, когда их травят». По потолку кухни бегали тараканы, не мерзко, как-то просто. Воспоминание растаяло, до кислоты, где-то справа радужно проело землю и ушло к самому её центру, чтобы оттуда вернуться на кухню с тараканами.

«Я тоже уйду на кухню», – решил ХХ, но не сумел вспомнить ноги. Ему подумалось, они ушли к ядру земли вместе с воспоминанием о потолке.

Глухой топот неумело раскрыл форточки. Через желчь чувствовалась горелая бумага и гнилые листья. «Странно, я не замечал, что так пахнет всегда и везде», – чётко произнёс ХХ внутри головы.

Через щёлочки в форточках потекла штукатурка, ковровая пыль и старые газеты.

Они прошли через ХХ с хмельным вкусом, завещая головокружение. За секунду разлагаясь до пыли, чёрно-белых плёнок и слов.

Дни не менялись.

Работа давила на плечи и дыхание, волны пыльной пены переполняли. Иногда они на секунду останавливались, тогда ХХ торопливо возвращался к последней запечатлённой мысли и наспех перепрятывал её в другой карман.

Про уход. Потом про кухню. Это слишком долго. Стал вспоминать только снег.

Газеты быстро шагали. ХХ изловчился и успевал представить, что дома стоят в огромной очереди, как старухи, и ругаются, кто пойдёт первый.

Так шло долго. ХХ вспомнил снег и почувствовал, как он тает.

В другой раз, достав снег и шурясь, он вынюхал, что снег тает в воду. Она мешается с грязью, мокрой бумагой, льётся вдоль мусоропровода и вдоль ХХ, летит,

но когда-то упадёт: будет старый, не узнает блондинистая продавщица в клипсах, с которой шутил и у которой покупал спички, а он скажет ей: «Ведь это же я! я!» Она улыбнулась, без слов подавая спички.

ХХ лёг на голубой кухне, по потрескавшемуся потолку миролюбиво ползали тараканы, никто опять не помыл посуду.

«Вот я и догнал воспоминание о кухне и свои ноги в центре земли», – спокойно понял ХХ. Было пыльно и радостно, наконец он решил проверить, жив ли образ снега в кармане. ХХ потянулся за ним, и кухня прытко погналась в карман вслед его движениями.

ХХ разогнулся, кухня отбежала на место. Из крана капало, под ладонями дремали хлебные крошки. Скоро вечер, о старое стекло будут тереться хрипловатые голоса и дым от дешёвых сигарет, вдыхаемый в унисон.

Рядом с ХХ пробежал родной самодовольный таракан и дружелюбно погрозил усом. «Они, может, научились разводить костры», – завистливо вообразил ХХ, его покрывал запах горячей бумаги и гнилых листьев.

Он посмотрел в окно и шёл по улице.

Спина, оторванная от мягкого кафеля, приятно болела. Несмотря на добрый воздух и как легко было идти по нему, ХХ захотел в последний раз вспомнить кухню и мягко стукнулся обо что-то.

– Ау! – радостно обернулась девочка с накрашенными губами, поглаживая уши-бленную спину.

Вслед за звуком её голоса обернулась другая девочка, с клипсами.

– У меня аллергия на пыль, – сообщила она торжественно.

– Поэтому мы тут сжигаем пыль, – крикнула ещё девочка издалека.

«У меня тоже», – ХХ хотел прошептать, но девочка с накрашенными губами опередила его:

– Из-за снега костёр плохо горит.

ХХ смутился. С резким сопением юркнул в карман. Он полз в скользящем беззвучии к образу снега. Образ промок и порвался, но не испортился, колючие частички снега с химическим привкусом тянулись друг к другу.

ХХ не хотел смотреть и уткнулся головой в землю.

Его замело: всё это веки, чтобы я мог закрыть мои глаза повсюду.

ХХ потрепали по плечу, чтобы разбудить. Он молча поднялся, они пошли все вместе и дошли до машинной трассы рядом с рекой.

– Дальше работать? – спросил ХХ.

– Не надо.

– Чего тогда?

Вокруг был воздух. ■

Игорь ВАЙСМАН

📍 Уфа, Россия

Фото: из личного архива автора

Родился в 1954-м. Член Российского союза писателей. Пишет прозу, сатиру, публицистику.

Публиковался в литературном журнале «Бельские просторы», еженедельнике «Истоки», сатирическом журнале «Вилы» и др. Рассказы печатались во многих антологиях современной прозы.

Автор книг: «Книговорот» («Десятая муза», Саратов, 2016), «Постиндустриальная баллада» («Десятая муза», Саратов, 2017), «Достоверная история Константиныча, прозванного Антиказановой» (Астрахань, 2021), публицистического сборника «Может ли Россия стать флагманом всего человечества?» («Перо», М., 2017), философско-публицистической книги «Трактат об обязанностях» («Родина», М., 2022).

Возвращение блудного сына

Тоннель был, а вот света в его конце я не заметил. Зато чётко запомнил притяжение. Мне почему-то пришло сравнение с пылесосом, только в отличие от него, тянуло меня куда-то медленно и абсолютно бесшумно. Я, невесомый, скользил по этому тоннелю в направлении невидимого пылесоса, и противиться ему нечего было и пытаться.

О чём я думал? Да ни о чём – я был в полной прострации и совершенно не представлял, что ждёт меня впереди и куда в конце концов вынесет.

И вот уж чего никак не мог представить – притяжение закончилось возле Дианы. Она внезапно возникла в какой-то комнате в сиянии своей законченной красоты. Пожалуй, она была даже ещё прекрасней, чем там, на земле. Матовая гладкая кожа без малейшей морщинки, точёные губы и нос, будто выполненные идеальным скульптором, никогда не совершающим ошибок, из самого совершенного материала. Чёрные волосы и ярко-карие глаза. А как она была одета! С каким тонким вкусом, как безупречно аккуратно, ни пылинки, ни складочки! Хотя... вспомнил: так она была одета в гробу.

В широко открытых глазах Дианы читалось разочарование.

– Что с тобой? – наконец, спросила она.

– А что? – не понял я.

– Посмотри на себя в зеркало, – она слегка кивнула головой.

Только сейчас я заметил большое зеркало, расположенное в глубине комнаты.

И, Боже, что я в нём увидел! На меня смотрел то ли зомби, то ли голем из фильмов ужасов: землистое лицо с тёмными пятнами и синяками, откушенный нос, дырявые щеки, сквозь которые виднелись почерневшие ещё при жизни редкие зубы, левый глаз, похоже, выклевали вороны, порванная в клочья рубаха, вся в засохшей крови, не скрывала полностью выеденного живота с обнажившимся позвоночником, ниже – практически голый скелет, который не могли прикрыть лохмотья от бывшего трико. Завершали картину грязные разбитые ботинки с торчащими из щелей рваными носками, из которых в свою очередь выглядывали пальцы с давно не стриженными чёрными ногтями.

Я не сразу нашёл, что сказать в своё оправдание.

– Извини... совершенно не предполагал, что встречу здесь с тобой, – начал я что-то лепетать. – Я распорядился, чтобы меня не хоронили. Зачем отнимать землю под могилу, её и так у природы не осталось? Я же эколог, зелёный, ты ведь знаешь... В смысле был им. А труп попросил вывезти в лес на корм животным. Чтобы польза была и от трупа. Ну, вот меня и обглодали.

– Как же ты не подумал о встрече со мной? – спросила Диана, и в её голосе мне послышалась знакомая ирония.

– Ты всегда так ко мне относилась, что я и подумать не мог, что захочешь со мной встретиться.

– Да, – Диана опустила глаза, – тогда я тебе не верила. А тут изменила свой взгляд. У тебя были серьёзные намерения, теперь я в этом не сомневаюсь.

– Я не знал...

– Понимаю. Откуда ты мог знать.

– И потом знаешь, что ещё?... Нет, я всё-таки мечтал о встрече с тобой, не мог не мечтать, ты во сне снилась. Но я попытался представить, возможно ли такое, и решил, что нет, невозможно. Ведь ты можешь оказаться только в раю. А в отношении себя такой уверенности не было.

– Ну зачем же так! – не согласилась Диана.

– Да, да, себя-то я получше знаю. Во мне всякое намешано.

– Напраслину на себя возводишь. Но вообще-то это не рай.

– Как не рай? А что же? – удивился я.

– Сама не знаю, просто я здесь живу.

– Живёшь? А с кем?

– Одна. Чего ты удивляешься? Я и на земле одна была. С матерью никакого взаимопонимания, одни упрёки, сын в последние годы совсем отдалился.

– И с такими поклонниками, как я, ничего общего, – добавил я.

– Да, это ты правильно подметил. Люди вообще одиноки, и умираем мы в одиночестве, и удары судьбы в одиночестве принимаем.

– Вот только когда удача откуда-то сваливается, а ещё лучше – деньги, тут же находится столько друзей, что запомнить невозможно, – съязвил я.

Диана развела руками в знак согласия.

– И тебе не скучно здесь одной?

– Здесь не бывает скучно.

Слегка оправившись от неожиданной встречи, я осмотрелся. Комната Дианы была небольшой, с очень скромным убранством – ни обоев, ни люстр, ни малейшего намёка на роскошь, минимум предметов. Стол, две скамейки и ещё что-то из числа самого необходимого. Всё было будто обыденным, но словно из другого вещества, не имеющего ни веса, ни запаха, ни других обычных физических свойств. У меня возникло странное ощущение, что подвергни сейчас учёные этот стол или скамейку анализу, в них не обнаружат даже атомов и молекул.

– Знаешь, – вспомнил я, – Ольга Яковлевна очень сильно переживала из-за твоей смерти. Себя корила, что несправедлива была к тебе. У неё, по-моему, и рак из-за этого развился, от переживаний. Мне её очень жалко. Несчастливая она женщина. Её, мне кажется, и не любил никто – ни дочь, ни внук, ни другие родственники, ни бывшие сослуживцы. Я понимаю, характер у неё был не подарок, её педантизм раздражал наших российских разгильдяев. Но почему только об этом думали, а её достоинств не замечали? Ведь у неё такие достоинства были, что поискать надо в других людях. Она на меня иногда тоже голос повышала, но я это переносил потому, что она была права – терпеть нашу генетическую расхлябанность ей было сложно.

Диана слушала и молчала.

– И о чём я страшно жалею, это о том, что мне так ни разу и не удалось поговорить с ней по душам. Разговоры всегда были натянутыми. Такой я недушевный человек. Ей со мной тоже было как-то неловко, потому что кто я для вашей семьи? Никто. Единственное в чём пригодился – за вашими могилами ухаживал. Теперь они, поди, в упадок придут.

Диана вздохнула.

– И на её могилу, представь себе, никто, кроме меня, не ходил. Это за девять-то лет. А твоя – вся в цветах. Всё же Ольга Яковлевна такого негативного отношения не заслужила, и я думал, тут вы живёте вместе.

– Нет, как видишь. Но иногда встречаемся.

– Значит, тут, как на земле, – недопонимание, обида, раздражение и непросщение.

– Нет, здесь не совсем так. Просто тут лучше понимаешь своё одиночество. И, похоже, наши души не нуждаются в том, чтобы жить вместе. На земле от одиночества страдают, спиваются, руки на себя накладывают. А здесь это нормальное состояние.

– Я это ещё на земле понял. И тоже всю жизнь был одинок. Так что легко приспособлюсь к здешней жизни.

– А ты оказался умней, чем я думала, – неожиданно сказала Диана. – Не пойму только, зачем столько глупостей наделал?

– Крышу снесло. Временное помутнение рассудка.

– Ничего себе временное – целых восемь лет! А если б не умерла, поди, ещё дольше продлилось.

– Прости, пожалуйста. Веришь, нет, сам в ужасе от своих поступков, как вспомню.

– Ладно, всё прошло, что толку вспоминать. Все осталось там, здесь совсем другая жизнь.

– Но мне трудно себя простить. У меня не было никакого права претендовать на тебя. Это даже мои друзья говорили, которые были в курсе. Целых восемь лет тебя преследовал, нервы трепал. А какими письмами заваливал! Как-то попались на глаза, перечитал – волосы дыбом встали. Как ты всё это вытерпела?

– Перестань. Не надо себя унижать.

– Я и не унижаю. Всего лишь называю вещи своими именами.

– Мне неприятно это слышать. Смени пластинку.

– Как скажешь. Между прочим, Ольга Яковлевна тоже считала, что с женской точки зрения я, как мужчина, совершенно неинтересен. Хотя вслух ничего такого не говорила, на лице было написано.

– На этот счёт можешь больше не переживать. Здесь нет ни мужчин, ни женщин, только одинокие души.

В этот момент я вновь ощутил притяжение невидимого пылесоса, он тянул меня в правую сторону. Диана каким-то образом догадалась об этом.

– Тебя кто-то зовёт, – сказала она.

– Мы будем видеться?

– Будем. Иногда.

Я стал удаляться от неё и как-то очень быстро потерял из вида. Только сейчас я осознал, что и возникла Диана также неожиданно. Очевидно, этот мир в своём устройстве похож на сон, в котором разные, не связанные между собой картины сменяют друг друга без всякого перехода. Я как бы побывал по одну сторону зеркала и сразу оказался по другую.

Скоро я предстал перед матерью. Она стояла в том видавшем виды сером халате, в котором я, не мудрствуя лукаво, её похоронил, и казалась моложе. В её комнате была такая же аскетичная обстановка, только интерьерное решение отличалось.

– Серёжа, что с тобой случилось? Ты попал в аварию? – она так и всплеснула руками.

– Да нет, – попытался я её успокоить. – Зверюшки обглодали, голодные были.

– Как это могло случиться? Могилу, что ли, раскопали?

Я объяснил свои взгляды на использование трупа человека.

– Всё у тебя не как у людей, – повторила мать своё мнение, знакомое мне чуть ли не с детства. – Ты в жизни был непутёвым и сюда непутёвым пришёл. Ну на кого ты похож, посмотри на себя! Ты много глупостей понаделал, но самую большую я сейчас вижу. Это кто ж тебя надоумил вот так себя похоронить?

– Забота о природе, мама. Ты представляешь, сколько места у неё отнимает кладбище, сколько животных лишает крова и жизни? Так вот я не хочу отнимать место ни у кого. А мяса сколько в земле почем зря гниёт? Почему бы не накормить своим трупом несчастных зверушек?

– Но ведь по-христиански каждый должен быть предан земле. Ты же против Бога пошёл!

– Знаешь, мама, я не могу жить по написанному. Я сам решаю, что правильно, что нет.

– Ой, кто бы говорил!

– Я о последних годах. Когда вас не стало, стал думать.

– Ну да, одному жить без головы не получится.

– Знаешь, последние годы я часто каялся, каким же всё-таки негодным сыном был. С отцом не общался, к тебе относился пренебрежительно, как к низшему существу.

Хотя в чём ты ниже? То, что высшее образование в своё время не получила? Зато ты за всю жизнь никому плохого ничего не сделала. А что дало мне моё высшее образование?

Мать тяжело вздохнула.

– Вообще-то перед отцом ты гораздо больше виноват. Он тебе столько хорошего сделал, а ты даже ни разу в жизни с ним по-человечески не поговорил. Ты и университет без него не смог бы закончить, поступить даже не смог. И работал бы всю жизнь дворником или сторожем. Отец был заслуженным деятелем, имел государственные награды, таким почётом пользовался, а ты к нему как к врагу относился. Ему даже до-мой идти не хотелось. Вот за что, спрашивается? Завидовал что ли?

– Не без этого, мама. Но не в одной зависти дело.

– Чему завидовал-то, таланту или известности?

– И тому, и другому. Но больше всего тому, как у него с людьми получалось общаться. И женщинам он нравился, извини, конечно. А я никогда, разве что каким-нибудь невзрачным простушкам. Да на кой черт они мне!

– Эх, как он из-за тебя расстраивался! Когда ты родился, он от счастья сиял, думал: сын, наследник, продолжатель рода. И вот какой наследник и продолжатель получился!

– Вышло, как в поговорке «В семье не без урода».

– Поздно ты это понял, сынок, слишком поздно.

– Да. Когда один остался. И Диана ещё помогла. А до того ничего такого в себе не замечал, порядочным себя считал.

– Но что об этом говорить, когда жизнь прожита. А кто это – Диана?

– Знакомая. Она меня отвергла и этим побудила задуматься о самом себе, что из себя представляю. Тут и ты вспомнилась, и отец. Диву себе давался – какая же я сволочь.

– Что-то я её не припомню.

– А ты и не могла её помнить. У нас и отношений никаких не было. Только познакомились, как вскоре она во мне разочаровалась – и от ворот поворот.

– Ладно, не вини себя. Теперь уж ничего не исправишь.

– И это ужасно. Я же по-свински к тебе относился, мамой даже не называл. Всё бабка да старуха. Когда ты умерла, преспокойно поехал на барахолку торговать. Да ничего в тот день не продал – Бог-то всё видит. А в тот день, когда тебя похоронили, бабу на ночь пригласил.

– Не терзайся, привыкай к новой жизни.

Я словно не услышал её слов и продолжил:

– Особенно тяжело от сознания, что ты всё мне простила. Я бы такое простить не смог. Ты ведь после смерти помогала мне отсюда, я это давно понял. Как-то очень уж легко у меня проблемы стали решаться. Тороплюсь – и тут же подъезжает нужный автобус. Деньги кончились, и взять негде, а до пенсии целая неделя. Ни с того, ни с сего решил старые джинсы надеть, которые год не носил. Сунул руку в карман,

а там тысяча завалилась. И такие случаи чуть ли не каждый день происходили. Это ведь твоя работа, да чья же ещё?

– Кто ж о тебе ещё позаботится? Ты ведь один-одинёшенек жил и тяжело тебе приходилось. Я думать не думала, что ты на старости лет совсем один останешься.

Откуда-то появилась серая кошка и принялась тереться о кости моих ног.

– А это наша Мурка, – сказала мать. – Ты помнишь Мурку? Она теперь со мной живёт.

– Помню. А почему ты с отцом не живёшь?

– Разные мы слишком с ним люди. Нас и на земле, кроме долга перед семьей, ничто не объединяло.

– Но теперь-то осознали, что каждый был неправ?

– Осознали. Но живём по отдельности.

– Видитесь хотя бы?

– Видимся. Редко.

– Мне рассказывали, что тут люди друг в друге вообще не нуждаются.

– Да, это правильно.

– Как же Мурка с тобой живёт?

– Мурка – совсем другое дело. У животных душа отличается. Они лучше нас.

– Слушай, мама, – спросил я, вспомнив про Диану, – у тебя нет какой-нибудь одежды?

– Нет, конечно, откуда ей здесь быть!

– А может, ты мне что-нибудь сошьёшь или свяжешь? Неудобно же так ходить.

– Серёжа, о чём ты говоришь? Тут ничего такого не бывает. Ни тканей, ни ниток, ни иголок – ничего.

Тут я вновь ощутил притяжение.

– Мама, кажется, меня кто-то зовёт.

– Отец, наверно. Сходи, сходи, он за тебя переживал.

На этот раз притяжение принесло меня к какому-то колодцу.

– Привет! Заворачивай сюда! – махнул мне рукой из люка Анатолий Моисеев, знакомый писатель, умерший лет пятнадцать назад.

– Здорово! А чего это ты забрался в колодец?

Мы с трудом пожали друг другу руки. Для этого мне потребовалось встать на корячки и просунуть голову в люк.

– Пойдём куда-нибудь в другое место, – предложил я.

– Куда мы пойдём? Тут тебе нет ни ресторанов, ни саун, ни борделей. Я здесь живу.

– В колодце?! Но как-то тут неудобно и сыростью тянет.

– Что делать, брат? Я же самоубийца, таких здесь не жалуют. И потом, какие рестораны? Тут ерундой не занимаются. Здесь живут сутью.

– Кажется, я начинаю понимать здешнюю жизнь. Это как в монастыре, все сидят по кельям, все стали монахами.

– Типа того. И ты тоже теперь монах.

– Так мы так и будем беседовать?

– Спускайся лучше сюда. Ты делай, как я: руками держись за край люка, потом спустись немного и спиной упрись в одну стенку, ногами – в противоположную.

Пришлось последовать его примеру. Так мы и разговаривали – Анатолий внизу, я над ним.

– Ты знаешь, я как очутился на этом свете, свой вес перестал ощущать. А в твоём колодце опять почувствовал.

– Это провинившимся так полагается. Тут у меня не рай.

– А что это – ад?

– Вряд ли. Это такой номер без удобств. Как в гостинице – бывают номера люкс, а бывают так себе. Раз я живу один, как все нормальные люди, значит тут не ад. Ад – это место, где живут толпы, которые и на земле ничего не поняли, прожив жизнь, и здесь пребывают в полном душевном мраке. Если вдруг увидишь толпу мерзких рож, которые ворчат, ругаются, обвиняют друг дружку – ну в точности, как на земле, – можешь не сомневаться – это ад и есть.

– Между прочим, один твой родственник меня твоим убийцей считает. Я же, получилось, орудие самоубийства тебе доставил.

– Он не прав.

– Как сказать. Водку-то, которой ты отправил себя на тот свет, ну, то есть сюда, я приволок. От этого никуда не денешься. И мать твоя предупреждала, чтоб не приносил водку.

– А ты ведь не мог знать, что я задумал, не так ли?

– Ну.

– Вот и не бери в голову.

– А мне кажется, что своим необдуманным поступком я навеки с тобой связан. И никаким топором эту связь не разрубить.

– Так это и неплохо. Я писатель, ты писатель, делали одно дело.

– Извини, однако. Кто ты и кто я?

– А, не скромничай, брат. Я ведь слежу за литературным процессом. И должен признать, что многое из написанного тобой за последние годы очень даже ничего. А с учётом возраста, так и вообще здорово. Таких великовозрастных писателей, что прибавили после шестидесяти, сразу и не припомнишь.

– Послушай, а как тебе удаётся следить за литературным процессом, сидя здесь, в колодце?

– Очень просто. Сюда всё доходит. Всё, что из себя что-то представляет. Эзотерики называют это эгрегором. Мы же с тобой в одном эгрегоре, вот я всю почту и получаю. У композиторов своя почта, у художников – своя. И главные читатели, между прочим, живут здесь, а не на земле.

– Да на земле читателей-то почти не осталось, писателей больше.

– И это мне знакомо. Напрасно вы там сокрушаетесь. Главные читатели и ценители живут здесь, и всё, что заслуживает внимания, пребудет в вечности.

– Ты меня успокоил.

– Ты тоже здесь не затеряешься. Свой кирпичик в общее здание ты внёс – и это главное. Говорю как профессионал.

– Но я не сделал и десятой части задуманного.

– А ты думаешь, я сделал?

– Н-да, никогда не предполагал, что услышу столь лестную оценку в грязном колодце.

Анатолий вдруг поперхнулся и стал отплевываться.

– Тьфу, что за дрянь с тебя сыпется? Похоже на собачье дерьмо.

– Это зверушки позабавились. Я же решил похоронить себя по зороастрийскому обычаю. Труп на земле лежал, в лесу, в открытом доступе. Ну, а там собаки, вороны, грызуны... Есть-то всем хочется.

– То-то, я смотрю, ты выглядишь, как-будто в мясорубке побывал. Решил, стало быть, бросить вызов Богу? Это я в тебе всегда ценил.

– Представляешь, я в таком виде перед Дианой, первой красавицей всей моей жизни, предстал. Вот стыдоба-то!

– Прими мои соболезнования.

– Мне и в голову не могло прийти, что она меня позовёт. Между нами ничего не было, на концерт только один раз сходили в самом начале знакомства. Да и то в компании, а не вдвоём.

– Женщины, брат, самые непредсказуемые существа во Вселенной. Поэтому, когда будешь умирать после следующего земного воплощения (если, конечно, это случится), облачись в смокинг и белые лайковые перчатки.

В этот момент снизу колодца поднялся густой пар с резким запахом канализации.

– Фу-у, как ты это терпишь?

– Привык. Я, между прочим, сомневаюсь, что тебе достанется лучшее жильё. Ты же бросил вызов Богу, так что ничего хорошего не жди.

– Всего лишь о зверушках думал, о Боге и не вспомнил.

– А это неважно. Русские, как тонко подметили западные аналитики, всё делают не подумав. За это всю жизнь и страдают. Горбатого могила исправит.

– Слушай, меня кто-то зовёт. Ты почаще меня приглашай.

– Увидимся, не боись. Эх, обняться бы надо, да боюсь, на дно свалимся.

Отца я увидел издали. Он стоял, широко улыбаясь, с распростёртыми для объятий руками.

– Сын, ты вернулся! – крикнул он, и из-под его очков потекли слёзы радости.

Это было так неожиданно, учитывая, что, прожив в одной квартире всю жизнь,

мы почти не разговаривали, что я, не сознавая, что делаю, бухнулся перед ним на колени.

– Вернулся, дорогой! – отец обнимал меня и гладил по голове. – А я-то думал: нет у меня сына. Оказалось, всё-таки есть.

Он принялся целовать мои дырявые щеки.

– Папа, что ты делаешь, я же урод! – взмолился я.

– А, ерунда все! Главное, что ты вернулся.

– О чём ты? Как же я вернулся, если я умер?

– Ко мне ты вернулся, к нам, в семью, в жизнь! Ты же раньше чужой всем был. Семья сама по себе, ты сам по себе. Даже никогда не интересовался, кто чем живет. Для всех был чужой, и для жизни тоже. Тебя как бы и не было вовсе.

– Это правда.

– Я знаешь, как плакал, когда узнал, что Юрка, наш сосед, директором школы стал. Посредственный был мальчишка, родители простые рабочие, учился так себе. А мой собственный сын кое-как университет одолел, и ни с работой ничего не вышло, ни семьи не создал.

– Да, раздолбай я порядочный был.

– Во-от, главное, что был. Но как ты жил после нашей смерти... Я очень за тебя рад. Ты как будто наверстать упущенное стремился.

– Так и есть.

– Эх, что б тебе раньше так! Ну да ничего, семью ты не опозорил. А ошибки... Ты думаешь, я их не совершал?

– Мне, папа, очень стыдно за своё поведение. Я твоих надежд не оправдал и род твой засушил.

– Я тебе всё давно простил. Не переживай.

– А почему ты не делаешь замечание моему внешнему виду?

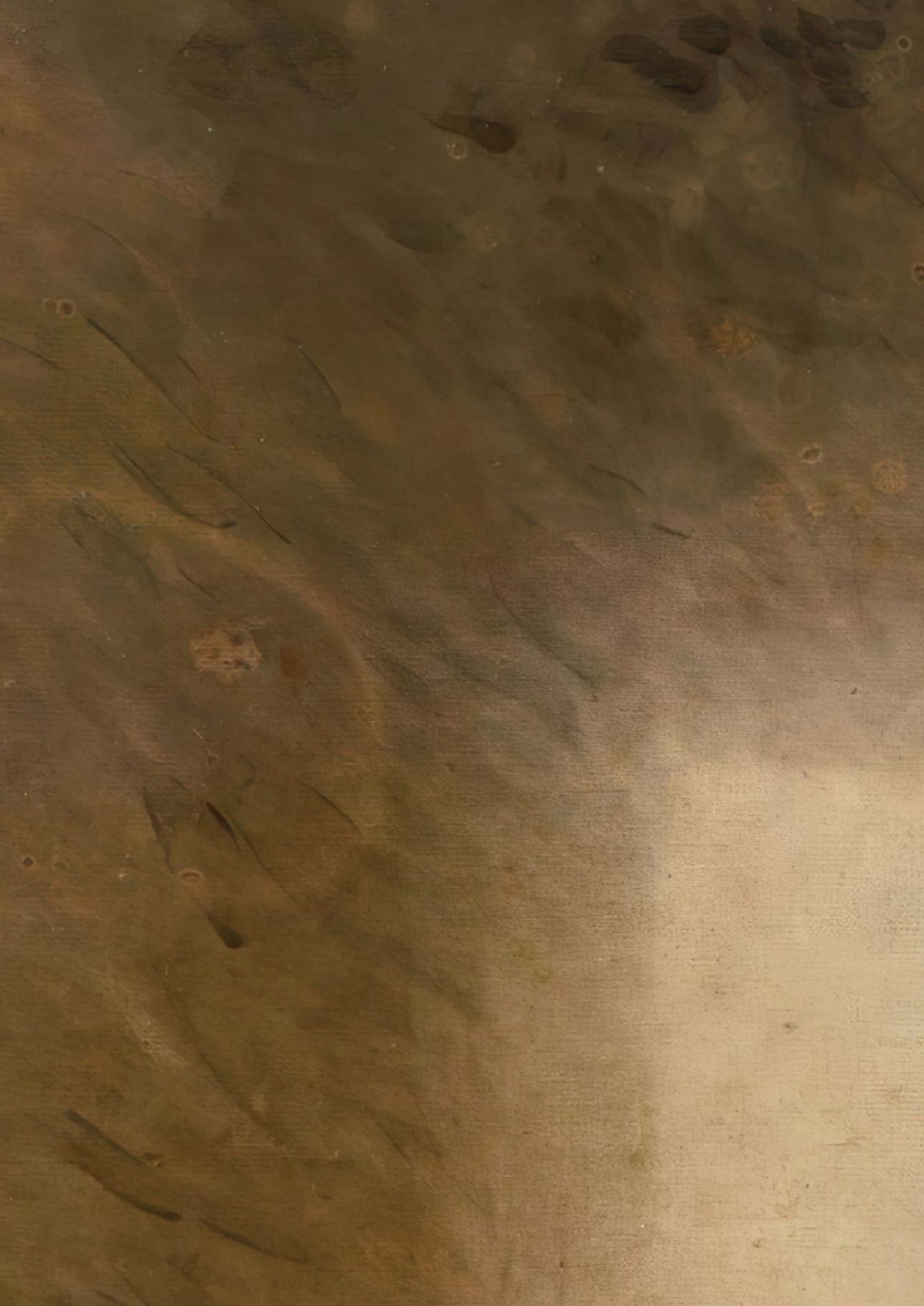
– А-а, я сразу и внимания не обратил. Неважно выглядишь, да. Но это не главное. Главное, что ты состоялся. Это здесь очень ценят. На земле не всегда, там больше о собственной шкуре принято думать, да о материальном достатке. А здесь главное значение имеет, как ты прожил и что после себя оставил. Я тебя читаю, даже, бывает, перечитываю и скажу как профессионал: есть в твоём наследии кое-что, определённо есть.

– Спасибо, папа, твои слова дорогого стоят.

– А где ты поселился, сынок?

– Нигде. Я похоронный обряд нарушил. Может, мне жильё и не полагается, бомжевать буду. Я и похож на бомжа.

– Так живи у меня! Мы же с тобой, можно сказать, одно дело делали, сынок, мой дорогой! ■

Последние коммунары Вселенной. Братья Стругацкие: эволюция взглядов, смена героев

Итоги

Выше мы сказали, что эссе о творчестве Стругацких оказались в количестве никак не сравнимом с работами, посвящёнными профессору Воланду. но вышло по пословице «Мал золотник, да дорог».

Шорт-лист получился предельно коротким, но вошедшая в него работа **Сергея Фоменко** безусловно заслужила **1-е место**.

ММ

Сергей ФОМЕНКО

📍 Самара, Россия

Фото: из личного архива автора

Один из постоянных авторов самарского независимого журнала о кино «25-й кадр», также печатался в толстых журналах «Крещатик», «Новый мир», «Иностранная литература», «Аврора» (отметившем эссе о поэзии Виктора Сержа в финале конкурса «Зеркало революции») и на сетевых порталах «Топос», «Кольцо А», «Darker». Серии междисциплинарных исследований и эссеистики посвящены философским аспектам современного кинематографа (для изданий «Искусство кино» и «Cineticle»), поэзии и экспериментальной эстетики, истории и теории литературного авангарда.

Стихи входили в шорт-лист X Всероссийского фестиваля молодёжного литературно-художественного авангарда «Лапа Азора» (2016), философские эссе отмечены в числе финалистов литературной премии «Эхо-2022» и победителей литературного конкурса к 120-летию со дня рождения Владимира Набокова журнала «Новый мир».

Лауреат 2-й степени нашего конкурса «Дьявол как средоточие истины и морали. Духовные искания Михаила Булгакова. К 100-летию начала литературного творчества», итоги которого подведены во 2-м номере «Тайных троп» (2022).

Наследие братьев Стругацких наполнено для автора лирикой воспоминаний, когда их персонажи несли с собой силу художественно очерченных идеалов. Так весна далёкого 2007 года сделала Самару центром мировой политики – саммита Россия–ЕС–и, одновременно, необычной акции российских и европейских антиглобалистов «Межгалактического либертарного форума». Под музыку «Paprika Corps» и «Аукциона» интеллектуальные французские санкюлоты и визионеры волжской вольницы приглашали в город прогрессоров других галактик, вспоминая, что реальность свободы – мечта о фантастическом и невозможном. Впрочем, когда с поразительной лёгкостью на Земле разрастается Арканар, почему нельзя представить, что теперь среди землян присутствуют Максим Каммерер и Антон Румата, пришедшие из свободных миров? Их ожидание и незримое присутствие давали силу наследникам коммунаров, тогда и сейчас. Им и посвящается нижеследующий текст.

Мечта забытая, мечта воскресшая

О братской битве с безвременьем

Через строки современников, подчас романтизированные, подчас скупые, история донесла до нас портрет первого коммунара Огюста Бланки. Образы прошлого часто богаты на ассоциации. Вот Бланки под завершение жизненного пути организует смотр сторонников – членов тайных обществ. Собравшиеся в центре Парижа, но не знавшие друг друга люди внезапно обнаружили в своём лице грозную силу. Не догадываясь, что её творец, невидимый архитектор – незаметный старик – стоит в стороне, прислонившись к дереву. Как легко здесь прочитывается лик прогрессора! «Просто обнажите ваши мечи и встаньте во главе нас».

Советская история чтит своих предтеч, уступая первенство воплощённого социализма Парижской Коммуне. Благодаря этому художественной мысли так легко перебросить мост между первым и последними коммунарами Вселенной. Этому охотно вторит микроистория: последний парижский коммунар Адриен Лежен доживал свои дни в советском Новосибирске, пока будущие коммунары фантастических миров делали первые пробы пера. Совсем скоро первый из их персонажей, реликтовый и забытый, поднимется из глубин океана, чтобы вмешаться в ход сражения современной военной техники («Как погиб Канг»).

Филипп Дик как-то назвал главной чертой научной фантастики динамику. Именно ощутимый недостаток динамики, вызванный расхождением мечты о справедливости с её воплощением, можно назвать одной из проблем советского общества. Здесь пролегает неустрашимая разница между коммунаром и прогрессором: второй живёт в мире осуществлённого (но не завершившегося!) коммунизма, который для первого – пленительная, но пока ещё туманная идея. Впрочем, именно в этом кроется её подлинная сила.

Если поэзию и революцию роднит способность к абстракции, созданию новых символов из порой неприметных объектов реальности, то революцию с фантастикой объединяет стремление

к воскрешению символов, их очищению от паутины канонических прочтений. Благословенны времена, когда среди нас живут благородные тени прошлого, пусть даже это требует работы фантазии, запускающей межзвёздные корабли и машины времени. Фатум «Града обреченного» не столько в детерминизме эксперимента, сколько в давящей предсказуемости его результатов. Подлинный коммунизм должен быть невообразим и для его теоретиков.

Память рисует автору этих строк картину родного города, шестнадцать лет назад встречавшего международный саммит и ответившего на него Межгалактическим либертарным форумом¹. Протестным карнавалом, на который активисты разных политических оттенков гостеприимно приглашали... инопланетных прогрессоров! Они не явились, и это было не коллективное помешательство: мечта о достижении справедливости всегда влечёт грёзы о невозможном.

Эпоха великого, но, казалось бы, остановившегося гегельянского времени, ведущего к Раю для всех, уступила место многочисленным субъективным временным опытам. Их выпукло рисовали киноакварели Андрея Тарковского: скажем, дискуссионный в отношении к литературному первоисточнику «Сталкер» - палитра таких опытов, нацеленных на выход к Абсолюту. Впрочем, Тарковский ничего не искажил: интуиция художника позволила прочувствовать ось идеи, проходящей через многие произведения братьев-фантастов. Это борьба с остановившимся временем, прерывающим эстафету разума.

Мы живём в остановившемся времени с незалеченной травмой, где сочинить антиутопию всегда проще, чем утопию. «Во всей Вселенной одно только наше человечество занимается Прогрессорством, - говорит Леонид Горбовский, - потому что у нас история такая, потому что мы плачем о своём прошлом... Мы не можем его изменить и стремимся хотя бы помочь другим, раз уж не сумели в своё время помочь себе...» («Волны гасят ветер»).

На этом фоне грустно наблюдать популярную линию критики авторов, обернувших против них идею самого Бориса Стругацкого (повторившего наблюдение Джорджа Оруэлла): суть фашизма – в тирании групп («Фашизм – это очень просто»). Не является ли в таком случае претенциозная элитарность «благородных донов» и прочих интеллигентов вариацией фашистского обольщения?

Не является. Да, до ужаса легко представить прогрессоров, высадившихся из XI тезиса Маркса о Фейербахе, чтобы на досуге почитать «Политическую теологию» Карла Шмитта. Примерно отсюда вырастает параноя отдельных сотрудников КОМКОНа-2. «В этом сама суть Прогрессора: умение решительно разделить на своих и чужих» («Жук в муравейнике»). Шмитт в общем-то мог стать ленинистом, если бы не несколько «но», приведших его к нацизму.

И всё же это проекция травмы шестидесятничества – неудачи советского Просвещения с его стремлением рационализировать аффекты дорожками стройных концепций, интеръерами парадигм, чтоб затем наблюдать, как их сметает новая, более дикая поросль. Видимо, поэтому в недавней экранизации Алексея Германа так необычайно близок нам инопланетный мир: до беспардонной простоты повседневного обскурантизма, до тривиальности прокуренных общезитий («Трудно быть богом»). Травма так и не сбывшейся (вернее, сбывшейся, но не так) мечты останавливает ход времени.

¹ См.: <https://samara-may.livejournal.com/>.

В современном обществе восторжествовала мысль Шмитта и Томаса Гоббса – о властителях-сюзеренах, несущих чудо народам. Об Огненосных Творцах, стирающих память во имя ложных воспоминаний мнимо-исторического сознания: система, покоящаяся на забвении времени, оказывается более устойчивой. На сайтах поклонников всё чаще звучит пугающе-популярная теория, что Рэба... тоже был прогрессором. Только чуть более успешным, чем Румата.

Однако борьба и одиночество героев во враждебном окружении скрывает желание вновь запустить законы диалектики, оживить забываемую мечту. СССР пытался воспитать общество критически мыслящих скептиков, в итоге пришедших к отрицанию самого социализма. Тяжело признавать, что наивная в чём-то вера питала эту мечту сильнее книжных концепций. Не потому ли людям, несмотря на всю мощь разума, так и не удалось создать совершенное общество?

Системная ошибка Просвещения, трагедийно ловко подхваченная шестидесятниками и охотно вызвавшая саркастическую усмешку фрейд-марксистов – это подмена идеалов борьбы воспитательным процессом. Конечно, стремление любой победившей революции – воспитать нового человека. Вот только педагогическая мысль сильна, пока живы идеалы и их символы.

Кандид «Улитки на склоне» прекрасен тем, что продолжает бунтовать. Несмотря на осознание тщетности и неотвратимой неудачи, он встаёт на защиту деревни против Леса, который наступает на неё мертвящими силами. Его бунт, настойчивый в бесплодных усилиях, оказывается иллюстрацией человеческого достоинства. Зато Румата, обернувшийся в финале картины Германа отошедшим от борьбы учителем – это уже конец... «Обнажите свои мечи». Нет, слишком поздно.

Тем не менее в скепсисе поздних Стругацких есть лукавство. Не случайно их вдохновляла философия Эвальда Ильенкова, пытавшегося наполнить диалектику новым идеалом и целью движения, которая приведёт к гуманизму спасения. Отсюда, правда, и та лёгкость, с которой их Вселенную на поздних этапах творчества заселят сверхъестественные существа, пришедшие из-за стен научной мысли, оседлавшие утешающие мелодии надежды искушением простых ответов. Даже Бог изящно и просто впишется сюда (открыто – в повести Вячеслава Рыбакова «Трудно стать Богом»), как когда-то вмешался в битву герой самого первого рассказа.

Вся эта ночная пляска нимф и троллей на руинах рационального, на подмостках безвременья – красочная, но, в сущности, примитивная мизансцена более утончённой трагедии. Советская мысль рухнула, столкнувшись с неустранимым расхождением диалектики и материализма. Противоречия гегельянской диалектики были порождением Абсолютного Духа. Маркс и Энгельс перенесли их на природу, убрав духовные предпосылки, но сохранив созерцательно-спекулятивный метод. Но без ответа остался вопрос, откуда в природе действие диалектики, присущее мысли?

Ответ легко искать по ту сторону разума, но его может дать искусство. И Аркадий Стругацкий даёт его в предисловии к сборнику Рюноске Акутагавы: «Целью жизни может быть только искусство, оно является и целью существования рода человеческого». Искусство воспитывает коммунаров, соединяя природу и мысль в контурах высвечиваемых им противоречий.

Стругацкие разочаровались не в коммунизме, а во власти, «ведущей» людей к ком-

мунизму. За тотальным пессимизмом поздних произведений пробиваются лучики былых идеалов, высокая этика трагедии. Кажется, всё светлое уводит человека назад, в прошедшую эру создания ценностей не воплотившейся справедливости. Но это движение необходимо, чтобы вновь двинуться вперёд, очистив потухшую мечту от пепла догматики. Завершить законченное, чтобы начать сначала.

Сопrotивление природы (в противодействии технике, в возврате разрушительных аффектов) осуществляет воспитание человека, устанавливая его цели. Ничто так не вдохновляет, как решимость математика Филиппа Вечеровского продолжать работу, несмотря на неотвратимую угрозу («За миллиард лет до конца света»). А первая искорка, превратившая Максима Каммерера в бланкиста, придёт из почти невинного наблюдения об отсутствии на планете Саракш «промышленности красоты», фатальном для бедной и некрасивой Рыбы, но внезапно одарившем самого Максима волной почти братского сочувствия к ней («Обитаемый остров»).

Мечту о справедливости всегда можно обосновать, но выразить до конца – нельзя. Упомянутый Межгалактический форум был, конечно же, жёстко разогнан стражами порядка, но остался напоминанием о не достигнутой, но манящей справедливости. Под взглядами городских скульптур из прошлого и в лицах наблюдавших разгон (и о чем-то задумавшихся) свидетелей-прохожих. В той стороне, где прислонившийся к дереву и смотревший на происходящее неприметный старик вполне мог оказаться возвратившимся из прошлого первым коммунаром.

Когда-то Энгельс назвал Бланки «социалистом по чувству»; к последним коммунарам Вселенной это выражение тоже применимо. Мечта не сбылась, но безысходность преходяща. Элитарно-пессимистический дискурс поздних произведений братьев – это колыбель и для новой надежды. Там, где звёзды вновь поведут осуществлять невозможное, а последние коммунары могут стать первыми. ■

Да здравствуют конкурсы!

Наступает черёд новых конкурсов:

Конкурс рассказа

Колодцы и горизонты.
Поиск человечества в себе
или себя в человечестве?

Конкурс эссе

Возвеличить, проклясть, понять.
Образ народа в русской литературе
от Пушкина до Пелевина

Объём работы желательно ограничить 10 тысячами знаков с пробелами (тут главное слово – «желательно»).

Укажите, пожалуйста, в письме **имя, фамилию, адрес электронной почты, телефон** (желательно с доступом к WhatsApp'у или Viber'у), **место проживания (нахождения)**.

Обязательно давайте **название своей работе**.

Обязательно указывайте в теме письма: **Конкурс "[название]" – [ваша фамилия, имя, в кавычках название вашей работы]**

И ещё одно условие – ответить на вопрос:

Сколько и какие конкурсы были объявлены на СТРАНИЦАХ «Тайных троп»?

Будьте внимательны, помните, что часть конкурсов мы объявляли не на страницах альманаха, а на сторонних ресурсах.

Приём **по 30 июня 2023 года**

по адресу:

mail@znak.press

с указанием темы **«ТТ: Конкурс эссе. [Фамилия автора. Название работы]**».

В качестве приза – публикация в ближайшем выпуске альманаха!

Редакция «Тайных троп» в ожидании ваших работ. ■

Мир

Сергей ГРАДУСОВ

📍 Санкт-Петербург, Россия

Фото: портрет работы Соломона
Эпштейна (холст, масло, 2005 г.)

Победитель первого конкурса эссе, проведённого «Тайными тропами», «Дьявол как средоточие истины и морали. Духовные искания Михаила Булгакова. К 100-летию начала литературного творчества». Говорит про себя: «Я человек частный, «внутренний», факты внешней биографии не интересны и ничего не объясняют. Сфера интересов – живопись и литература; русская литература; Достоевский, Булгаков, Платонов... Сколько себя помню, пишу, красками и словами. Счастлив, что судьба свела меня с Соломоном Эпштейном (живопись) и Виктором Соснорой, ЛитО которого, как и многие, посещал. А Эпштейн – пласт моей жизни, с 1975 по 2020 год. Он большой художник, иногда думаю, что и очень большой, говорить о нём – это говорить о живописи, что очень трудно: «нет для смежных искусств у поэзии слов»».

Настоящая публикация, говоря по-современному, – сиквел, а по-литературному, продолжение, необходимый постскрипtum к той, победной, статье.

P. S.: Завтрак съешь сам

Мой текст о месте Воланда в «Мастере и Маргарите» (см. «Рукописи горят», «Тайные тропы», № 2, 2022) основывался, по сути, на двух мыслях. Одна о том, что дьявол не в силах вернуть автору сожжённую рукопись: дьявол не способен сотворить чудо – его возможности ограничены фокусами, более или менее эффектными, мошенничеством, явным или замаскированным, и обманом разной степени наглости. Мысль, в общем, банальная, но в мире «Мастера и Маргариты» Воланд кажется почти всесильным – и всё же мне удалось найти в тексте романа достаточно доказательств, обличающих в чёрте плута и обманщика, а никак не чудотворца. Совсем недавно нашлась и ещё одна улика.

Я подхватил вирус и, свалившись в постель, взял в руки лучшее обезболивающее – хорошую книгу. Снялась с полки «Мастер и Маргарита» – и тут же обнаружилась в ней ещё одна деталь, уличающая дьявола во лжи! Помните место, где Воланд рассказывает о завтраке у Канта? Ну так вот: всем известно, что Кант не завтракал. Всем известно, что он принимал пищу раз в сутки, в час дня, съедая в один присест весь дневной рацион. Такую трапезу назвать завтраком никак невозможно.

То есть налицо опять-таки случай «так называемого вранья», по выражению Фагота. Не был чёрт у Канта; врёт старый паскудник...

Но я-то каков! Смотрю в книгу, а вижу... Всю жизнь читаю и только сейчас заметил. На самом видном месте, на двенадцатой странице! Стыд и позор! Пойду посыплю седую голову пеплом да приму триста капель эфирной валерьянки, забудусь сном...

Ну ладно, я... А Берлиоз? Бесспорный эрудит Берлиоз? Он-то как мог купиться на столь явную ложь?!..

Не постигаю... ■

Мир

литературоведение

Мир

Олег ЛЕКМАНОВ

📍 Москва, Россия –
Ташкент, Узбекистан

Фото: из личного архива автора

Доктор филологических наук. Ещё в начале 2022 года профессор на гуманитарном факультете Высшей школы экономики (Москва). Теперь это в прошлом, а в настоящем – преподаёт в Национальном университете Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент).

Автор восьмисот опубликованных работ и двух детей мужского пола. Лауреат Шуваловской премии (МГУ), лауреат премии «Нового мира» за 2017 год, лауреат главной литературной премии России «Большая книга» (2019, первая премия), что, впрочем, не спасло автора от нападков Н. Михалкова, Э. Прилепина и Д. Киселёва. В апреле 2022-го из-за несогласия с войной, развязанной Россией против Украины, временно покинул страну.

Приятель и персонаж

В третьем выпуске нью-йоркского альманаха «Воздушные пути», вышедшем в 1963 году, были напечатаны короткие воспоминания о Манделшьтаме, автором которых числился некто Григорий Рабинович:

В декабре 1911 г. Манделшьтам явился в «Бродячую собаку» и сказал экспромтом:

«Господа, я нашёл за границей, в Италии, пергаменты неизвестного поэта Caius'a Stultitius'a и перевёл их; они отличаются закружённой античной глупостью; вот они: —

Катится по небу Феб в своей золотой колеснице,
Завтра тем же путём он возвратится назад.

— о —

Ветер высоких деревьев срывает жёлтые листья.
Делия, посмотри, фиговых сколько листов.

— о —

Делия, где ты была? — Я лежала в объятьях Морфея.
Женщина! ты солгала! — в них я покоился сам.

В ноябре/декабре 1913 года Осип Эмильевич поссорился с родителями и поехал гостить в санаторию моего отца доктора Рабиновича в Мустамяки. Вернувшись, посетил меня: «Гриша, я написал стишки»: —

В девятьсот тринадцатом, как яблоко румян,
Был канонизирован святой Мустамиан,
И к вечному блаженству приобщён,
Что от чудовищных родителей рождён.

Серебро закладывал, одежды продавал
И тысячу динариев менялам задолжал.
Гонят слуги палками того, кто худ и нищ,
Охраняют граждане добро своих жилищ¹.

1 Шуточное // Воздушные пути. Вып. III. 1963. Нью-Йорк. С. 24–25.

Эти воспоминания предварялись небольшим пояснением от редакции «Воздушных путей»: «Григорий Семёнович Рабинович, ныне здравствующий в Аргентине, в молодости, в Петербурге, дружил с Осипом Эмильевичем Мандельштамом»².

Кто такой этот загадочный Григорий Семёнович Рабинович, и как складывалась его судьба до отъезда в Аргентину?

Кое-какая информация о Рабиновиче обнаруживается в воспоминаниях младшего из трёх братьев Мандельштамов – Евгения Эмильевича:

Около самой станции, на опушке леса, в Мустамяки, незадолго до войны 1914 года петербургский врач Рабинович выстроил двухэтажный комфортабельный по тем временам пансионат, быстро завоевавший популярность. Владелец пансионата был давним и хорошим знакомым матери. Его сын, довольно непутёвый юноша, дружил с моим братом Александром. Оба они ухаживали за одной и той же девушкой. Сохранилась фотография, где все трое сняты в саду пансионата, ставшего местом поездок молодых Мандельштамов как зимой, так иногда и летом³.

Благодаря содействию Г. Г. Суперфина и В. М. Дзевановского, нам удалось ознакомиться с университетским личным делом Рабиновича. Вот сведения из него:

Рабинович Григорий Семёнович был зачислен на японско-китайский разряд Факультета восточных языков в октябре 1918.

Жил: на 1923 г. Невский 112 кв. 8.

Прослушал курс юридических наук в Петербургском Императорском Университете (1911–1915), не окончил так как был призван на военную службу, затем взял отсрочку по состоянию здоровья. Иудейского вероисповедания. Поступил в 1901 и окончил в 1910 году главное немецкое училище при лютеранской церкви Св. Петра в СПб. с серебряной медалью.

Сын лекаря Григорий Шиманович Рабинович, родился в Вильно 20 декабря 1892, жил на 1910 Пушкинская ул. 17 кв. 1 (кв. Арона Рабиновича, дяди). В 1914 Пушкинская 14 в меблированных комнатах Россия.

Родители: врач Шимон-Зимель (Семён) Гирш-Беркович и Розалия Яковлевна Дайхес. <...>

Ходатайствовал Ник^олай Владимирович Вестман, директор департамента общих дел Министерства Народного Просвещения, перед ректором Петербургского Императорского Университета В. М. Шимкевичем за Рабиновича: «сын доктора медицины, который много лет пользуется мою семью и неоднократно оказывал мне неоценимые услуги, в политическом отношении вполне безупречен».

² Там же. С. 24.

³ Мандельштам Е. Воспоминания / Публ. Е. П. Зенкевич. Примечания А. Г. Меца // Новый мир. 1995. № 10. С. 128. Ср., например, в дневнике С. П. Каблукова от 26 января 1915 г. об Осипе Мандельштаме: «Чувствует себя нездоровым и сегодня уезжает на покой и отдых в санаторию д-ра Рабиновича в Мустамяках» (О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова / Подготовка текста и примечания А. Г. Меца // Мандельштам О. Камень (серия «Литературные памятники»). Л., 1990. С. 249).

Не поступил в П<етербургский> И<мператорский> У<ниверситет> в 1910 по причине «переполнения нормы для лиц иудейского вероисповедания». 24 октября 1914 в 7 вечера принял облатку сулему, был доставлен в Обуховскую больницу. Причина попытки самоубийства тяжёлые условия жизни⁴.

Ещё ряд фактов о семье Григория Рабиновича и санатории Рабиновича-отца «Санитас» позволяет установить обращение к газетному материалу. В номере гельсингфорской газеты «Северная жизнь» от 20 февраля 1919 года находим сообщение: «В минувшее воскресенье⁵ сгорел русский пансионат в Мустамяках. Ущерб составил 200000 марок». В номере гельсингфорской газеты «Новая русская жизнь» от 9 марта 1920 года помещено следующее траурное объявление: «Всем друзьям и знакомым, почтившим память 2 <его> <месяца> дорогого доктора Семёна Григорьевича Рабиновича выражает глубокую благодарность Елизавета Федоровна Казаринова». А в номере этой

⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7240 (Петроградский/Ленинградский университет). Оп. 2 (дела студентов). Ед. хр. 2932. Л. 1, 25, 41.

⁵ Т. с. 16 февраля 1919 г. – О. Л.

же газеты от 1 июня 1921 года имя Григория Рабиновича всплывает ещё раз: «Умоляю лиц, знающих местопребывание семьи Бориса Михайловича Виткина⁶, сообщить Г. С. Рабиновичу Constantinople Péra rue Asmali Medjid 35 Redaction de «Presse du soir» – G. Rabinovitch»⁷.

Если расположить эти сведения в хронологическом порядке и соотнести их с фактами из жизни Мандельштама, получится следующая сводка:

Григорий Рабинович (далее – Г. Р.) родился 20 декабря 1892 года в Вильно. По-видимому, его семья там и подружилась с семьей матери Мандельштама Флоры Осиповны Вербловской («владелец пансионата был давним и хорошим знакомым матери»), которая тоже родилась и окончила гимназию в Вильно.

Затем семья Г. Р., как и семья Мандельштама, переехала в Петербург, где в 1901 г. Г. Р. поступил в главное немецкое училище при лютеранской церкви Св. Петра (окончил в 1910 г. с серебряной медалью) – Мандельштам поступил в Общеобразовательную школу им. В. Н. Тенишева в 1899 г.; окончил Тенишевское училище в 1907 г. без медали.

В 1910 г. Г. Р. не поступил в Петербургский университет «по причине “переполнения нормы для лиц иудейского вероисповедания”» – Мандельштаму помешала эта же причина. Однако в 1911 г. Г. Р. все-таки удалось поступить в университет на юридический факультет, возможно, благодаря протекции Н. В. Вестмана – Мандельштам поступил на историко-филологический факультет университета в 1911 г., сменив вероисповедание.

Оба университет не окончили.

Как и Мандельштам, в 1912 г. и в 1915 г. сумевший избежать воинского призыва (его спасло обучение в университете)⁸, Г. Р. в 1915 г. не отправился в окопы Первой мировой войны (получив отсрочку по состоянию здоровья).

24 октября 1914 г. Г. Р. попытался покончить с собой – в декабре 1914 г. или в начале января 1915 г., если поверить Георгию Иванову, «Мандельштам стрелялся, конечно, неудачно»⁹.

Далее цепочка биографических переключек между Г. Р. и Мандельштамом обрывается. В октябре 1918 г. Г. Р. пытается возобновить образование в университете и поступает на японско-китайский разряд факультета восточных языков. В феврале 1919 г. сгорает пансионат его отца в Мустамяках. 2 марта 1920 г. отец Г. Р. умирает. В начале лета 1921 г. Г. Р. – сотрудник эмигрантской газеты «Presse du soir», издававшейся в Стамбуле с 1920 по 1925 гг. Однако в 1923 г. он снова в Петрограде и живёт на Невском проспекте.

⁶ Журналиста, сотрудника газеты «Биржевые ведомости». – О. Л. Его дочь, Тамара Борисовна Романенко, умерла в 1971 г. во Франции (см.: Незабываемые могилы. Некрологи. 1917–2001. В 6-ти тт. Т. 6. Кн. 17 М., 2005. С. 261).

⁷ Финские газетные следы Г. Р. выявлены на сайте: «Зеленогорск/Териоки. История и современность». <https://terijoki.spb.ru/f3/viewtopic.php?style=-1&f=3&t=9121&start=105>.

⁸ См.: Сальман М. Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Russian Literature. 2010. Vol. LXVIII, № 3–4. P. 457–459, 469–470.

⁹ Иванов Г. Собрание сочинений: в 3-х тт. Т. 3. М., 1994. С. 93.

Что делал Г. Р. с 1923 г. по 1963 г. мы не знаем. Следующий известный факт о нём – в 1963 г. Г. Р. житель Аргентины и делится с читателями «Воздушных путей» воспоминаниями про общение с Мандельштамом в 1913 году.

К этим надёжным источникам для реконструкции биографии Г. Р. можно прибавить два, менее надёжных – очерк Мандельштама «Киев» 1926 года и его же повесть «Египетская марка» 1927–1928 годов.

Процитируем зачин очерка «Киев», в котором описывается конец весны – первая половина лета 1919 года:

Самый живучий город Украины. Стоят каштаны в свечках, розово-жёлтых хлопущах-султангах. Молодые дамы в контрабандных шёлковых жакетах. Погромный липовый пух в нервическом майском воздухе. Глазастые больше-ротые дети. Уличный сапожник работает под липами жизнерадостно и ритмично. Старые «молочарни», где северные пришельцы заедали простоквашей и пышками гром петлюровских пушек, – на местах. Они ещё помнят последнего киевского сноба, который ходил по Крещатику в панические дни в лаковых туфлях лодочках и с клетчатым пледом, разговаривая на самом вежливом птичьем языке. И помнят Гришеньку Рабиновича, бильярдного мазчика из петербургского кафе Рейтера, которому довелось на мгновение стать начальником уголовного розыска и милиции¹⁰.

Мы не знаем точно, о Г. Р. или нет идёт речь в финальных строках этого фрагмента, но вероятность, что именно о нём – довольно высока. Как минимум, потому, что в адресном справочнике «Весь Петроград на 1917 год», кроме Григория Семёновича Рабиновича, проживавшего в 1917 г. по тому же адресу, что и в 1923 г. (Невский проспект, д. 112), отыскивается ещё только один Григорий Рабинович – и это директор правления акционерного общества и нефтеперерабатывающего завода¹¹, то есть явно не мазчик из кафе «Рейтер», располагавшегося в Петрограде на углу Невского проспекта и Садовой улицы. По предположению П. М. Нерлера, именно Г. Р. может упоминаться в письме Надежды Хазиной (будущей Надежды Мандельштам) к Мандельштаму, отправленном 17 сентября 1919 г.: «Подробности Вам расскажет Паня. О Гришеньке тоже»¹².

То есть, Г. Р. после октября 1918 г., возможно, уехал в Киев, оттуда, как и Мандельштам, в Крым, оттуда – в Константинополь, в эмиграцию, где точно пробыл до 1 июня 1921 г., а потом (до 1923 г.) вернулся в Петроград. Маршрут причудливый, но для того времени вполне обычный.

И, наконец, – самое важное и самое спорное дополнение к биографии Г. Р., которое сформулируем в форме вопроса: не послужил ли он прототипом для третъестепенного персонажа повести Мандельштама «Египетская марка»?

Приведём здесь полностью соответствующий эпизод из произведения Мандельштама:

¹⁰ Мандельштам О. Полное собрание сочинений: в 3-х тт. Т. 3. М., 2011. С. 72.

¹¹ Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. С. 568.

¹² «Посмотрим, кто кого переупрямит...» Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. и автор идеи П. Нерлер. М., 2015. С. 42. Паня – художник Павел Георгиевич Пастухов.

«Страховой старичок» Гешка Рабинович, как только родился, потребовал бланки для полисов и мыло Ралле. Жил он на Невском в крошечной девической квартирке. Его незаконная связь с какой-то Лизочкой умиляла всех. – Генрих Яковлевич спит, – говаривала Лизочка, приложив палец к губам, и вся вспыхивала. Она, конечно, надеялась – сумасшедшей надеждой, – что Генрих Яковлевич ещё подрастет и проживёт с ней долгие годы, что их розовый бездетный брак, освящённый архиереями из кофейни Филиппова, – только начало...

А Генрих Яковлевич с лёгкостью болонки бегал по лестницам и страховал на дожитие.¹³

5 февраля 1928 года Давид Выгодский законспектировал в дневнике суждение Манделъштама о начальных главах романа Вениамина Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», одна из частей которого была напечатана в журнале «Звезда» по соседству с «Египетской маркой»:

Все недовольны новым романом Каверина «Скандалист». Манделъштам, как всегда, брызжет слюной негодования. «Если он на 99% берёт портретные черты, фотографию, а один процент прибавляет от себя, что вздумается, так ведь это клевета... Или дай все сто процентов фотографичности, или делай, как настоящий художник, перемешай всё так, чтобы нельзя было разобрать, что откуда».¹⁴

Как известно, в «Египетской марке» Манделъштам воспользовался и первым, и вторым своим рецептом. В ряде случаев он дал «все сто процентов фотографичности», очень точно и даже не меняя имён, отчеств и фамилий, изобразив людей, живших в Петрограде летом 1917 года (время действия повести), а в нескольких случаях «перемешал всё так», что нельзя или очень трудно «разобрать, что откуда».

Если наша гипотеза верна, то от прототипа (Григория Семёновича Рабиновича) к персонажу (Генриху Яковлевичу Рабиновичу) перешли «крошечная девическая квартирка на Невском», возможно – «какая-то Лизочка» (вспомним благодарственное объявление в «Новой русской жизни», данное Елизаветой Федоровной Казариновой), а, главное, суматошность, лёгкость и инфантильность, которые, судя по воспоминаниям, были присущи и Г. Р. («довольно непутёвому юноше») и самому Манделъштаму в юности.

То есть ключевая терапевтическая мольба автора «Египетской марки»: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него»¹⁵, могла касаться не только Парнока. ■

¹³ Манделъштам О. Полное собрание сочинений: в 3-х тт. Т. 2. М., 2010. С. 293. «Страховой старичок» здесь явно не указание на возраст, а прозвище (типа «старик Маргулис» – о молодом приятеле Манделъштама), поэтому оно и заключено в кавычки.

¹⁴ Летопись жизни и творчества О. Э. Манделъштама. Издание третье, исправленное и дополненное / Сост. А. Мец, при участии С. Василенко, Л. Видгофа, Д. Зубарева, Е. Лубянской, П. Минцера. СПб., 2019. С. 302.

¹⁵ Манделъштам О. Полное собрание сочинений: в 3-х тт. Т. 2. С. 287.

Елена ПОГОРЕЛЬСКАЯ

📍 Москва, Россия

Медленное чтение рассказа И. Бабеля "Улица Данте". "Дом И. С. Остроухова в Трубниках". Июнь, 2014

Фото: из личного архива

Литературовед, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. В настоящее время занимается подготовкой научного собрания сочинений Бабеля в 5-ти томах.

Автор первой полной научной биографии Бабеля (в соавторстве с С. Х. Левиным) «Исаак Бабель. Жизнеописание» (книга удостоена диплома Международного книжного фестиваля в Одессе «Зелёная волна» в августе 2020 года в номинации «Научное издание», внесена в длинный список Национальной литературной премии «Большая книга» 2021 года), а также многочисленных статей и публикаций по русской литературе первой трети XX века. Лауреат премии журнала «Вопросы литературы» за 2017 год.

Составитель книг: «Бабель И. Письма другу: Из архива И. Л. Лившица» (М., 2007); «Описание документальных материалов В. В. Маяковского, находящихся в государственных хранилищах. Вып. III» (М., 2013; книга удостоена диплома Росархива 3-й степени); «Бабель И. Рассказы» (СПб, 2014). Редактор и автор одной из статей в библиофильском издании в двух частях «Бабель И. Улица Данте» (Иерусалим, 2015).

Инициатор и организатор Международной научной конференции «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век» (2014), приуроченной к 120-летию со дня рождения писателя; ответственный редактор одноимённого сборника (М., 2016).

В 2018 году в академической серии «Литературные памятники» вышла подготовленная ею «Конармия» И. Бабеля.

О мопассановском источнике дебютного рассказа Бабеля

В ранние одесские годы он <Бабель> говорил:

— Когда-то мне нравился Мопассан. Сейчас я разлюбил его.

Но, как известно, и этот период прошёл. Избавляясь от стилистических излишеств, Бабель снова полюбил Мопассана.

Л. И. Славин. Из воспоминаний о Бабеле

Под ранними одесскими годами, вероятно, надо понимать начало 1920-х (точную дату их знакомства Славин не помнит), до переезда Бабеля в 1924 году в Москву. Писатель действительно со временем избавлялся от «стилистических излишеств», но имело ли место на самом деле временное разочарование в Мопассане, сказать трудно.

О стилистических традициях Мопассана и Флобера в произведениях Бабеля критики писали ещё в 1920-е годы. Например, А. Лежнев отмечал: «Бабель идёт от Мопассана в строении *новеллы*, от Флобера — в строении *фразы*» (курсив Лежнева. — *Е. П.*)¹.

Самим Бабелем имя Мопассана впервые упомянуто в напечатанном в «Журнале журналов» в конце 1916 года очерке «Одесса» который, не без основания, считается эстетическим манифестом молодого писателя. И не просто упомянуто, а можно сказать, поднято на щит. Одесса, считал Бабель, единственный город, где «может родиться так нужный нам, наш национальный Мопассан»². Похоже, что сам разговор об Одессе начинающий автор затеял именно для того, чтобы порассуждать о литературе и подвести к Мопассану.

По Бабелю, русским авторам недоставало «настоящего, радостного, ясного описания солнца». Не находил он такого описания ни у Тургенева, ни у Достоевского, ни у Гоголя. И даже Горький для Бабеля только предтеча, хотя и «самый сильный в наше время»³. Русским писателям Бабель противопоставил Мопассана и его новеллу «Признание», облюбовав её, по словам А. К. Жолковского, «как программный “солнечный” текст»⁴:

«А вот Мопассан, может быть, ничего не знает, а может быть — всё знает; громыкает по сожжённой зноем дороге дилижанс, сидят в нём, в дилижансе, толстый и лукавый парень Полит и здоровая крестьянская топорная девка. Что они там делают и почему делают — это уж их дело. Небу жарко, земле жарко. С Полита и с девки льёт пот, а дилижанс громыкает по сожжённой светлым зноем дороге. Вот и всё»⁵.

К новелле «Признание» Бабель ещё вернётся: во второй половине 1920-х годов как переводчик, в начале 1930-х — как интерпретатор.

В 1926–1927 годах в издательстве «Земля и фабрика» под редакцией Бабеля вышло небольшое трёхтомное собрание сочинений Мопассана, которое состояло из тридцати двух новелл, примерно десятой части всего новеллистического наследия французского писателя. В этом издании Бабель выступил сразу в нескольких ипостасях: составителя, редактора перевода и собственно переводчика трёх новелл — «Идиллии», «Признания» и «Болезни Андре»⁶.

В шестом номере журнала «30 дней» за 1932 год был опубликован рассказ Бабеля «Гюи де Мопассан», непосредственно посвященный французскому классику и работе над переводом. В этом произведении упоминается новелла Мопассана «Мисс Гарриет», даётся краткий пересказ «Идиллии», представляющий собой квинтэссенцию этой новеллы; основной же сюжетный ход рассказа Бабеля составляет мастерский парафраз «Признания».

Мопассановским подтекстам и источникам рассказов Бабеля посвящены работы Жолковского⁷. В качестве источников «Гюи де Мопассана» помимо трёх упомянутых там новелл исследователь разбирает ещё один из переведённых Бабелем текстов — «Болезнь Андре», а также роман «Милый друг» и не публиковавшуюся при жизни французского писателя повесть «Доктор Иракий Глосс».

В недавней статье «Мотивы Флобера и Мопассана в прозе Исаака Бабеля» я дополнила этот список новеллой Мопассана «Магнетизм» и последними строками романа «Жизнь»⁸. В первом случае речь шла о сне героя-повествователя из рассказа Бабеля: «Мне приснилась Катя, сорокалетняя прачка, жившая под нами. По утрам мы брали у неё кипяток. Я и лица её толком не успел разглядеть, но во сне мы с Катей бог знает что делали. Мы измучили друг друга поцелуями. Я не удержался от того, чтобы зайти к ней на следующее утро за кипятком»⁹. Весьма вероятно, что в этом эпизоде переосмыслена история героя рассказа Мопассана «Магнетизм», опубликованного в газете *Gil Blas* 5 апреля 1882 года, но не вошедшего ни в один из авторских сборников. Герой рассказа увидел однажды в эротическом сне знакомую женщину, никогда раньше его не интересовавшую и не вызывавшую у него никаких чувств и желаний. На следующий день он отправился к ней, и между ними возникла любовная связь, длившаяся два года¹⁰. В отличие от новеллы Мопассана, в рассказе Бабеля сон наяву не имел продолжения: «Меня встретила увядшая, перекрещённая шалью женщина, с распутившимися пепельно-седыми завитками и отсыревшими руками»¹¹. Хотя, надо думать, для авторского рассказчика сон всё же воплотился в жизнь, но не с прачкой Катей, а с героиней произведения Раисой Бендерской. С окончанием романа «Жизнь» («Жизнь, видите ли, не так хороша и не так плоха, как о ней думают»¹²) перекликаются слова из «Гюи де Мопассана»: «Фраза рождается на свет хорошей и дурной в одно и то же время»¹³.

В этой же статье я сравнила фрагмент в конце рассказа «Мой первый гусь» из «Кон-армии» («...мы пошли спать на сеновал. Мы спали шестеро там, согреваясь друг от друга, с перепутанными ногами, под дырявой крышей, пропускавшей звёзды»¹⁴) с созвучным ему отрывком из книги Мопассана «Под солнцем» («Если бы вы знали, каким далёким чувствуешь себя от всего, от жизни и от мира, в этой низкой палатке, сквозь дыры которой виднеются звёзды...»¹⁵).

В свое время британский исследователь К. Д. Лак¹⁶ и израильский литературовед Э. Зихер¹⁷ указали на рассказ Мопассана «Коко» как источник новеллы «Квакер» из небольшого бабелевского цикла «На поле чести» (1920).

Насколько мне известно, до сих пор никто не обратил внимания на мопассановский след в самом раннем произведении Бабеля. Речь идёт о его литературном дебюте — рассказе «Старый Шлойме» (1913) и переключках с новеллой Мопассана «Дядюшка Амабль»¹⁸ (1885).

«Старый Шлойме» был опубликован в киевском литературно-политическом еженедельнике «Огни» 9 февраля 1913 года. В это время Бабель учился на втором курсе Киевского коммерческого института. Рассказ остался незамеченным, больше никогда при жизни автора не перепечатывался, и писатель никогда публично о нём не упоминал, по-видимому, считая этот юношеский опыт не очень удачным. Только лишь во второй половине 1960-х годов рассказ был обнаружен и обнародован А. Е. Парнисом¹⁹.

Новелла «Дядюшка Амабль» (*Le père Amable*) печаталась в газете *Gil Blas* с 18 по 23 декабря 1885 года, а затем, в 1886 году, была включена Мопассаном в сборник *La petite Roque* («Малышка Рок»).

Действие «Дядюшки Амабля», как и многих других произведений Мопассана, разворачивается в нормандской деревне, «Старого Шлойме» — в заштатном городке Российской империи. Чёткого указания на историческую эпоху ни в том, ни в другом случае нет, но время действия примерно совпадает со временем выхода рассказов. События у Мопассана можно отнести к 1870-м или первой половине 1880-х годов, у Бабеля, как будет показано дальше, — к началу 1910-х.

Бабель поднимает проблему черты еврейской оседлости, ещё актуальную в России начала XX века. Более того, случаи, подобные показанному в «Старом Шлойме», имели место в действительности. Об этом, например, свидетельствует небольшая заметка, напечатанная в «Огнях» через неделю после публикации рассказа:

На днях в газетах промелькнуло коротенькое сообщение: повесился еврей, высланный Муратовым (курским губернатором. — *Е. П.*), оставив жену и восемь детей. Оказывается, этот еврей в том месте, из которого его выселили, прожил 20 лет, и гроза разразилась над его головой внезапно. Говорить о законности или незаконности этого и подобных ему административных распоряжений не приходится: уже слишком много было говорено о широко развившемся за последнее время произволе местных больших и малых правителей — преимущественно по отношению к евреям. Но подумать только о самом этом факте: целых две уголовных давности этот еврей прожил в одном месте, никаких устоев не колебал, никаких основ не подтачивал, ничем абсолютно

не был опорочен, тем не менее одним росчерком пера сразу оказался вычеркнутым из списка живых, а заодно разорена и пущена по миру его семья. Где-то, за тяжёлыми портьерами, закрывающими уличный свет, — сидят люди в футлярах, выкапывая измену, и с сознанием отлично исполненного долга подписывается роковая бумага, кладётся печать, а там дальше всё идёт раз заведенным порядком. Бумага быстро достигает своего назначения и громом поражает мирнейшего из мирных еврейских обывателей. “Господи, за что же это?” — восклицает последний в глубоком отчаянии, но разговоры тут коротки: каждый день стучатся в двери ревностные исполнители, угрожая всеми карами, и приходится в лютый мороз — во исполнение приказа — со всем домашним скарбом поскорее убраться куда глаза глядят. Про все эти ужасы несчастных высленцев немало писалось в газетах. Не выдержал высланный Муратовым еврей всех этих ужасов, испугался тяжёлой перспективы, ожидающей его семью, и переселился в лучший мир, где нет правных и неправных, чем, надо полагать, привёл в немалое недоумение своих ежедневных непрошенных гостей, исполнителей начальственного приказа <...>

Вообще дело выселения, иначе говоря — разорения евреев идёт с большим успехом²⁰.

Несмотря на разницу социально-исторической подоплёки, времени и места действия, сюжетно-тематическое сходство двух рассказов и психологическое родство главных героев очевидны. В центре обоих произведений — старики, доживающие свой век под кровом сыновьего дома. Стоит обратить внимание и на то, что оба рассказа названы именами героев с дополнительным словом, так или иначе указывающим на их преклонный возраст: *Le père Amable* (в русском переводе «Папаша Амабль» или «Дядюшка Амабль»), «Старый Шлойме». Сопоставим характеристики, данные авторами своим героям.

Вот портрет старого Амабля Ульбрека:

Старик уже не работал.

Угрюмый, как все глухие, сгорбленный, сутуловатый от болезней, он бродил по полям, опираясь на палку, грубо и недоверчиво смотря на людей и животных. Иногда, сидя на краю канавы, он думал, не двигаясь, целыми часами о том, что заполняло всю его жизнь, о цене яиц и хлеба, о солнце и дожде, об урожае и недороде. И разбитые ревматизмом члены впивали сырость почвы так же, как уже семьдесят лет они впитывали в себя сырость стен лачужки, покрытой мокрой соломой.

Он возвращался на закате, садился за стол в кухне, и когда перед ним ставили глиняную миску супа, он охватывал её своими крючковатыми пальцами, словно вылитыми по мерке чашки, и зимой и летом грел о неё свои руки перед едой, чтобы не потерять ни искры тепла от огня, который дорого стоит, ни капли супа, в который кладут жир и соль, ни крошки хлеба, на который идёт рожь. Потом по лесенке он взбирался на чердак, где у него был матрац... (здесь и далее курсив мой. — Е. П.)²¹

Бабелевский Шлойме вообще оставался безучастным ко всему на свете, кроме удовлетворения элементарных потребностей: досыта поесть и согреть старые кости:

Хотя наш городок и не велик, хотя все жители в нём наперечёт, хотя Шлойме прожил в городке 60 лет безвыездно, но всё-таки не каждый бы вам сказал, кто такой Шлойме и что он из себя представляет. Это потому, что его просто забыли, как забывают ненужную, не попадающуюся на глаза вещь. Такой вещью и был старый Шлойме. Ему было 86 лет. Глаза его слезились; лицо, маленькое, грязное, морщинистое лицо, обросло желтоватой, никогда не расчёсываемой бородой и космами густых, спутанных волос на голове. Шлойме почти никогда не умывался, редко менял платье, и от него дурно пахло; сын и невестка, у которых он жил, махнули на него рукой, запрятали в тёплый угол и забыли о нём. *Тёплый угол и еда — вот что осталось у Шлойме, и казалось, ему было этого довольно. Погреть свои старые, изломанные кости, скушать хороший кусок жирного, сочного мяса — было для него высшим наслаждением.* К столу он приходил первый; жадно следил немигающими глазами за каждым куском, длинными костлявыми пальцами судорожно запикивал пищу в рот и ел, ел до тех пор, пока ему отказывали дать ещё, ещё хоть один маленький кусочек. На Шлойме было противно смотреть в то время, когда он ел: вся его тощая фигурка дрожала, пальцы в жиру, лицо такое жалкое, полное страшной боязни, чтобы его не обидели, чтобы не забыли о нём <...>

Так и жил он в своём углу — ел и спал, а летом ещё грелся на солнышке. Способность соображать он, казалось, давно утратил. Дела сына, домашние события не интересовали его. Безучастно смотрел он на всё происходящее...²²

Пожалуй, жадность — главная черта обоих стариков. Амабль категорически противится женитьбе своего сына Сезера на Селесте Левек, потому что та имеет ребёнка, нажитого от батрака Виктора. Но отнюдь не соображениями морали руководствуется старик-отец: «В деревне невинность девушки не играет большой роли. Но его скудность, его глубокий инстинкт скряги возмутился при мысли, что сын его будет кормить чужого ребёнка. Он тотчас представил, сколько супа съест это дитя, прежде чем станет полезным на ферме; он сосчитал вес фунта хлеба, все литры сидра, которые он съест и выпьет до четырнадцати лет». Шлойме же заботится только о том, «как бы внук ни подсмотрел, что у него под подушкой спрятан засохший кусок пряника».

Почти одинаковое положение в обоих рассказах старики занимают в семье. Ср.: «Сезер почти никогда не говорил с отцом. Лишь иногда, когда нужно было продать хлеб или купить телёнка, парень спрашивал совета старика, крича ему на ухо своё мнение, сквозь сложенные слуховой трубкой руки; и дядюшка Амабль соглашался или опровергал глухим, протяжным голосом, словно идущим изнутри» («Дядюшка Амабль»); «Никогда никто не говорил с Шлойме, не советовался с ним, не просил у него помощи» («Старый Шлойме»).

Сильные потрясения возвращают старикам чувство человеческого достоинства, и они оказываются способными на серьёзный поступок. Амабль ужасается тому, что его сноха после смерти мужа, сына Амабля, приводит в дом чужого мужчину, Виктора, отца её ребёнка. Шлойме узнает о готовящейся вынужденной измене сына

«своему Богу», то есть переходе в христианскую веру. Но особенно примечательно то, что герой Бабеля совершает точно такой же поступок, как и герой Мопассана, — сводит счёты с жизнью, одинаков в обоих рассказах и способ самоубийства. Сравним окончания произведений.

«Дядюшка Амабль»:

Виктор Лекок вёл себя как дома, болтал с Селестой, брал на колени и целовал ребёнка. А Селеста передавала ему кушанье, наливала сидр и, казалось, была довольна. Дядюшка Амабль, не слыша их, следил за ними глазами. Поужинав (он чувствовал себя огорчённым и ел меньше, чем обычно), он не полез на чердак, а открыв дверь, вышел на двор <...>

Она <Селеста> стала хозяйничать, мыть тарелки, вытирать стол, а Виктор <...> лёг там же, где она спала с Сезером.

Дверь отворилась, и снова вошел дядюшка Амабль. Он, как ищетка, смотрел по всем углам. Он искал Виктора Лекок.

Завидя его, он взял со стола свечу и подошел к постели, где умер его сын. И он увидел под одеялом почти сонного мужчину. Тогда глухой отвернулся, поставил свечу и снова вышел.

Селеста окончила свое дело, уложила сына, убрала всё и села около Виктора, поджидая старика <...>

Видя, что старик не возвращается, она сердито заворчала <...>

Виктор ответил из постели:

— Уже с час, как его нет; может быть, он спит на скамье перед дверью.

Она <...> встала, взяла свечу и вышла <...>

Ни у двери, ни на скамье <...> его не было.

Уже собираясь вернуться, она случайно подняла глаза на высокую яблоню у ворот фермы и вдруг увидела две ноги, на высоте её лица.

Она громко закричала:

— Виктор, Виктор, Виктор! <...>

Ничего не понимая, он взял свечу — и увидел среди освещённой листвы тело дядюшки Амабль, висящее на вожжах, охвативших шею.

Около яблони стояла лестница. Виктор сбегал за ножом, влез на дерево и обрезал верёвку. Но старик уже застыл и язык его высунулся изо рта в ужасной гримасе.

«Старый Шлойме»:

С той поры Шлойме ни о чём другом не думал. Он знал одно: сын его хотел уйти от своего народа, к новому Богу. Старая, забытая вера всколыхнулась в нём. Шлойме никогда не был религиозен, редко молился и раньше слыл даже безбожником. Но уйти, совсем, навсегда уйти от своего Бога, Бога униженного и страдающего народа, — этого он не понимал. Тяжело ворочались

мысли в его голове, туго соображал он, но эти слова неизменно, твёрдо, грозно стояли перед ним: «Нельзя этого, нельзя!» И когда понял Шлойме, что несчастье неотвратимо, что сын не выдержит, то он сказал себе: «Шлойме, старый Шлойме, что тебе теперь делать?» Беспомощно оглянулся старик вокруг себя, по-детски жалобно сморщил рот и хотел заплакать горькими старческими слезами. Их не было, облегчающих слёз <...>

Ночью, дрожа от холода, поднялся он с кровати. Тихо, чтобы никого не разбудить, зажёл маленькую керосиновую лампу. Медленно, по-стариковски, охая и ёжась, начал натягивать на себя своё грязное платье. Потом взял табуретку, верёвку, приготовленную накануне, и, колеблясь от слабости, хватаясь за стены, вышел на улицу. Сразу сделалось так холодно.. Всё тело дрожало. Шлойме быстро укрепил веревку на крюке, встал возле двери, поставил табуретку, взобрался на неё, обмотал верёвку вокруг худой трясущейся шеи, последним усилием оттолкнул табуретку, успел ещё осмотреть потускневшими глазами городок, в котором он прожил 60 лет безвыездно, и повис...

Был сильный ветер, и вскоре щуплое тело старого Шлойме закачалось перед дверью дома, в котором он оставил тёплую печку и засаленную отцовскую Тору.

Надо думать, что способ самоубийства для героя своего рассказа Бабель заимствовал как раз у Мопассана.

Остаётся добавить, что новеллу «Дядюшка Амабль» в переводе Е. Дмитриевой²³ (в оглавлении переводчик не указан), со своей редакторской правкой Бабель в 1926 году включил в первый том трёхтомного собрания сочинений Мопассана, о котором говорилось выше²⁴.

Примечания

¹ Лежнев А. З. И. Бабель // Печать и революция. 1926. № 6. С. 86. Вслед за критиком, не вдаваясь в теоретические разъяснения, я использую здесь термины *рассказ* и *новелла* как синонимы, что близко пониманию жанра самим Бабелем. На встрече с молодыми писателями, организованной журналом «Литературная учёба», он говорил: «В письме Гёте к Эккерману я прочитал определение новеллы — небольшого рассказа, того жанра, в котором я чувствую себя более удобно, чем в другом. Его определение новеллы очень просто: это есть рассказ о необыкновенном происшествии» (*Бабель И. Э. О творческом пути писателя // Наш современник. 1964. № 4. С. 98*).

² *Бабель И. Э. Рассказы / сост., подгот. текстов, послесловие, коммент. Е. И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 11.*

³ Там же. С. 13.

⁴ Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Бабель/Babel. М.: Carte Blanche, 1994. С. 63.

⁵ *Бабель И. Э. Рассказы. С. 13–14.*

⁶ Подробнее см.: И. Э. Бабель — редактор и переводчик Ги де Мопассана (Материалы к творческой биографии писателя) / вступ. ст., публ., коммент. Е. И. Погорельской // Вопросы литературы. 2005. № 4. С. 323–351; Погорельская Е. И. Рассказ Ги де Мопассана «Признание» в переводе Исаака Бабея // Тургеневские чтения. Вып. 5. М.: Книжница, 2011. С. 332–350.

⁷ См.: Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Указ. соч.; Жолковский А. К. Полтора рассказа Бабея «Гюи де Мопассан» и «Справка/Гонорар»: структура, смысл, фон. М.: URSS, 2006; Он же. Секреты «Этой свиньи Морена» // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122).

С. 179–197 (Перепечатано в: *Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 386–410).

⁸ См.: *Погорельская Е. И. Мотивы Флобера и Мопассана в прозе Исаака Бабеля // Филологические науки*. 1922. № 5. С. 114–121.

⁹ *Бабель И. Э. Рассказы*. С. 477–478.

¹⁰ См.: *Мопассан Г. де. Магнетизм / Пер. Ал. Н. Чеботаревской. // Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.*: В 30 т. СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 27. С. 57–62.

¹¹ *Бабель И. Э. Рассказы*. С. 478.

¹² *Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.*: В 30 т. Т. 3: История одной жизни / Пер. Ал. Н. Чеботаревской. СПб.: Шиповник, [1912]. С. 259.

¹³ *Бабель И. Э. Рассказы*. С. 476.

¹⁴ *Бабель И. Э. Конармия / изд. подготовила Е. И. Погорельская, отв. ред. Н. В. Корниенко*. М.: Наука, 2018 (серия «Литературные памятники»). С. 30.

¹⁵ *Мопассан Г. де. Под южным солнцем // Мопассан Г. де. Полн. собр. соч. Т. 25 / Пер. Ал. Н. Чеботаревской*. СПб.: Шиповник, [1911].¹

¹⁶ См.: *Luck C. D. The Field of Honour. An analysis of Isaak Babel's cycle *On the Field of Honour (Na pole chesti)*, with reference to Gaston Vidal's *Figures et anecdotes de la Grande Guerre**. Birmingham: Department of Russian Language & Literature University of Birmingham, 1987. P. 4.

¹⁷ См. его примечания к циклу «На поле чести» в кн.: *Бабель И. Э. Петербург 1918*. Ann Arbor: Ardis, 1989. С. 235. См. также: *Sicher E. Babel in Context: A Study in Cultural Identity*. Boston: Academic Studies Press, 2012. P. 166.

¹⁸ В оригинале «Le père Amable». Варианты перевода на русский язык: «Папаша Амабль», «Отец Амабль», «Дядюшка Амабль».

¹⁹ См.: *Бабель И. Э. Старый Шлойме / предисл. и публ. А. Е. Парниса // Горизонт: сб.* Одесса: Маяк, 1967. С. 68–71.

²⁰ *Б-кий М. Еврейская жизнь // Огни*. 1913. № 7. 13 февраля. С. 6. См. также: *Бар-Селла Э. Сюжет Бабеля*. М.: Неолит, 2018. С. 41–42.

²¹ Здесь и далее цит. в переводе Ек. Дмитриевой по: *Мопассан Г. де. Полн. собр. соч. Т. IX: Маленькая Рок и другие рассказы* СПб.: Пантеон, [1909]. С. 144–145.

²² Здесь и далее цит. по: *Бабель И. Э. Рассказы*. С. 337–340.

²³ В трёхтомнике три перевода, как говорилось, принадлежат самому Бабелю, одиннадцать — переводчице и литературоведу В. А. Дынник; остальные Бабель взял из предшествующих, главным образом дореволюционных, изданий Мопассана на русском языке.

²⁴ См.: *Мопассан Г. де. Собр. соч.*: в 3 т. / Под ред. И. Э. Бабеля. Т. 1: Деревянные башмаки. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. С. 163–196. ■

Memoria – на латыни «память». В русском языке, заимствовав, стали использовать слово как канцеляризм, понимая под ним выписку для памяти, запись с кратким изложением сути дела, доношение. Мы же, ставя *memoria* в название рубрики, исходим из первоначального смысла.

Memoria.

Чтобы помнили.

Роман Арбитман – писатель (русско-американский писатель-эмигрант Лев Гурский, как и Эдуард Бабкин, на самом деле – это он, Роман), литературный критик (Рустам Святославович Кац – это тоже он, Роман), кино-, телекритик, мистификатор. Член Союза российских писателей (1993), Академии современной российской словесности (1997), редакционного совет фэнзина «Шалтай-Болтай». Лауреат премий «Интерпресскон» (1993, 1994), «Бронзовая улитка» (1993, 1994) за лучшее литературно-критическое произведение, «Странник» (1994) в номинации «Публицистика». По его роману «Перемена мест» с подачи кинокритика Антона Долина режиссёр Александр Муратов снял сериал «Д. Д. Досье детектива Дубровского» (1999), с которого началась линейка выходящих на НТВ в прайм-тайм телесериалов.

В 2017-м стал лауреатом премии Гильдии киноведов и кинокритиков России «Слон» в номинации «История зарубежного кино» за книгу «Серийные любимцы: 105 современных сериалов, на которые не жаль потратить время: [Путеводитель по современным англоязычным сериалам]».

Когда в июле 2020-го я зашёл к Роману за его книгами с дарственной надписью, то обнаружил их в пакете на ручке закрытой входной двери. Роман в этот момент позвонил: «Взял? Извини, но ковид – я не могу рисковать, работа над романом в завершающей стадии». Он говорил о своём очередном произведении. Пророческое «Министерство справедливости» вышло вскоре. Я рассчитывал, что уж теперь книгу с автографом не с дверной ручки придётся снимать, но автор вручит лично. Надо было выбрать время зайти. А пока читал в ФБ почти ежедневно актуальные Романовы посты. О литературе, книжных, телесериальных новинках, об отношении к происходящему. 9 декабря 2020 года его страница в ФБ замолчала.

...А 18 декабря 2020 года в ФБ появилось страшное сообщение. Ковид.

Барух-Александр Плохотенко ■

Роман АРБИТМАН

📍 Саратов, Россия

Елена Шкута, Роман Арбитман

Фото: мастер фотоателье

В последние месяцы своей жизни Роман Арбитман работал над переизданием путеводителя «Серийные любимцы. 105 современных сериалов, на которые не жаль потратить время». Он планировал довести количество драматических шоу до 225 и выпустить второй вариант в 2021–2022 годах.

Увлечение Романа сериалами не было формой эскапизма или способом «перезагрузиться после тяжёлого рабочего дня», как пишут в подборках «фильмов на вечер». Его интересовало, как сделан сериал и что позволяет создателям удерживать внимание зрителя на протяжении двух, трёх, семи сезонов. И интерес этот был профессиональный. Думаю, приёмы шоураннеров пошли на пользу если не Арбитману, то Гурскому – несомненно. Подтверждение тому – структура романа «Министерство справедливости». Она позволяет без существенных трансформаций превратить текст в сценарий сериала с основной горизонтальной и несколькими вертикальными сюжетными линиями: «эпизоды»-главы расправы с негодьями стали бы полноценными сериями.

В самом названии книги отразились жанровые пристрастия Романа. Среди всех сериалов он особенно любил юридические. Даже фантастика о перемещениях во времени занимала лишь второе место в списке его предпочтений, несмотря на то, что в ближайшем будущем именно ей он собирался посвятить большую иллюстрированную книгу.

«Юристов Бостона» Роман пересматривал не один раз. Этот и подобные ему сериалы рассказывают не о крутых парнях, в одиночку побеждающих целые банды, и не о супергероях, спасающих мир. Их персонажи – обычные люди, зачастую – с большими тараканами в головах. Все они винтики системы правосудия, которая далеко не всегда вершит правый суд. Но в том-то и заключается сила адвокатов и прокуроров: они знают систему изнутри и борются за справедливость, не нарушая строгих рамок закона, уповая лишь на собственные опыт, навыки и чувство юмора.

Роман Арбитман верил в то, что такое возможно в реальной жизни. Если и вы, прочитав его рецензии на юридические сериалы, которые должны были пополнить «Серийных любимцев», – а лучше посмотрев сами шоу, – поверите в победу добра над злом, цель этой публикации памяти писателя будет достигнута. Всем нам сейчас очень не хватает веры. Веры в человека.

Елена Шкута,
вдова Романа Арбитмана

Поверьте в победу добра над злом

Памяти Романа Арбитмана

(Публикатор: Елена Шкута)

Акула (Shark)

США, 2006–2009. 2 сезона

«Обвинитель должен подстроить дело под законодательную систему, защитник же, наоборот, подстраивает законодательство под данное дело», – считает лос-анджелесский адвокат Себастиан Старк (Джеймс Вудс). Его услуги стоят дорого, но они того стоят.

Когда обращаются к Старку? Когда шансы на выигрыш невелики. Старк – профи, использующий любую законную возможность разбить стратегию обвинения и посеять в присяжных сомнения в доводах прокуратуры. У него есть досье на обвинителей, которые участвуют в процессах, и он, словно охотник, знает их повадки, сильные и слабые стороны. И поскольку всякое судебное слушание – ещё и род спектакля, наш герой устраивает в своём доме небольшой «тренировочный» судебный зал, оснащённый видеокамерами. Всякий раз он, подобно опытному лицедею, тщательно репетирует, чтобы затем увидеть, как будет выглядеть перед присяжными.

«У меня есть три правила, – объясняет Старк свою жёсткую тактику. – Первое: судебный процесс – это всегда война, второе место – смерть. Второе правило: истина относительна, выбирай ту, что сработает. Третье – на суде присяжных важно мнение лишь 12 человек. Главное – выиграть, а уж правосудием пусть займётся Господь». Герой может спасти от тюрьмы даже человека, чья вина выглядит несомненной. В первой же серии, например, он артистично выгораживает перед присяжными явно го социопата, а тот вскоре после оправдания совершает новое кровавое преступление.

Старк – всё же человек не бессовестный и в глубине души понимает: после такого жуткого случая он обязан что-то изменить в своей жизни. Как раз в это время появляется должность зама окружного прокурора (Джери Райан) по особо тяжким преступ-

лениям. Хитрый мэ́р, давно знакомый со Старком, предлагает именно ему занять должность. И тот – неожиданно для себя! – даёт согласие. Теперь он будет стараться засадить злодеев за решётку во что бы то ни стало, причём будет исполнять свой долг с тем же напором и с такой же ловкостью, как и в бытность адвокатом.

Слово «*shark*» (*акула*) отличается от фамилии главного героя сериала всего на одну букву, и Старк – действительно акула юриспруденции. Впрочем, создатели сериала выбрали для героя фамилию не только по названной причине. Есть несколько других ассоциаций, тоже важных. Например, Ричард Старк – один из самых знаменитых псевдонимов Дональда Уэстлейка (под своим именем писатель издавал, по преимуществу, иронические детективы, а вот под именем Старка он выпустил почти три десятка крутейших боевиков). А ещё Старк – это писатель-двойник, олицетворяющий тёмную сторону Тэда Бомонда, главного героя мистического романа Стивена Kingа «Тёмная половина» (*The Dark Half*). Словом, Старк – символ *alter ego*, иной стороны человеческой натуры или профессии. В американской юриспруденции не редкость, когда гособвинитель, выходя в отставку, продолжает свою карьеру в адвокатской конторе, но чтобы адвокат переходил на сторону вчерашних противников... Такого раньше никогда не случалось. «Перебежчик! Ты предал нашу профессию!» – шипит на него бывшая коллега, а вчерашний ученик Эллиот Дэшер (Желько Иванек) сразу становится противником. Однако и он проиграет новому прокурору...

«Акула» – типичный «вертикально-горизонтальный» сериал. То есть, с одной стороны, в каждом эпизоде Старк занимается очередным процессом вместе со своей командой – Меделайн (Сара Картер), Кэйси (Сэмюэль Пейдж), Райной (Софина Браун) и Айзеком (Генри Симмонс). И одновременно главный герой на протяжении всего сериала пытается наладить отношения с шестнадцатилетней дочерью Джули (Даниэль Панабэйкер). После развода родителей она осталась с отцом – и не потому, что любит его больше, чем мать, а потому, что надеется пробудить в Старке отцовские чувства...

Глядя на персонажа Джеймса Вудса, мы видим в нём героя бывших и будущих популярных сериалов. Подобно доктору Хаусу (сериал «Доктор Хаус»), Старк не боится нарушать приличия. Подобно доктору Лайтману (сериал «Обмани меня»), Старк старается быть хорошим папочкой для несовершеннолетней дочери. Подобно Декстеру (сериал «Декстер»), Старк может сразиться с маньяком весьма нетрадиционным способом. Хороший актёр, которого навсегда прославила роль гангстера в драме «Однажды в Америке», чувствует себя в шкуре Старка естественно и непринуждённо. Его герой всю дорогу притворяется эдакой безжалостной акулой, но он – человек, а не хищник. Старк изображает циника, у которого где-то глубоко внутри прячется идеалист. И эта «светлая сторона» самого героя немного пугает. Ведь когда у тебя идеалы, играть «на грани» довольно сложно, а выигрывать – и подавно.

Филадельфия (Philly)

США, 2001–2002. 1 сезон

Сериал начинается со скандала в зале суда: адвокат Мариан Маршалл (Джоанна Кэссиди) во время защитительной речи устраивает нечто вроде стриптиза. Её отвозят в психиатрическую клинику и, скорее всего, вылечат, но к своей профессии она уже вернуться не сможет. Таким образом, её партнёр по юридической фирме Кэт-

лин Магуайр (Ким Делани) остаётся в одиночестве. Чтобы фирма не разорилась, героине приходится пригласить нового партнёра – молодого адвоката Уилла Фромана (Том Эверетт Скотт). Уилл всем хорош: умён, красив, честен, красноречив, знает свою профессию, но у него два недостатка. Первый – защищая клиента, он может прибегнуть к методам если не за гранью закона, то на опасной его грани. Второй недостаток – он страшный бабник. Его отношения с прокурором Лизой Валенски (Кристанна Локен) не мешают ему встречаться с другими женщинами. Или, скажем мягче, не мешают ему отвечать на чувства других женщин – коллег-юристов и не только.

Сериал выстроен как традиционное «вертикально-горизонтальное» драматическое шоу. В каждом эпизоде – как минимум два судебных дела (в одном участвует Уилл, в другом – Кэтлин). Одновременно разворачиваются несколько «долгоиграющих» сюжетов. Один из них – отношения Кэтлин со своим бывшим мужем, заместителем окружного прокурора Дэниелом Кавано (Кайл Сикор). За двадцать две серии первого – и единственного – сезона зритель так и не узнает, в чём была причина развода. Заметим лишь, что Дэниел хотел бы получить второй шанс, но, видимо, есть нечто, мешающее героине второй раз вступить в ту же реку. Впрочем, отношения экс-супругов не так уж плохи: они воспитывают сына Патрика, который любит и маму, и папу. Так что героям приходится сохранять как минимум внешнюю взаимную лояльность, чтобы не ранить чувств ребенка.

Шоураннер сериала Стивен Бочко (1943–2018) был докой в драматических шоу – достаточно вспомнить хотя бы «Колombo», для которого сценарист придумывал сюжеты несколько лет подряд. Бочко знал все «манки» для зрителей. Юридический процедурал – это непрерывный калейдоскоп: новые дела, персонажи, конфликты. Это постоянные схватки адвокатов с прокурорами в суде. Это возможность хоть мимоходом, но коснуться любой животрепещущей темы – от домашнего насилия до организованной преступности, от ущемления прав женщин до коррупции. А какие колоритные судьи проходят через всё повествование! Чего стоит, скажем, самовлюбленный капризуля Ирвин Хоуз (Роберт Харпер). Или Эллен Армстронг (Дена Дитрих), которая не расстанется со своей собачкой даже во время слушаний. И беда тому из участников процесса, кто пёсику не понравится.

Ещё одно немаловажное обстоятельство. Поскольку главные герои – адвокаты, их подопечные чаще всего – далеко не ангелы. Авторы сериала, правда, позволяют Уиллу и Кэтлин выбирать клиентов и не связываться с явными отморожками, но поскольку некоторый процент дел им приходится вести по назначению государства, то время от времени им попадаются и чистые монстры. И что делать адвокату серийного насильника, например, если полиция облажалась, добывая улики, и, по букве закона, негодяя надо освободить? Кроме того, адвокатская фирма держится на плаву, если приносит деньги. Когда крупный мафиози предлагает фирме кругленькую сумму за защиту дочери-наркоманки (её явно подставила полиция), кто откажется восстановить справедливость? В конце концов, родителей не выбирают и девушка не в ответе за папу – «крёстного отца».

Сериал был закрыт после первого сезона из-за низких рейтингов. Да и придирчивые критики, вроде Фила Галло в *Variety*, не нашли в «Филадельфии» некой изюминки, которая бы позволяла выделить шоу из череды других. И всё же, обозревая этот юридический процедурал в исторической перспективе, нельзя не заметить влияние,

которое оказала «Филадельфия» на более удачливые сериалы, снятые коллегами Стивена Бочко.

Вспомним хотя бы, с чего начинаются «Юристы Бостона» (2004–2008). Со сцены внезапного безумия именного партнёра юридической фирмы «Крейн, Пул и Шмидт». Это происшествие меняет расстановку сил в руководстве – что даёт толчок к развитию сюжета. Не то, чтобы опытный профи Дэвид Келли подсмотрел идею у коллеги, но...

В юридическом сериале «Форс-мажоры» (2011–2019) среди главных героев есть далеко не самый симпатичный персонаж Луис Литт. Нетрудно предположить, что актёр Рик Хоффман, работая над ролью, отталкивался от своего Терри Лумиса из «Филадельфии». Литт – тот же самый Лумис, только постаревший, озлобившийся, разочаровавшийся в людях и в законе.

Ещё один пример. В одном из первых эпизодов «Филадельфии» уже упомянутый судья Хоуз эдак по-отечески выговаривает главной героине: дескать, её бывший муж делает хорошую карьеру, и если бы Кэтлин не развелась с ним, могла бы однажды стать женой окружного прокурора, а потом, может, и губернатора (в конце сериала Дэниел Кавано и в самом деле побеждает на выборах прокурора округа). Ничего не напоминает? Ну конечно: сериал «Хорошая жена» (2009–2016). Сценаристы Мишель Кинг и Роберт Кинг просто «доиграли» идею до конца. Алисия Флоррик, героиня Джулианны Моргулис, – по сути, та же Кэтлин Магуайр, но только ей не хватило духа расстаться с мужем-прокурором гораздо раньше...

Ну и, конечно, опыт «Филадельфии» не прошёл бесследно и для самого Стивена Бочко. Семь лет спустя он вернулся к той же теме в «Адвокатской практике» (2008–2009) и укрупнил сюжет, в прежнем сериале лишь намеченный. Герои, молодые адвокаты и прокуроры, бьются друг с другом днём на судебных процессах, но вечером в любимом баре забывают взаимно нанесённые раны и снова становятся друзьями, заводят отношения и так далее. В этом нет и намёка на профессиональный цинизм (мол, суд – просто игра для публики, а юрист юристу глаз не выклюет). Тут другое. Персонажи обоих сериалов воспринимают себя, прежде всего, как служителей Закона, для которого обвинители и защитники имеют равные права – и пусть победит сильнейший. Звучит несколько идеалистично? Ну так искусство (в том числе и искусство сериала) не обязано зеркально отображать реальную жизнь. В самых удачных случаях оно способно её изменить. И даже, представьте, к лучшему.

Адвокатская практика (Raising the Bar)

США, 2008–2009. 2 сезона

Недобросовестный полицейский совершил подлог: он показал жертве изнасилования всего одну фотографию и уверил женщину в том, что человек на фото (в реальности ни в чём не виновный) – и есть преступник. Отягчающим обстоятельством обвинители сочли складной ножик, найденный у подозреваемого. Тот просидел одиннадцать месяцев в ожидании суда, и теперь ему светит двадцать пять лет за преступление, которого он не совершал. Неприязнь судьи Труди Кесслер (Джейн Качмарек) к адвокату подсудимого распространяется и на самого подсудимого. Да, решение принимаю присяжные, но судья может сильно осложнить жизнь тех, кто ей не нравится.

Накануне решающего заседания суда адвокат, пылкий защитник слабых и обездоленных Джерри Келлерман (Марк-Пол Госселаар), встречается в баре со своими друзьями-юристами – Ричардом Патриком Вулсли (Тедди Сире), Чарли Сагански (Джонатан Скарф), Маркусом Макгратом (Дж. Аугуст Ричарде) и своей подругой, очаровательной блондинкой Мишель Эрнхардт (Мелисса Сейджмиллер). «Вы целый день играете человеческими жизнями, а когда день кончается, словно ничего и не было!» – сердито говорит Джерри друзьям и слышит в ответ примирительное: «Мы делаем свою работу, а вы свою. Это система. Ничего личного...»

Всё, описанное выше, происходит в первом же эпизоде сериала «Адвокатская практика». Сюжет приоткрывает особую специфику всего драматического шоу: множественность точек зрения на происходящие события. Если в «Юристах Бостона», например, зритель следил за юридическими перипетиями глазами адвокатов, а скажем, в «Акуле» – глазами прокуроров, то создатели этого сериала попытались более-менее «уравновесить» стороны. Дело в том, что здесь главными героями являются молодые юристы, которые в рабочее время находятся, так сказать, «по разные стороны баррикад»: Джерри и Ричард – государственные адвокаты, Маркус и Мишель – наоборот, государственные обвинители, а Чарли – секретарь той самой взбалмошной судьи, способной сломать жизнь невинному человеку лишь для того, чтобы насолить его защитнику. Кстати, слова «адвокатский» в оригинальном названии сериала нет. «Raising the Bar» – это «поднимаю планку».

Что важнее – дружба или работа? Что весомей – «честь мундира» или возможность отстаивать истину, даже если она тебе невыгодна? Главные герои, конечно, юристы-профи и не жаждут конфликтовать с системой, но и профессионального цинизма в них нет. Они могут соперничать в рабочее время, но не враждовать. Поэтому в критической ситуации они способны протянуть руку товарищу и встать «над схваткой». Самый мудрый и самый предусмотрительный среди них – Чарли: там, где всегдашняя горячность Джерри может лишь усугубить проблему, появляется улыбчивый манипулятор и, в итоге, помогает другу выиграть битву. Впрочем, не безгранична и терпимость помощника судьи. Чарли способен потакать мелким слабостям начальницы, но если она совершит явное преступление, помощник ни за что не будет её выгораживать.

Примечательно, что из трёх судей, явленных в сериале, – уже упомянутой выше стержневой Труди Кесслер, упёртого Элберта Фэрнсуорта (Джон Майкл Хиггинс) и ироничного Доминика Вентимильи (Джон Полито), – вменяем лишь третий, а первые двое не столько стоят на страже закона, сколько самоутверждаются. Ещё один антигерой, беспринципный прокурор-карьерист Ник Балко (Кэрри Грэм уже играл примерно такого персонажа в «Юристах Бостона»), тоже вызывает у зрителей неприязнь. замысел создателей сериала, таким образом, реализован не вполне: баланса не получилось.

С каждой новой серией авторам всё труднее убедить зрителя в том, что судьи – сама воплощённая беспристрастность, а обвинители действительно стоят на страже закона, а не делают карьеру, стараясь максимально строго наказать виновных или невиновных – кто под руку подвернётся. Уже к середине сериала заметно: авторы даже не очень стараются соблюсти фабульную полифонию и продемонстрировать многогранность истины. Адвокаты Келлерман и Вулсли (а также их начальница Розалинд Уитмен) перетягивают симпатии на себя. Защитникам мы сочувствуем прежде всего.

Последняя серия второго, заключительного, сезона бесхитроно называется «Счастливый конец». Создатели «Raising the Bar» не доказали руководству канала TNT, что им по силам остановить падение рейтинга. За три серии до окончания второго сезона было объявлено о закрытии сериала. Так что авторы завершали историю в спешке. Впрочем, положительные герои от этого только выиграли: всем им подарили немножко долгожданной удачи. Зря они, что ли, старались два сезона?

Сухим из воды (The Escape Artist)

Великобритания, 2013. 1 сезон

Этот английский мини-сериал однажды показали в России. Не в прайм-тайм, разумеется, зато по Первому каналу. Редакторы перемонтировали для удобства три эпизода среднего формата в два больших и выбрали буквальный (и самый неудачный) вариант перевода названия «The Escape Artist» – «Мастер побега».

Человек, взявший в руки телепрограмму, мог подумать, что главный герой сериала – криминальный спец, организующий преступникам побег из мест заключения. На самом деле Уилл Бёртон (Дэвид Теннант) – не преступник, а адвокат, почтенный член общества, любящий сын, муж и отец. Прекрасное знание законов, а также возможных пробелов в законодательстве помогает ему отточить до совершенства тактику ведения процессов. Он лучший. Ему завидуют коллеги. В рейтинге 40 английских адвокатов он занимает первое место. Глава юридической фирмы, где работает герой, поручает ему самые сложные, почти безнадёжные дела – и он, спасая клиентов от обвинительного приговора, ещё ни разу не проиграл. Так что русская идиома «сухим из воды» в качестве названия подходит данному сериалу как нельзя лучше.

В самом начале сериала клиентом Бёртона оказывается некий мистер Лайам Фойл (Тоби Кеббелл). Этого довольно молодого человека, большого любителя птиц, обвиняют в жестоком и хладнокровном убийстве женщины. Прямых улик нет, зато все косвенные указывают на Фойла. По закону адвокат не имеет права утверждать в суде о невиновности клиента, если сам клиент признался ему в своей вине. Но поскольку Фойл уверяет, что он ни при чём, защитник имеет право отстаивать эту версию. Выступая на процессе, Бёртон продельывает ловкую комбинацию, в результате которой судья вскоре вынужден прекратить дело по формальным основаниям. Чрезвычайно довольный Фойл, прощаясь с адвокатом, протягивает ему руку. Но рука повисает в воздухе. Тут дело принципа. Вслед за окончанием процесса завершаются и отношения «клиент – адвокат», а главный герой в глубине души не уверен, что подзащитный сказал ему правду.

На отвергнутое рукопожатие люди реагируют по-разному. Очевидно, что Фойл – не из тех, кто прощает обиды. И уже через несколько дней он докажет это, причём самым жутким способом. Но можно ли, наконец, упрятать его в тюрьму, если в новом деле показания против Фойла даст только один свидетель и не будет ни одной улики, которую суд согласился бы считать бесспорной...

Всё, описанное выше, случилось в первые двадцать минут сериала. Рассказывать о фабуле далее – значит, навредить потенциальному зрителю, лишив его удовольствия самому следить за всеми дальнейшими перипетиями (а история, смею заметить, будет напряжённой и крайне драматичной). Поэтому отвлечёмся от сюжета и поподробнее

остановимся на трёх основных персонажах сериала – Бёртоне, Фойле и коллеге Бёртона Мэгги Гарднер (Софи Оконеда).

Исполнитель роли Бёртона, шотландец Дэвид Теннант, – актёр с нервным и живым лицом, способный равно убедительно сыграть и героя, и негодяя. Он начал свою кинокарьеру в 1994 году, а известность приобрёл в 2005 году, когда появился на экране в образе одного из главных приверженцев Тёмного лорда (фильм «Гарри Поттер и Кубок огня»). В том же году актёр сменил Кристофера Эклстона в сериале «Доктор Кто» и пять лет играл отважного путешественника во времени и пространстве. Как и у Доктора Кто, у Бёртона есть принципы. Хотя он и не откажется от клиента, чья вина под вопросом, но не перестанет доверять своей интуиции. Бёртон умелый специалист, сильный и жёсткий, однако, сняв чёрную мантию и парик, он по-человечески становится крайне уязвим. Чтобы его характер изменился, в жизни героя должно произойти нечто ОЧЕНЬ серьёзное...

Хотя у Тоби Кеббелла, сыгравшего Фойла, нет актёрского образования, он с успехом исполнил много ролей в театре, на ТВ и в кино: снимался у Оливера Стоуна («Александр»), Вуди Аллена («Матч-пойнт»), Гая Ричи («Рок-н-роллеры») и Стивена Спилберга («Боевой конь»). Будь у Кеббелла внешность классического злодея, в сериале «The Escape Artist» и присяжным, и адвокатам было бы куда проще. Однако Фойл обаятелен, и те, кто видел его иным, обычно уже ничего и никому не могут рассказать.

Наконец, Софи Оконеда. Она не так известна, как её партнёры по сериалу, однако в послужном списке актрисы – тоже немало интересных ролей (она играла вместе с Джимом Керри, Брюсом Уиллисом, Джоном Кьюсаком, Дэмиэном Льюисом и другими актёрами, в том числе и с упомянутым Дэвидом Теннантом в сериале «Доктор Кто»). Её героиня Мэгги Гарднер – не только очень талантливый, но и амбициозный адвокат. Уступив Бёртону первое место в рейтинге, она надеется взять реванш. Мэгги не столь принципиальна, как её коллега. Чтобы стать первой, она готова на всё – даже добиваться оправдания человека, в виновности которого совершенно уверена.

Беда в том, что душа маньяка – потёмки. Причины, по которым он карает или милует, ведомы только ему и никому больше. Если он в очередной раз выйдет на свободу, никто не будет в безопасности. Но как быть, если законный путь к справедливости – всего один, а незаконных (зато эффективных) – очень много? И что потом будет с человеком, выбравшим одну из этих дорог?.. Хотя финал сериала более-менее предскажем, зрителю до самого конца не догадаться, каким именно способом Уилл Бёртон реализует – в личных целях! – свой профессиональный дар The Escape Artist.

Когда они нас увидят (When They See Us)

США, 2019. 1 сезон

История эта начинается в апреле 1989 года в Нью-Йорке. Девушка, вышедшая на пробежку в Центральный парк, подверглась нападению, была жестоко изнасилована, избита и чудом выжила. В поисках возможных свидетелей копы задержали пятерых подростков 14-15 лет, жителей Гарлема: чернокожих Кевина (Асанте Блэк), Антрона (Калил Харрис), Юсефа (Итан Херисе), Кори (Джаррел Джером) и латиноамериканца Рэймонда (Маркиз Родригес). А когда парни оказались в комнатах для до-

проса, детективу Линде Фэрстайн (Фелисити Хаффман) пришла в голову гениальная идея – превратить потенциальных свидетелей в подозреваемых.

А почему бы и нет? Преступление громкое, начальство уже торопит, изнасилованная девушка, придя в себя, ничего не помнит, а задержанные парни – из неблагополучного района и явно пришли в парк похулиганить. Где хулиганство, там и насилие. Они мелковаты и по отдельности не тянут на сексуальных маньяков? Значит, могли запросто устроить групповое изнасилование. И вот машина фабрикация ДЕЛА начинает работать. Если бы ребята почаще общались с полицией, они бы знали свои права и как себя вести. Но у этих мальчишек до этого не было проблем с законом, и они не подозревали, что копы вполне могут быть жестокими и лживыми. Полицейская методика проста. Она эффективна в отношении взрослых, а уж подростков – тем более. Копы знают, что если допрашивать задержанных часами, без еды и сна, не пуская к ним адвокатов, родителей или опекунов, если орать на ребят и лупить, то они запросто могут сломаться и под запись наговорить на себя – лишь бы их отпустили домой. Таким образом мальчишки признаются в том, чего не совершали. И всё: они попались...

Режиссёр и сценарист, автор фильмов на «межрасовую» тему Ава ДюВерней берёт за основу абсолютно реальную историю, герои которой – и обвиняемые, и служители закона – названы своими именами. Известные актёры, играющие взрослых персонажей (Вера Фармига в роли гособвинителя, Джон Легуизамо в роли отца Рэймонда, Онжаню Эллис в роли мамы Юсефа, Уильям Сэдлер в роли детектива и другие), оказываются здесь на втором плане, а достигнуть наибольшей достоверности создателям мини-сериала помогают юные исполнители главных ролей – они словно бы не играют одуряченных, растерянных мальчиков, а живут в кадре. Неслучайно после выхода на телеэкраны «Когда они нас увидят» получил рейтинг 9,10 на IMDb и был многократно номинирован на «Эмми» – главную телевизионную награду (лучший мини-сериал, лучший актёр, лучшая актриса, а также лучшие исполнители ролей второго плана).

В отличие от адвокатов на суде Ава ДюВерней не слишком педалирует «этническую» причину полицейского подлога. Для копов, которые «сшили» фальшивое дело, первостепенное значение имеет даже не раса большинства обвиняемых: они уверены в том, что ребята из Гарлема – заведомые отбросы общества, изначально в чём-то да виноваты и за них никто не вступится. «Мы потеряли контроль? Значит, надо его вернуть», – говорит в сериале детектив Фэрстайн. Из четырёх часовых серий каждая жутка и убедительна по-своему. В первом эпизоде мы видим, как на пустом месте возникает и обрастает липовыми подробностями полностью сфабрикованное дело. Во втором (это уже суд) нам кажется, что вот-вот справедливость восторжествует: показания никак не сходятся с фактами, нет ни орудия нападения, ни отпечатков пальцев ребят, ни свидетелей, ни следов крови жертвы на одежде, ни совпадения по ДНК – словом, нет ни одной весомой материальной улики.

Толковые адвокаты стараются, обвинитель сама не очень верит в слова, которые произносит, однако машина запущена и её не остановить. Полицейские видеозаписи «признаний» мальчиков для присяжных перевешивают иные аргументы. Все пятеро признаны виновными и должны отбывать многолетний срок: четверо поначалу попа-

дут в зону для малолетних преступников, а пятый, Кори, которому тоже пятнадцать, но по документам уже шестнадцать, окажется во взрослой тюрьме. Там его будут нещадно избивать и с каждым новым заявлением о переводе перебрасывать из тюрьмы в тюрьму, всё дальше от Нью-Йорка – так что маме будет физически невозможно часто навещать сына.

Третий и четвертый эпизоды этого драматического шоу – тюрьма и послетюремная жизнь героев. Юных актёров сменяют взрослые, на место одним проблемам приходят другие. Четверо из пяти уже отбыли свои сроки, но они изгои. Их не берут на работу, на них вечное клеймо насильников, а Рэймонда вообще выживает из дома мачеха, которой совсем не нужен взрослый пасынок. Жизнь бывших зэков кажется беспросветной, адаптация – сложной, положение – почти безвыходным. Родной Нью-Йорк стал чужим, любимый Центральный парк – местом, куда после происшедшего страшно приходиться...

Обычно жизнь куда безжалостней, чем сюжеты, придуманные писателями и сценаристами. Когда книга или фильм основаны на реальных событиях, хэппи-энд – даже условный – явление редкое. Поскольку финал обозначен уже в аннотации к сериалу, нет смысла его скрывать: когда обвинённые уже отсидели свои сроки, справедливость в отношении них, наконец, восторжествовала. И вовсе не потому, что кто-то из служителей Фемиды поднял старое дело и доискался до правды, но лишь благодаря случаю: настоящий преступник (уже отбывающий пожизненное заключение) сознался. Его ДНК совпала с найденной на месте преступления. Выяснилось, что он действовал в одиночку. Более того: он был виновен не в одном, а в нескольких подобных изнасилованиях, но никто из копов даже не подумал связать его с тем случаем в Центральном парке. Зачем напрягаться? Парней ведь уже осудили, дело закрыто. Однако теперь его приходится открыть снова.

В 2002 году «пятерка из Центрального парка» (так называли тех ребят журналисты) была оправдана. В 2014 году им выплачена рекордная компенсация за причинённый ущерб – свыше 40 миллионов долларов. В финальных кадрах вместо актёров появляются прототипы их героев. Судя по титрам, все пятеро вернулись к нормальной жизни. У всех – семьи и дети, один стал писателем, другой основал фонд помощи несправедливо осуждённым, и так далее. Однако прошлое осталось с ними...

Примечательная подробность: в 1989 году, во время суда над пятерыми подростками, видный строительный магнат за восемьдесят пять тысяч долларов выкупил целую полосу в газете New York Daily News и на этом месте разместил призыв восстановить в Нью-Йорке смертную казнь и применить её к обвиняемым. С подобными речами появлялся он и на ТВ. «Этого мракобеса нельзя пускать в телевизор», – говорит мать одного из подростков, глядя на экран, где выступает тот самоуверенный человек с рыжей шевелюрой (реальные кадры). Да-да, это Дональд Трамп, собственной персоной. Он и сейчас – горячий сторонник возврата смертной казни в тех штатах, где она запрещена. История тридцатилетней давности не пошла ему впрок. Думаю, не случайно в числе продюсеров сериала – актёр Роберт Де Ниро, один из самых непримиримых противников экс-президента США.

По справедливости (In Justice)

США, 2006. 1 сезон

Во время ограбления магазина началась стрельба, были тяжело ранены несколько человек. Свидетель из дома напротив опознал одного из нападавших. Подельник дал против него показания – в обмен на более мягкий приговор самому себе. Опознанного посадили пожизненно. Однако его жена уверена: муж осуждён несправедливо. И не потому, что стрелял не он. А потому, что его вообще не было на месте преступления. Его подставили, чтобы отвлечь внимание от истинного виновного. Но кто надавил на следователей? И почему?..

«Все судебные разбирательства заканчиваются вынесением решения, однако не все решения справедливы. Вот то, во что поверили присяжные...» – с этих фраз начинается каждый эпизод сериала. Зрителю сообщают обстоятельства дела и формулировку вердикта, а затем действие перемещается в офис организации под названием Национальный судебный проект (NJP), сотрудники которой пытаются исправить судебные ошибки. Когда юристы NJP приходят к выводу, что присяжные допустили роковой просчёт и огромный срок (иногда пожизненный) отбывает невиновный, то необходимо найти новые улики, пересмотреть дело и вызволить из тюрьмы несчастного.

Основатель NJP, телегеничный красавец и блестящий юрист Дэвид Суэйн (Кайл Маклахлен), поначалу занимается всеми этими делами в целях саморекламы, поскольку добивается избрания генеральным прокурором штата. Он старается избегать эмоций и сострадания – важны только действия, только результат. «Я как механик, – немного рисуясь, объясняет он очередному клиенту. – Если ваша машина не работает, вы ждёте от меня не сочувствия. Вы ждёте, чтобы я починил вашу машину». Тем не менее герой постепенно входит во вкус. Им овладевает нечто вроде спортивного азарта.

Оказывается, что творить добро, спасать уже потерявших надежду людей и восстанавливать справедливость – порой с немалым риском для своего бизнеса, свободы и даже жизни – увлекательное занятие: щекочет нервы, разгоняет кровь, повышает адреналин. К этому добавляется желание умыть прокуроров и следователей, которые когда-то напортачили (или сознательно исказили картину дела), а теперь пытаются замести следы. «Мы на войне, ребята, и я не люблю проигрывать», – объявляет он своей команде.

Правая рука Суэйна – бывший коп Чарльз Конти (Джейсон О'Мара), который занимается непосредственно организацией повторных расследований. В первом же эпизоде мы узнаём главную причину, из-за которой он отказался от полицейской карьеры и пришёл в NJP. Когда-то Конти совершил ошибку. Убеждённый в своей правоте, он психологически надавил на подозреваемого в изнасиловании и заставил оговорить себя. Позднее анализ ДНК показал, что человек был невиновен. Но осуждённый к этому времени покончил с собой, и Конти до сих пор чувствует свою вину. В его команде – несколько надёжных работников: принципиальная Брианна (Констанс Зиммер), любитель мистификаций Джон Лемоник (Дэниэл Косгроув), а также латиноамериканская красотка Соня Куинтано (Марисоль Николс), брата которой сотрудники NJP вызволили из тюрьмы.

Самое интересное в сериале – поэтапная работа главных героев по «деконструк-

ции» картины преступления. Ведь те кадры, которые нам покажут в начале каждого эпизода, – не отражение реальности, а лишь то, во что поверили присяжные на суде. За сорок две минуты экранного времени герои должны разрушить иллюзорную картинку и заменить её подлинной. В первом эпизоде (о сюжете мы рассказали выше) сотрудникам NJP удаётся, в конечном счёте, наказать тех, кто сфальсифицировал дело и освободить человека, отсидевшего тринадцать лет за чужие грехи. Жене вернули мужа, сыну – отца. Заметим, что за 13 серий первого сезона главные герои однажды всё-таки терпят поражение. Такое демонстративное отсутствие хэппи-энда в одном из самых драматичных эпизодов сериала придаёт этому шоу особую достоверность. Увы, юристы – не боги, и когда счёт идёт буквально на минуты, они тоже могут опоздать...

Роберту Кингу, одному из создателей сериала «По справедливости», долго не везло. В 90-е годы, например, он написал отличный сценарий пиратского боевика «Остров головорезов», однако фильм – по не зависящим от авторов причинам – стал одной из крупных кассовых неудач 90-х. Сценарий сериала «По справедливости» был написан Робертом Кингом в соавторстве с женой Мишель Кинг, и это был качественный драматургический материал. Трудно придаться и к актёрам, и к постановщикам отдельных эпизодов: в их числе были такие профи, как Пол Холахан («Касл», «Белый воротничок»), Кевин Брей («Форс-мажоры», «В поле зрения»), Джеймс Фоули («Акула»), Питер Медак («Во все тяжкие», «Карнавал»), а также Мик Джексон (режиссёр знаменитого «Телохранителя» с Уитни Хьюстон и Кевином Костнером). Тем не менее на канале ABC сериал продержался только один сезон и продолжения не последовало. Супругам Кинг пришлось ждать успеха ещё целых три года – вплоть до появления на канале CBS юридического сериала «Хорошая жена», ставшего международным телебестселлером. Вот это была уже никем не оспариваемая победа.

Доказанная невиновность (Proven Innocent)

США, 2019. 1 сезон

Действие происходит в Чикаго. Шестнадцать лет назад юную Мадлен Скотт (Рашель Лефевр) и её брата Леви (Райли Смит) обвинили в убийстве школьницы Розмари Линч, лучшей подруги Мадлен. За десять лет, которые брат и сестра провели за решёткой, девушка поднатрела в юриспруденции и с помощью адвоката Иезекииля «Изи» Будро (Расселл Хорнсби) добилась пересмотра дела. В итоге она и её брат были оправданы. После чего Мадлен и Изи вместе с примкнувшими к ним радиоведущей Вайолет (Никки М. Джеймс) и сыщиком Боди (Винсент Картайзер) создали юридическую фирму, главная задача которой – добиваться скорейшего оправдания несправедливо осуждённых.

Помимо «большой» войны с несправедливостью Мадлен ведёт ещё и отдельную «маленькую»: ей недостаточно личной реабилитации, она хочет доказать всему миру, что прокурор Гор Беллоуз (Келси Грэммер), упрятавший её в тюрьму на долгие годы, не просто ошибался, но был предвзятым. Будучи уверен изначально в виновности Мадлен и Леви, он отсекал прочие версии и, таким образом, вёл расследование по неверному пути (а, может, и прямо подтасовывал факты). Теперь Беллоуз балотируется в генпрокуроры штата Иллинойс, и потому нынешняя деятельность нашей героини может сломать ему предвыборную кампанию и похоронить карьеру...

Любители американских юридических процедуралов наверняка обратили внимание: среди положительных персонажей лидируют честные копы (которые ловят злодеев) и честные адвокаты (которые отстаивают в суде права подозреваемых), а представители государственного обвинения, напротив, очень редко становятся главными героями драматических шоу (навскидку можно вспомнить разве что персонажа Джеймса Вудса из сериала «Акула»). Такой перекося объясним: да, конечно, преступники должны быть наказаны, но поскольку даже в стране с невысоким уровнем коррупции в среде юристов ошибки Фемиды нередки, наибольшие зрительские симпатии как правило вызывают либо те, кто охраняет правопорядок, рискуя жизнями, либо те, кто защищает невинных. Гособвинители же выглядят винтиками государственной системы. То, что обезличено, малопривлекательно. Кроме того, у прокуроров в США есть политическая перспектива, а там, где на горизонте возникает политика, целесообразность важнее справедливости.

В нулевые годы наиболее заметным сериалом с участием Келси Грэммера был «Босс», где актёр исполнил роль мэра Чикаго Тома Кейна – беспринципного политика и умелого манипулятора. На посту мэра Кейн нередко переступал черту закона и всякий раз оправдывал себя тем, что поступает так ради общественного блага. Примерно таких и прокурор Беллоуз в «Доказанной невинности». Он тоже использует все преимущества должности в интересах собственной карьеры. Кресло генпрокурора штата Иллинойс, за которое он борется, заманчиво тем, что из него можно однажды пересестись в кресло губернатора

Нельзя сказать, будто антагонист нашей героини – просто мерзавец. Грэммер – слишком хороший актёр, чтобы изображать беспросветное зло, и сценаристы делают образ выпуклым. На лице прокурора по ходу сюжета отражаются разнообразные чувства, и не все его речи – демагогия. Мы понимаем, что у Беллоуза были принципы, с которыми он, однако, постепенно научился договариваться: мол, общее важнее частного, а отдельно взятый человек – статистическая единица. По ходу сюжета прокурор не оставляет попыток заново открыть дело против Мадлен. «Видеть, как она разгуливает на свободе, помогая другим уйти от правосудия, нестерпимо», – жалуется он бывшему начальнику. Впрочем, месть его ещё и донельзя прагматична: если он докажет, что Мадлен всё-таки была убийцей, и посадит её снова, то добавит себе предвыборных очков.

Чтобы победить на выборах, Беллоуз готов на многое. Он соглашается принять спонсорскую помощь от Рика Зана (Джеффри Нордлинг), главы фармацевтического концерна с неважной репутацией, а под влиянием нанятых Заном политтехнологов политик в Беллоузе окончательно побеждает законника. Вот такому-то опасному противнику (должность, связи, влияние, харизма, деньги плюс личная вражда) Мадлен и будет противостоять на протяжении всех тринадцати эпизодов сериала...

События, о которых шла речь выше, представляют собой лишь «горизонтальный» сюжет сериала. А поскольку в процедурале в каждой серии должно ещё происходить что-то новое, «вертикальными» историями становятся дела, которые ведут в суде Мадлен и Изи. Первоначально предполагалось, что наши герои будут выбирать прежде всего тех несправедливо осуждённых, которых лично посадил прокурор-антагонист. Однако, к чести сценаристов, они быстро поняли, что такой однообразный

ход сузит их возможности, а потому подопечные юристов – не обязательно «клиенты» Беллоуза (некоторые даже находятся за пределами Иллинойса). Всех их объединяет одно: они заявляют о своей невиновности и надеются на полное оправдание. Понятно, что если бы наши герои выигрывали в судах ВСЕ дела и ВСЕ их подопечные говорили правду, следить за работой команды Мадлен было бы не столь интересно. Поэтому случается всякое. Те, кто посмотрел много подобных сериалов и уже понимают логику сценаристов, догадываются о некоторых поворотах сюжетов, но предсказать, ЧЕМ завершится каждый эпизод, не сможет никто...

А теперь о том, почему, несмотря на харизматичного антигероя и прочие достоинства сериала, канал FOX не стал продлевать «Доказанную невиновность» на второй сезон.

Главные причины заключаются не только в невысоком рейтинге сериала, прохладных отзывах критиков и некотором переборе стандартных сюжетных ходов. Беда в том, что положительные герои оказались чересчур очевидными. И если, например, сыщик Боди с его комплексами, дурашливостью и ребяческими играми в ниндзя временами выглядит живым человеком, то образы адвокатов Изи и Мадлен – образцового афро-американца и пылкой красотки-бисексуалки – как будто скроены по лекалам политкорректности. Герои словно покрыты глянцем. При всех талантах Расселла Хорнсби и Рашель Лефевр им достались довольно схематичные персонажи, которых оказалось трудно оживить.

«Доказанная невиновность» держалась на плаву целый сезон за счёт разнообразия судебных эпизодов и загадок «горизонтальной» линии. Когда же в финале настоящий убийца Розмари Линч был найден, а судебное противостояние Мадлен и прокурора естественным образом сошло на нет, стало ясно, что сериал исчерпал себя. Боссы канала FOX просто поставили точку в конце и перевернули страницу.

Кодекс (The Code)

США, 2019. 1 сезон

В чём разница между военными юристами и обычными? Не только в том, что первые – в отличие от вторых – носят военную форму и отдают честь в качестве приветствия. Но и в том, что над ними блистают два светила – Закон и Приказ, и одно порой может затмевать другое. Герои этого телесериала вынуждены подчиняться, условно говоря, двум античным божествам одновременно. Фемида (она же Юстиция), богиня правосудия, требует, чтобы каждый виновный был наказан, а каждый невиновный отпущен на свободу. Для Ареса (он же Марс), бога войны, отдельный человек с отдельной судьбой совсем не важен. Исход битв решают массы, и даже если некоторое количество людей погибнет напрасно или по вине командира, родственники людей в мундирах не могут отстаивать свои права в суде. А если ты всё-таки посмеешь затеять тяжбу и попробуешь призвать военное ведомство к ответу, жди беды...

В этом сериале «горизонтальной» сюжетной линией станет упомянутый выше конфликт между Юстицией и Марсом. Алекс Хант (Джастин Котсонас), вдова морпеха, погибшего в первой же серии, попытается наказать тех, кто невольно или намеренно прикрывал убийцу её мужа, и на фоне этой даже не тяжбы, но всего лишь долгой подготовки к ней будут разворачиваться мини-сюжеты остальных одиннадцати серий.

Подобно всякому процедуралу, «Кодекс» складывается из россыпи частных случаев. Военные – обычные люди, и преступления вне поля брани они совершают примерно такие же, как и в «гражданских» сериалах. Убийство из ревности, торговля наркотиками, самоуправство, преступное вторжение в частную жизнь (при помощи жестоких роликов в Интернете) и тому подобное. Но, естественно, у большинства дел – своя специфика, которая вызывает у зрителя дополнительный интерес к юридической «фактуре». Каждый из эпизодов займёт своё место в одном большом мозаичном полотне и поможет с разных сторон познакомиться с главными и второстепенными персонажами этого драматического шоу. У каждого – свои обстоятельства, и непростые.

Вот капитан Джон «Эйб» Абрахам (Люк Митчелл), который на процессах представляет сторону обвинения. С самого начала мы знаем, что он воевал в Афганистане, был ранен в бою и, поскольку больше не мог принимать участие в миссиях (как морпех), стал юристом. В конце нам расскажут о трагических подробностях того самого боя, а пока герой делает всё возможное, чтобы преступники в военной форме понесли наказание. Принадлежность к морской пехоте – и благо, и зло. С одной стороны, человек чувствует себя частицей внушительной силы с благородным бэкграундом. С другой стороны, эта сила может быть и косной, если раскрытие конкретного преступления сочтут посягательством на честь всей корпорации. Попробуй добиться свидетельских показаний от военнослужащих, не желающих прослыть «стукачами», выносящими сор из избы, и «непатриотами». Те, кто смотрел «Несколько хороших парней» Роба Райнера, наверняка помнят, как адски трудно было военным юристам из этого фильма преодолеть заговор молчания, посадить на скамью подсудимых негодяя-командира (роль Джека Николсона) и заставить его расплатиться за содеянное...

Ещё один из главных персонажей – лейтенант Харпер Ли (Филиппа Су). С самого начала героиня простодушно признаётся, что, несмотря на своё знаменитое имя, так и не прочла роман «Убить пересмешника», а только видела фильм с Грегори Пеком. Мелочь, казалось бы? Но нет: это важная деталь, которая свидетельствует не об ограниченности героини, но об её «упёртости» (в хорошем смысле слова). Харпер презирует условности. Дочь очень богатых родителей, она надела военную форму не из прихоти, а по убеждению. То, чем она занимается на военно-юридической службе, кажется её близким – включая жениха – просто экзотикой, но это часть её жизни. Даже коллеги-юристы поначалу смотрят на Харпер с лёгким удивлением, которое, однако, сменяется уважением, когда выясняется, что лейтенант способна на Поступок не только в зале суда, но и в бою. Зритель знает немножко больше, чем героиня. Девушка долгое время надеется, что её отношения с женихом как-то наладятся, войдут в колею, а мы-то понимаем, что этот союз обречён. Двух хороших и красивых людей не связывает ничего, кроме постели. Для семейного счастья маловато.

Дюжина эпизодов по сорок две минуты каждый – достаточный метраж, позволяющий нам получше узнать всех постоянных участников шоу. Вот майор-адвокат Трой Ферри (Ато Эссандо). Много лет они с женой пытаются завести ребёнка: традиционным путём никак не получается, процедура ЭКО недёшева. Трой – замечательный профи и надёжный друг, но груз личных проблем давит на него, и он почти не улыбается... Вот капитан-адвокат Майя Доббинс (Анна Вуд). Когда она в зале суда сталкивается, например, с уже знакомым нам обвинителем Джоном Абрахамом, то за их поединком следишь, как за состязанием фехтовальщиков: искры летят, исход борьбы непредска-

зуюм. Но у Майи есть свой секрет – неразрешимая проблема в семье. Её родной брат хочет стать федеральным политиком. Он готовится к выборам, просит помощи у сестры, а та видит, что брат психически нездоров, и никакие таблетки уже не помогают ему от мании преследования...

Особое место в сюжете занимает начальница всех упомянутых выше (и многих не упомянутых) персонажей – полковник Гленн Тёрнбулл. По первоначальному замыслу авторов сериала её должна была сыграть Мира Сорвино, однако Дана Дилэйни – быть может, ещё более удачный выбор. Имя актрисы прячется где-то в титрах, и если посчитать экранное время в минутах, её роль здесь, наверное, можно отнести к второплановой. Но образ выстроен так, что она, казалось бы, постоянно присутствует на экране. После сериала «Следствие по телу» актрису часто приглашают на роли «железных женщин», но, к чести Дилэйни, амплуа пока ещё не превратилось в штамп. «Цельнометаллическая оболочка» полковника Тёрнбулл – во многом иллюзия. На самом деле героиня тоже уязвима, и мы видим, как меняется её лицо, когда она остаётся одна и подчинённые её не видят...

К финалу двенадцатой серии все сюжетные узлы, в основном, развязаны, а продолжения не предвидится. Сразу же по окончании драматического шоу телеканал CBS его отменил – из-за не слишком высокого рейтинга и прохладных отзывов критиков. Решение довольно спорное: сериал, в целом, был неплох – лучше многих на том же канале, а рейтинги могли бы потом и подрасти. Но что сделано, то сделано. «Спасибо всем замечательным людям, которые смотрели «Кодекс», – написала у себя в Твиттере Дана Дилэйни. – Прошлая ночь стала нашим финалом и, к сожалению, не более того. Я никогда не стану генералом. Но мне очень понравился этот актёрский состав, и я знаю, что мы ещё встретимся...»

Фишки. Деньги. Адвокаты (The Defenders)

США, 2010–2011. 1 сезон

Спасая брата от избивавших его футбольных фанатов, молодой человек выстрелил не целясь. Один из четырех нападавших погиб. Судья настроен против обвиняемого, государственный обвинитель настаивает на преднамеренном убийстве, присяжные, похоже, не расположены к подсудимому. И хотя парню грозит десять лет тюрьмы, он отказывается от сделки с прокуратурой. Таким образом, адвокатам фирмы «Морелли & Качмарек» надо будет очень постараться, чтобы изменить мнение присяжных.

Это – лишь один из сюжетов первого эпизода юридического сериала «The Defenders». Российские телепрокатчики заменили слово «защитники» в оригинальном названии на целых три, чтобы акцентировать место действия: Лас-Вегас, штат Невада, игорная столица Америки. Однако весь фокус в том, что знаменитые казино в этом сериале почти не присутствуют, а главные герои – адвокаты Ник Морелли (Джеймс Белуши) и Пит Качмарек (Джерри О'Коннелл) – занимаются примерно такими же уголовными делами, какие есть в любом городе страны.

Лас-Вегас здесь оказывается лишь географической точкой – со своей спецификой, не более того. Другое дело, что сама атмосфера города влияет на персонажей. Лас-Вегас – это, прежде всего, олицетворение переменчивой Фортуны: тут одинаково возможны как блистательная победа, так и сокрушительное поражение. Защитнику мало

знать законы и быть хорошим актёром. Помимо таланта юриста, вегасскому адвокату необходим и кураж игрока. Даже если на руках не очень хорошие карты, есть возможность рискнуть – и выиграть.

Два партнёра – очень разные: вечный бабник Пит и однолюб Ник, искренне переживающий свой развод. Пит слегка трусоват, а Ник импульсивен. У Пита биография без единого пятнышка, а Ник два десятилетия назад состоял в юридической свите местной игорной мафии. Тем не менее партнёры ухитряются не просто уживаться друг с другом, но и совместно выигрывать наиболее сложные дела (на одну серию их обычно два), не выходя за рамки закона (хотя порой приближаясь к ним вплотную) и не поступаясь адвокатской этикой.

Любопытно, что персонажи сериала – не совсем выдумка, у них имеются прототипы: это учредители вегасской юридической фирмы «Cristalli & Saggess» Майкл Кристалли и Марк Саггес (они стали консультантами сериала). Основой сценария являются несколько реальных дел, которые вела фирма. «Белуши и О'Коннелл проделали отличную работу, – рассказывал в интервью «Las-Vegas Sun» Марк Саггес. – Актёры поняли главное: для нас юмор – единственный способ сохранить здравомыслие и избавиться от стрессов».

Украшение сериала – актёр Джеймс Белуши. Были времена, когда он находился в первой десятке звёзд Голливуда и был почти одинаково хорош как в комедийных ролях («Как разобраться с делами» по сценарию тогда ещё молодого Дж. Дж. Абрамса), так и в драме («Кудряшка Сью»), и в боевиках («Красная жара», «Ройс»). Чаще всего он играл хороших парней, но когда ему доставались роли негодяев («Провал во времени»), то это были нестандартные злодеи, способные по-настоящему напугать.

Среди сериалов 90-х, где блеснул Белуши, следует назвать мрачную конспирологическую антиутопию «Дикие пальмы», действие которой происходило в 2007 году (ныне это телебудущее в прошлом). В «Диких пальмах» актёр тоже сыграл драматическую роль адвоката, без малейшего налета эксцентрики. «Фишки. Деньги. Адвокаты» представляет собой сериал иного рода, это драме. Грузноватый Белуши в кадре порхает, как птичка: его выступления в зале суда – это и драма, и балет, и цирк одновременно. «Смешанный» жанр позволил авторам затронуть вполне серьёзные темы и при этом не потерять иронической интонации. Время от времени персонажи попадают в комические ситуации, из которых трудно выпутаться, однако Питу и Нику почти всегда везёт. Помимо богини Фортуны, главным героям помогают ещё и две обаятельные женщины: бывшая танцовщица, а ныне младший адвокат фирмы Лиза Тайлер (Джерни Смоллетт) и секретарша Зои Уотерс (Таня Фишер).

Боссы канала CBS возлагали надежды на «The Defenders», но рейтинг, неплохой по началу, быстро начал падать. Одной из причин стала, вероятно, неразбериха с сеткой вещания: первые двенадцать эпизодов (с сентября по декабрь 2010 года) на CBS показывали по средам, затем сериал сдвинули на вечер пятницы (с января по март 2011 года). Этот скачок запугал зрителя, аудитория сократилась. Веселый сериал про удачливых юристов был закрыт после первого сезона. Телефирма Морелли и Качмарека ушла в историю. Но, возможно, реальные адвокаты Майкл Кристалли и Марк Саггес до сих пор ещё практикуют в Лас-Вегасе.

Элли Макбил (Ally McBeal)

США, 1997 – 2002. 5 сезонов

Молодая и привлекательная выпускница юридического колледжа Элли Макбил (Калиста Флокхарт) приходит работать в бостонскую адвокатскую фирму, которую возглавляют её однокурсник Ричард Фиш (Грег Джерманн) и его приятель Джон Кейдж (Питер Макникол). На новом месте героиню подстерегает сюрприз. Оказывается, в той же фирме работает её бывший парень Билли Аллен Томас (Гил Беллоуз), который теперь счастливо женат на красавице Джорджии (Кортни Торн-Смит) – и она, кстати, тоже юрист. Встреча пробуждает в Элли былые чувства, а Билли, будучи верным мужем, тоже не утратил прежних симпатий. Таким образом, героине приходится вести сложные гражданские дела и одновременно страдать: Билли рядом, да не её, а запретный плод особенно сладок. Все эти любовные переживания занимают свободное (и даже отчасти рабочее) время Элли, и потому она не сразу понимает, что контора Фиша и Кейджа – довольно странное местечко.

Если театр начинается с вешалки, то фирма, где работает Элли, начинается с необычного туалета, а завершается необычным баром на первом этаже здания.

Туалет здесь общий, без разделения на «М» и «Ж»; точнее, общим является холл рядом с закрытыми кабинками. По замыслу авторов сериала, он является символом гендерного равенства в этой фирме, а ещё удобнейшим – для развития сюжетов – местом действия. В офисе юрист должен быть застёгнут на все пуговицы и соблюдать этикет, здесь же – территория свободы, где можно взять тайм-аут. Да, разумеется, сотрудники фирмы используют туалет по своему прямому назначению, однако никто этим не ограничивается. Здесь юристы и юристки приводят себя в порядок и заодно решают проблемы. В туалете можно разругаться навек (даже подраться) или объясниться в нежных чувствах, устроить заговор или разрушить чьи-то козни. Здесь же можно случайно услышать то, что не предназначено для чужих ушей, а затем побыстрее разнести услышанное по всей фирме – в результате чего всё тайное в «Фиш & Кейдж» почти мгновенно становится явным. Сотрудники ссорятся и влюбляются, соперничают друг другу и без спроса принимают в чужих делах живейшее участие. Этой кутерьме способствует крайне общительная Элсин (Джейн Краковски), которой скучно быть простой секретаршей.

Бар на первом этаже – второй из полюсов, ещё одно место randevу героев. Там они обмывают выигранные дела и снимают стрессы после проигрышей, назначают встречи клиентам и устраивают свидания, проводят вечеринки и дни рождения. Не все из персонажей сериала умеют петь, но каждому (или каждой) вокал помогает там, где уже не действуют слова. А потому среди них нет, кажется, ни одного, кто бы в течение пяти сезонов сериала хотя бы разок не вышел на мини-подиум бара и не спел что-нибудь нежное или зажигательное или, по крайней мере, подпел певице Вонде Шепард, которая мелькнёт почти во всех эпизодах. А ещё в этот бар регулярно заходят знаменитости и не гнушаются там спеть вместе с завсегдатаями. В титрах можно встретить – с пометкой *himself (сам)* – Стинга и Барри Уайта, Мэрайю Кэри и Тину Тёрнер, Глорию Гейнор и Эла Грина, Элтона Джона и Барри Манилова, а, например, Джон Бон Джови в сериале исполняет не только свои песни, но и роль Виктора Моррисона, интеллигентного сантехника, с которым ближе к финалу у заглавной героини

возникает роман. Впрочем, о перипетиях личной жизни Элли поговорим чуть позже, а пока ещё немного – о старших коллегах и сослуживцах мисс Макбил.

Соучредители Ричард Фиш и Джон Кейдж – персонажи необычные. Первый постоянно распинается о своей любви к деньгам, но куда больше любит сомнительные афоризмы собственного сочинения (их он называет фишизмами), а в любви ценит самые странные фетиши, ради которых готов на любые, самые бессмысленные, траты. Второй откликается на прозвище Пряник, свистит носом, с детства комплексует из-за малого роста и спасается от мира в крохотном потайном кабинетике, обустроенном даже не скажу где. При всем эксцентризме, Кейдж-Пряник – гениальный адвокат: умный, цепкий, расчётливый и способный даже свою внешнюю нелепость употребить для пользы дела. Сразу же замечу, что в сериале именно названный персонаж оказался самым интересным: Питер Макникол получил за эту роль несколько премий, включая «Эмми», и через несколько лет в процедурале «Числа» использовал кое-что из арсенала Пряника, сыграв роль чудаковатого Ларри Флейнхарда – физика-теоретика и консультанта ФБР.

Если здешние мужчины – люди со странностями, то здешние дамы, как правило, славятся исключительной, бьющей через край стервозностью: особенно тут выделяются белокурая бестия Нелл Портер (Порша де Росси), азиатская змея Линг Ву (Люси Лью) и возникающая уже под финал сериала кукольнообразная нимфетка Лиза Бамп (Кристина Риччи). Когда героини употребляют эту стервозность в интересах клиента, они почти непобедимы в комнатах переговоров и залах суда. Когда же они выпускают своих демонов в нерабочее время, их мишенями могут стать окружающие: Ричард, Джон и Элли.

Элли, Впрочем, на общем фоне не выглядит «белой вороной», у нее – собственные тараканы, и самый главный из них – неуверенность, постоянная боязнь сделать хуже себе и всем вокруг. «Дайте мне время и возможность, и я испорчу что угодно», – говорит Элли и постоянно изыскивает подтверждение этим словам. Хотя Элли знает, что она красивая женщина и притом хороший адвокат, она – живое воплощение рефлексии. Ей кажется, что её не любят, что она вот-вот оскандалится и всё испортит. Так что зачастую Элли предпочитает НЕ совершать решительные поступки, убегать от неизбежного выбора, прячась за словами. «Так всех нас в трусов превращает мысль, / И вянет, как цветок, решимость наша» – эти строки из монолога Гамлета могли бы стать жизненным девизом заглавной героини. И чем больше Элли комплексует, тем труднее ей бывает удержаться в рамках реальности: её постоянно мучат странные галлюцинации, а она терзает ими своих психоаналитиков, требуя от них объяснения этих видений (роль одного из «мозгоправов» даже сыграл Брюс Уиллис, но его хватило на единственную серию).

В финальном эпизоде Фиш назовёт заглавную героиню душой их фирмы, но это – лишь часть правды. Другая часть заключается в том, что Элли для большинства сотрудников фирмы становится своеобразным талисманом, оттеняя их вменяемость и «системность». По сути, Элли выглядит как Ground Zero – то есть оказывается нижней точкой безумия, эдакой нулевой отметкой. «Как бы низко я не опускал планку здравого смысла, ты всё равно проползёшь под ней», – говорит нашей героине Фиш. Она и не спорит. «Когда ты со мной, то ты уже не самый странный человек в этой ком-

нате», – утешает она Пряника. Прежде всего это касается проблем в личной жизни. Время от времени они возникают у всех героев сериала, но лишь у Элли ВСЯ личная жизнь является одной большой проблемой без просвета. Героиня пытается влюбиться, но заранее настраивает себя на будущее фиаско, – и потому сама его вызывает. Даже когда ей удаётся более-менее наладить отношения, Элли старательно их уничтожает: сё демон пессимизма нуждается в постоянной подпитке. Впрочем, и значительную часть своего адвокатского таланта героиня вынуждена растрачивать на то, чтобы вытягивать подзащитных из ситуаций, ею же невольно порождённых. «Мои клиенты забывают о своих неприятностях, потому что я приношу им ещё большие неприятности», – кается Элли. Это преувеличение, но не слишком сильное.

Для сценариста Дэвида Келли сериал стал неким полюсом – противоположностью ещё одного его сериала о бостонской юридической конторе, выходившего примерно в те же годы. Только если в «Практике» команда Бобби Доннелла (Дилан Макдермот) вся сосредоточена на серьёзных уголовных делах и минимально отвлекается от них на частную жизнь самих юристов, то в «Элли Макбил» сюжеты о жизненных перипетиях сотрудников нередко становятся главными, а юридическая практика – многофигурным фоном. К тому же адвокатам из фирмы Фиша и Кейджа обычно достаются нелепые, невозможные дела (вроде защиты интересов финансиста, утверждающего, будто он видел единорога), а их оппонентами в судах становятся порой экзотические юристы (типа адвоката-вундеркинда, ребёнка, безусловно знающего закон). Для контраста Келли идёт на эксперимент, допуская в одном месте пересечение двух сериалов (кроссовер). Двум командам юристов приходится ненадолго стать партнёрами, чему Бобби совсем не рад: «Они сумасшедшие», – бормочет он, имея в виду своих временных союзников.

Сериал «Элли Макбил» завершился в 2002 году, когда авторы сами заметили, что закомплексованную юристку постепенно оттесняют на периферию другие персонажи. Ещё через два года закончилась и «Практика». Последующие за ней знаменитые ныне «Юристы Бостона» (спин-офф «Практики»), думаю, были бы невозможны и без опыта «Элли Макбил». Побывав на двух полюсах, Келли опытным путём обрёл золотую середину: эксцентричность главных персонажей не отменяет тщательной проработки юридических сюжетов. Блестящие выступления в суде Алана Шора, одного из главных героев «Юристов Бостона», представляют для зрителей отдельный интерес, и при этом у самого Шора, как и у Элли, большие проблемы в личной жизни, рождённые острой рефлексией (впрочем, «тараканы» Шора эффектно дополняются гротескной чудаковатостью Дэнни Крейна, его коллеги по фирме и друга). Сценарист избежал соблазна познакомить Элли с Аланом. Дело даже не в том, что стилистически вселенные сериалов не сочетаются. А в том, что искущённому зрителю было бы ясно заранее: ничем хорошим встреча этих двух *glazy* не кончится. ■

Татьяна ВОЛЬТСКАЯ

📍 Санкт-Петербург, Россия

Фото: очерки о наших днях

Поэт, эссеист, автор 16 сборников стихов: «Стрела» (СПб, 1994), «Тень» (СПб, 1998), «Цикада» (СПб, 2002), «Cicada» (Лондон, Bloodaxe, 2006), «Trostdroppar» (Стокгольм, 2009), «Письмо Татьяны» (СПб, «Геликон Плюс», 2011), «Из варяг в греки» (СПб, «Геликон Плюс», 2012), «Угол Невского и Крещатика» (Киев, «Радуга», 2015), Избранное (СПб, «Геликон Плюс», 2015), «В лёгком огне» («Издательские решения», 2017), «Крылатый санитар» (М., «Воймега», 2019) и книги стихов и прозы «Почти не болит» (СПб, «Лимбус Пресс», 2019), «Дальше пешком» (М., «Стеклограф», 2021), «Спящий не спит» (Киев, «Друкарский двор»), «Стой со мною» (СПб, «Пальмира», 2022), «Совесть моя украинка» (Киев, «Радуга», 2022).

В 1990-е выступала как критик и публицист, вместе с Владимиром Аллоем и Самуилом Лурье была соредактором петербургского литературного журнала «Постскриптум».

Стихи переводились на английский, немецкий, шведский, голландский, финский, итальянский, сербский, литовский.

Лауреат Пушкинской стипендии (Германия, 1999), премий журнала «Звезда» (2003), журнала «Интерпоэзия» (2016), специальной премии журнала «Этажи» (2019), Всероссийского поэтического конкурса «Заблудившийся трамвай» (2019) и др.

Участница международного поэтического фестиваля в Роттердаме, Платоновского фестиваля, фестивалей «Петербургские мосты», «Киевские лавры», международного Хлебниковского фестиваля «Ладомир» и др.

Печатается в литературных журналах «Звезда», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Этажи», «Новый берег», «Крещатик», «ШО», «Prosodia», «Формаслов», «Литература» и др.

Работает журналистом радио «Свобода/Свободная Европа».

По поводу нынешнего положения говорит:

«Я родилась и прожила всю жизнь в Петербурге, но с конца апреля 2022 года вынужденно живу в Грузии: ярлык «иностранный агента», заботливо привешенный мне Министерством юстиции РФ, не позволяет жить в России и работать на радио «Свобода». Своё нынешнее положение воспринимаю как изгнание и переживаю его тяжело. См. учебник Смирновского/эпиграф Набокова: «Роза – цветок. ...Воробей – птица. Россия – наше отечество. Смерть неизбежна. Ничего не изменилось».

¹ Также см. редакционный «манифест» в № 1 «Тайных троп» (прим. ред.)

Грузинский блокнот

Последний звонок

Чуть ли не первое место, где мы с Ваней оказались в Тбилиси, был стеклянный мост через Куру. Вообще-то я не люблю прозрачных изысков на грубых железных трубах, но этому мостику не откажешь в обаянии. Говорят, когда его строили, многие были против, оно и понятно – перекрывает вид на реку, и вообще, чужой всему остальному, древнему. Но мостик явно прижился. Вода под ним суровая, мутная, быстрая, но всё равно его стеклянная душа с ней перекликается, а под изогнутой мечтательной крышей светится уют. Прохожие норовят здесь задержаться, фотографируются, слушают уличных певцов или просто задумчиво стоят, глядя на реку.

Так и мы с Ваней стояли в моё первое утро в Тбилиси. Ваню на границе пропустили сразу, и он приехал ещё накануне, а меня потерял, потому что у меня не включился роуминг, Ваня здорово переволновался, и теперь как будто обрёл меня заново. А я именно здесь, на этом лёгком стекле, вдруг ощутила, что нетопыринные крылья чекистов, сгустившиеся на границе, перестают клубиться за спиной. Стеклянные перила охладили руки, чувство внезапной свободы оглушило, брызнули слёзы. С тех пор мы много раз переходили по этому мостику на левый берег, и каждый раз я вспоминала это чувство свободы и эти слёзы – как в детстве от глотка лимонада, брызнувшего в нос.

Стеклянный мостик – место туристическое, от него рукой подать до фуникулёра, тут часто кто-нибудь поёт, положив перед собой шляпу или коробочку для мелочи. Певцы сменяются один за другим, а в парке, в нескольких шагах от мостика, сидит гитарист, всегда один и тот же. Это виртуоз. Из-под его пальцев льётся поток мелодий, звук усиливается колонкой, стоящей на скамейке. Но однажды я заметила, как виртуоз отвлекся от своей гитары – и пока он, не торопясь, поправлял аппаратуру, музыка лилась из динамика, как ни в чём не бывало.

Так вот оно что – гитарист, оказывается, жулик, он только перебирает пальцами, а искусная игра – это просто запись. Я смотрела на него в упор, но он и ухом не повёл – подумаешь, его бизнесу моё маленькое открытие не помеха. Я усмехнулась и пошла дальше, позавидовав невозмутимости делового человека.

Есть в Тбилиси несколько загадочных строений, смысл которых так и остался от меня скрыт. Пройдя по стеклянному мостику, попадаешь в парк, свернёшь направо – окажешься на Авлабари, свернёшь налево – наткнёшься на два гигантских стеклянных раструба, сползающих со скалы в заросли можжевельника и туи. Видимо, предполагалось, что это выдающееся достижение архитектуры должно служить каким-то высоким общественным целям, но, сколько мы с Ваней ни ходили вокруг стеклянных рогов изобилия, не заметили внутри никакой жизни, кроме мутного пыльного воздуха и бесконечного пологого спуска в глубине. И даже когда мы прошли по верхней дороге мимо оснований этих раструбов, стеклянные двери тоже оказались мёртвыми, а в боку обнаружилась дыра, забитая фанерой. Как-то, проезжая мимо на такси, я спросила – что это такое, и шофёр сделал рукой замысловатый жест: «Никто не знает!»

Много позже тайну серебристых призраков открыла мне Нана: оказывается, при Саакашвили здесь замыслили сделать какой-то невероятный современный театр, это был дорогой проект, но построить успели только внешнюю оболочку.

– А теперь стараются уничтожить всё, сделанное Саакашвили, и этот театр тоже забросили, специально, хотя жалко, столько денег уже потрачено, – говорит Нана.

Хотя от ультрамодернового проекта я не в восторге, но теперь и мне жалко – а что, я бы сходила в такой театр, даже просто из любопытства. Я ловлю себя на чувстве досады – лучше бы я по-прежнему пожимала плечами при виде неопознанных марсианских раструбов и не думала о нерождённом театре – вот уж, действительно, многие знания – многие печали.

Второе таинственное здание – Дворец юстиции. Его назначение как раз понятно – говорят, там всё так удобно устроено, что пришедший гражданин может без труда получить все нужные документы и справки в одном месте. Если это правда, можно только позавидовать мудрому устройству грузинской бюрократии. Стелянные стены меня не удивляют – должно же что-то напоминать государевым людям о бренности всего сущего. У меня только один вопрос – зачем было накрывать их крышей, настолько похожей на семейство бледных поганок на тоненьких ножках? Мучительные размышления подтолкнули меня к выводу, что это промысел Божий: так смиряет Господь служителей государственной власти, чтобы не надмевалось сердце их. Выйдет такой служитель из дверей своей могучей конторы, поднимет глаза на бледные поганки и смиренно вздохнет – нет, он такой же, как эти прохожие, идущие навстречу, не лучше и не хуже.

Конец мая – время последних звонков. По улицам ходят стайки школьников, на мальчиках белые рубашки, разрисованные и раскрашенные от руки. Мне неловко их пристально рассматривать, но краем глаза я вижу россыпи смешных картинок и подписей одноклассников. Это забавно и мило, жаль, что у нас нет такой тради-

ции – представляю, как интересно будет рассматривать эти рубашки лет через 20-30. Школьники идут по Авлабари, справа на стенах – виноградные плети и вспышки роз, слева – крутой склон, за который изо всех сил цепляются отвесные улочки, падающие к Куре. Ветер, почти ураганный, яростно мешает в воздушном котле гроздьё спутанных проводов, взбесившееся бельё во двориках, ветки платанов и хлопающие белые рубашки, как будто пытаясь сорвать их с выросших мальчиков.

Я смотрю на них и ещё не знаю, что в эти же дни фотограф из Ивано-Франковска Станислав Сенек снимает их сверстников, черниговских выпускников – на фоне их разрушенного города. У них тоже через плечо шёлковые ленты, только за спиной – разбомбленные дома, сгоревший российский танк, разбитые улицы, по которым они ходили в школу, остов торгового центра, куда они любили забежать в выходной. Вот три девочки стоят в развороченной панельке, от квартиры осталась пара стен и пустое окно, вот мальчик курит на фоне надписи «Проход заминирован», вот три парня держат на руках одноклассницу перед закопчённой стеной в пробоинах, вот стайка ребят видна в окно сожжённой машины, вот другая стайка задрала головы и смотрит в небо сквозь искорёженную лестницу, как сквозь скелет динозавра – в динозавра, устроенное российским соседом.

Тень этих фотографий, как тень от облака, легла на сияющих тбилисских выпускников – я гоню её прочь, и она нехотя отползает. Но не совсем.

А вдруг это измена?

Остаться в Тбилиси мы не можем – дорого. Цены на квартиры баснословные – говорят, в первые дни войны приехало слишком много богатых русских, которые сами предлагали платить дороже, так что некоторые хозяева ради невиданных денег даже выгнали прежних съёмщиков, грузин. Верить в это не хочется, но что делать, если уж «весь род людской чтит один кумир священный», вряд ли тбилисцы – исключение. Поэтому мы уедем в Батуми, там дешевле, но на всякий случай знакомые знакомых дали нам телефон – недорогая квартира на улице Сундукиани будет свободна с ноября. В первый раз мы с Ваней долго плутали, идя туда по верху, с Авлабари, но никого не застали, а теперь я иду одна, созвонившись с хозяйкой.

Подземный переход, который мне вчера показал Ваня, весь разрисован – могучие рыцари борются со страшными зверями или тоскуют в пустыне, уронив голову на руки, но в одном бетонном коридоре – только надписи: это чёрная книга обид, нанесённых Грузии Российской империей. Дата – уничтожение очередных свобод – дата – уничтожение. Сначала на грузинском и английском, потом только на грузинском. В этом коридоре мне грустно и неуютно, так что я поскорей выхожу наверх и иду по набережной к Сухому мосту.

Говорят, там бывает замечательная барахолка, но нам не везёт – как ни придём, застаём только её следы: то дождик, то слишком поздно. Сейчас не дождик и не поздно, но барахолки всё равно нет – не судьба. Гений места, однако, витает где-то рядом – на круглой площади сидит на асфальте мужик перед раскрытым чемоданом, полным кроссовок, рядом сосредоточенно прыгает на одной ноге покупатель – примеряет башмак.

Вид на Тбилиси с Авлабари, с монастырской башни.
Фото: Иван Вольский

Квартира на Сундукиани выходит в прелестный дворик с розами, виноградом и агавами, но на деле оказывается хостелом: две комнатёнки с голыми стенами и двумя узкими солдатскими койками в каждой. Зимой, без роз и винограда в окне, тут вообще сойдёшь с ума. Что ж, забудем.

От Сухого моста к нам домой ведёт длинная улица с неприметными коричневыми зданиями – закопчённый кирпич, какого много на петроградских рабочих окраинах. Только у нас это, в основном, могучие фабричные здания, которые не смогла сокрушить даже лютая советская бесхозяйственность, а тут – небольшие домики в один-два этажа с фигурными решётками на окнах, из-за которых пелятся на прохожих неподвижные дымчатые кошки.

Улица длинная, где начинается Авлабари, я не знаю, но подозреваю – что там, где провода на столбах становятся гуще. Провода на грузинских улицах вообще ведут себя без лишней чопорности – где-то мечтательно провисают, где-то экстатически нарезают круги между столбами, а иной провод, отчаявшись найти себе место в жизни, падает отвесно прямо перед носом, как бы приглашая проверить – дернёт тебя током, или это он так, пошутил. Так вот, чем ближе к Авлабари, тем отвязанней становятся провода. Вот он, мой любимый перекрёсток, где они устроили настоящую вакханалию, хлыстовское радение – целое воронье гнездо накручено вокруг столба, длинные космы тянутся во все стороны. На кирпичной стене синий почтовый ящик, фонарь – и чёрная гроздь проводов, с которой сцепилась жилистая виноградная лоза. Чем ближе к рынку, тем больше столбов с проводами, сгустившимися в залихватские клубки – будто пьяный электрик скакал и плясал тут по ночам, запутывая всё вокруг.

Дворики Авлабари тоже отличаются от обычных тбилисских двори́ков, вместо патриархальной милоты в них царит анархия бедности – рассыпающиеся бетонные стенки, ржавые железные листы, кривые штыри арматуры, провалившиеся крыши пристроек, сгнившие перила галерей, остатки асфальта – и всепобеждающее бельё, как знамя в руках знаменосца, уже раненного, но ещё не упавшего, нет. Сколько таких же убитых дворов теснится где-нибудь в средней полосе России, да хоть в нашем любимом Кобринно – заверни только за магазин «Май», а ещё лучше – к общественной бане с такой огромной пробоиной в стене, как будто наша доблестная артиллерия на минутку отвлеклась от Харькова, – но там эти дворы наводят тоску, а здесь почему-то нет. То ли виноградные побеги так нежно обвивают ржавое железо и мятые водосточные трубы, то ли розы так горячо пульсируют у стены, пробегая кровью по воздушным венам, то ли невидимый знаменосец так высоко поднимает плещущее бельё – но при виде этих дворов сердце обливается светом, а не отчаянием.

Чем дальше я хожу по этим дворикам, тем явственнее чувствую, как внутри зарождается тёплый сгусток, еле заметное движение, ещё не волна, но уже рябь, ещё не любовь, но её предвестье. Я понимаю, что сопротивление бесполезно, что как ни насильственно было моё появление здесь, но ход вещей изменить невозможно – душа не может не потянуться навстречу Тбилиси. И тут же ловлю себя на ревнивном чувстве – а как же твой город, твой единственный, твоя плоть и кровь? Уж не изменяешь ли ты ему? Стоило тебя поманить гладким стволом чинара, черносливом брусчатки, бельём на кружевных балконах – и ты уже размякла, завияля хвостом, побежала.

Нет, ещё не побежала, но уже знаю, что, уехав отсюда, буду тосковать по этим петлисты́м дворам и платанам, которых я не хотела видеть, а вот теперь... И всё-таки это не измена. Когда рождается второй или третий ребёнок, это ведь не значит, что ты отбираешь любовь у первого и второго – нет, просто любви становится ещё больше.

Об этом говорит и мой любимый Клайв Стейплз Льюис в своих трактатах, и авлабарский торговец чаечей и домашним вином: вот он стоит, широко распахнув багажник, у прилавка из доски и двух табуреток, вот он расставляет на нём сначала золотистые, а потом прозрачные бутылки – как будто не для продажи, а для того, чтобы подтвердить эту нехитрую мысль.

Зеркало и прихватка

Выходя из вагона метро, вижу краем глаза, как двое мальчишек вихрем несутся к поезду, мечутся по перрону, заскакивают в разные вагоны, один, распялив телом закрывающиеся двери, истошно зовёт второго, а тот уже принял судьбу и не рыпается. Первый отрок ещё довольно долго раздирает двери, как Самсон – львиную пасть, но, к моему удивлению, никто не возмущается, не поучает нарушителя, не хватается за плечо: «А ну-ка, давай отсюда, ты тут не один!» Машинист не гудит в микрофон: «Не держите двери, не мешайте отправлению поезда», все совершенно спокойны, и не каменным спокойствием, чреватым взрывом злобы, а дружелюбным – все как будто понимают мальчишек и даже сочувствуют их игре.

Поскольку рифма – закон жизни, на выходе встречный эскалатор выносит ещё одну парочку сорванцов, которые с гиканьем и смехом – не бегут, а лихо съезжают по поручням, как будто это не объект повышенной опасности под названием метро, а школьная лестница. Я замираю в ожидании суровых санкций – вот сейчас тётенька в прозрачном пузырьке внизу просто лопнет – бежать по эскалатору запрещается, съезжать по поручням запрещается, и пассажиры зашипят и схватят мальчишек за руки: «Вы что, калекками стать хотите?!» Но ничего подобного – женщина в форме спокойно смотрит вверх, пассажиры невозмутимо едут вниз, маленькие джигиты, хохоча, доезжают до вестибюля станции «Авлабари». Вспыхнувшая в уме привычная картинка публичного избиения младенцев рассыпается в прах.

Я улыбаюсь: да, это не Россия, где стая взрослых рефлекторно кидается покусать расшалившихся щенков, поставить на место, дать понять, что они щенки. Самоутвердиться за счёт щенков: я взрослее, значит, лучше. Да если им позволять, тут такое начнётся... А вот не начинается. Дети ведут себя, как дети – да, кто-то иногда капризничает и канючит, но нет такого движения у родителей – дёрнуть изо всей силы за руку и заорать. Только один раз видела разговор на повышенных тонах мамы с детьми, когда те не могли поделить самокат – ну, что ж, бывает. И то – видно было, что она не командует: «Поставили самокаты, пошли пешком!» – а упорно втолковывает каждому – что, как и почему, объясняет, а не приказывает. Я ловлю себя на мысли, что здесь у меня совершенно исчезло острое желание немедленно отобрать детей у половины родителей, приласкать, утешить, спрятать и сделать так, чтобы они больше не росли среди этого мата и затрещин.

Да, Грузия – не Россия. Я улыбаюсь про себя, и радуясь, и печальюсь одновременно.

В петербургские парадные теперь не зайдёшь, если ты не бомж и не рекламный агент, знающий наизусть все кодовые замки и умеющий договориться с домофоном. А в тбилисские – пожалуйста: шагнёшь – а там роспись на потолке, или мозаика на полу, или белая лестница, пронизанная такими тягучими лучами, что мраморные ступеньки кажутся сахарными.

В один такой дом нас завёл Саша Сватиков, правда, там кодовый замок как раз был, но мы дождались, пока его откроет какая-то ловкая девушка. Дом тут же развернул зелёные клавиши дворцовой лестницы, загордился пышными узорами на стенах и потолке – будто нам выдали очки при входе в Изумрудный город. Мы поднимаемся – и откуда-то сверху выходит старушка в светлом пламени рыжих волос, похоже, следившая за нами в дверную щелку, и начинает увлечённо показывать венецианское зеркало XVIII века, с лёгкой дымкой в глубине и трещинкой в уголке.

– Когда к настоящему зеркалу поднесёшь свечу, в нём должно отразиться семь язычков пламени, – объясняет старушка, – и так всегда и было, пока дураки-музейщики не поддели зеркало ломиком, чтобы вынуть из стены – отсюда и трещинка, видите? И теперь в нём отражается не семь язычков, а только шесть. Тут недавно кто-то зажёт свечку...

Старушка стрекочет, а я почему-то вспоминаю заброшенный храм огнепоклонников на Бетлеме. Мне не хочется плавать в зеркальной дымке, я смотрю на уродливую фанерную загородку, вспухшую на лестничной площадке.

– А это, – говорит старушка, – мы коммунальную кухню делили, дрались за нее, чуть ли не поубивали друг друга.

– И что, никак её не убрать теперь?

– Нет, никак.

Да, многие тбилисские особняки, как и петербургские, прячут в своих запутанных внутренностях лютые коммунальные беды, с символом унижения – общим сортиром на пять (десять, пятнадцать) квартир в конце коридора. Мне не надо туда заходить, я и так знаю, что коридор узок, полутёмн и обязательно покрашен оскорбительной для глаза краской – иначе не бывает по законам жанра. А вот входные двери в Тбилиси сохранились гораздо лучше, чем в Петербурге. Такое впечатление, что у нас большевики методично вышибали их сапогами, улица за улицей, дом за домом, и теперь на их месте – страшные железные заплатки с домофонами. А здесь почти все двери – старые, резные – впрочем, говорят, люди их сами восстанавливают.

Я выхожу на длинную галерею, тоже, видимо, общую для нескольких квартир, с множеством высоких дверей и чуткими струнами верёвок, сбегających в солнце и виноградные листья. У просторных балконных рам затейливая расстекловка – с большими шестиконечными звёздами наверху. Огненная хранительница зеркала быстро раскладывает на перилах старые книжки – посмотрите, может, какие-то понравятся – и маленькие круглые кошелёчки и прихватки, связанные крючком, одну из которых нужно купить, уходя, за 5 лари.

На зеркало я не оборачиваюсь – а вдруг там, за моей спиной, закрубятся ещё шесть моих отражений и помянут туда, куда я вышла однажды из поезда, на Большой канал, который сразу же прыгнул мне на плечи и застегнулся, как лягушачья кожа, ког-

да-то давно сожжённая в печке и вдруг нашедшаяся. В этом городе, полном зелёной воды и заплесневелых дворцов, я не могу заблудиться – и не заблудилась, хотя никогда не видела его раньше. Просто он нарисован на изнанке моей души – со всеми колоколами, вёслами, волнами, в изнеможены целующими берег лагуны, крысами, опустившими в канал чешуйчатые хвосты, пылающей преисподней стекольных мастерских, лёгкой лодочной шелухой, мускулистой водой, в одно мгновение выступающей из люков и хватящей тебя за щиколотки мускулистыми пальцами. Я ходила наощупь, развязывая узелки мостов, повторяя наизусть приключения площадей, и холщовые тенты кафе наливались светом на ночной площади, и незнакомый официант провожал меня до угла – на всякий случай – ваш отель вон там. Хорошо, что это длилось всего два дня, иначе бы лягушачья кожа приросла, и я бы до сих пор собирала мелкую блестящую рябь, рассыпанную вдоль набережной, ступив на которую, исцелиться невозможно.

Вот поэтому я и не оглянулась на венецианское зеркало, висящее над волнами зелёной лестницы, а круглая прихватка за 5 лари, связанная крючком, лежит у меня на кухне, как зелёная капля.

Грибоедов

Не могу уехать из Тбилиси, не взглянув на могилу Грибоедова. Меня предупредили, что теперь фуникулёр не останавливается у храма святого Давида, и я решаю подняться на Мтацминду, чтобы оттуда спускаться пешком. На маленьком фуникулёре, который у нас рядом с домом, мы с Ваней уже прокатились – до ботанического сада, дивного, кстати, с многоярусными тропинками, водопадами и коварным деревом в белых цветах: потянешься к нему носом – и отшатнёшься от запаха тухлой рыбы. Тогда мы скользили над городом внутри круглого мыльного пузырька, а теперь я уже минут десять переминаюсь в душном трамвайчике, томительно неподвижном. Наконец, он трогается вверх по отвесной горе, чья шерсть свисает по сторонам колючими зелёными клоками.

Хорошо, что на горе нет музыки. В России бы обязательно была – как без неё в парке аттракционов, неуместнее которого здесь трудно что-то представить. Подойдёшь к обрыву – и видно, какой на самом деле большой Тбилиси, по сравнению с тем старинным пяточком, на котором мы вертимся там, внизу. И насколько эти огромные серые облака спальных районов, медленно текущие по холмам, – всё же меньше того пяточка, где можно стоять часами, рассматривая голову фавна над окном, чутунное литьё ворот, побег улицы – влево и вверх, старика на плетёном стуле в стеклянном гнезде балкона. Так вот мелкие, но сплошь расшитые шёлком и бисером лоскутки Европы – больше серых российских простыней с грубым плетением словых волокон, мокрыми пятнами пустырей и болот. Всё же пространство не так просто, как кажется, сколько бы Бродский ни подчинял его времени, – у него тоже есть свои тайны, и нам не угадать, почему большое вдруг оказывается малым, а малое – большим.

Я вот, например, только сейчас осознала, что грузин так мало – Google равнодушно выдал число 3 миллиона 714 тысяч. Ничего себе – а мне всегда казалось, что их много – и горы, и вино, и «Цвет любимый, синий цвет», и «Соловей пред Автандилом был сове ночной подобен», и Нина Чавчавадзе, и Багратион на Бородинском поле, и грузинская кухня, и Пиросмани, и Данелия, и Габриадзе, и «Виноградную косточку в тёплую землю...», и грузинское пение, от которого замирает внутри. Да что князя,

если сапожник, сидевший в будке на нашей улице, в которого я в свои пять лет была влюблена, тоже был грузин! А «На холмах Грузии...», где ударение, перебежавшее на о, сделало слово похожим на холм, всхолмило его – и всё стихотворение полетело вверх, на недостижимую высоту, и никто до сих пор не знает, «как это сделано», ясно только одно – что Грузия встала перед Россией и отразилась в ней, и Россия замерла, очарованная, и тоже отразилась в Грузии, и их отражения смешались и побежали по стенам. А Демон? Каким же магическим шаром оказалась Грузия для Лермонтова, который склонился над ним и отразился в облаках, плывущих над горами, а Врубель склонился над отражением Лермонтова – и оба рухнули в пропасть, в шелестящие ледяные осколки.

Я иду по Мтацминде, стараясь не замечать идиотских аттракционов. На скамейке сидят школьники, кто в красных шёлковых лентах через плечо, кто в белых рубашках, разрисованных одноклассниками, – у них последний звонок. Парк скоро кончается, и молодой охранник, нетвёрдо знающий по-русски, показывает, как пройти к пешеходной тропе – к храму Давида. Я возвращаюсь назад по серпантину, влезаю в колючки под смотровой площадкой, слова «Грибосдов» не знает никто, все знают только «Пантеон», наконец, бабушка, торгующая надувными шарами, машет рукой прямо перед собой – тропа там. Кажется, мои ноги всё ещё помнят пологие каменные ступени, набегающие, как волны, отвесные деревянные лесенки с провалившимися досками, и опять ступени, и опять лесенки, поворот за поворотом – похоже, эта гора никогда не кончится.

Из скалы прямо за стеной храма бьёт родник, к нему подходит крепкий мужичок, истово моет руки, заговаривает, представляется Михаилом. Просит подождать – вот сейчас он возьмёт ключи во втором храме и откроет третий – со святым источником внутри. Я жду. Михаил не спешит – заговаривает с двумя девушками, сидящими на скамейке, приглашает их тоже, спрашивает, откуда они – из Киева. В полу маленького храма течёт ручей, забранный стеклом. Вместо апсиды – опять же за стеклом – небольшой грот с озерцом, стены – в цветных полосах от воды, капающей отовсюду. Перед стеклянной стеной – металлический резервуар со ступеньками, уходящими в воду. Михаил объясняет, что окунуться можно только по благословию настоятеля монастыря и только православным. Своды храма покрыты мозаиками, которыми Михаил очень гордится и правильно делает – они действительно прекрасны. При этом они совсем новые, но мастера явно учились на древних образцах.

Дав нам полюбоваться, Михаил предлагает выпить воды из железной кружки и написать записки. К этому вопросу он подходит обстоятельно, поясняя, что монастырь живёт добровольными пожертвованиями, и упирая на то, что мне как православной – зелёная улица, а вот девушкам из Киевского патриархата – отнюдь нет. Мне неприятна непрошенная привилегия, да и записки я писать не собиралась, но, уже уйдя и чувствуя спиной разочарование Михаила, возвращаюсь и всё-таки пишу записку, пока он объясняет кому-то, что вон там есть совсем маленький храм, а в нём источник, целебный для глаз: промоешь – и... Но этого я уже не слышу.

Храм святого Давида, в котором отпевали Грибоедова – снаружи розоватый, с характерной острой крышей, а внутри – тёмный, туманный. Молодые родители что-то вполголоса обсуждают со священником – похоже, собираются крестить девочку, сидящую на шее у отца. Я тихонько выхожу и спускаюсь на один виток дороги – к основанию храма. Там – зарешечённый склеп с двумя чёрными надгробиями – его и её. Долго-долго стою у решётки, переводя глаза с одного на другое. Мраморный ангел в отчаянии припал к кресту, вцепившись в него обеими руками. А у неё не осталось даже ребёнка, за которого можно было ухватиться – лаская, вглядываясь, выискивая его черты. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» На 28 лет пережила, но какое это имеет значение? Узенький пятак брака длиной в три месяца – больше пустого пространства остальной жизни, как маленький старый Тбилиси больше огромного нового города, как любовь больше смерти, и только любовь не больше любви, и Грузия не больше России, и Россия, всё ещё не надевшая траур по самой себе, не больше Грузии.

«Земли девической»

Завтра мы уезжаем в Батуми. То есть я думала, что сегодня, но, по счастью, переспросила у хозяйки – оказывается, всё-таки завтра, и внутри что-то подпрыгнуло: ещё один день в Тбилиси. Значит, мы успели его полюбить, хотя из кафе наискосок от нас и лились каждую ночь бурные танцевальные рулады, а из душа упорно лился почти кипяток.

Привожу Ваню в монастырский садик с башней над обрывом – я сюда пару раз забредала, а он умудрился так и не побывать, хотя круглая площадка с резной голубой крышей парит прямо у нас над домом. Здесь, как успела поведать мне Инна Кулишова, некая царица, имя которой я сразу же забыла, часами высматривала, не возвращается ли с войны её муж, а теперь вот мы смотрим на город сквозь деревянное голубое кружево – и никого не ждём. Ваня с восхищением гладит огромный кипарис с ветками, растущими прямо от земли, и я, собезьянничав, тоже провожу рукой по жёсткой густой шерсти. Кипарис кажется медведем, вставшим на задние лапы, и шерсть у него такая же – а впрочем, я никогда не гладила медведёй.

Потом мы идём в дом древнего колха, где конус крыши над очагом похож на еловую шишку, вывернутую наизнанку, выходим к маленькой церковке, где во дворе спит белая алабайка, и сворачиваем на длинную улицу – это уже Метехи – тянущуюся вдоль реки до развалин крепостной башни. Внизу крошечная смотровая площадка, но там, прислонясь к решётке, целуется парочка, и мы, миновав дыру, откуда несёт затхлостью и мочой, поднимаемся выше, к сточенным башенным зубцам. Отсюда видно, как река, ползущая далеко внизу, постепенно стряхивает с себя город и поворачивает направо. Понятно, почему здесь стоял дозор – если по воде вздумает подняться враг, его будет хорошо видно. Спустившись, мы оборачиваемся – те двое всё ещё целуются.

От Петербурга до Тбилиси мы проделали тысячи три километров, так что ещё 300 от Тбилиси до Батуми – это явно не подвиг. Но я устала от дороги. К тому же, я человек оседлый, и когда жизнь начинает вытягивать из мохнатого брюха

бесконечную асфальтовую нить, я чувствую себя мухой, застрявшей в паутине. Утешает одно – вместе со мною в ней запутались горы. Сидя за рулём, невозможно не замечать их красоту – но и быть с ней заодно тоже невозможно. Она скользит по краю глаза, волнуется, манит, но впереди тащится вереница фур, и ты думаешь не об открывшемся ущелье – одно такое увидеть и умереть – а о том, когда же ты обгонишь эту смрадную кавалькаду. И только иногда, как бы украдкой глотнув взглядом круглые конусы, чередования пушистых складок и ложбин, вдруг задохнёшься от внезапного узнавания-озарения – «Земли девической упругие холмы...» – только Тот, Кто эти холмы лепил, мог вложить такие слова в смертные губы.

Никогда не думала, что чайки могут издавать такие невероятные звуки – не только сварливые вопли, но и крики страсти, мяуканье, вхоханье, бляенье и даже лай. В Батуми мы живём на 12-м этаже, как раз вровень с чайками. На наших глазах они рассаживаются на ночёвку на красной крыше соседней 9-этажки, а часа в 4 утра начинают подбрасывать в воздух первые пробные всхлипы, по которым я понимаю, что надо срочно кидаться в койку, иначе завтрашний день рискует погрузиться в туман.

Наша норка встроена в огромный 18-этажный блок буквой «П», под которым, говорят, должны были вырыть подземный гараж, но что-то пошло не так, и теперь сотни три машин теснятся во дворе такими плотными рядами, что я, чудом втиснув туда свою, трижды подумаю, прежде чем куда-то поехать. Часто я наблюдаю, как малыши из детского садика в другом крыле дома гуляют на балконе – им не осталось и клочка места в огромном дворе, а ведь наверняка тут была запланирована красивая детская площадка – но... видно, рука строителей с лёгкостью находит руку отцов города не только в России.

В Петербурге у нас нет балкона, а здесь есть, и это настоящая отрада. Если чуть высунуться и посмотреть направо, то видно море – большое зеленоватое пятно между небоскрёбами. Небоскрёбы, по счастью, далеко, и единственное, что меня примиряет с марсианским пейзажем – это старые советские панельки. Никогда не думала, что буду смотреть на них с нежностью, но, по сравнению с вычурной геометрией всех этих хилтонов и мариоттов, они выглядят вполне человечно. Их унылое безобразие скрашивает непобедимая приморская плесень и буйная фантазия обитателей, воплощённая в «балконном творчестве»: вон в той квартире косят под помещичий домик с мезонином, в той нагромодили переборки и козырьки, как в летнем кафе, в этой тупо забили половину балкона фанерой – и вот, серые полосы этажей уже не тянутся в однообразии и скуке, а скачут и фиглярничают, высовывая длинные языки цветного белья.

Лишившись своего быта, острее воспринимаешь чужой. Когда рука замирает, потянувшись к несуществующей чашке, нашаривает поварёшку, которой нет, в пятый раз распахивает дверцу шкафа в надежде найти юбку, оставшуюся дома, начинаешь по-другому смотреть на то, как устроились люди по соседству. Не приехавшие, как ты, бросив всё, а живущие здесь всегда. Вот такие у них нервные занавески на окнах, такие жёлтые курицы в мясной лавке, в таких круглых печках они пекут хлеб – узкими овала-

ми или большими кругами с двумя хрустящими хвостиками, один из которых просто нет никакой возможности не отломить по дороге домой. Потому что если сожмешь волю в кулак и не отлочишь, это будет пиррова победа над собой, и горечь лишения не испарится до самого дома.

Такой хлеб не пихают в целлофановый пакет, его бережно несут, прихватив за бок полоской сероватой бумаги, а если лавашей несколько – обнимают двумя руками, прижимая к груди, и издали кажется, что несут не хлеб, а ягнёнка с копытцами. К этому лавашу, круглому с хвостиками, у меня особые чувства – именно такой мы иногда прихватывали, идя домой от «Горьковской» через Сытный рынок – там у выхода притулилась известная в узких кругах грузинская лавочка, в которую, говорят, ходят даже сами грузины.

Да-да, Набоков, да. Да, Набоков. Внезапное, выжигающее внутренности желание встать и немедленно оказаться на той дорожке, по которой тебя водили за руку – сквозь дубы и клёны просвечивает плавная дуга проспекта, с одной стороны трамвайные рельсы и парк, с другой дома, один из них твой. Ты скоро туда придёшь и помотришь, куда сполз солнечный коврик на паркете, но можешь не торопиться – дом ведь никуда не уйдёт. Трамвай рассыпается звоном, полоска парка изгибается, можно попрыгать с гранитных тумб на ступеньках театра, сначала с одной, потом с другой, и папа будет тебя ловить, а ты будешь опять и опять забираться на тумбу, наотрез отказываясь уходить и повторяя: ещё, ещё! Никто не говорит тебе, как называется театр – и не потому, что скрывают, а потому что странно вкладывать такое в уши ребёнку – *театр Ленинского Комсомола*. Зато *кинотеатр «Великан»* произносят со значением – вот он, «Великан» с огромным куполом, что тут такого.

Дома умеют уходить. Сначала ушёл тот, что на Кронверке, а теперь и тот, что на Гатчинской, и вот, жалкое мягкое тело – тело улитки, лишённой твердой защитной ракушки, повисло в пустоте. Руки, ощупью находившие чашку, ложку, солонку, тыкаются в незнакомое пространство и замирают в досаде. Память тела оборвана, а вырастет ли новая – Бог весть. У Набокова – не выросла...

Тоска по гимну

В первые недели в Батуми при выходе из дома меня охватывал ужас. С одной стороны, в отличие от Тбилиси, где большую жёлтую курицу с когтями надо было ещё догнать, тут на каждом шагу – овощные, мясные и молочные лавочки: вот сейчас пойду в ту, вчерашнюю, только перейти улицу, и... Господи, где я?! Вот тут купила мясо, тут помидоры и зелень, вот здесь же, не отходя, зашла за чаем – такая идиотка – и больше ничего не узнаю. Многоэтажные карты в руке у шулера повернуты ко мне одинаковыми рубашками, поди пойми, где дама, где валет, где туз. Пометавшись, хватаюсь за телефон, забиваю адрес – спасай, Google: иди 1 минуту, поверните направо, ваш объект слева – Google переводит меня через улицу, как слепую, и вот, я в своём дворе. Уф.

А завтра всё повторяется, и послезавтра, и через неделю. Панически боюсь выйти из дома без телефона – тогда мне конец, я никогда не вернусь. Мне хочется посмотреть в глаза тому умнику, который в приливе градостроительного восторга решил засадить узкие батумские улочки бетонными лесами. Тут кое-где ещё остались крошеч-

ные особнячки, зажатые между многоэтажными переростками – как обычно, большие выгнали маленьких. Так приклатнённые второгодники заходят вразвалку на детскую площадку, и малышня кидается врассыпную.

Но вот, сделав дерзкую вылазку в неизвестном направлении (будь что будет!), я неожиданно выхожу на старинную площадь. Ага, значит, здесь есть старый город! Дома причудливы – эдакий колониальный модерн со сказочными разноцветными башнями, посередине – высоченная стела, наверху чёрная женская фигура, в поднятой руке – золотое руно: Медея. И, главное, из площади растут во все стороны живые старинные улочки – но в этот раз у меня нет сил идти дальше, я возвращаюсь домой, уцепившись за Google, как за материнскую юбку.

Мне надо застраховать машину. Страховка, купленная у границы на горном перевале, завтра кончается, я забиваю в телефон адреса ближайших страховых компаний, но голос – «поверните налево, поверните направо» – приводит меня то в кафе, то в мебельный, то в хозяйственный магазин. Повелитель кастрюль, тёрок и мыльниц сочувственно предъявляет мне своё королевство – больше ничего нет – и советует: вот сейчас свернёте на улицу Парнаваз мепе, царя Парнаваза, и там через два дома будет страховка. Через два дома идёт ремонт, мужики в заляпанных робах машут вперёд – две улицы пройдёте, вот там, на третьей, на углу. На углу притулилась кондитерская, но Google обещает, что если я пройду по улице Парнаваз ещё 12 минут и сверну налево – и я, конечно, прохожу, изнемогая от жары, и, о счастье, там действительно страховая контора – правда, без признаков жизни. Я кидаюсь в соседнюю лавку, а потом для верности к полицейскому в прозрачной будке, и все уверенно подтверждают: да, контора работает, просто сегодня выходной, праздник, а завтра они обязательно придут.

Стало быть, пятый адрес сработал, и я, утирая пот, чувствую необходимость чем-то себя вознаградить за прилежание и упорство. Впереди за деревьями клубится что-то шумное и пестрое, я узнаю площадь Европы с чёрной Медсей и праздничной толпой – вот и награда. Ярмарка сувениров, пиво, леденцы, на открытой сцене выстраиваются дети – сейчас начнётся концерт. Дети поют гимн Грузии – и надо же, на крыльцо высыпает офисные работники в строгих костюмах (значит, не все отдыхают), улыбаются, хлопают и поют вместе с детьми. Я смотрю на них зачарованно – и, в общем, с завистью: хотела бы я дожить до того дня, когда все мы будем подпевать собственному гимну, а не плеваться при первых звуках. Но это уже будет другая страна и другой гимн.

Мен

очерки о днях минувших

ММ

Юрий САНБЕРГ

📍 Мытищи, Московская обл.,
Россия

Фото: из личного архива автора

Год рождения – 1961-й.

Журналист, преподаватель, доктор (Ph. D) бизнес-администрирования. Живёт в Подмосковье.

Автор двух книг рассказов, документальной повести. Публиковался в семи коллективных сборниках прозы, в журналах «Диалог искусств», «Петербургский театральный журнал», «Перископ», «Тайные тропы», литературном альманахе «Царицын».

Победитель международного конкурса «Новой газеты» памяти Ларисы Юдиной. Удостоен поощрительного диплома литературного конкурса «Вы Долматов? – Приблизительно!» (2021). Дипломант VII Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (номинация «Публицистика», 2022). Победитель опен-колла литературной мастерской «Необычная проза» (Фонд V-A-C, 2022). Лауреат VI Международной литературной премии «Перископ-2022» (номинация «Развлекательная проза», III место).

Медальный зачёт

*Советская повседневность в семейной хронике 70-х
(Из цикла «Я – последняя буква в алфавите»)*

Мой покойный отец имел нестандартную фигуру. И вёл себя нешаблонно. Из-за первой причины шинели, форменные кители и брюки ему шили в ателье «Военторга». А из-за второй он дослужился только до инженер-майора.

За 25 лет службы в Вооружённых Силах СССР его наградили 13 медалями. Как и всех небоевых офицеров – стандартным набором, состоящим из юбилейных и медалей «за выслугу лет и безупречную службу». Наградами не обошли – считали жестом чрезмерно демонстративным. Но и не баловали.

Многих медалей он недополучил. Но не из-за дискриминации по национальному признаку: они до сих пор отсутствуют в списке государственных наград. Не придумали ещё такие медали.

Ещё, кажется, у них с матерью был и внутрисемейный медальный зачёт. Каждая медаль – вершина нелепости. Даже по сегодняшним меркам. Они будто на Олимпийских играх соревновались – у одного столько-то золотых, серебряных и бронзовых, у другого – столько-то.

Медали, полагаю я, тяготеют к лаконичности. За что медаль даётся – отчётливо ясно из статута. И приказ о награждении никогда не детализировал подвига награждённого. Писали в войну: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество...» – и публиковали список. В послевоенное время уже давали награды «за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга», «за отличные показатели в боевой и политической подготовке», «за отличное освоение новой сложной боевой техники», «за образцовое руководство войсками и другие выдающиеся заслуги перед Вооружёнными Силами СССР и Советским государством».

Предельно широко и неопределённо писали в приказе – в отличие от наградного листа, заполнение которого являлось

обязательным перед представлением к награде. Требовалось подробное описание, без чего ходатайство о награждении удовлетворено быть не могло. Существовал специальный раздел: «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг».

Весь нижеследующий текст, считайте, такое изложение и есть.

Штучные люди в эпоху массового воспроизводства советского человека чувствовали себя неуютно, жили в стрессе, приобретали травмы, слишком часто срывались. И только поэтому сейчас есть, что вспомнить и о чём поговорить.

Медаль «За освобождение пространства»

Рига – город моего прапрадеда и прапрабабки. Да и отец, москвич по рождению и минчанин по месту призыва, провёл здесь пять лет, учась в военно-инженерном училище. Есть здесь гений места.

Не так давно нашёл дом, где отец бывал часто – он дружил с молодым шахматистом Михаилом Талем. Тогда улица Горького – теперь вновь Кришьяня Валдемара, 34. Солидный буржуазный дом, в тесном эркере узкие, как бойницы, три окна, балкончики с балясинами. Магазин с рижским бальзамом на первом этаже. У цоколя – фрагмент старой булыжной мостовой, намеренно выставленный для осмотра. Мощные колонны, узкий пояс цветочного орнамента, римские мечи и шлемы, тяжёлые деревянные двери. Квартира номер 4 располагалась на третьем этаже и окнами выходила на улицу и во двор.

Главой семьи являлась мать, Ида Григорьевна. Она тщательно отбирала гостей. Период самостоятельности чемпиона не превышал пятнадцати минут. То бдила она, то будущая первая жена – зеленоглазая рыжая красавица Салли Ландау. Мой отец, как-то глядя на телеэкран, где Таль в строгом костюме вёл какую-то шахматную передачу, внезапно «раскололся»: на старый Новый год вместе с друзьями, исхитрившись выбрать момент, они выбросили в окно квартиры почти новый югославский мебельный гарнитур. «Зачем?!!» – ахнул я. «Такая традиция была. Избавляться отхлама и прошлых неприятностей. Ходить по тротуарам под окнами в те дни следовало осмотрительно», – смеялся отец.

Остальная мебель, понимаю, оказалась антикварной. В юнкерах мой отец, как выяснилось, любил пошалить. Абсолютно итальянские нравы утверждала «оттепельная» Рига.

Теперь здесь мемориальная доска, заметная издали. На фоне чёрно-белых клеток профиль восьмого чемпиона мира, будто юбилейная медаль. А неподалеку в сквере (больше известном как Верманский парк) – памятник грубоватому, изломанному, измученному своими внутренними демонами Талю, просчитавшему и проигравшему все варианты наперёд, да так и не увидевшему для себя лучших ходов, чем те, которые были уготованы.

Медаль «За военную хитрость»

В конце каждого апреля мой отец, как и все жители рабочего городка, расположенного возле крупного оборонного предприятия в небольшом городе Балашове (четвёртом по численности в области), боролся с грунтовыми водами, затоплявшими погреба.

У каждой квартиры был свой сарай, а в нём – погреб, у кого глубокий – у кого так себе. От американской бомбёжки не спрячешься.

Убеждение, что завод, в цехах которого находятся межконтинентальные ракеты, – цель номер один у американцев, не мешало накапливать картошку в закромах, капусту в бочках и огурцы в банках. С августа по ноябрь интенсивно шёл процесс, называемый «зимние заготовки». В магазинах, понятно, было пусто.

Профком завода организовывал сбор средств и централизованно отправлял грузовые машины для каждого цеха. Под Пензу (километров за четыреста) ездили за картошкой-скороспелкой и белой картошкой сорта «лорх», она в идеале лежала до нового урожая (но не у нас). За яблоками гоняли одним днём в Самойловку, сто километров в одну сторону, но оно того стоило – тамошняя антоновка была солнечно-жёлтой и невероятно ароматной; привозили и белый налив, на просвет у него видны чёрные семечки. За арбузами ездили в Камышин, в одну из двух тогдашних арбузных столиц страны (вторая – Астрахань). Уже к октябрю у нас арбузов не оставалось (поверить невозможно: мне нравилось есть арбуз с хлебом).

Для зимних заготовок приобреталось лучшее из возможного. И по самым выгодным ценам. Назначенные закупщиками и экспедиторами заводские хозяйственники отбирали сельхозпродукцию, приплачивая сторожам на бахче, бригадирам полеводческих бригад и директорам хозяйств.

Вскользь замечу, что советские практики довольно точно характеризовала система взаимоотношений советского человека и государства, выраженная в политическом анекдоте: «Государство ворует у граждан, долг каждого советского человека – вернуть своё». Столь же точно передаёт ощущение времени и другое высказывание на ту же тему, сделанное, однако, значительно позже: «Сколько ни воруй, своего не вернёшь». (За анекдоты, насколько я помню, в 70-е всё ещё сажали, «голоса» об этом рассказывали, и многие старались вести себя осмотрительно).

У отца в погребе стояли две титановые бочки для солений, сваренные на заводе

из, разумеется, ворованного материала. Туда «закладывались», так говорили, огурцы и помидоры, затем устанавливался деревянный кружок-решётка, а уже сверху клали камень, он назывался «гнёт».

А соседи нас угощали мочёными яблоками и маленькими солёными арбузиками. Они в коллективных закупках не участвовали. Возили всё сами на стареньком «москвиче-407», очень похожем на такую же старенькую «Волгу» ГАЗ-21, только значительно меньше размером. Машину свою они изнутри забивали мешками, тюками и ящиками. Потом купили багажник на крышу. После чего терпеливый «москвичок» крикнул и просел. И стал ездить, как глассер, нагло задрал нос кверху, но практически приседая на задние колёса.

Зимы были долгими и суровыми, с дикими ветрами. В конце марта (ещё не всё доедено) начинал таять снег, и ручьи бежали до середины апреля. Шла борьба за «плаучесть» – не в отсеках подводной лодки, а в погребах.

Вечерком после смены, согнав бабулек с их насеста на лавочках у подъезда, мужички-работяги в тёплых синих куртках-техничках (отличались от кожаных лётных) покуривали и вели неспешные разговоры. При этом ревниво следили, кто что раздобыл и тащит в дом.

Теперь уже не узнать, кто в Риге преподавал отцу тактику. Но академический белый ромб отец честно заработал. Ибо искусством военной хитрости и маскировки (сегодня бы сказали «пиаром») владел в совершенстве. Навык применял беззастенчиво.

В погребе, отсылающем к финальным трагическим кадрам затопленного берлинского метро из фильма «Освобождение», он вылавливал плавающую картошку. Отбирал самую крупную, наиболее жизнестойкую. Протирал её поштучно специальной ветошью. Выкладывал на отдельную полочку для дальнейшей просушки. Снимал с полочки отлежавшуюся – с предыдущего визита. Сухой крупной картошкой он прикрывал мелкую, полусгнившую, сморщенную, мокрую и унылую. С ведёрком неспешно двигался к подъезду.

– Слушай, Наум, а у тебя-то воды в погребе нет? – затевались соседи.

Они регулярно из рук в руки эстафетой передавали дефицитный насос «Кама» для откачки воды. Насос по причине дряхлости ремонтировался через день.

– Нет у меня воды, – беззаботно отвечал отец на голубом глазу. И нагло демонстрировал пластмассовое ведро. Заинтересованная общественность склонялась над объектом.

– Странно, и впрямь нет, – тёрли щетину лапой мужики. И размышляли: может, стоило всё-таки заштукатурить стенки погреба, прокупоросить их. Да заодно склепать короб из нержавеющей стали для картошки, благо нержавеющей на заводе – носить и не переносить.

Отец поднимался на третий этаж, открывал дверь и сразу же направлялся на кухню. Вываливал дефективную картошку на газетку под чугунный радиатор отопления. А потом победительно укладывал организм на диван. Через секунду он засыпал, немедленно начиная громко храпеть. Изредка, беря самую верхнюю ноту, он всхрапывал особенно громко, пугался, замолкал. Открыв глаза, неуверенно осматривался. Во взгляде его читалось непонимание, что он здесь вообще делает.

Люди спросонья бывают очень беспомощными.

Медаль «За взятие "жигулей"»

Отец занимался ремонтом и обслуживанием стратегических ракет. Однажды ему сказали – сверли дырку для ордена. Вместо ордена он получил премию министра обороны.

И вот как-то вечером отец достал из шкафа толстенный англо-русский словарь профессора Владимира Карловича Мюллера. И жестом фокусника к нашему немому удивлению вытащил из корешка сразу десять коричневых сотенных купюр с Лениным и с Водовзводной башней Московского Кремля. Тёмно-синий том, сдержанный шрифт, тонкая, почти папиросная бумага (гостиничные Библии печатают на такой). Господи, словарём этим я пользовался пару раз в неделю, готовя домашку! Мера безопасности была только одна: отец просил не выносить его из дома (да при всём желании его особенно далеко не унесёшь, он весил килограмма три). И кто знал?

Десятилетия спустя понял: как и тайник шпиона, заначка должна находиться на виду. Желательно, в самом общедоступном месте.

Тысячу рублей отец положил поверх сберегательной книжки. Пересчитали вдвоём с матерью купюры. Наутро он написал заявление в профком. И из кассы взаимопомощи ему выделили недостающие деньги.

Отец купил зелёную «копейку» – ВАЗ-2101 «Жигули». Первую и единственную, одну на всю его жизнь. Пришла специальная открытка, извещающая, что очередь подошла. В год на ракетную рембазу приходило всего несколько открыток с приглашением в магазин.

Отлично помню, сколько стоили те «жигули» – 4 700 рублей¹. Брал машину отец на каком-то складе «Военторга» под Ленинградом и гнал в Балашов своим ходом, пригласив в качестве второго водителя кого-то из знакомых (водил отец откровенно плохо). Больше всего ему понравилась комплектация и качество сборки совсем другой машины, «Лады». Сев на пассажирский диванчик сзади, он, по его ироничному рассказу, не сразу сообразил, что за проблема случилась с рулём – машина оказалась «праворукой». И вообще шла на экспорт.

Вскоре стало понятным: купленную «копейку» как-то нужно заправлять. Без бензина она не едет. Заливать в бак следовало бензин АИ-93 стоимостью 95 копеек за 10 литров². Но на бензоколонке (АЗС, заправка – так стали говорить заметно позже) бензин не продавали. В окошечко требовалось отдать талон. Талоны³ тогда продавались

¹ Проверял в Сети – не бьются цифры: 5620 рублей стоила «копейка» в те годы. Не знаю, aberrация ли памяти – или на розничную цену машины повлияли какие-то обстоятельства, о которых я в 1975 году не знал и уже никогда не узнаю (*здесь и далее – прим. автора*).

² С чем сравнить? Тогда килограммовая буханка (у нас говорили «кирпичик») белого хлеба в нашем магазине стоила 20 копеек. «Кирпичик» был с глазурированной спинкой и с хорошо пропечённой корочкой; родителями разрешалось срезать сразу четыре «уголка». Потом вдруг буханка заметно стала легче при той же цене, потеряв ещё и в качестве.

³ Талоны, предназначенные для рыночного фонда «Госкомнефтепродукта», существовали трёх номиналов – по 5 литров, 10 литров и 20 литров. Залить литр было нельзя, минимум пять. Как и у банкнот, у талонов отчётливо считывались серия и номер, указывался даже и номер пояса (в отдалённых районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера бензин стоил дороже). Они были весёлых ситцевых цветов с каким-то узорчиком из букв, возможно, вензелей организации (слово «логотип» тогда отсутствовало).

у нас в продовольственном магазине в кассах (их было две). Иногда ненадолго исчезал бензин, но чаще всего надолго исчезали талоны. Каждый водитель держал в красной книжке водительского удостоверения вместе с талоном предупреждения ещё и пару талонов на бензин. «На всякий пожарный», – объяснял отец, не фиксируясь на иронии ситуации.

Медаль «За победу над воспитанием»

Отец как-то раз выступил по-особенному забавно. Полузабытые нюансы советской повседневности тут играют важную роль. Движителем выступает конфликт между наивно-простодушной верой в неизбежное коммунистическое будущее и умением использовать систему в своих интересах – чтобы она от тебя отстала. Хотя бы на время. Неизбывная компетенция реалистов.

Будучи довольно осмотрительным человеком, отец исхитрился получить последовательно три диплома вечернего университета марксизма-ленинизма (важный инструмент партийного политпросвещения). Функционировало три факультета: общий, партийно-хозяйственного актива и пропагандистский. Вот все три он и окончил. Было бы четыре – окончил бы и четыре, полагаю.

Безотказностью и покладистостью уважения у начальства не заслужил, но присмотреться к себе заставил.

Говоря откровенно, он бы и сам мог там преподавать – да кто ж позволит? Обучение его протекало как-то на удивление дистанционно, как сегодня бы сказали. А вот работы хватало, и он приходил домой уставший, раздражённый, вымотанный. Какая уж тут учёба. Вечерняя форма обучения в его случае оказалась заочной.

Лишь дважды в год (сессии) он возвращался позднее обычного, легкомысленно нахвистывая что-то опереточное. Попахивало от него дорогим коньяком. Был расслаблен и умиротворён. Все предметы он сдавал за один вечер.

Однажды в вечерний университет записали мать. По разнарядке. Отказаться невозможно – она, школьный завуч, стала кандидатом в члены КПСС. Да и учиться матери всегда нравилось.

В первый же вечер, честно отсидев две лекции, вернулась уже в ночи с книжкой «Коммунистическое воспитание подрастающего поколения», купленной в киоске при Доме политпросвещения за – отлично помню! – 1 руб. 10 коп. Синяя книжулька, тонкий переплёт, подрастающее поколение с рисованным оптимизмом смотрит в светлое будущее.

Отец, выйдя из кухни, где готовил ужин, скептически осмотрел покупку. Недовольство отчётливо проступило на лице белыми пятнами. «Мила, а есть ли у тебя рубль?» – спросил он негромко, я бы даже сказал, вкрадливо. Что уже подразумевало подвох как минимум. И ещё вот эта поза – руки, заведённые за спину. Матери следовало бы насторожиться.

Но она оставалась нечувствительна к поведенческим нюансам. Школа выработала в ней умение ледяным вакуумом заглушать истерику внутреннего голоса.

«Есть!» – покладисто откликнулась она, роясь в бежевой сумочке. Вытащила красный кошелек. Нашла бумажку, протянула.

Быстрым, ловким, каким-то обезьяньим движением он выхватил рубль. Разорвал его в клочья. Подбрисил к потолку. Кажется, даже подпрыгнул.

«Смотри, что ты сделала!!!» – истошно завопил он. Испуганное эхо заметалось по углам, несколько раз плащмя стукнулось об оконное стекло, а потом убежало и заперлось в кладовке.

Как и мать, я замер, увидев святотатство. Рубль – большие деньги, мне в день выдавалась сумма в 20 копеек⁴.

Жест оказался предельно унижительным. Мать оторопело смотрела, как песочного цвета клочки дензнака опали на широкие доски крашеного пола.

⁴ Я выше вспоминал, что 20 копеек стоила буханка хлеба.

Пирожок – 4 копейки, сладкий слоёный язычок – 6, столько же – булочка с изюмом, а какао с молоком и пенкой – 2 копейки. Так что 20 копеек представлялись суммой оптимальной – и с точки зрения экономии, и чтобы деньгами не баловать, что считалось вредным.

Покупал я один-два горячих жареных пирожка с повидлом (пирожок большой, но остывая, разом становился морщинистым, съёживался, уменьшаясь в толщине сразу вдвое). Их готовили к перемене. И потому перед поеданием их следовало радикально остудить, иначе гарантирован ожог нёба повидлом. Даже держать через бумажку, немедленно пропитывавшуюся маслом, было невыносимо. Откусишь и перехватываешь другой рукой. И, конечно, выбираясь с только что купленными пирожками из очереди-толпы у прилавка, следовало помнить, что сдавливать пирожки нельзя, иначе будешь в повидле с головы до пят сам и окружающие.

Перемена всего десять минут. Пока спустишься, выступишь очередь, времени поест нет. Так и давишься огненно-горячим. Или ждешь 45 минут, пока урок не закончится. И потом грызёшь остывшее. Кто-то не выдерживал, пытался есть на уроке, и раздавался учительский рык: «Дневник на стол и вон из класса!»

Иногда я брал пирожок с картошкой (настоящее пюре с жареным луком). Если всё сметали к шестому уроку, а голод не тётка, приходилось покупать невыносимо невкусный пирожок с капустой (начинка отвратительно воняла прогорклым маслом). Они всегда оставались.

Совсем не полезная еда, но только она и была.

На плите что-то шкворчало. Отец шумно выдохнул, начал успокаиваться. Ушёл на кухню. Заширкала лопатка по дну сковородки.

Вместе за обеденный стол они сели очень нескоро.

Медаль «За победу над мышами»

Какая-то особая осень была: мыши, оголодав, подьедали всё, что находили на кухнях – капусту, кабачки, хрупали перец.

Неизвестно, существовал ли мышинный король, но войско имелось. Рабочий городок, в котором имелась всего одна улица – Титова, и всего один переулок – тоже Титова, готовился к капитуляции. Легче было уничтожить американцев, чем мышей.

На заводе умели ремонтировать ракеты. Как огромные глубоководные рыбы, они лежали на боку. В подземном цеху их чем-то фаршировали.

До бессмысленной (потому что неподготовленной: военные ширпотреб производить не умели) конверсии оставалось примерно два десятилетия. Однако ушлые работники знали, как заработать. Военный завод неофициально производил уйму полезных в быту вещей – даже дефицитные закаточные машинки для консервирования. Через проходную вохра⁵ беспрепятственно пропускала всю продукцию умельцев.

Слесари, устав от женских визгов в квартире, наладили подпольный сбыт примитивных мышеловок по паре за трояк. Для самозащиты.

Поскольку речь о промышленном дизайне не шла, деревянную основу красили красной краской. Предполагалось, мышинная кровь потечёт рекой, как при казни гильотиной французской аристократии. Красное на красном не очень заметно.

Ракеты, возможно, заводу и удавались. Впрочем, повода «проверить» в то время не находилось. А вот мышеловки – точно не удавались. Или мыши где-то прошли обучение. Приманку и наживку они рассматривали как угощение. Что-то вроде сырной тарелки в ресторане. Вместо уничтожения грызунов происходило их вскармливание. Правда, не деликатесными сырами – копчёным колбасным. Других тогда у нас не было.

Один особо расторопный мелкий мышонок придумал использовать мышеловку для увеселения. Поест-поест, вывернется – и убежит. На громкий бум прибежали мы все. Он ловко установил связь одного с другим. И взялся нас тренировать. «Хлобьсь!» – стучит капкан, и вот мы уже все в сборе. Капкан пуст. А он наблюдает и нас пересчитывает.

Или сядет рядом с мышеловкой под ванной – и давай облизываться и умываться. А мы смотрим. Намеренно злим.

Наглец дважды совершал неспешное дефиле через всю квартиру. Оба раза мать забиралась на стул, рискуя собственной жизнью. Она была, что называется, в теле, а стулья – старые и хлипкие.

Как-то раз отцу удалось застать мерзавца врасплох. Загнал его под массивный шкаф. Опустился рядом на четвереньки – как был в форме, зелёной попой кверху. Свернул газету в кулёк. Придерживая галстук, переломившийся пополам на зажиме, продвинул кулёк вглубь. Громко отдувался, сосредоточенно кряхтел.

⁵ От ВОХР – военизированной охраны.

Любознательный мышонок бегло ознакомился с содержанием советской прессы. Поразился и затих.

Победоносно отец вынес пленённого в «известинском» кульке на улицу – так школьники букеты носят, на вытянутой руке. Оглянулся – боялся, что застукают. И отправил его жить в пожухлую траву возле металлической лестницы с площадкой, на которую утром взбирались жители, чтобы вывалить мусор в кузов самосвала. О мусорных баках городок не ведал.

Военные становятся сентиментальными и великодушными, стоит им только наголову разбить противника. Отец к противнику умел относиться с уважением. «Ты бы ему ещё медаль вручил «За отвагу!» – схибно встретила отца мать, отпирая двери.

Время так быстро стирает важность былых побед.

Медаль «За выживание»

Грамотность может быть всеобщей, а карантин всеобщим – нет. Недостижим. Где-то в Европе, возможно. Или в Латинской Америке – с автоматчиками на джипах, чек-пойнтами на каждом углу. И с лёгкой бронетехникой в фавелах. С комендантским часом и пальбой. Вот там – да. Не у нас.

Когда началась эпидемия ковида, включились полузабытые советские механизмы. Их совсем не учитывают при организации нынешней самоизоляции и введения QR-кодов. Напрасно.

Люди, по которым хотя бы чуть-чуть проехался социализм, себе на уме. У них выработались личные стратегии: государство – в одну сторону, они – в другую. Не от большого ума это происходит, рефлекторно. По себе сужу.

Подход отечественных эпидемиологов «Лучше переболеть, чем недоболеть» тоже родом оттуда. Впрочем, из организованных тотальных карантинных бегали. По легкомыслию, по производственной необходимости или из-за нежелания радикально менять личные планы. Иногда ситуации закручивались совершенно детективным образом.

У отца имелся самодельный железнодорожный ключ проводника. Важный, крайне необходимый предмет. Им можно было открывать тамбурные двери вагонов и, главное, окна. Кондиционеров не существовало, а была система вентиляции. Жуткий ужас, парилка в вагоне летом всегда. Проводника не допросишься. Ему то некогда, то не хочется. Если имеешь ключ, можно открыть любые окна. Тогда на ходу заметно свежее. Лежишь мечтательно на верхней полке, смотришь в окно, а ветер быстро перелистывает страницы книги.

Ключ проводника выглядел так: «трехгранка» на набалдашнике из какого-то ультрапрочного и лёгкого сплава, трубка, как баллонный ключ, согнута под прямым углом – так устроена ручка, а на другом конце – ключ с бородкой. Два ключа в одном, очень удобно в поездке. Мне он казался чрезвычайно важным, жезл власти над обстоятельствами.

Я очень любил ездить в поездах – в плацкарте, в общем вагоне, купейном – не важно. Днём нравилось находиться в купе, а вечером – сидеть в вагонном коридоре на откидном стульчике между окнами. Я устраивался боком и мог побыть один. Наблюдал за людьми: мужчины задумчиво курили или флиртовали со спутницами. Вечером

Автор, вероятно, летом 1969 года. Ещё стесняется очков, которые пришлось надеть по настоянию школьного врача. Фото: руководитель фотокружка клуба рембазы Балашова.

шли в вагон-ресторан, возвращались оттуда ещё больше раскованными и оживлёнными. Огни съезжали змейками по оконному стеклу, ветер рвал занавески, коридор пустел, и тогда стук колёс становился громче. Можно было даже разобрать, о чём стучат колёса.

Два года подряд мы ездили в Евпаторию. Родители сдавали меня в пионерский лагерь министерства обороны «Маяк» (там и впрямь был настоящий действующий маяк), а сами жили в санатории. Я ещё не был пионером, вместо местной униформы (пилотка, белая рубашка с коротким рукавом, галстук пионерский, шорты) носил не пойми что, а на голове матерчатую кепку с пластмассовым козырьком и надписью «Тбилиси». На всех фотографиях пытался пальцами удерживать распахивающийся воротник голубой рубашки. Быть «младшеньким», салагой и «Эй, Тбилиси!» было не очень просто.

Смена в лагере тянулась долго. Мне ещё не было девяти. Можно было умереть с тоски, если бы не сторожевики, маячившие на рейде, да подводная лодка, которая несколько ночей подряд проходила вдоль берега в надводном положении. Ещё на территории пионерлагеря находили полузасыпанные блиндажи и ходы сообщения. Однажды, разравнивая их, на ящике снарядов подорвался мощный бульдозер. Мы сидели в стекляшке-столовой, запивая булочку кефиром, и вдруг бабахнуло мощно, зазвенели стекла и вообще всё посыпалось.

Ещё ходили невнятные слухи про какие-то страшные болезни. Дескать, города закрывают на карантин, все умирают в этих городах. Военные ходят с огнемётами и жгут заразные тела умерших. Чувствительные дети отлично заговаривают «страшилки», обкатывая их множество раз. Не ясно, всегда ли повторяют за взрослыми или творят, имея собственные представления о реальности. Голливудские фильмы об эпидемиях спилбергами подслушаны в пионерских лагерях.

Родители приходили ко мне почти каждый день часов в пять. Приносили фрукты.

Ничего рассказывать им было нельзя. Даже про то, что в лагере вещи тырят и много дерутся – до первой крови. Мать вообще была далека от реалий.

О том, что на Чёрном море в 1970-м свирепствует холера, она не знала. Отец, вероятно, тоже. Фрукты и ягоды мыли тщательно, было видно по влажному пакету, – насколько позволяли осы, немедленно налетающие на людей, едва пакет извлекался из цветастых болоньевых хозяйственных сумок.

Вернулись домой, и отец тут же засобирался в командировку. Нужно было достать и доставить какие-то детали, без которых горел план. Отправился он, кажется, в Капустин Яр – говорили Капъяр.

Он вообще довольно часто уезжал в командировки. Случались они, как правило, в конце месяца. Завод должен был выполнять план. Конец месяца для всего социалистического производства, включая самое-самое, являлся периодом мужественной штурмовщины. Или борьбы за премии. Как посмотреть. Отец всегда был очень мотивирован.

Привозил какие-то дефицитные комплектующие, реле и радиодетали – для ракетных систем. Прямо в обычном чемодане цветом изумрудной зелени, мягкой искусственной кожи. У чемодана было предусмотрено два дополнительных ремня на языках-застёжках и замок-молния по всей длине. Надёжное изделие. Как-то отец спросил меня: «Ты когда-нибудь видел, как выглядят тиристоры?». И показал, вытащив из чемодана маленького светленького «паучка» в шляпке на трёх ножках. Я ещё не знал, что тиристоры в цветомузыке главные, и их не достать. Энтузиасты безжалостно выдёргивали их из поворотников у «камаза».

Отец ездил в форме. Его инженерные «птички» с красной звёздочкой, от которой росли пушистые крылья, заметно отличались от «пропеллеров» и узкоплечих «крылышек» авиации. Реагировали на них странно и задумчиво, пытаясь определить секретный род войск. С 1 января 1970-го радикально поменяли военную форму, мало кто успел разобраться и привыкнуть. Он этим беззастенчиво пользовался. Прокомпостировать билеты при пересадке всегда проблематично даже в воинской кассе (нет мест, и всё!). Отец любил нагнать туману, срабатывало. Записка помощника военного коменданта станции в кассы обычно решала дело.

Итак, он уехал. И вскоре пропал. Позвонить некуда, да и дома телефон отсутствовал. Мать задавала вопросы соседям-офицерам, те равнодушно пожимали плечами: командировка и командировка, мало ли причин. Вообще-то офицер в командировке – тема отдельная. Своих никто никогда не сдавал.

Наконец мы узнали новости. Отец связался с работой, доложил, что застрял на полустанке где-то между Волгоградом и Астраханью. Нам пересказали исключительно то, что полагалось знать из его сообщения: жив-здоров, когда будет – неизвестно, ждите. Находится в обсервации. Где, где? Ну, в карантине.

И тут он вдруг появляется через дня три-четыре после звонка, грязный, весёлый и злой как чёрт. Вместе с подробностями счастливого освобождения. В лицах рассказывал о произошедшем.

Когда поезд встал надолго ночью, а утром никуда не поехал, решили – какая-то авария впереди. Пути ремонтируют. Ещё говорили: мост рухнул. К вечеру, когда вагон

перестали открывать даже для курения, стало понятно, что заточение надолго. Появившиеся солдаты оцепления вооружены были автоматами с примкнутыми штык-ножами. Ходили вдоль состава, менялись – как положено в карауле – каждые два часа.

Еда в вагоне-ресторане стала заканчиваться к концу первых суток. Ее разносили в судках. Помыть кружку было нечем. Чистую воду привозили всё реже и реже. Заливали в титан. Обещали доставлять питание на дизеле-развозке. Жара, вонь и грязь. Дети орут, проводники появляются на полчаса и сразу свирепеют. «Холера – болезнь грязных рук», – уверял санпросвет. Если не заболел до карантина, заболеешь в карантине. Руки мыть нечем.

На вторые сутки, едва стемнело, проводница стала отпускать в степь по одному – подышать и присесть где-нибудь, не отсвечивая. Семьи и вещи оставались в заложниках.

Познакомился отец в вагоне с капитаном, военным строителем. Оказалось, тот тоже служит в Балашове, в стройбате. И живёт с семьёй в одном с нами городке – в новых панельных домах на месте старого стадиона. Удивительное совпадение.

Наутро кое-как уговорили солдатика внутренних войск (буквы ВВ на малиновом погоне) с автоматом, стоявшего у вагона, проводить к дежурному по полустанку. Оттуда с большим трудом по радиорелейке вышли на усилительные пункты и узлы связи. Пробились к оперативному дежурному по рембазе. Потом очень долго пытались выйти на коммутатор дальней связи военных строителей. Всё, как в армии – стройбат дислоцировался в десяти минутах ходьбы от рембазы, да кто ж туда пойдёт?

Дозвонились. Капитан приказал отправить к поезду его служебный «уазик». Ещё через двое суток «уазик», плутая в степи, добрался, наконец, до полустанка. Водитель с чёрными погонами объяснялся через открытое окно, его отгоняли, он знаками объяснял, где будет ждать.

При помощи отцовского ключа, дождавшись ночи, вскрыли вагонную дверь.

«Не будет же солдатик в своих стрелять?» – нерешительно спросил капитан, когда они оба изготовились. «А эти, значит, не свои?» – нервно хохотнул отец и сиганул с откидной площадки на насыпь. Принял вещи, оглянулся.

Солдат оказался шустрым и понятливым. Стоя метрах в четырёхстах от места высадки беглецов, всё просёк. Но демонстративно отвернулся и засунул руки в карманы. За спиной небрежно болтался автомат. Действительно, не стрелять же в двух офицеров в форме.

Дверь тихо прикрыли за собой, провернув ключ. Соседей-узников вагона офицеры боялись больше караульных – вагон мог разбежаться и увязаться следом. Пролезли под вагонами грузового состава, стоявшего на соседнем пути. Их не застукали.

Гнали без остановки, подменяя водителя, будто удирали от погони. Так и сбежали.

Тем временем у нас в соседнем военном городке у комендантского пруда (большой пожарный водоём, в котором ловили мелких серебристых рыбок-синьгушек, они же уклейки), выставили охрану – курсантов с карабинами. Карабины были заряжены, но стрелять полагалось в воздух, – охотно объясняли курсанты. К пруду никого не подпускали. У почтового пруда возле элеваторов наблюдалось то же самое.

По Хопру туда-сюда сновал милицейский катер с цветами милицейского «бобика» – канаречного с синим. Отчётливо читалась надпись «Милиция». На носу катера сто-

ял ручной пулемёт. Видел лично. На корме сидел светло-русый милиционер в белой рубашке с расстёгнутым воротом и с галстуком, съехавшим набок. Фуражка у него была тоже с белым верхом, еле-еле держалась на затылке. Иногда он её придерживал рукой, чтобы не снесло ветром в воду. Мы таких фуражек раньше не видели. Милиция на транспорте, наверное.

Милиционер бубнил в громкоговоритель как заведённый, с одной и той же интонацией – по кругу, как заевшая пластинка: «Граждане, оставайтесь на берегу, купаться запрещено, отойдите от воды. Граждане, оставайтесь на берегу! Купаться запрещено!»

Собралась большая толпа, все разглядывали катер – целое событие! Люди не то чтобы боялись, но отступали от воды неохотно.

Неимоверную вонь распространяли коллективные уборные: дезинфекционные бригады засыпали округу хлоркой. От автовокзала несло метров за сто. Даже из городского парка, в котором расставлены были гипсовые олени и Ленин, тянуло не прохладой, а хлоркой.

Ходили невнятные слухи: умерло два человека. Оба заразились в Астрахани. Я ехидничал: отец, не про ваш ли состав рассказывают? Презирал я панические слухи. Напрасно.

Подрос и решил: важную функцию слухи исполняли, повышали готовность. Когда мы наслаждались морем и виноградом в Евпатории, холера прошла по Крыму (на карантин посадили Ялту и Керчь), зацепила юг Украины (Одессу закрыли), собрала дань на Черноморском побережье Кавказа, быстро подчинила себе Астрахань, по Волге поднялась до Волгограда, Саратова, Куйбышева. Умирало примерно по десятку человек в каждом регионе.

Говорили о многих десятках тысяч человек, запертых в поездах, стоящих на запасных путях крупных железнодорожных станций. По тысяче человек удерживали и на круизных теплоходах, пришвартованных у причала, экипажам запрещалось сходить на берег. Заполнялись спортзалы школ, техникумов. Набивались под завязку пансионаты, окружённые бойцами внутренних войск, – все отдыхающие оказались «под наблюдением». Уверяли, есть приказ: стрелять на поражение. А ещё пугали, можно получить по суду исправительные работы, «химию», если попытаться сбежать.

Система была неповоротливой, нелогичной, изрядно бюрократически бестолковой, издевательской в отношении личности, обходить её было несложно, но она справлялась. И справилась.

Когда 1 сентября мы пришли в школу, наш санитар Таня Харина, избранная классом единогласно, раскидав по спине косички и выдвинув вперёд левое плечо с повязкой («красный крест» на белом фоне), чтобы её полномочия не подвергались сомнениям, встала у дверей класса. Принципиальная и несговорчивая, она проверяла чистоту рук.

Появились новенькие санпросветплакаты на стенах в коридоре, особенно много – у школьного кабинета и у раковин для мытья рук перед столовой. Теперь о холере мы знали всё.

Холерная эпопея откликнулась через пару месяцев. Как-то раз отец, что-то делая по дому, треснул молотком себе по пальцу. Рывкнул: «Холера тебя задержит!». И засмеялся. ■

Мир

изобразительное искусство

критик

Николай КОНОНОВ

📍 Санкт-Петербург, Россия

Фото: из личного архива автора

В Саратове:

родился в семье военнослужащего весной 1958-го, долгое время воспитывался бабушкой и дедушкой, агностиками, окончил физфак Саратовского университета в 1980-м.

Через два года переехал в Ленинград в аспирантуру философского факультета ЛГУ (философские вопросы естествознания).

Преподавал математику в школе.

Католик.

Как поэт дебютировал в 1981-м. В начале 1980-х входил в компанию саратовских и волгоградских поэтов «Кокон» (Б. Борухов, С. Кекова, С. Надеев, А. Пчелинцев).

В 1992–1993-м главный редактор ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Основатель (вместе с прозаиком Александром Покровским) издательства «ИНАПРЕСС» (1993), специализирующегося на интеллектуальной литературе.

Стипендиат Пушкинской премии фонда Альфреда Тёпфера.

Лауреат малой премии имени Аполлона Григорьева за роман «Похороны кузнечика» (2000), премий Андрея Белого за книгу стихов «Пилот» (2009), Юрия Казакова за рассказ «Аметисты» (2011). Входил в шорт-листы премий: Андрея Белого (дважды), Букеровской премии, премии «Антибукер», имени Юрия Казакова, «НОС» (дважды), Александра Пятигорского.

В Балтийском университете им. Э. Канта дважды проводились Кононовские чтения. Вот совсем крышесносная ссылка на труды достойнейших писателей, филологов:

К преизбыточному. Кононовские чтения: исследования, статьи, эссе, диалоги. — СПб.: Алетейя, 2018. — 788 с. убористого текста.

В 2021–2022-м издательство «Пальмира» выпустило собрание из 12 книг его прозы, поэзии и арт-критики.

Автор 1-го номера «Тайных троп».

художник

Арсений БЛИНОВ

📍 Санкт-Петербург, Россия

Родился в Ленинграде, в 1972-м. Художественное образование получил в Академии им. В. И. Мухомовой (1993–1997). Член Союза дизайнеров России (с 1997). Участник международного фестиваля «Каннские Львы» (Канны, Франция, 1999). Арт-директор журнала «Time Out Петербург» (2003–2007); арт-директор издательского дома «Коммерсантъ в Санкт-Петербурге» (с 2008). Участник художественных выставок (с 2010). Участник Cosmoscow (2019).

Работы находятся в коллекциях: «Новый музей», СПб. «Музей современного искусства «Арт-Муза», СПб, в частных коллекциях России и за рубежом.

Избранные выставки:

- 2010 – «Азийский дом», персональная, «Музей А. Ахматовой в Фонтанном Доме», СПб.
- 2012 – «Элементарное», персональная, «Этажи», СПб.
- 2014 – «Арт слой», международный фестиваль, Волгоград.
- 2015 – «Цветение дев», персональная, «Артмуза», СПб.
- 2015 – «Большие замыслы», персональная, Welcome, Пассаж, СПб.
- 2015 – «Актуальное рисование 2», коллективная, Vulthaupt, СПб.
- 2016 – «О телесности», персональная, «Невский 8 Art Center/Ginza Project», СПб.
- 2016 – «Образцы удачных проб воздуха с уникальным составом», персональная, Z-Gallery, СПб.
- 2018 – Eidolon, синтетический проект с пианистом Глебом Колядиным, «Новая сцена Александринского театра», СПб.
- 2018–2019 – «Между пространствами графики», персональная, Vulthaupt, СПб.
- 2019 – Cosmoscow, Международная ярмарка современного искусства, Москва.
- 2019 – «Энтропия», персональная, InGallery, Москва.
- 2019 – Escape, коллективная, Cube.Moscow, Москва.
- 2019 – Entropie, совместная с Vera Inkai, Leine Art Galerie, Ганновер.
- 2021 – «Иероглиф столкновения», персональная, Space-u, Москва.
- 2021 – «Расчленёнка», перформанс, персональная, «Место иступления», СПб.
- 2022 – Art Russian Design Fest, Москва.
- 2022 – «Гимны», персональная, «Новый музей», СПб.

Трёхчастные гимны

Пean

Художник решает неразрешимую задачу – как на двумерном пространстве холста изобразить характер движения, пребывающего в каждый момент времени в хаосе становления и разрешения. Столкновение тел либо оборвётся напряжённым победным броском, либо сдачей позиций до полного ослабления с замиранием и демонстративной слабостью. Равенство сил борцов, трактуемое художником, чревато в каждый миг сдачей неожиданному победителю.

Обычно в изобразительном искусстве борьба предстаёт чередой арабесков, совершенных и легко читаемых. У Арсения Блинова совсем другой взгляд на сокрушение равновесия силачей. Он, оказывается, и показывает нам, что происходит «внутри» напряжения. В эпицентре. Это своеобразная кардиограмма взрыва, хаос, требующий невероятной точности изложения. И не зря – доминантный колорит его холстов чёрно-белый, потому что прочие пигменты оказываются утеснёнными характером динамической задачи, которую он решает на языке рассеянности и напряжений. В этом есть достоверная правда. Чёрно-белая. Словно выписанный кистью каллиграфа иероглиф, имеющий смысл и звук и совершенно не нуждающийся в «подкрашивании».

Поэтому борцы предстают перед нами будто бы в виде иероглифического письма, зримые, они обладают глубокой драматургией, то есть наделены протяжённой динамикой, но одновременно и не теряют свойств завершённого арабеска, присущего человеческому телу. Из-за этого «конфликта» *протяжённого* (всё время развертываемого экспрессивного рисунка) и *конечного* (устойчивого свечения пятен и границ) зритель словно втянут в задачу понимания художественного языка холстов. Художнику удаётся создавать всякий раз произведение, в которое приходится помимо нашего желания вглядываться, разрешать, как геометрическую задачу, чьё разрешение может придти только как «осенение», чудесное понимание.

Дифирамб

Эта серия, исполненная сияющего цвета, непосредственной прелести узнавания-припоминания, написана расплывающимися расфокусированными полноцветными пятнами, словно через искреннюю слезу, будто ты снова вошёл в «высокий» знаменитый музей, где собраны только шедевры. Лексика художника неспешная, будто он перемещается от одной классической картины к другой, сообразно любовному темпу взглядывания, когда от узнавания, восторга и трепета начинает слезить в глазах.

Что только не делали с непревзойдённой классикой в новое время – цитировали, отменяли, тиражировали, пикселизировали, подвергали аналитическим процедурам, всячески глумились, простодушно или изощрённо. Но вот вариант нового постижения классических образчиков путём мерного шествия мимо в ошеломлении и согласии созерцания нам вряд ли встречался.

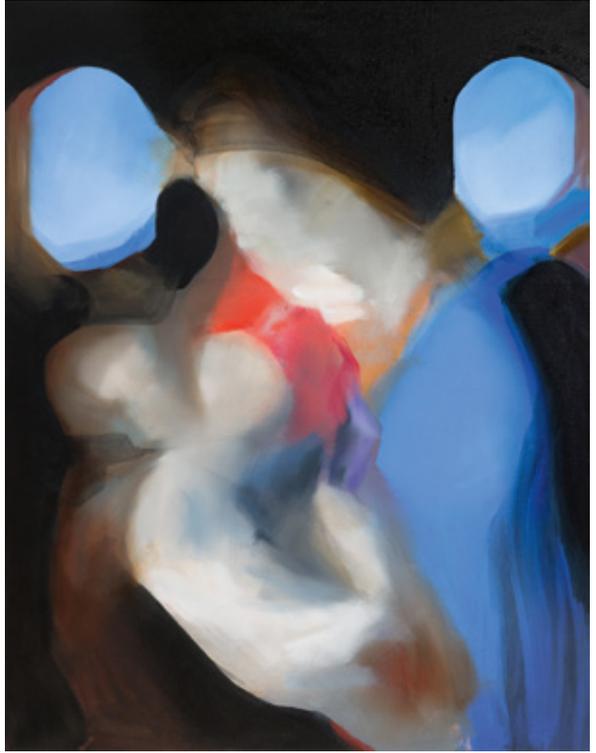
Перед картинами этой серии всё время хочется прищуриться или протереть глаза. Приём, используемый живописцем, поначалу кажется утончённой манипуляцией, так как расфокусировка, блер вызывает буквально физиологическое ощущение невоплощённых слёз. Мы начинаем щуриться, но слёзы почему-то не выступают, оставляя недоумённое чувство и открывая в нашей зрительной памяти лагуну, чем-то памятным заполненную. От этого чувства буквально не отмахнуться. Это как мука позабытого среди разговора слова, которое необходимо обязательно припомнить, так как без него, единственно точного, вся речь делается бессвязной и необъяснимой.

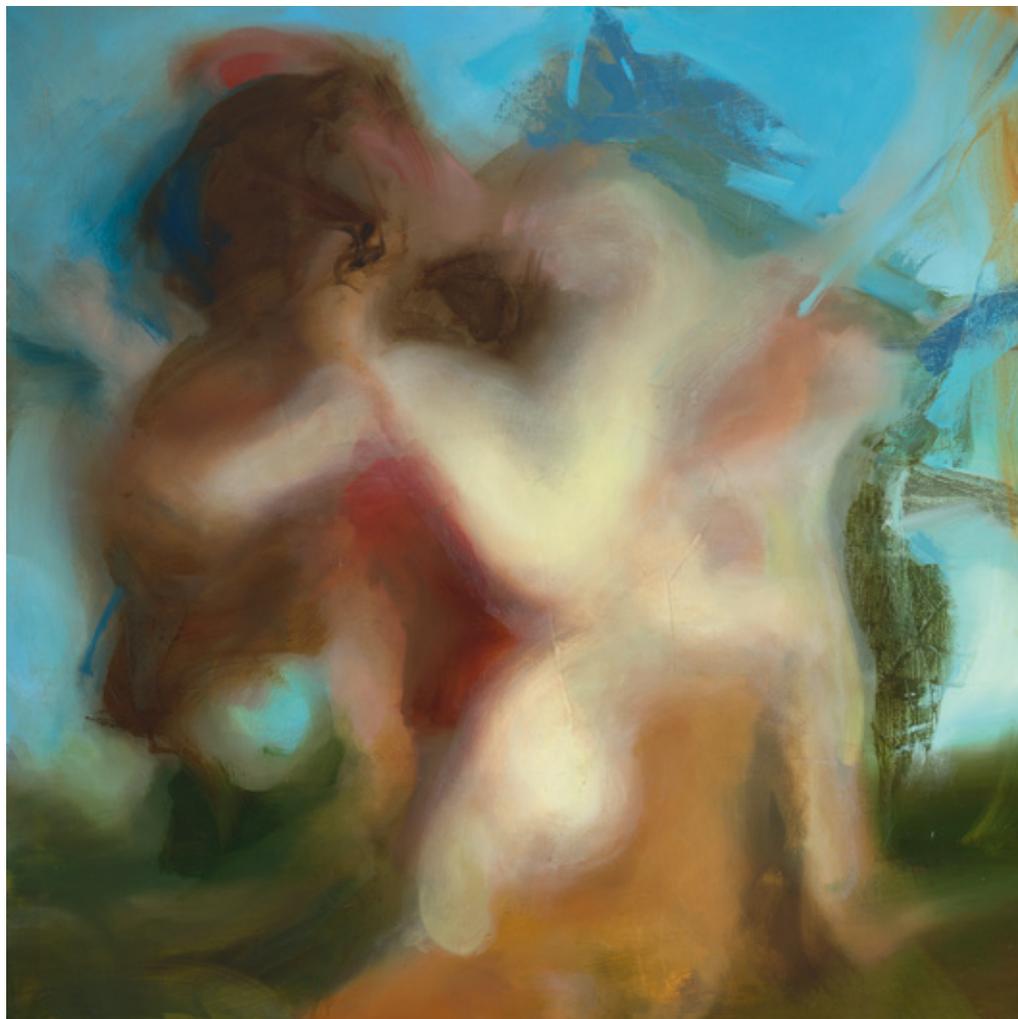
Будто бы художник каким-то непостижимым образом, невидимо (как ни странно для живописи маслом), отчётливо изображает переживание зрителя, которое воплотить в видимый образ вообще-то невозможно. Это состояние человека, созерцающего великую живопись, именуется *восторгом*.

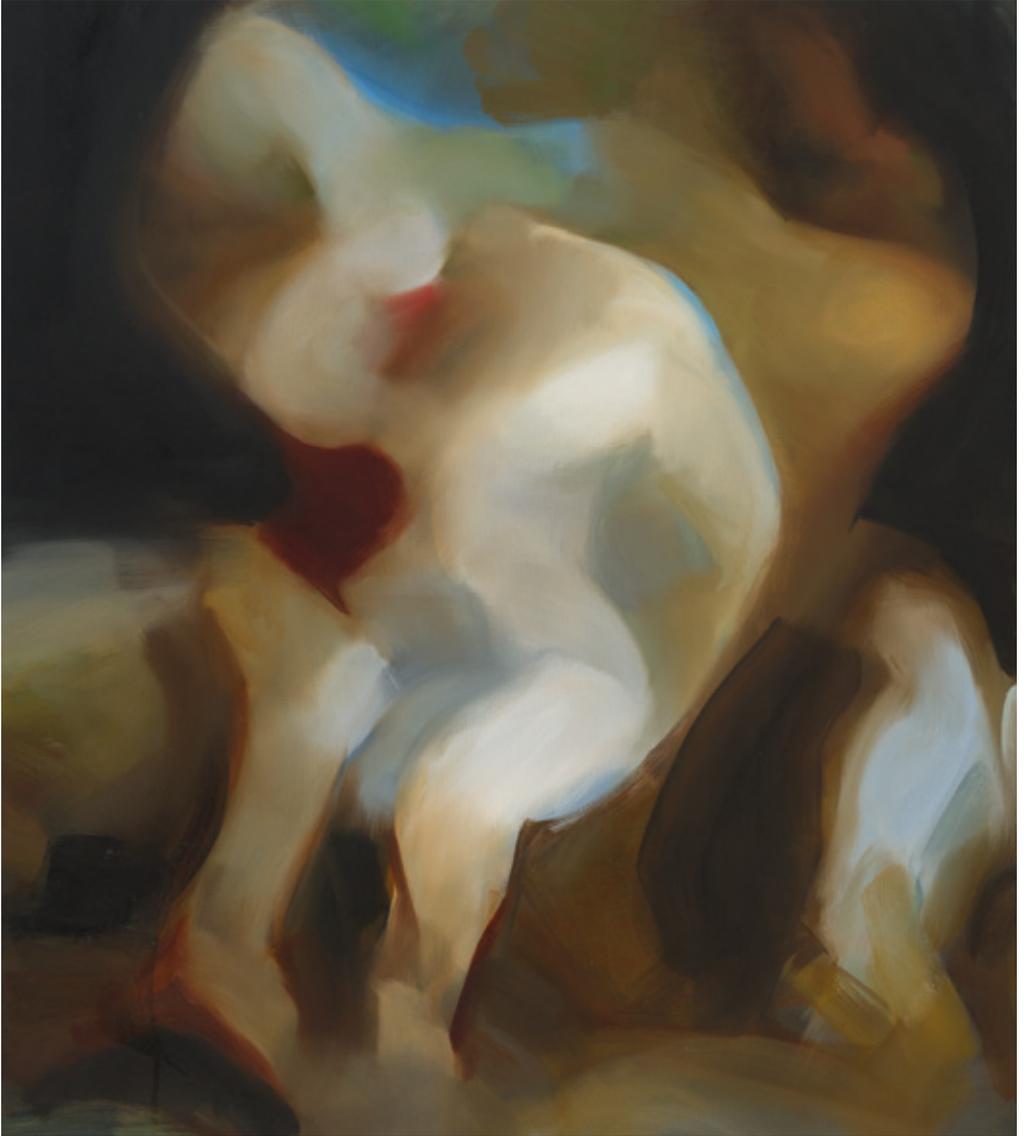
Недаром в сакральных изображениях святость некоторых персонажей обозначалась зыбкой светящейся рябью, округлым ореолом-орбитой, эмануруемой ими самими. И это свечение нимбов готовило нас к волшебному преобразению всего зрелища в абсолютное сияние, ещё недоступное нам, профанам. Будто предупреждало, что, невзирая на тленный посюсторонний мир, где мы незavidно пребываем, есть абсолютное всеобщее пронизывающее всё и вся сияние.

Вот и в этой серии путём расфокусировок и наложений, буквально теряя сюжеты и смыслы классических изображений, художник непостижимым образом сепарирует эссенцию невидимого, но очевидного, бывшего сутью изображения. Это таким образом он вменяет нам сияние, главенствовавшее в каждой картине, подвергнутой такой манипуляции.

Ведь, когда отступишь на шаг от изображения, непостижимым образом становится пронзительно ясно – что же он показал нам таким глубинным искренним размывом. Какое позабытое слово припомнили и мы вместе с ним.

Просодия

Художники редко решаются живописать самих себя обнажёнными, ведь это связано не только с самосозерцанием, а с опасностью не физического, а более глубокого разоблачения в прямом и переносном смысле. Ведь оказывается, что кроме тела и его внутренней жизни перед художником, пишущим себя самого, ничего больше нет. Это мир без опор, всё специально привнесённое, возвышающее или усложняющее, оказывается разоблачительно заметно. Именно поэтому это такой редкий жанр.

Но Арсений Блинов решился предстать перед зрителем самим собою без прикрас. Ему пришлось пускаться на розыски внутреннего метафизического цвета, не имеющего отношения к привычной палитре, потому что кроме замершего тела больше никаких инструментов у него не было.

Картина с обнажённым человеком будто бы писала сама себя посредством себя. И модель, и линии, и цвет воплощались в единое достояние, чей подсчёт ещё только предстоит. Не вообще предстоит когда-то, а каждую минуту, пока пишется и созерцается эта безоглядная картина. Такой вот неумолимый уробор, превращающий живописное письмо в драму самопостижения, не имеющую развязки. Быть наказанным за постижение собственной истины и ещё самим собою. Но вины нет, как нет и обольщения собой, находящимся тут каждый момент письма. Это переусложнённая, когда начинаешь думать об этом, задача. Нельзя быть в самоописании виртуозом, но, когда открывается некая личная истина существования, об этом внеположном умении и вспомнить невозможно.

Художник ставит перед собой посредством себя самого задачу, разрешаемую им самим же.

Именно в неразрешимости её, по меньшей мере, в туманной возможности решения и состоит манкость этих изображений обнажённого человека. Так случается в науке – задача поставлена, она как бы осенена множеством условий, но возможность её разрешения туманна. К ней будут многие пытливые умы обращаться в надежде на то, что именно их и осенит. И главное в этой нерешённой ещё задаче – магнетизм постижения, магия внятного подтекста. Как в этих картинах. Они имеют силу, так как обладают очевидной гравитацией таланта и искренности.

Журнал ТТ (Тайные тропы)
№ 1 (3)

ISSN 2958-499X

Учредитель и издатель
Барух-Александр Плохотенко

Главный редактор
Барух-Александр Плохотенко

Редакция
Владимир Горбачёв
Борис Борухов

контакты
secrettropes.com
secrettropes@gmail.com

Никакая часть данного издания
не может быть воспроизведена
без разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности
за выраженные в материалах
позиции авторов

© ТТ. Все права защищены

В оформлении обложки использована картина Арсения Блинова
«Портрет старика в красном». 2022. Х., м. 33 x 23

ISSN 2958-499X

9 772958 499007